ЗВЕЗДЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЦИ ЮЭ

ЗВЁЗДЫ

18+

ЛАУРЕАТ «ТУМАННОСТИ»,
ГЛАВНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ КИТАЯ
В ОБЛАСТИ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Звёзды
Ци Юэ

Аннотация
Ци Юэ. Звезды
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава нулевая
Послесловие

Аннотация

Недалекое будущее. Управляемый термоядерный синтез подарил человечеству дешевую энергию, прорыв в генетике позволил создавать новых, усовершенствованных людей. В этом безмятежном мире происходит нечто чудовищное: два научных центра в Китае и Европе исчезают без следа, их словно стирают с лица земли. В ходе расследования правительственные агенты понимают, что ни с чем подобным они никогда в жизни не сталкивались, и противник превосходит их как интеллектуально, так и технически. А потом выясняют, что к делу каким-то образом относится невероятное открытие: скорость света больше не постоянна, она начала увеличиваться. За несколько лет до этого астроном Ван Хайчэн в ходе рутинной работы на телескопе FAST ловит несколько необычных сигналов. Два из них свидетельствуют о существовании во Вселенной двух облаков Дайсона, искусственных сфер, окутывающих целые звездные системы. А третий несет в себе закодированную информацию. И она

необратимо изменит судьбу не только Ван Хайчэна, но и всего человечества.

Ци Юэ
Звезды

Глава первая

Ранней весной в Сычуани всегда моросит дождь. Всего-то начало марта на дворе — а сычуаньская котловина уже дышит сыростью. На рассвете нежная листва на едва проснувшихся деревьях пропитана влажным молочным туманом.

Чуть меньше пятидесяти километров к югу от Чэнду расположен городок под названием Цзянкоу. Он совсем маленький, и градообразующая в нем всего одна улица длиной в два-три километра, при этом само поселение лежит в руинах, которые никто не пытался реанимировать с конца семидесятых годов прошлого века. Улицы застроены хибарами, возведенными почти сто лет назад из деревянных балок и глинобитных кирпичей, и многолетнее небрежение ремонтом привело к тому, что половина этих балок и кирпичей покосилась и разъехалась во все стороны.

В начале девятого земли царства Шу[1] все еще кутались в утреннюю дымку, а потому всем

---

[1] Сноски: 1

Шу — одно из трех царств Эпохи Троецарствия Китая, существовавшее в 221–263 годах. В его территорию входила нынешняя провинция Сычуань (*здесь и далее прим. пер.*)

автомобилям на дороге пришлось включить противотуманные фары и ехать медленно и осторожно. Вереница огней уходила далеко-далеко в сумерки. На узкой двухполосной дороге в Цзянкоу скопилось немало машин — разбитое покрытие и без того требовало ремонта, а тут еще и туманом укрылось. Приходилось ехать в час по чайной ложке, и любое неосторожное движение вызывало продолжительный и нестройный хор гудков и забубенной брани водителей.

Большинство этих машин были здесь проездом, основную их часть составляли тяжеловесные грузовики. Они сворачивали на изломанную сельскую дорогу, такую как в Цзянкоу, чтобы не платить за проезд по главной трассе. В туман и сырость из-за грузовиков всегда повышается аварийный риск, так что немногочисленным зажатым между ними легковушкам немного не по себе. Патруль особого назначения Цзянкоу временно взял на себя труд регулировать движение, громкими криками с обочины разводя автомобили влево и вправо, во избежание всяких происшествий.

В это время из-за угла донеслись звуки ожесточенной ссоры, заслышав которые, специальный дорожный агент Лао Ли занервничал: точно

кто-то кому-то машину поцарапал. А если одна из двух полос окажется перекрыта, движение встанет намертво. Лао Ли быстро зашагал вперед — узнать, что происходит.

Посреди дороги стоял черный легковой автомобиль, который пытался протиснуться в щель между машинами — кажется, он выезжал с внутренней стороны дороги и искал лазейку, чтобы влиться в поток. Тяжелый грузовик прямо позади легковушки и без того еле-еле плелся, а потому его водитель, осатанев, начал выжимать из клаксона возмущенный рев. Машина его проигнорировала, но он не посмел врезаться в нарушителя, поэтому опустил стекло и грубо высказался от всей сычуаньской души:

— Тыквоголовая ты водилка, куда тебя несет, раздавят же!

Обруганная женщина за рулем легковушки не ответила, но упрямо продолжила протискиваться внутрь, на что грузовик заревел еще громче. Лао Ли велел ему умолкнуть и пошел задать пару вопросов, и в результате выяснил, что водительница хочет остановиться в городке. Ну и где найти парковку на этой ветхой деревенской дороге, полной старых деревянных домов, стоящих к движению фасадом? Лао Ли жестами

помог машине проехать вперед и остановиться на земляном откосе, после чего движение наконец возобновилось.

Автомобиль остановился на склоне. Девушка открыла дверь и, прежде чем ее ноги коснулись земли, бросилась благодарить Лао Ли:

— Мне очень неловко, не думала, что сегодня будет такая пробка.

У нее был легкий акцент, цзянсуский или чжэцзянский, и, хотя Ли уже миновал возраст, когда женские чары действуют безотказно, ее нежный голос все же заставил его вздрогнуть. Вышедшей из машины девушке было около двадцати пяти лет, и узкое черное платье делало ее фигуру ростом метр семьдесят еще выше и стройней. Холод ранней весны не помешал ей легко одеться и продемонстрировать все свои изысканные изгибы.

Лао Ли осмотрел ее с головы до ног и ощутил укол подозрения. Незнакомка явно была не местной, с этими ее чарующими глазами и одеждой по откровенно кусачей цене, — что при обычных обстоятельствах могло занести такую сюда, в этот полуразрушенный и полузаброшенный городок, где даже приличной дороги нет?

Уж не потому ли, что Лао Ли и его группа особого назначения слишком надолго здесь за-

держались?

Надо сказать, что Цзянкоу — городишко хоть и крошечный, зато древний. Относится он к району Пэншань округа Мэйшань провинции Сычуань. Пэншань считается вотчиной Пэн Цзу. Если верить многочисленным классикам доциньской эпохи[2], Пэн Цзу по фамилии Цзянь и по имени Кэн был третьим сыном Лучжуна, праправнука императора Чжуань-сюя[3], и прожил целых восемьсот лет. И такая продолжительная жизнь, естественно, дала повод назвать его почетным долгожителем пятитысячелетнего Китая.

Хотя теорию о Пэн Цзу нельзя считать исторической, у городка Цзянкоу есть и другие козыри. В этом месте встречаются два притока участка реки Янцзы, который называется Миньцзян, — Фухэ и Наньхэ, отсюда и пошло название города[4]. На набережной, в месте, где сливаются река и притоки,

---

[2] Сноски: 2

Доциньская эпоха — периоды Чуньцю и Чжаньго, до 221 г. до н. э.

[3] Сноски: 3

Чжуань-сюй — один из легендарных пяти императоров Древнего Китая.

[4] Сноски: 4

Цзянкоу — дословно «Перекресток рек».

находится целое скопище висячих гробов[5]. Первые гробы заложили еще во времена династии Восточная Хань[6], в общей сложности там всего семьдесят девять гробниц, и как их туда вкопали — неизвестно. Еще до основания Нового Китая[7] про гробницы Цзянкоу много писали и китайские, и зарубежные археологи. А в 1972 году здесь нашли дерево из монеток весом в пять чжу[8] времен династии Хань[9]. Это денежное дерево было признано национальной культурной реликвией класса А и стало символом вершины ханьского художественного мастерства, а еще его вписали в учебники истории в рамках общеобязательного образования. Здравый смысл подсказывает, что этот древний городок уже давно должны были наводнить туристы, но, возможно, местные

---

[5] Сноски: 5

Висячие гробы — погребальные сооружения в виде гробов, размещаются на срезе скал высоко над землей.

[6] Сноски: 6

Династия Восточная Хань (25—220 гг.).

[7] Сноски: 7

Новый Китай — Китайская Народная Республика, образованная в 1949 г.

[8] Сноски: 8

Монета [весом] *в пять чжу* — металлические деньги, чеканившиеся в 118 г. до н. э. — 618 г. н. э.

[9] Сноски: 9

Династия Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.).

власти слишком плохо справляются со своими обязанностями. Вот, к примеру, древний город Хуанлун неподалеку уже давно стал известным ландшафтным памятником класса 4А, а про Цзянкоу почти никто не знает.

В начале XXI века в городе, упустившем первую возможность для развития туризма, произошел очередной инцидент. В 2016 году Государственный комитет по охране культурного наследия раскрыл дело «2014.5.1» о хищении и перепродаже культурных реликвий в особо крупных размерах, в котором насчитали почти сто предметов на сумму более трехсот миллионов — и все со дна местной реки. При этом, по словам скупщиков антиквариата, это была лишь верхушка айсберга.

Эти реликвии не имели ничего общего с висячими гробами, зато оказались наследием Чжан Сяньчжуна[10] времен поздней династии Мин[11]. По легенде, когда войска Чжан Сяньчжуна были побеждены, золото, серебро и прочие сокровища,

---

[10] Сноски: 10

Чжан Сяньчжун (1606–1647) — один из руководителей Крестьянской войны 1628–1645 гг. в Китае.

[11] Сноски: 11

Династия Мин — последняя этнически китайская династия, 1368–1644 гг.

которые он награбил, никак не получалось увезти из Сычуани, и поэтому флот, перевозивший все это добро, пришлось похоронить на дне реки про запас. Чтобы не забыть, куда вернуться, когда для него вновь взойдет солнце, Чжан Сяньчжун оставил в Чэньине[12], на месте затопления, каменные изваяния дракона и тигра. С тех пор в Сычуани завелась народная песня «Дракон и тигр не спят, за золотом глядят, кто знает, где искать, пойдет Чэнду[13] скупать».

Лишь после того, как дело о хищениях и раскопках культурных реликвий раскрыли, пребывавшие в неведении горожане заново соотнесли дракона и тигра из песенки с хорошо знакомыми каменными изваяниями на берегах реки. Какое-то время городок гудел, и многие вдруг поняли, почему земснаряды стояли посреди реки круглый год, но при этом никто не продавал песок. Еще какое-то время все ждали реновации ради туристических построек и дни напролет купались в мечтах о том, как внезапно разбогатеют и будут целыми днями играть в мацзян, а вот работать

---

[12] Сноски: 12

Чэньинь — участок реки Миньцзян, на которой стоит Цзянкоу, дословно переводится как «Затопленное серебро».

[13] Сноски: 13

Чэнду — город субпровинциального значения в провинции Сычуань.

не будут.

В ответ на древнее изречение «Сделанного человеком не переделаешь» правительство вроде бы окончательно решило все снести и восстановить древний город, превратив его в центр культурного туризма. Когда все еще мечтавшие местные прознали о новости, то немедленно задрали цены до небес, и, на удивление, за несколько лет ни одна семья так и не договорилась о переезде.

Рассерженное правительство перенесло музей в Линьцзян — на том основании, что место раскопок все равно находилось в русле Янцзы, и сохранять его там было бы неудобно. И Цзянкоу в мгновение ока вновь превратился во всеми забытую старую улицу. Сейчас туристическое хозяйство Чэнду полностью обошло его стороной; жители с сожалением осознали, что дома их не стоят и гроша, и древний городок продолжил разваливаться дальше.

Случилось это много лет назад, и теперь на тесных улицах этого местечка вдоль реки уже никто не живет, остались лишь оштукатуренные деревянные домишки, всем своим видом настоятельно требующие ремонта. Тем не менее под берегом есть несколько километров отмели, это и есть археологический заповедник на участке

затопленных сокровищ Чжан Сяньчжуна. Хорошо оснащенная секретная служба должна была охранять место археологических раскопок, чтобы предотвратить очередную кражу и воровской выгреб сокровищ, зарытых в песок речного русла.

На старой улице больше никто не жил, поэтому, естественно, и гостей приезжало немного. Пару лет назад на горе Пэнцзушань втихаря поселились несколько торговцев антиквариатом из Чэнду, они убеждали всех, что у этой горы светлая аура, но потом половину из них повязали на краже и перепродаже культурных реликвий в особо крупных размерах в рамках дела «2014.5.1». Против оставшейся половины железных доказательств не нашли, и они в итоге куда-то переехали. За последней, совсем мизерной, частью поселенцев строго наблюдал Государственный комитет по охране культурного наследия.

Хотя красотка с южным акцентом была молода и не похожа на обычного торговца антиквариатом, в последнее время, с появлением фильмов о расхитителях гробниц и коллекционировании древностей, индустрия любителей старины стремительно молодела.

— Пожалуйста, покажите ваше удостоверение

личности. — Лао Ли вскинул руку, останавливая ее.

От этого заявления девушка на мгновение опешила, но затем с озорным видом высунула язычок и достала из кармана сумочки бумажник со словами:

— Я к родственникам приехала, зачем вам мои документы?

Лао Ли взял удостоверение личности, которое она протянула, и изучил. Девушку звали Юнь Шань, удостоверение выдали в Сычуани, но идентификационный номер начинался с «35», это указывало на то, что она родилась в провинции Фуцзянь. Хотя контрабанда антиквариата процветала по всей стране, ее славная история в Фуцзяни насчитывала сотни лет, при этом славна была прямо-таки выдающимися талантами.

— Вы-то сами из Фуцзяни, а ваши родственники здесь что, местные? — спросил Лао Ли. — В Шанцзянкоу живут? — и махнул рукой в сторону горы Пэнцзушань.

Девушка по имени Юнь Шань поспешно ответила:

— Да-да, в Шанцзянкоу. — Она также указала на гору и объяснила: — Это моего мужа родственники.

Шанцзянкоу и Сяцзянкоу назывались верхняя и нижняя части городка Цзянкоу, который тянулся вдоль реки. Место, где река Фухэ встречается с южным руслом, называлось Сяцзянкоу, а верхнее течение Фухэ — Шанцзянкоу. Это были местные названия, которые ни в какие реестры не входили, а Пэнцзушань местные вовсе называли Сяннюйшань — гора Небожительницы. То, что Юнь Шань указала на гору Небожительницы и назвала ее Шанцзянкоу, было полной чепухой. Лао Ли тайком нажал на коммуникатор, висевший у него на поясе, и вызвал поддержку, намереваясь доставить женщину в полицейский участок для более детальной проверки. Пусть она и не занималась перепродажей антиквариата, он беспокоился, что она тут явно по каким-то нехорошим делам.

Хотя девушка и выглядела субтильной, Лао Ли не мог проигнорировать тот факт, что ее фигурка и мордашка были практически на волоске от совершенства, может, над ее генами вообще кто поколдовал. Сам Лао Ли, хоть и нищеброд особого назначения, выглядел как здоровенный кабанчик, новым людям не соперник. Когда ему доводилось сходиться с ними в учебной схватке, они не то что силой — одной только координа-

цией мышц и реакцией оставляли его нервно курить в сторонке.

Под тонкой тканью одежды мышц девушки было не разглядеть, не походило, чтобы она когда-либо тренировалась. Но Лао Ли особо и не разумел в биотехнологиях, новые люди для него были сродни какому-то колдовству — будучи выше на голову, он не смел попросить ее пройти с ним проверить документики, только вертел их так и эдак, отчаянно выжимая из времени пару минут, чтобы пришло подкрепление и помогло бы ему совладать с этой Юнь как ее там Шань. Судя по документам, девушке только-только исполнилось двадцать три.

В этот момент в наушнике раздался знакомый голос командира подразделения:

— Лао Ли, ты часом не задержал ли девушку по имени Юнь Шань? Отпусти ее.

Лао Ли малость опешил. Он, бывало, сопровождал людей, проходивших по большим преступлениям, и понимал, что стояло за этими словами. Он вернул Юнь Шань документы, смерил ее взглядом напоследок и вполуправду сказал: — Впредь, если доведется бывать в такой глухомани, не верьте особо навигатору, смотрите, какие тут пробки…

Юнь Шань торопливо кивнула, забрала документы, подхватила сумочку и храбро зашагала вверх по холму, окутанному туманом. Лао Ли поглядел ей вслед и, когда она ушла достаточно далеко, со всей силы пнул валявшийся на обочине камень, отводя душу.

Ну конечно, его выдворили из команды, теперь о движухе ему никто словом не обмолвится, а уж о том, чтобы в ней поучаствовать, мать их, и говорить не приходится.

На участке в устье реки Миньцзян, где стояло поселение, ширина русла составляла примерно полкилометра. На другом берегу находился район Пэншань, который тянулся вглубь суши где-то на четыреста метров, и там возвышалось здание ПэншаньТВ, которое пару десятков лет назад надстроили повыше, чтобы сигнал ловился почетче, так что теперь башню было видно с самого берега реки.

От окон телестанции до парковки на склоне обзор составлял около 1,3 км, с такого расстояния из крупнокалиберной снайперской винтовки было бы трудно пристрелить кого-нибудь наверняка.

Окно, обращенное к Линьцзяну, раньше выходило из офиса уездного вещания, но все оборудование внутри давно грудой свалили к

стене, освобождая пространство примерно в сотню квадратных метров. Посреди комнаты возвышался постамент, на котором соорудили песочную карту поселка в устье: красно-желтые горы, темно-зеленые леса, каскадное русло, склон с подъезжей дорогой и даже деревянно-кирпичные дома, все с точностью до миллиметра.

Этот макет сделали вовсе не методом высокоточной фасонной штамповки — форму ему придавал магнитный порошок, а цвет — электрическое напряжение. Форму можно было менять произвольно с помощью сверхпроводящего магнитного поля, а вспомогательный электрический сигнал модифицировал видимые и скрытые цвета разных объектов. Гибкость модели была намного выше, чем у формованного макета, а удобство выведения превосходило голографическую проекцию.

Один такой песчаный стол стоил более трех миллионов. Если бы Лао Ли только увидел его, то понял бы, что обвинил не того человека — фонды Госкома по охране культурного наследия определенно не потянули бы такую штуку.

Миниатюрные фигурки, изображающие людей, автомобили и лодки на песчаной карте, сейчас были подсвечены и медленно перемещались по

поверхности. Просто взглянув на стол, можно было получить представление о происходящем в Цзянкоу в режиме реального времени.

Изображения с камер наблюдения занимали всю стену зала, и на одном из них шла трансляция общения Лао Ли и Юнь Шань. Было видно, как девушка забирает документы, разворачивается и идет в гору. Зал заполнило ее тихое, расслабленное дыхание.

— Не к добру, — констатировал мужчина средних лет. На вид ему было чуть за сорок, и весил он чуть больше, чем полагалось в его возрасте. Перед ним стояла огромная пепельница, полная окурков, большинство из которых было выкурено менее чем на треть. Их искореженное сплетение походило на нераспустившийся бонсай.

— Лао Цю, сколько раз тебе говорить, «не к добру» — это суеверие, а вот импотенция из-за курения — это наука.

Уже на середине фразы второй мужчина закашлялся из-за дыма от чужой сигареты. Судя по сложению и внешнему виду, он был намного моложе того, что принято называть средним возрастом, навскидку уже разменял третий десяток, но не дошел до четвертого. Однако, если приглядеться, можно было заметить морщинки,

говорившие о том, что ему не просто за тридцать, а с хорошим гаком. А если перевести взгляд на шевелюру, то такой сединой не всякий шестидесятилетний может похвастаться.

Лао Цю даже не ответил, а просто хохотнул и утопил только что зажженную сигарету в пепельнице.

— Что с диспозицией? Все на месте? — спросил молодой седой. Хоть голос его и звучал спокойно, рука машинально потирала лоб, что решительно мешало скрывать волнение.

— Все на месте, ждем отмашки режиссера. — Лао Цю указал на макет-карту, и дом на склоне горы подсветился. — Цзян Ци и скрытый отряд, двенадцать человек, держат подъем; Хун Вэй и красный отряд, десять человек, блокируют водохранилище; Мандариновую рощу контролирует спецназ, тридцать пять человек; на спуске в засаде группы Бай Вэйсаня и Ли Циня, прикрывают друг друга.

По ходу его рассказа упоминаемые точки на макет-карте загорались красным.

— Как только Почтовая Голубка подтвердит сценарий, мы начнем спектакль. Пусть хоть крылья отрастит — ему не уйти, если только он не Супермен.

Старый крестьянский дом был наглухо окружен, от такого вида на душе становилось спокойно, вот только отряды засели в радиусе более километра от цели. А в шестистах метрах вокруг дома на карте было отмечено яркое кольцо, медленно пульсирующее, как защитное поле. Молодой седой уставился на него неподвижным взглядом.

— Шеф, вы все еще тревожитесь о темной зоне? — спросил Лао Цю. — Успокойтесь, раньше мы же никак не готовились, велели хватать — мы и хватали, даже местность не прощупывали, сколько раз так было?

Эти слова не успокоили Дуаньму Хуэя. Он стал заместителем директора в возрасте тридцати трех лет и никогда не полагался на то, как работает Лао Цю, который лихо импровизировал и довольствовался текущими условиями. В наши дни, когда повсюду ведется наблюдение, так уж получилось, что в этом безлюдном месте даже камер не оказалось. Отправленный на рекогносцировку разведчик обнаружил, что на расстоянии около пятисот метров от цели возникают электромагнитные помехи. Чтобы не спугнуть ее, к дому решили не подходить. Неделя ушла на то, чтобы определиться с диспозицией,

и лишь тогда команда нарисовала вокруг дома темную область со стометровой буферной зоной, получился почти что круг.

Любой сигнал от нештатного коммуникационного оборудования, попавший в этот круг, мог выдать всю операцию. То есть если кто из команды войдет туда, то с ним потеряют связь по скрытой линии. После этого останется только ждать, когда Почтовая Голубка подаст сигнал «Начало».

Дуаньму Хуэй не знал, о чем больше беспокоится — о Почтовой Голубке или о том, что цель может уйти.

— Голубка входит в темную зону, — доложил Лао Цю.

— Внимание всем, через тридцать секунд уходим в режим тишины, ждем сигнала Почтовой Голубки, — сверкая глазами, приказал Дуаньму Хуэй.

— Темная группа приняла, через двадцать пять секунд умолкаем.

— Красная группа поняла, умолкаем через двадцать две секунды.

— Спецназ переходит на короткую цепь связи, на длинной умолкаем.

— Белая группа окей, ответы прекращаем, ко-

нец связи.

— Видим Голубку, штурм группа заглушает связь, больше не отвечает.

Ярко-красные точки на песочном макете одна за другой потемнели. Белый значок Почтовой Голубки вошел в кольцо темной зоны, где мигом превратился в серый. Две минуты спустя он переместился в дом и исчез с карты. На некоторое время в командном центре воцарилась тишина.

Примерно через полминуты тишину нарушил щелчок зажигалки Лао Цю. Дуаньму Хуэй зыркнул на него свирепо, и помощник смущенно сунул сигарету обратно в пачку. Словно и правда не в силах выносить ожидания, Лао Цю подал голос:

— Шеф, но вы же с самого начала согласились на этот план.

Дуаньму Хуэй вздохнул и метнул в Лао Цю взгляд, в иной ситуации способный впечатать того в стену.

— Сколько можно твердить одно и то же! Какой смысл?

Прямо сейчас, даже беспокоясь о безопасности Голубки, он должен был выбросить из головы все личное и превратиться в холодную машину. Почтовая Голубка провела в доме уже пять минут, и

теперь в любой момент могла поступить команда к началу операции.

Все солдаты Министерства безопасности прошли через множество боев, к тому же более половины участников операции были из новых людей. Таких козырей хватило бы для того, чтобы переломить ход любого боя. Ему не стоило беспокоиться.

Но они до сих пор слишком мало знали об операции, которая была далеко не так проста, как какая-то темная зона.

Ее целью был всего лишь один человек, но Дуаньму Хуэю он казался спрятанным в тени выключателем. Когда Почтовая Голубка нажмет на него, из темноты начнут извергаться неописуемые демоны.

Открывая деревянную дверь, Юнь Шань боялась, что та вот-вот развалится — так отчаянно она скрипела.

Подобные крестьянские халупы обычно широкие и объемные, только низенькие, при этом на весь дом обычно не приходится и двух окон. Несмотря на белый день, внутрь свет не проникал, отчего в помещении было темно и жутковато. Еще до того как войти, Юнь Шань услышала доносящиеся изнутри звуки скрипки, которая ме-

лодично наигрывала вторую половину концерта «Лян Чжу».

Познания Юнь Шань в музыкальной теории были невелики, но все же их хватило, чтобы понять: скрипка пела в лучшем случае ради досуга самого скрипача, о мастерстве и чувственности даже речи не шло. Тот стоял в главной комнате у двери, ведущей во внутренний двор. Ростом около метра семидесяти, красивый и худощавый, на вид тридцати с небольшим, с разомлевшим выражением квадратного лица. Он играл на скрипке, склонив голову к плечу, и при виде Юнь Шань лишь слегка кивнул ей, но смычок не остановил и явно не собирался с ней здороваться.

Юнь Шань не стала его прерывать. Доиграв, мужчина повесил скрипку на земляную стену позади себя и только тогда произнес:

— Принесли то, что нужно?

— Вы, однако же, в хорошем настроении, господин Ван. Товар я получила, при этом чуть-чуть не угодила в лапы полицейским. Слишком много спецназа у вас тут в округе! — пожаловалась Юнь Шань.

— Чуть-чуть не считается, — усмехнулся господин Ван и жестом пригласил гостью присесть на стул возле стола. — Пожалуйста, достаньте товар,

я хочу взглянуть.

Юнь Шань запустила руку в сумочку и чарующим голоском сказала:

— Господин Ван, мы ведь с вами договорились, что в этот раз я принесу вам товар, а вы мне расскажете, откуда он взялся. А то ж я ни сном ни духом, сломя голову тут работаю. Но я же ведь девочка, нет? Такой хороший бизнес — и вдруг такой смертельный. Вот поймали бы меня сегодня, и суд за перепродажу государственных богатств казнить бы решил, мне тогда разве не обидно было бы? Я же даже не знаю, что это такое!

— Как такое может быть? — улыбнулся господин Ван. — У нас тут все законно. Можете быть совершенно спокойны.

Руки Юнь Шань прекратили шарить, но не торопились выкладывать товар на стол.

— Братец Ван, нехорошо так. Конечно, вы хотите, чтобы вам доверяли, но и вы должны доверять людям. Пусть даже если эта штука и стоит десять миллиардов, мы договорились на пятьдесят тысяч — значит, пятьдесят. Неужели вы думаете, что я слишком молода для доверия? Братец Ван, если не скажете, что это такое, я так работать не буду!

— Хорошо, я сдержу свое слово. Если на этот раз с товаром все в порядке, обещаю рассказать

вам. Могу я теперь взглянуть на него? — господин Ван терпеливо протянул руку, требуя вещь. Юнь Шань тихонько вздохнула и вытянула из сумочки тонкие ручки. Даже в ее маленьком изящном кулачке формы этой «штуки» было не разглядеть. Лишь когда она раскрыла ладони, предмет явил свой истинный облик.

Юнь Шань слой за слоем разворачивала шелковый платок, пока, наконец, не показался черный диск. То есть его можно было назвать диском, но на самом деле по форме складок было очевидно, что это сфера. При этом независимо от того, с какой стороны смотреть на эту штуку, человеческий глаз не мог поймать ощущение объема. Это был даже не столько диск, сколько дыра.

Черная сфера диаметром около двух сантиметров, и чернота ее отличалась от привычной. Шарик, казалось, не отражал никакого света. Так называемый черный цвет — это визуальное суждение об отсутствии света, но любой оттенок черного в мире все равно в большей или меньшей степени отражает лучи. А на этом артефакте их не было и следа, а без светотени невозможно было определить его трехмерность. Казалось, это геометрический круг, приклеенный на трещину в реальном пространстве. Только складки шел-

ковой ткани под ним доказывали, что это сфера. От увиденного пространственное восприятие начинало сбоить, и после пары взглядов на объект начинала кружиться голова.

Господин Ван осторожно взял бусину двумя пальцами, слегка покатал по ладони. Было неясно, как он определил подлинность вещицы, но кивнул.

— Раз уж товар в порядке, пожалуйста, просветите меня, как и договаривались, братец Ван. Что же это все-таки такое? — Юнь Шань сложила платок и убрала в сумку. — Эта штука не пойми из чего. В антикварном деле так много направлений, скажите же мне, к какому она относится? — У нее был легкий, очаровательный южный акцент, что в сочетании с парой прекрасных выразительных глаз придавало ее облику обольстительный шарм.

— А вы интересный человек, госпожа Юнь, — улыбнулся господин Ван. — Я получил товар, а вы вместо того, чтобы получить от меня деньги, снова и снова расспрашиваете о его подноготной. Не будь это нашей второй сделкой, я бы заподозрил, не замышляете ли вы чего.

Лицо Юнь Шань мгновенно порозовело, она вскочила, опираясь на стул, и с негодованием

воскликнула:

— Братец Ван, что вы такое говорите? Что я могу замышлять? Неужели думаете, что я буду товар от поставщиков бодяжить и сама сбывать? Мы все в этом бизнесе честные люди, говорим без обиняков. Мы ведь не то что боимся подделку купить, мы боимся товар не узнать, если в руки попадет. Взять даже этот город, о других не будем, — тут повязали пару десятков людей, кто из них тогда большой куш урвал? Некоторые, по слухам, всего-то несколько тысяч, а каждый получил не меньше десятки. Я бизнесменка! Одной рукой даю, другой получаю, я же не могу себе позволить приход от расхода не отличать, так ведь? В те годы я вся на нервы изошла, будто хмурый продаю, а получала столько, словно капустой торговала! И если бы меня взяли, то дали бы не меньше двадцатки. Я б вынесла такое, а? Просто скажите мне, что это! Я так не работаю, возьму умою руки, делов-то. Я вообще даже замуж выйти не успела.

Белоснежное, как фарфор, лицо Юнь Шань от гнева раскраснелось, словно на него нашли подсвеченные закатом облака.

— Да ладно, ладно. — Господин Ван только улыбнулся. — Я не подозреваю вас, я смеюсь, что вы даже денег еще не взяли, к чему такая спеш-

ка? Давайте сперва отсчитаю гонорар, а потом спокойно поговорим.

Юнь Шань собралась его остановить, но испугалась, что вот так, мало-помалу, он действительно начнет ее подозревать, поэтому лишь кивнула. Когда господин Ван вышел, она смогла оглядеться. В комнате не было никакой мебели, и в случае штурма, даже окажись Ван дюжим малым, спастись бегством ему точно не удастся.

Да даже пусть он усиленный новый, она была уверена, что сможет в прямой схватке скрутить и удерживать его до прихода окружавших их частей. Сейчас она боялась двух вещей: во-первых, этот человек наотрез отказывался рассказывать о своих планах, а этот странный «товар» не имел никакого отношения к археологии, и, как дойдет до дела, могло оказаться, что ловушка, на расстановку которой ушло столько времени и сил, себя не оправдает; во-вторых, что этот человек, почуяв неладное, покончит с собой, и без свидетеля они не смогут закрыть тех, кто стоит над и под ним, а с чего начинать заново — непонятно.

Именно из-за потраченных усилий Юнь Шань должна была именно сейчас придумать, как выяснить сферу применения этой штуки, а затем гарантировать, что этого человека возьмут

живым.

С тех пор как она вошла в темную зону, прошло более десяти минут, и члены команды снаружи наверняка уже сгорали от нетерпения.

Как только господин Ван вернулся, Юнь Шань быстро отбросила все сомнения, взяла наличные и, не пересчитывая, скрывая улыбку, убрала пачку в сумку.

— А теперь позвольте мне вам рассказать, что это такое, — господин Ван ослепительно улыбнулся. — Вы упомянули, что эта вещь «невесть из чего» — не из золота, не из нефрита, не из фарфора и не из дерева, и вы хотите знать, к какой категории антиквариата ее можно отнести, верно? Хорошо, позвольте мне сказать вам правду: на самом деле, ни к какой. Спроси вы у кого другого, кроме меня, вам о ней никто ничего не сможет рассказать.

Это была сущая правда. Заполучив эту штуку, они пошли к разным экспертам, провели всевозможные безобидные технические экспертизы, но ни на йоту не приблизились к разгадке.

— А причина очень проста. Угадайте, в чем она состоит?

Юнь Шань на мгновение растерялась, но не потому, что ее удивило сказанное, а потому, что

тон господина Вана был немного странным.

— Потому что эта вещь вовсе не старая и она не имеет никакого отношения к антиквариату, — его улыбка вдруг стала злой, обнажая холодную свирепость, — так же, как и вы, барышня.

Беда! Юнь Шань не знала, как он смог ее раскусить. Да и не успела об этом подумать, подняла руку и надавила на изумруд в кольце на правой руке. Передающее устройство внутри немедленно активировалось на полную мощность и передало сигнал к началу штурма. За эти полсекунды господин Ван успел развернуться и выбежать во внутренний дворик.

Нельзя дать ему уйти! Такой была первая реакция Юнь Шань. Она стрелой метнулась вперед, чтобы схватить и арестовать подозреваемого. Всего один шаг — и ее пальцы сомкнулись на его запястье.

Юнь Шань опешила. Она уже дважды имела с ним дело и по его поведению, по молниеносным реакциям поняла, что он хоть и не был новым, но явно проходил систематическую боевую подготовку. Она думала, что аресту будет предшествовать ожесточенная схватка, и никак не могла предполагать, что достаточно будет всего лишь протянуть руку.

Что-то не так! Это было исключительно интуитивное чувство, но в этот момент она никак не могла отступить, поэтому правой рукой набросила наручники на его запястье и рванула вперед, чтобы сбить его с ног и придавить к земле, а затем защелкнуть замок. Но вдруг, стоило ей коснуться плеча противника, она ощутила, как из-под земли на нее накатывает жаркая волна.

Она увидела, как господин Ван раскрыл правую ладонь, и зажатый в ней цилиндр длиной четыре или пять сантиметров упал прямо на землю внутреннего дворика. Там как раз был разбит огородик, окруженный кирпичом и засаженный разными травами-приправами вроде зеленого лука и мяты. Длинный цилиндр был тоже чисто-черным и матовым. Едва коснувшись поверхности, он внезапно расплескался, словно капли воды, и беспрепятственно растворился в почве.

— Что? — сверхъестественное явление привело Юнь Шань в кратковременное замешательство, она не могла отвести от него взгляд.

— Девочка, в благодарность за то, что ты мне так помогла, скажу: если у тебя в Чэнду есть родные и друзья, пусть уедут развеяться на пару дней! — у господина Вана даже голос изменился.

Вслед за этим под ногами у них внезапно заклокотало. Куча чего-то — то ли веток и листьев, то ли виноградных лоз, то ли моллюсков, а может, даже экзоскелетов насекомых, — смешанного со слизеподобной биомассой, восстала из почвы, сначала развалила огород, а затем вспучила тонкий цементный пол в доме. Юнь Шань упала на землю.

— Беда!

Сердце Дуаньму Хуэя внезапно сжалось, и в тот же момент в оперативном центре зазвучала красная тревога. Он схватил командный микрофон, с силой нажал на кнопку передачи и заорал:

— Запустить план Б! Голубку раскрыли! На штурм! Быстро!

Пять молчаливых отрядов на песочном столе мгновенно загорелись. Боевой единицей числилась группа из трех человек, каждая команда поставила по одному на охрану перекрестков. Окружающие отряды рассредоточились в сеть, а оставшиеся пошли на штурм дома с четырех сторон.

Лао Цю надрывался по командному каналу:

— Где мониторинг? Живой экран! Немедленно! Неужели мне нужно орать, чтобы вы включили лазерный звукоизмеритель? Осветите темную

зону!

Все активное оборудование мониторинга, молчавшее до того, активировалось разом. В воздух поднялись радар воздушного контроля и система защиты от беспилотников. Весь Цзянкоу немедленно окутали электромагнитные помехи, чтобы цели некуда было деться.

Ближайшая штурмовая группа находилась менее чем в километре от цели, в двух минутах езды. Когда первая в полной выкладке оказалась у железных ворот, ведущих во внутренний двор, с горы как раз спустились два боевых подразделения красной группы и также приблизились к задней стене. Обе стороны кивнули друг другу и обменялись жестами. Красная развернула осаду в соответствии с намеченным планом и намертво блокировала дом. Штурмовики в силовой броне ударили по воротам.

Раздался грохот, вслед за которым железные створки вылетели во двор, и пока по земле расходился перезвон, высадивший их солдат крикнул:

— Вы, в доме! Вы окружены! Прекратите сопротивление!

На вспомогательном оверлее шлемов располагалась карта, которая в реальном времени составлялась по показаниям дальномерных ра-

даров товарищей по команде, а пистолеты были заряжены резиновыми пулями. Хотя группы разделяла стена, обзор в инфракрасном диапазоне был совершенно четким. Оставалось лишь ворваться внутрь и лишить цель возможностей маневра.

Штурмовики задержались во дворе, выстраиваясь углами, чтобы прикрыть друг друга, а затем командир дал отмашку к атаке. В это время, если судить по инфракрасному спектру, в комнате внезапно резко подскочила температура.

— Выбивай!

Солдат пнул дверь ногой. Створки еле держались, а доски давно прогнили, поэтому удар бронированной ноги пробил ее насквозь, но не открыл.

— Да твою ж!.. — выругался Лао Цю. На это молниеносно отреагировали два других солдата, которые быстро выдвинулись вперед, расколотили дверь в щепки и ворвались в дом.

В этот момент на инфракрасном мониторе некогда тусклая точка внутри помещения начала разгораться. «Что-то не так, не так…» — сердце Дуаньму Хуэя билось все быстрее.

Выстрелов не было слышно.

Во внутренний дворик в центре дома внезапно

вырвался клуб черного тумана и завис в воздухе, накрыв все в радиусе двухсот-трехсот метров. Штурмовики внезапно оказались в темноте, они задрали головы, как вдруг земля у них под ногами словно вздыбилась под ударом гигантского кулака, цементный пол разлетелся на куски, вышвырнув обоих солдат на улицу. Вслед за этим из-под земли, извиваясь, потянулась кошмарная биомасса.

Лао Цю поверить не мог в то, что творилось на экране наблюдения. Похоже было, что главной силой выступали ветви растения, будто распухшие в десятки раз корневые узлы, протискивающиеся наружу, а поверху стелилось что-то, похожее на бесконечных червей, у которых не различить, где голова, а где хвост. Лао Цю круглый год рвал пупок в антитеррористическом отделе и потому привык даже к кровавому месиву, но эти кадры напугали так, что у него едва не подкосились ноги.

— Назад! — очнулся Дуаньму Хуэй. — Отставить операцию! Оставить позицию! Немедленно! Чем дальше, тем лучше!

Стоило ему договорить, как на инфракрасном мониторе резко скакнул отклик на тех двухстах-трехстах метрах горного поля. На оперативном

канале начался хаос:

— Под землей! Под землей!

Отовсюду слышались звуки выстрелов.

— Прекратить огонь! Прекратить!

— Что это, мать вашу, за хренотень?!

Даже в самых элитных войсках начнется паника и хаос, окажись они посреди такого необъяснимого безумия. Особенно три отряда, застрявшие на трехстах метрах постоянно бурлящей земли, на которой не могли устоять даже новые люди. Как бы ни закалили тебя бои, пусть ты один стоил сотни, сейчас ты был ни на что не годен. Солдатам оставалось лишь в ужасе лежать, прижавшись к пульсирующей, извивающейся биомассе, стараясь, чтобы их не подбросило в воздух и не поглотила земля.

Хаос продолжался почти пять минут, после чего бурление постепенно стихло, и больше уже ничего не стремилось разрастись до бесконечных пределов.

Некоторое время Дуаньму Хуэй не знал, приказать ли отыскать Юнь Шань и цель, или скомандовать отступать. Никто из солдат даже не пикнул в канал. Они переживали встречу с этим необъяснимым и неописуемым мутантом, и из рации доносилось только тяжелое, сбивчивое

дыхание.

Что тут, черт побери, произошло?

Что это была за штука? Биологическое оружие?

В тишине, посреди развалин, бывших некогда домом, сквозь рухнувшую земляную стену просунулась и поползла наружу рука.

Черное платье Юнь Шань протерлось до дыр, а сама девушка была грязной и взлохмаченной. Не обращая внимания на сильную боль во всем теле, она, подволакивая раненую ногу, дохромала до солдата у ворот и схватила его коммуникатор.

— Цель сбежала. Свойства товара не подтверждены. Чэнду может быть в опасности. Конец связи.

Глава вторая

Беспорядок во временном оперативном центре Министерства государственной безопасности сошел на нет. Дуаньму Хуэй кадр за кадром изучал видеозапись с места происшествия и был первым, кто успокоился посреди неконтролируемого хаоса.

То, что произошло, было, конечно, очень важно, но это следовало отложить, и технический отдел, естественно, передаст отчет. Насущные проблемы были таковы: во-первых, цель сбежала; во-вторых, цель получила то, что хотела (и при этом из рук самого Дуаньму Хуэя); в-третьих, он понятия не имел, что преступники собирались сделать и как та черная штука может пригодиться.

— Место оцепить, никому ни входить, ни выходить. Внешний отчет на Госкоме по охране культурного наследия. Подключитесь к Тяньван[14] и всем частным камерам вдоль дорог во всем городе. Подключите дорожную полицию, нужно, чтобы все их силы проводили регуляр-

---

[14] Сноски: 14

Тяньван — китайская государственная сеть распознавания лиц.

ные проверки по маршруту. Скорее всего, его не поймают, но, возможно, найдем хоть какие-то зацепки.

Дуаньму Хуэй раздавал тщательные и подробные распоряжения, прекрасно понимая, что при такой предварительной подготовке противнику не составит труда сбежать, и теперь придется искать иголку в стоге сена, размахивая при этом кулаками после драки.

Посреди собрания в оперцентр вернулась Юнь Шань. Она накинула пальто и не стала маскировать полученные синяки. После нескольких минут хаоса она выглядела жалкой и униженной, будто несколько месяцев скиталась по безлюдным пустошам. Вновь с самого начала изложила случившееся, которое зафиксировали камеры удаленного наблюдения. Изложила по памяти точно и очень быстро. За две минуты Юнь Шань смогла четко рассказать о том, что увидела вблизи, не упустив ни одной детали, так что представление сложилось даже лучше, чем если бы они все наблюдали своими глазами. Лишь когда она упомянула о странной, похожей на цилиндр черной штуке, ее речь замедлилась, а голос дрогнул.

Этот матовый черный предмет больше нигде

не всплывал. За исключением формы и размера, вещество выглядело точно так же, как два черных шарика, которые Юнь Шань лично вручила господину Вану.

— То, что он сказал напоследок: «Если у тебя в Чэнду есть родные и друзья, пусть уедут развеяться на пару дней!» Это дословно?

— Да, он именно так и сказал.

Дуаньму Хуэй призадумался. Теперь было ясно, что он совершил большую ошибку, приведя козла в огород. Он и раньше выступал против плана, но сейчас говорить об этом было бесполезно. Если бы все прошло успешно, все ошибки сразу списали бы; в случае провала это говорило лишь о том, что ты был недоволен планом начальства и не радел его выполнять.

Дуаньму Хуэй мог не беспокоиться о пустяках и сам заняться решением вопроса — и вовсе не для того, чтобы получить повышение и разбогатеть. Но теперь у террористов в руках оказалось неизвестно что с совершенно непонятным действием. Что они могут сотворить? Как они это сделают?

Дуаньму Хуэй заметил, что Юнь Шань прикусила нижнюю губу, отчего лепестки ее ротика, изначально ярко-красные, побелели. Только в этот момент он осознал, что сам неосознанно

грызет ногти. Он быстро опустил руку.

— Нам нужно предположить, что Чэнду станет их целью? — следуя за его мыслью, подключился Лао Цю.

Дуаньму Хуэй на мгновение задумался.

— Почему он вообще нам это сказал? Этот господин Ван, вот зачем?

Господин Ван, полное имя которого было Ван Хайчэн, разительно отличался от террористов, с которыми Дуаньму Хуэю доводилось иметь дело. Во-первых, в прошлом он не имел судимостей, а во-вторых, не был приверженцем экстремистских религиозных убеждений и даже не имел обычного для террориста военного или криминального прошлого. Обычно люди с такой историей не ввязываются в подобные дела, потому резюме Ван Хайчэна выглядело особенно странно.

Уже в двадцать пять лет Ван Хайчэн стал доцентом астрофизики в Университете Сунь Ятсена. Затем исчез на пять лет, а объявившись, записался в террористы. Полгода назад Вэньчанский центр исследования новой энергии на острове Хайнань обратился в пепел, от огромной базы не осталось даже руин — только кучка пыли. Впоследствии различные доказательства, включая

видеозаписи с камер наблюдения, свидетельства очевидцев и записи разговоров, доказали, что взрыв был связан с этим человеком.

В течение полугода была создана следственная группа, но она так и не достигла существенного прогресса. Исследовательский центр, занимающий площадь в две тысячи му[15], стерли с лица земли, волк-одиночка ни за что не смог бы организовать подобное. Атака такого масштаба требует чрезвычайных организационных способностей, ведь для этого нужно доставить сто тонн взрывчатки и незаметно проникнуть в национальный сверхсекретный исследовательский институт. Все указывало на хорошо организованную, последовательную и крупномасштабную террористическую организацию с множеством участников, но после полугода расследования они не нашли почти никого, кроме Ван Хайчэна.

Даже название и код организации специальная опергруппа выяснила только в последние три месяца. Организация называла себя «Светлячок», как жучка. Кроме этого опергруппа крайне мало знала о своих противниках. Почему они выбрали для себя именно это название? Что в него вложи-

---

[15] Сноски: 15

Му — традиционная китайская мера площади, в настоящее время равная 1/15 гектара.

ли? Что означало слово «светлячок»? Или что под ним подразумевалось? Что за силы за этим стоят? Не было никаких зацепок.

Если бы опергруппа не смотрела на мир красными от бессонных ночей глазами, начальство, может, и не предложило бы на первый взгляд совершенно абсурдный план — наверху сами раздобыли товар, нужный Ван Хайчэну, и вручать его отправили агентов под прикрытием, чтобы поймать террориста на крючок.

Теперь же товар ушел, а рыба сорвалась. Да что же этот Ван Хайчэн собирается сотворить?

— Если они действительно собираются напасть на Чэнду, зачем он рассказал нам об этом? — Дуаньму Хуэй скрестил руки на груди и задумался. — Провокация? Маловероятно, нет?

— Имеете в виду дымовую завесу? — спросил Лао Цю.

— Я не думаю, что он надменен настолько, чтобы намеренно провоцировать нас. Я предпочитаю верить, что у него есть четкая стратегия по каждому шагу. Было бы совершенной глупостью с его стороны раскрывать свои планы, если он намеревается нанести удар по Чэнду. Будь тот его целью, он бы не совершил такой тупой ошибки.

— Я думаю, все же есть вероятность, что он уда-

рит по Чэнду, — сказала Юнь Шань, не поднимая головы, приподняла юбку и побрызгала ноги обезболивающим спреем.

— Да ладно? То есть — как?

— Если предположить атаку масштаба Вэньчана, им наверняка придется как следует ее подготовить, верно? — тихо пояснила Юнь Шань. — А такую подготовку, особенно координацию и размещение участников, Ван Хайчэну будет трудно вести на расстоянии. Ну, мы, конечно, еще не знаем структуры их организации и где находится сам Ван Хайчэн, но я склонна предполагать, что он играет во всем этом важную роль. — Юнь Шань немного подумала и добавила: — В этом случае для успеха всей операции потребуется, чтобы Ван Хайчэн координировал ее из центра. А это невозможно сделать без местных контактов.

— Если он действительно хочет ударить по Чэнду, имеет смысл там и обосноваться, — задумчиво сказал Лао Цю. — Такое действительно возможно.

— И еще… — Юнь Шань опустила голову и запнулась. — Судя по тому, с чем я имела дело, этот человек… не похож… ну, на обычного террориста.

Она не стала озвучивать, почему именно у нее

возникла эта мысль, это было просто ощущение: что-то не так.

Дуаньму Хуэй на мгновение задумался, затем быстро подошел к компьютеру и начал просматривать новости:

«В Чэнду проходит научно-технический саммит Альянса девятнадцати наций G19, жителям девяти районов и шести уездов предоставляется три выходных дня».

— Твою же мать! — в ярости выпалил Дуаньму Хуэй, а затем в его голове промелькнула мысль: «Свяжусь с министром, попрошу ее скоординировать действия отдела по борьбе с терроризмом в Сычуани, а еще прислать человека, который лучше всего знаком с местной обстановкой».

Вот только совершенно непонятно, какой специалист нужен, чтобы вытащить такой каштан из огня.

Провинция Сычуань расположена на юго-западе страны. Из всех тридцати четырех провинциальных административных округов она не первая ни с точки зрения экономики, ни с точки зрения политики, ни даже культуры, но если говорить о местной разведке, то здесь она прямотаки крадущийся тигр или затаившийся дракон. Поскольку Сычуань находится в котловине,

ее окружают высокие горы и мощные хребты, единственная равнина — Чэндуская — своими плодородными просторами расстилается на тысячи ли[16]. Топография в целом сложна и для въезда, и для выезда. В особый исторический период, после образования КНР, на эту территорию, которая не годилась для промышленного освоения, возложили особую историческую миссию — провести строительство третьей линии фронта[17] и сохранить промышленное подкрепление на случай Третьей мировой войны.

Потому в эти края, о которых сложили строфы «Трудны сычуаньские тропы, трудней, чем взобраться на небо», переместились различные отрасли тяжелой промышленности, военно-промышленные предприятия и специальные подразделения, о которых лучше не упоминать. Хотя гигантские панды, досуг и развлечения теперь приводят в восторг жителей всей страны, но прошлое, скрытое за кулисами, никуда не

---

[16] Сноски: 16

Ли — китайская единица измерения длины, 1 ли = 500 метров.

[17] Сноски: 17

Движение третьего фронта было масштабным промышленным развитием Китая внутри его страны, начавшимся в 1964 году. Оно включало крупномасштабные инвестиции в национальную оборону, технологии, основные отрасли промышленности, транспорт и другие инвестиции в инфраструктуру.

делось. Промышленная группа Чэнфэй, которая проектирует и строит лучшие отечественные истребители, Центр исследований и разработок в области ядерных технологий при Академии химических и физических исследований в Мяньяне, машиностроительный завод Чанчжэн — производственная база стратегических ракет серии «Дунфэн» — и крупнейшая в Азии аэродинамическая труба… Этот список можно продолжать бесконечно, и все они находятся в радиусе ста километров от Чэнду.

Из-за всего этого плотность подводных камней в этом месте пугающе высока.

Доклад Дуаньму Хуэя был передан его непосредственной начальнице. Выслушав доклад, министр не стала ставить палки в колеса. В конце концов, план особой рыбалки был ее непосредственным приказом.

Меньше чем через час появились результаты межведомственного согласования. До официального распоряжения министр лично позвонила Дуаньму Хуэю, чтобы в лучших сорочьих традициях заранее принести весть.

— Я думаю, что должна рассказать вам об этом лично. По вашей просьбе я направила человека, который лучше всех знает, что творится на месте.

Я надеюсь, вы сработаетесь и уладите наше дело. Если возникнут проблемы, мне нужно, чтобы вы решили их сами.

Дуаньму Хуэй сперва не совсем понял, что это значит, пока двадцать минут спустя подчиненные не вручили ему плотно запечатанный конверт с характеристикой прикомандированного агента.

Звали его Го Юань, опыт работы составлял восемь лет. А под именем сотрудника красовалась броская жирная надпись: «Тяжелое антисоциальное расстройство личности». Слишком крупным шрифтом для документов обычного формата.

Дуаньму Хуэй внезапно осознал, что попал в переделку. Его ступор прервало возмущение стоявшего рядом Лао Цю:

— Это досье спеца или подозреваемого? — Лао Цю всегда отличался прямотой. — Шеф, вы можете пояснить, что все это значит? Они прислали к нам психа? Вот так, да?

— Расстройство личности — это просто болезнь… — сказал Дуаньму Хуэй, но мысли в его голове метались в совершенной панике.

— Шеф, давайте вот не будем, а? Это вот и есть лучший информатор, которого смогла найти министр? — Лао Цю сердито топнул ногой. — Так

она же явно стрелки на нас переводит!

— Лао, не горячись, — Юнь Шань подошла к ним, опасаясь, что его крики взбудоражат простых солдат. — Нам бы сейчас самим не сплоховать.

— Да не горячусь я, ну раз мы козлы отпущения — так тому и быть, экая беда. Дело-то в том, что у нас тут дело, и кого нам прислали? В ответственный момент все запорем, вылетим с работы, ну офигеть круто, да? А кто дело перехватит-то? А случись какая заваруха, что можно будет поделать?

— Да завали уже! — рявкнул Дуаньму Хуэй. Он знал, что Лао Цю прав, но раз уж дошло до этого, если ему суждено стать пушечным мясом, обязательно было делать это так некрасиво? — В чем наше призвание? Выполнять приказы. Если есть поддержка с воздуха, будем использовать поддержку с воздуха; если есть пистолет, будем использовать пистолет; дадут кинжал — будем работать кинжалом. Понимаешь?

Лао Цю вздохнул и неохотно кивнул.

— Остается надежда, что над этим делом работают и другие товарищи.

А про себя Дуаньму Хуэй подумал: «Что ж, поживем — увидим».

— Юнь Шань, — он взглянул на ее раны и решился. — Ты все еще в игре?

— Переоденусь и буду готова. — Она потерла бедро и улыбнулась. — Дайте только лекарство втереть, чтобы не было отеков. А не то с толстыми ногами я сразу стану походить на Квазимодо.

От подачи заявки до получения ответа прошел час. С момента, как стало известно о «тяжелом антисоциальном расстройстве личности» до прихода этой самой личности прошло еще два часа. Учитывая расстояние и межведомственную координацию, все произошло на удивление быстро.

Тем временем следственная группа работала как заведенная. Проверка разведданных, осмотр на месте, техническое расследование — все отделы работали слаженно и интенсивно. Под огромным давлением потенциального провала всей миссии народ сновал туда-сюда трусцой и даже сходить в туалет пописать откладывал на потом.

Особенно полевая техническая группа. Биомасса, которая внезапно в огромном количестве вылезла из земли, спустя два часа стремительно погибла. Растительная часть иссохла, а животная сгноилась в нечто, похожее на грязь, и отчаянно воняла. Эксперты в масках и защитных костюмах

спасали образцы, сбившись в кучу над останками.

Кроме Юнь Шань и Лао Цю, об особенностях присланного агента Го Юаня Дуаньму Хуэй никому ни слова не сказал, опасаясь, что народ сразу поникнет духом.

Песчаную карту оперативно заменили на общую — тринадцати районов Чэнду, — и теперь Дуаньму Хуэй уставился на нее, понимая, что новое поле битвы ему совершенно не знакомо. Кроме центра и северных пригородов, где был запланирован саммит G19, он не понимал, что где находится. Он оказался на чужбине, равно как и другие боевые товарищи. Пробежав взглядом по дорогам и системе водоснабжения, он попытался нарисовать в уме карту города, словно это могло определить цель группы Ван Хайчэна и захватить его именно там.

Когда не знаешь, что представляет собой город, нельзя понять, где что-то пошло не так. Для того и нужны специалисты вроде Го Юаня, но…

Как раз тогда, когда Дуаньму Хуэй собрался расстроиться, в дверь трижды постучали. Тук-тук-тук.

— Войдите.

— Агент прибыл! — сообщил солдат, втаскивая

в комнату человека.

Дуаньму Хуэй внимательно оглядел посетителя с ног до головы. Зная неуправляемый язык Лао Цю, он заранее послал его на место происшествия и Юнь Шань также отправил отдыхать. Сейчас кроме него в командном центре не было ни души.

Несмотря на все внутренние приготовления, при виде гостя Дуаньму Хуэй малость оторопел. Хотя мужчине было за тридцать, он выглядел как студент лет двадцати с небольшим. У него было маленькое круглое лицо, обрамленое волосами до плеч, большие глаза и тонкие брови, он казался таким миленьким, что походил на девочку. Но что не соответствовало его внешности, так это усталость, всеми красками расписанная на его лице. Го Юань бесцеремонно смерил Дуаньму Хуэя взглядом и презрительно скривил губы.

Без рапорта, приветствий, даже чести не отдал. Этот парень с детским лицом ухмыльнулся и просто сказал:

— Я уже прочитал сводку по дороге. У вас мозги не работают, да? Министерство что, уже стало приютом для умственно отсталых?

Дуаньму Хуэй остолбенел. Он не ожидал, что даже подчиненный будет разговаривать с ним

подобным образом, не говоря уже о том, кто только-только прибыл. Он молчал, ожидая, пока Го Юань закончит свою тираду.

— Впервые в жизни вижу такой нелепый план. Силами министерства найти то, что нужно террористам, при этом не знать, для чего эта штука нужна, и своими руками отдать ее им. — Го Юань пожал плечами. — Да вы б лучше экспресс-доставкой подложили под дверь Академии механики и физики водородную бомбу. Хоть бы знали, что за хрень у них на пороге лежит.

Дуаньму Хуэй знал, что лучше сейчас его не останавливать и обезоружить. Он молча и спокойно смотрел на Го Юаня, ожидая, когда тот закончит негодовать.

В конце концов, это оперативный центр Дуаньму Хуэя.

Он заговорил только полминуты спустя.

— 1999 год.

Го Юань озадаченно нахмурился, а Дуаньму Хуэй продолжил:

— В ноябре 1999 года ФБР захватило двух саудовцев, сотрудников среднего звена «Аль-Каиды», в Аризоне. Они наняли мусульман с опытом полетов в Соединенных Штатах и входили в число пятидесяти самых разыскиваемых террористов

в мире. Чтобы поймать их, ФБР разоблачило пятерых кротов, внедренных в «Аль-Каиду». Поскольку они боялись, что эти двое сбегут из страны, то, не выяснив точных планов противника, провели штурм и успешно взяли их. Тогда эту операцию посчитали большой победой. Однако, поскольку подозреваемые «отказались сотрудничать», расследование прервалось, и цель вербовки «Аль-Каидой» американских пилотов осталась неясной. 11 сентября 2001 года девятнадцать террористов с летным опытом захватили четыре самолета, семь из них были пилотами, а остальные прошли обучение в летных школах.

Го Юань понял его мысль, но никак не отреагировал.

— Если они чего-то хотят, то всегда могут это получить, — продолжил Дуаньму Хуэй. — Но если мы не знаем, что они задумали, то не сможем даже понять, как с этим справиться. Это первый урок, который вам стоит у нас выучить. Мы не работаем с единичными случаями, мы изучаем возможные заговоры.

— То есть теперь вы все знаете про заговор, — ехидно заметил Го Юань.

Как будто не услышав его, Дуаньму Хуэй подошел к центральной консоли, быстро нашел файл

и вывел его на экран. На первой странице красовалась кроваво-красная надпись: «Совершенно секретно».

— 17 июня 2030 года немецкий город Гласхютте испарился, полностью. Буквально, в радиусе двадцати километров осталась полусферическая дыра, где не осталось никакой материи. Обратите внимание — вообще никакой материи, не говоря уже о людях. Видеозаписей не сохранилось, никто не знал, что там произошло, но целый город испарился меньше чем за минуту. Не осталось никаких следов радиации, ничего. В ноябре 2030 года Центр исследований новой энергетики в Вэньчане на острове Хайнань за пятнадцать секунд обратился в пепел. Облако пыли от взрыва висело над Вэньчаном в течение полумесяца, что привело к остановке работы центра запуска ракет. Никто до сих пор не знает, что это была за взрывчатка.

Хотя на видео и фотографиях двух нападений не было звука, с большого экрана изливался ужас, растворившийся во тьме, перебивающий дыхание любому зрителю. Однако это никак не повлияло на спокойствие голоса Дуаньму Хуэя.

— Ни одна организация не взяла на себя ответственность постфактум. Схема атак также

не соответствовала какой-либо известной организации. Мы обменялись данными с ЕС, и единственная достоверная информация, которую получили в результате перекрестного сравнения, заключалась в том, что этот человек появлялся поблизости перед обоими инцидентами.

На экране появилось худое и мрачное лицо Ван Хайчэна.

— Астрофизик, доцент Ван Хайчэн, — сказал Го Юань с холодной насмешкой в голосе, — тот самый из архивов, закончил Университет науки и технологии в группе особо одареной молодежи, получил докторскую степень в двадцать три, в двадцать пять стал доцентом. Внезапно бросил все перспективы наблюдения за звездами и сбежал в террористы. Себе на уме парень.

Го Юань очень внимательно прочитал досье.

— В системе наблюдения Тяньван в Вэньчане также добыли непонятный лог: «Пчеломатка реагирует интенсивно, можно действовать». Это вся информация, которую мы получили. Ничего из этого не может служить разумным объяснением. Министерству потребовалось более полугода, чтобы окончательно нацелиться на Ван Хайчэна. Самое главное — не поймать этого человека, а выяснить, что за ним стоит.

Го Юань снизошел до того, чтобы убрать с лица выражение, говорившее, что его все достало, но сарказм, затаившийся в уголках его рта, был неистребим.

— А затем вы поняли, что объяснения нет, и осознали, что Чэнду так же может полностью исчезнуть с карты, — он покачал головой. — Ага, понимаю.

— Операция полностью провалилась, все наши улики ни к чему не привели. Поэтому сейчас мы в первую очередь должны обеспечить безопасность Чэнду.

С этими словами Дуаньму Хуэй уставился на песчаную карту посреди стола. В этом незнакомом городе проживало более десяти миллионов человек. Его небрежность могла привести их к ужасающему концу. При мысли об этом он побледнел.

— Всеми силами обеспечить безопасность? Для чего? Если основная цель сейчас состоит в том, чтобы узнать подноготную организации, стоящей за Ван Хайчэном, мы должны проследить, действительно ли они намереваются ударить по Чэнду, где находится конкретная цель и как он намерен действовать. Это наш лучший шанс, — сказал Го Юань.

Дуаньму Хуэй сперва подумал, что Го Юань опять включил сарказм, но в тот момент, когда их взгляды встретились, по его спине пробежал холодок. Глаза этого человека были ясны, и в них не было ни намека на иронию.

Только тогда он по-настоящему понял значение «тяжелого антисоциального расстройства личности». Это не какая-то жестокость и злоба. Этот парень с мальчишеским лицом просто не относился к другим людям в этом мире как к «людям».

— Нет, — сердце Дуаньму Хуэя мгновенно ускорило ход. — Нет, нет. Я обратился к начальству с просьбой о вашей помощи именно с целью обеспечить безопасность Чэнду!

— А это возможно? — спросил Го Юань. — Как ее можно обеспечить? Проявите немного воображения, господин офицер. В наше время, если вы дадите мне неделю на подготовку, у меня будет тьма способов разрушить город.

— Вы преувеличиваете? — с надеждой спросил Дуаньму Хуэй.

— Преувеличиваю? — печально ответил Го Юань. — Хорошо, позвольте мне привести пример. По удобной линии метро осколочно-фугасное и биохимическое оружие можно доставить во

все места массового скопления людей в течение получаса, и это с учетом всех проверок безопасности. Дайте мне двадцать машин, я взорву их в больницах и школах, и так мы сможем мобилизовать большую часть городских сил безопасности и создать вакуум в обороне…

Дуаньму Хуэй почувствовал, что внутри все холодеет, но вслух произнес:

— Обычные атаки мы уже предотвратили…

Го Юань вскинул брови и улыбнулся:

— Так я вам расскажу, как уничтожить Чэнду необычным способом. Менее чем в ста километрах от города находится как минимум пять складов оружия или объектов, эквивалентных складам оружия. Вам нужно рассказывать, что там лежит, нет? От ближайшего военного аэропорта до центра города меньше пятидесяти километров. Не нужно же представлять, что можно сделать, угнав самолет, да? Кстати, месяц назад я закрыл одно дело, обобрали лабораторию высокоэнергетических химических материалов Технологического университета. В лаборатории были экспериментальные продукты, которые раз в двадцать мощнее тротила. Напомните, как это называется? Высокоэнергетическая анионная соль на основе азота? Дайте мне месяц на подго-

товку, и я вам такое устрою. А на Ван Хайчэна вы сколько времени потратили? Сами посчитайте.

Слушая его, Дуаньму Хуэй подумал, что ему и правда нужен человек, знакомый со всей разведывательной системой Чэнду, наземными и подземными сетями, — но вот этот, конкретно этот, мог ли он действительно пригодиться? А потому уклончиво кивнул:

— Я могу сказать вам, что мы подготовились как следует.

— При всем уважении, если бы вы на самом деле думали, что подготовились как следует, вы бы вообще не стали меня звать. — Го Юань покачал головой. — Если мне будет позволено сказать, офицер, вы вообще когда-нибудь обдумывали такую возможность? Тот незнамо какой черный шарик, который вы дали профессору Вану, вероятно, в свое время разнес Гласхютте и Вэньчан. Если это такая мелочь, так отправили бы его экспресс-доставкой, и конец истории.

— Ваша история ужасов, надеюсь, на этом закончена, — перебил его Дуаньму Хуэй и глубоко вздохнул. — Сами-то вы что думате?

— Гражданин начальник, перестаньте хмуриться и расслабьтесь немного, — ухмыльнулся Го Юань. — Я просто озвучил свою просьбу. Чест-

но говоря, после прочтения этого файла и ваших разговоров я не уверен, что мы можем обеспечить безопасность Чэнду. Я обычно говорю все как есть, и если вам не нравится это слышать… то все равно слушайте.

— Говорите.

— Вы начальник, я подчиненный. В нашем деле не на что жаловаться. Если вы говорите, что хотите арестовывать людей, так арестовывайте их; если говорите, что хотите бороться с терроризмом, так боритесь с терроризмом. Меня волнует вот что, я по дороге прочитал. Когда я начал изучать досье, то подумал о том, что, черт возьми, произошло, почему подающий большие надежды астрофизик превратился в психа-террориста?

На самом деле, эта проблема беспокоила Дуаньму Хуэя уже давно.

— Если вам еще не понятно, то — если вы хотите поймать его — вы должны выяснить, что за мотивация у этой организации. Точно так же, как, например, в терактах 11 сентября, о которых вы сами только что говорили. И я боюсь, это будет сложно.

Дуаньму Хуэй нахмурился.

— Вы же не можете настаивать на проверке и забыть о том, что здесь происходит?

До саммита G19 оставалось всего несколько дней, они бы просто не успели.

— Гражданин начальник, вы правы. Теперь это моя проблема. Поскольку уже слишком поздно делать то, что следовало, зачем вы так хотели втянуть меня в расследование и сделать козлом отпущения? Вы устроили все так, чтобы я взял его на себя, но не для того, чтобы я работал, а чтобы отдувался.

Дуаньму Хуэй на секунду аж дар речи потерял, но, к счастью, в это время из-за двери донесся звонкий женский голос:

— А не слишком ли высокого мнения о себе этот новый коллега? Какой-то офицер-информатор, только вошел и уже решил, что он Оптимус Прайм, тоже мне. Все мы здесь бесполезные, на тебя, героя, одна надежда?

С этими словами Юнь Шань с силой толкнула дверь, которая чуть не врезалась в стену, и зашла в кабинет. Она переоделась в красное платье свободного кроя, то скрывало синяки и при этом не тревожило их. На первый взгляд оно решительно не соответствовало напряженной и депрессивной рабочей обстановке, зато девушка выглядела как вплывшая в кабинет эльфийка.

Юнь Шань уставилась на Го Юаня во все глаза.

Она была на полголовы выше, поэтому намеренно выпятила грудь и, не сводя взгляда с агента, подошла к нему вплотную:

— Детектив Го, вы не слишком ли много на себя берете? Видите группу террористов, которые невесть что задумали, и при этом не хотите выложиться по полной, а думаете о том, как бы покраше выступить? И с чего бы птица такого высокого полета до сих пор в информаторах ходит? Вот жалость-то какая.

Ворвавшаяся девушка привлекла внимание Го Юаня. Он вглянул на Юнь Шань и слегка улыбнулся:

— Новый человек с усовершенствованными генами, верно?

Юнь Шань удивилась — у новых не было опознавательного знака, так что их не так уж и легко было отличить от других людей, как он понял с первого взгляда? Однако Го Юань не стал придираться к ее личности:

— Отвечая на ваш вопрос. Мне, право, неловко, но будучи психом, мог бы я стать детективом, если бы не летал высоко? Странные у вас представления о нашей болезни. Я же не девочка со сделанными генами, мне довольно трудно быть просто нормальным человеком.

Услышав, как он, не смущаясь, говорит о своем антисоциальном расстройстве, Юнь Шань ненадолго проглотила язык. Настроение заходить, высаживая двери, куда-то улетучилось, и она начала высасывать энергетическую добавку, которую держала в руке, чтобы скрыть неловкость. И тут вдруг поняла, что энергетические добавки, вероятно, ее и выдали — генетическая модификация значительно улучшила физическую форму тела, но и значительно увеличила потребление энергии, поэтому новые люди больше зависели от дополнительных калорий.

Дуаньму Хуэй наконец пришел в себя и тихонько вздохнул:

— Хорошо. Озвучьте свои условия, не нужно больше держать интригу. Мы знаем, что у нас нет выбора, просто скажите мне, каковы ваши условия?

Го Юань на мгновение задумался. Дуаньму Хуэй был прав, выбора не было ни у кого из них, и, что бы агент ни говорил, он все-таки оставался солдатом и не имел права не подчиняться. В недоверии и недовольстве друг другом было мало толку, кроме разве что выплеска эмоций.

Он покачал головой и произнес:

— Тогда я должен сказать кое-что прямо. В ны-

нешних обстоятельствах, если вы хотите, чтобы я нашел способ решить эту проблему в течение трех дней, все должно быть по моим правилам.

Дуаньму Хуэй не успел ответить — встряла возмущенная Юнь Шань:

— И что же подразумевается под «вашими правилами»?

Холодный свет вспыхнул в глазах Го Юаня:

— Мое правило — делать то, что я говорю.

Сперва сердце Дуаньму Хуэя похолодело, но потом он понял. Как сказал Го Юань, в глазах посторонних Чэнду — это уютный, неторопливый, медлительный город. Но на деле в тихом омуте водились черти, и в скрытой жизни города переплетались самые разные силы и возможности. Если поступать сообразно обычным правилам, то эту проблему не то что за три дня — за три месяца не решить. Для того чтобы этот человек помог убрать беспорядок, ему нужно позволить выпустить демонов, запертых в его теле, забыть правила и двигаться вперед самым прямым и эффективным путем.

И если Дуаньму Хуэй примет такое решение, то будет отвечать за все последствия.

Пока он размышлял, снова вмешалась Юнь Шань:

— То есть, если вас послушать, не означает ли это, что если вы захотите кого-то убить, то надо убить, и если захотите что-то поджечь, то надо поджечь?

— Ага, — бесцеремонно кивнул Го Юань.

— Вы…

— Более того, если я захочу кого-то убить, это вы достанете нож, а если я захочу устроить пожар, это вы разведете огонь. Я, во-первых, психопат, а во-вторых, слабак. В отличие от нового, генетически модифицированного человека вроде вас, у которого ноги от ушей и который этой ногой человека может с полпинка убить.

И без того дурное выражение лица Юнь Шань стало еще хуже. Она уже открыла рот, но Дуаньму Хуэй протянул руку, останавливая ее.

— Вы все раньше сидели в теплице, — покачал головой Го Юань. — Никогда не видели ни настоящей тьмы, ни настоящей опасности. Если вы не согласны с моими условиями, то айда на кладбище павших бойцов, найдем там себе местечко по фэншую. Все равно государство платит.

— Что такое настоящая тьма и настоящая опасность? — спросил Дуаньму Хуэй.

Го Юань не удостоил его взглядом, он улыбался и не сводил глаз с Юнь Шань, а потом произнес,

чеканя каждое слово:

— Когда во время операции вам придется пожертвовать членом команды и выставить его в роли пушечного мяса, сможете ли вы справедливо решить, кто это будет, исходя из ситуации? Вы к такому готовы?

Дуаньму Хуэй не успел ответить, а Го Юань продолжил:

— Если вам придется выбирать между членами команды и невинными людьми, сможете ли вы решить, исходя из ситуации, кем будет справедливо пожертвовать?

Если Дуаньму Хуэй все еще готовился ответить на первый вопрос, то о значении второго даже не задумывался. Он может пожертвовать только собой и своими солдатами. Какой еще может быть выбор?

— Нам сперва на кладбище или на место происшествия? Как решите, дайте мне знать.

Дуаньму Хуэй какое-то время хмурился, и наконец сказал:

— На место происшествия.

Вот так подспудно инициатива перешла в руки Го Юаня.

Глава третья

До саммита G19 оставалось три дня, и время поджимало.

Юнь Шань с ледяным выражением на лице повела Го Юаня исследовать место происшествия, не желая произносить ни единого лишнего слова. Она испытывала к этому коротышке настоящее отвращение, и к тому же хотела проверить его хваленые способности. В конце концов, промучиться столько месяцев, чтобы получить такой исход, — кто угодно почувствовал бы себя недовольным.

Го Юаня же ничуть не волновало ее отвращение, Юнь Шань даже чувствовала, что эти большие томные глаза у нее за спиной без зазрения совести изучают ее тело, отчего девушку пробирали мурашки. Дело было вовсе не в том, что ее насиловали взглядом, просто она украдкой взглянула в эти глаза со стороны, и они были ясными и чистыми, в них не было присущей людям его профессии сложнозапутанной мути. Только когда эти глаза смотрели на людей, казалось, они видели кусок мяса или инструмент, а вовсе

не жизнь.

Это был взгляд ребенка. Дети — самые жестокие и безжалостные существа в мире. У них нет нравственного чувства, как у взрослых.

— Ван Хайчэн любит играть на скрипке? — Го Юань присел на корточки посреди разрухи, выкопал кусочек земли, помял его, понюхал кончики пальцев. Вокруг царил хаос, так что он даже не знал, с чего начать. И в этот момент вспомнил деталь, упомянутую ранее Юнь Шань.

— По крайней мере, умеет. Но насколько хорошо, сказать трудно… — честно ответила Юнь Шань, не совсем понимая, почему он заговорил об этом.

— Так даже лучше.

Неизменные привычки и увлечения как нельзя лучше описывают характер человека. Многие из «глухарей» были раскрыты по марке сигарет и следам от зубов на окурке. Если бы Ван Хайчэн, притворяясь антикваром, пил чай или играл в шахматы, то это можно было бы посчитать за спектакль, но со скрипкой все не так, скрипка совсем не вязалась с антиквариатом.

— А инструмент где?

Прибывшая на место следственная группа извлекла разбитый корпус инструмента из коробки

для образцов и показала Го Юаню. Не надев перчаток, тот просто осмотрел его: дека в хлам, две струны порваны, гриф тоже сломан. Скрипка не брендовая, но все же из еловой древесины, с тигровым узором на нижней деке, что указывало на класс, который обычно выбирают простые любители. Это немного разочаровало Го Юаня. Он подумал, что истинный любитель музыки на время укрытия принес бы инструмент с чуть более ярко выраженной индивидуальностью, но эта скрипка, очевидно, была взята на отшибись — подозреваемый явно не рассчитывал забрать ее отсюда.

— Проверьте марку и каналы продаж, — сказал Го Юань штатному техническому эксперту, протягивая руку, чтобы вернуть инструмент. Внезапно на полпути он вдруг что-то вспомнил и снова дернул скрипку на себя. Выставил ее против солнца, заглянул в резонатор, сунул руку внутрь и немного пошарил внутри, а затем его глаза вспыхнули.

— Выпили мне вот этот кусок, — Го Юань очертил на деке нужный участок. Эксперт не заставил себя ждать, и менее чем за три минуты кусок был вырезан с минимальными потерями.

При виде изнанки вырезанной деки Го Юань

улыбнулся и передал ее Юнь Шань. На обратной стороне был наклеен странный значок в виде осьминога размером с квадрат со стороной около пяти сантиметров.

— Хотите найти организацию, стоящую за Ван Хайчэном? Попробуйте начать с этого.

Юнь Шань с самого начала держала каменное лицо, из-за Го Юаня постоянно была наготове и к тому же относилась к нему с сильным подозрением, как вдруг он за несколько минут нашел зацепку, которая все это время была у нее под носом. Юнь Шань и обрадовалась, и удивилась, но изо всех сил старалась этого не показать.

Она внимательно осмотрела значок: тот был металлический, овальной формы. В центре рисунка — осьминог с глазами и плоской головой, с шестью соединенными под ней щупальцами и парой крыльев, раскинутых в обе стороны между головой и щупальцами. Форма всего значка немного напоминала символ Бэтмена. На лицевой стороне был рисунок, а после удаления клея на обратной стороне обнаружился текст, вырезанный бисерным шрифтом:

«Если есть немного тепла и лучик света, то можно, как светлячок, хоть на чуть-чуть рассеять тьму, не дожидаясь факела. А если факел

так и не появится, единственным светом буду я сам».

— Лу Синь, «Горячий ветер», — небрежно назвал источник Го Юань. Разумеется, это было как-то связано с происхождением кодового названия организации — «Светлячок». Но в чем был смысл цитаты? Она не только не вязалась с личностью террориста, такую связь даже и вообразить-то было трудно. Неужели Ван Хайчэн считал себя единственным источником света?

— Вот уж не ожидала, что вы, детектив, еще и книжки читаете, — небрежно обронила Юнь Шань.

— Не так бодро, как вы, новые, по щелчку декламировать не могу, — ехидно ответил Го Юань, — но буковки более-менее различаю.

Юнь Шань было скучно обсуждать такое. Ее генная модификация не затрагивала ничего, связанного с памятью, эта технология все еще оставалась довольно опасной.

Но в любом случае, если есть значок, то появилась и подсказка.

— Такую штуку да спрятать в потаенном месте, среди личных вещей, — добавил Го Юань. — Похоже на сектантов. Геморройчик.

И он был более чем прав. Когда речь идет о биз-

несменах, которые действуют исключительно из корысти и не гнушаются терактов в утилитарных целях, то для них в первую очередь важны точность и надежность. Они не станут хранить вещи, которые можно отследить. Но если дело касается людей, исповедующих какую-то веру, то они, как правило, носят с собой что-то, что эту веру укрепляет.

На самом деле бизнесмен, руководствующийся выгодой, действует так, что его отследить даже легче, и у него есть свои собственные суждения о себестоимости прибыли и убытка; но террористы, движимые верой, совсем не такие. По каким-то непостижимым причинам они превращаются в самых свирепых чудовищ, с которыми невозможно общаться и уж тем более невозможно предсказать их действия.

Юнь Шань была детективом из отдела по борьбе с терроризмом и имела больше опыта в таких делах, чем местные агенты вроде Го Юаня. Она взяла значок и передала техническому эксперту:

— Добудьте данные мониторинга Тяньван и проведите сравнительный анализ изображений. Нужны будут все результаты, связанные с этим, но сперва данные за последний месяц. Дайте знать, как только что-нибудь найдете.

— И когда же будет результат всего этого земного бардака? — поинтересовался Го Юань.

— Предварительные результаты придут не менее чем через сутки, — ответил ближайший к ним техник.

— До Саммита G19 осталось всего три дня, как можно терять целый день? Что вы обычно делали в такой ситуации? — пустился в рассуждения Го Юань, непринужденно расхаживая по руинам и не отставая от Юнь Шань. За его болтовней та почувствовала желание спровоцировать спецгруппу и проверить ее на профпригодность.

— Тяньван уже просеивает недавнюю подозрительную переписку, а в нашей системе есть данные динамического отслеживания опасных лиц за двадцать лет. Сейчас мы проводим сравнение и проверку, чтобы найти тех, кто как-либо пересекался с Сычуанью за последние полгода. Что, товарищ Го, у вас есть какой-нибудь мастерский прием? — не удержалась от шпильки Юнь Шань.

— Прекрасно, прекрасно, просто высший класс. Хорошо быть прямо под Министерством. А кто согласовывает данные системы общественной безопасности?

— Какие именно?

— Поданные за последний месяц заявления — гражданские, уголовные дела, пусть даже драки. При этом сведения о некоторых мелких кражах в интранет не выкладывают, так что нужно в каждом участке найти кого-то, кто вышлет нам информацию. Когда сможете закончить?

Глядя на озадаченное лицо девушки, Го Юань добавил:

— Ну хорошо, если вы этого еще не сделали, то поторопитесь сделать.

Он бесцеремонно подтащил к себе ближайшего эксперта и продолжил инструктаж, так и не объяснив Юнь Шань, зачем нужны материалы из отделений общественной безопасности.

Обойдя руины, технический отдел наверняка разыскал немало интересного, но Го Юань не нашел ничего полезного. В этот момент планшет эксперта, который следовал за ними, зазвонил. Молодой человек поднял руку, глянул и тут же шагнул вперед, громко объявив:

— Есть предварительный результат по значку!

Юнь Шань по привычке протянула руку, но замерла на полпути. Увидев это, Го Юань улыбнулся и жестом предложил ей посмотреть первой. Она взяла планшет, молниеносно пробежала глазами вниз по тексту, и только тогда Го Юань невозму-

тимо спросил:

— Миф о Ктулху?

Юнь Шань была обескуражена, потому что картинка на планшете действительно изображала героя искусственной мифосистемы по имени Ктулху. Оказывается, Го Юань был в курсе, и Юнь Шань это расстроило. Раз он знал, то почему сразу не сказал, почему выжидал до сих пор? И в то же время ее озадачивал другой момент — если этот «искусственный миф» известен лишь в узких кругах, то откуда Го Юанью о нем известно?

Юнь Шань быстро просмотрела соответствующее пояснение. Миф о Ктулху — это мифологическая система, созданная одним американским писателем[18] в начале двадцатого века. Ее отличительной особенностью стало создание ужасающих и неописуемых древних богов. В традиционной мифологии боги могли питать к людям особые чувства — кто любовь, кто ненависть, — древним же богам в ктулхианской мифологии не было дела до людей вовсе. Они обладали пугающей мудростью, неописуемой внешностью и непостижимой для смертных волей. Смертным достаточно было соприкоснуть-

---

[18] Сноски: 18

Г. Ф. Лавкрафт (*прим. авт.*).

ся с таким богом, чтобы обезуметь, поскольку человеческий разум не в состоянии переварить такую мудрость. Поначалу, когда повести только вышли, особой популярностью они не пользовались, но со временем положили начало субкультуре.

Согласно произведениям мира Ктулху, эти боги были неописуемы. Человеческое зрение могло увидеть лишь осколки их тени, а человеческий язык был не в состоянии обрисовать их внешний вид. Человеческий разум разрушался сразу после контакта. Но позже поклонники все же смогли изобразить облик богов на основании фрагментов, данных автором оригинальных романов. Наиболее известен Ктулху, древнее божество в виде крылатого осьминога — именно оно и послужило источником для этого значка.

— Вы были там ближе всех, все видели, — Го Юань указал на землю, не сводя глаз с Юнь Шань, — вы помните что-нибудь, связанное с этим мифом?

Неописуемый, непостижимый бог. Сердце Юнь Шань похолодело. Она была материалистом, но чем больше вспоминала ту сцену, тем страшнее ей становилось, тем сильнее крепло ощущение, что она побывала в страшном сне. Лианы и био-

масса действительно тянулись к небу, словно щупальца, пытаясь все оплести и ассимилировать.

— Эй, але! — крикнул стоявший рядом Го Юань, и Юнь Шань очнулась. — В любом случае это же не мог быть сам древний бог, да? — улыбнулся он.

Непонятно, когда он успел забрать у нее планшет, но теперь быстро листал результаты сравнения, ткнул пальцем в фото и торжественно возвестил:

— Славно! Выезжаем! Ищем чувака!

Фотография была сделана на юге Чэнду. Молодой человек, похожий на студента, шел по кампусу с рюкзаком на спине. На молнии рюкзака висел размытый металлический значок.

Начальство отправило их в Чэнду, снарядив небольшой автобус дальнего следования, с которого предварительно сняли сиденья и переоборудовали весь салон. В заднем отсеке осталось немаленькое пространство, где и уселись Дуаньму Хуэй, Го Юань, Юнь Шань и Лао Цю. Это была первая встреча Го Юаня и Лао Цю; лицо последнего не светилось дружелюбием, но Го Юаню не было никакого дела до его гримас. Технику и боевые расчеты везли на других машинах.

Теперь весь оперативный центр и члены команды переезжали в Чэнду, что знаменовало официальное начало этой оборонительной операции.

Автобус ехал неторопливо, а за окном постепенно сгущались сумерки. В отличие от Го Юаня, трое приезжих не привыкли к позднему закату в Сычуани. Ранней весной солнце садилось в семь или восемь часов, и день подходил к концу. Если целью Ван Хайчэна и его группы действительно был саммит G19, то оставалось меньше семидесяти двух часов.

Они сидели вокруг квадратного стола, на котором лежала крупномасштабная точная военная карта. Пользоваться ею было не так легко, как песчаной, но поездка в автобусе не оставляла других вариантов. Дуаньму Хуэй не хотел тратить время в пути и потому попросил Го Юаня дать обзор общей ситуации в Чэнду, чтобы были известны пути сообщения и расположение блоков. Не чтобы свободно перемещаться, но чтобы, если речь зайдет о каком-то месте, понимать азимут и расстояние и не заблудиться, оставшись без помощника.

— Если совсем по-простому, четверо ворот Чэнду традиционно делятся на четыре блока

по сторонам света. На востоке бедно, на западе элитно, на юге богато, на севере хаос. Они лучами расходятся от центра — площади Тяньфу, там есть местная достопримечательность, называется «Провинциальное Экспо». Кроме центра, где расположен деловой район, есть еще восточная сторона, раньше там находился район старых заводов и рудников, где по большей части жили местные рабочие. После реформы госпредприятий заводы разорились, рабочих уволили, с потреблением пошли перебои. Сейчас, хоть там и наводили порядок, все равно осталось много старых заводов и заводских общежитий, дороги плохие, все напоминает сломанный скелет. На западе еще с древности жили чиновники, там и Тростниковая хижина Ду Фу[19], храм Ухоу[20], дворец Цинъян[21], потом здесь же появилось жилье для провинциальных и городских чиновников. Там довольно тихо, если не считать торговых центров, но везде витает этот аристократический

---

[19] Сноски: 19

Ду Фу (712–770) — выдающийся китайский поэт. Тростниковая хижина Ду Фу — музей и парк в его честь.

[20] Сноски: 20

Храм Ухоу — мемориальный комплекс в честь полководца эпохи Троецарствия Чжугэ Ляна.

[21] Сноски: 21

Дворец Цинъян — даосский храмовый комплекс.

дух. На юге торгаши и бизнесмены, все из местных общин, которые появились очень давно. Там богато, но не дорого, вовсю идет торговля, много где поесть, хочешь — живи, хочешь — бизнес делай. А еще позже центр Чэнду пополз на юг. Особенно охотно туда сместилась зона высоких технологий и промышленности. Что непосредственно привело к миграции спецов по высоким технологиям из-за границы в районы еще южнее традиционного Южного города. Местные в шутку называют его «Международный городской юг». Общий стиль сильно отличается от традиционного Чэнду, скорее ближе к Бэйшангуану[22]. На севере хаос, потому что все сложно. Раньше на севере находился транспортный узел, а затем там появился большой юго-западный логистический оптовый кластер. Кроме того, тут же близко находился старый железнодорожный вокзал, и там уже смешались в кучу кони, люди, было полно грабителей, воров и мошенников. Если собрать все эти мелкие банды, то общий вред от них не столь уж и велик, а вот сеть связей весьма запутанная. В последние годы начали там все править, хаосу поубавилось, но по сравнению с

[22] Сноски: 22

Бэйшангуан — сокращенное название триады городов — Пекин, Шанхай и Гуанчжоу.

югом, конечно, все еще захолустье.

Будучи разведчиком, Го Юань излагал четко и по делу, приводя контекст, и так было гораздо легче запомнить, чем по бумагам. Менее чем за двадцать минут они втроем сложили в уме общую архитектонику всего города, и группе стало намного легче вести речь о географии, транспорте и достопримечательностях.

На сторонний взгляд город казался флегматичным и праздным, но темные его уголки были полны хитросплетений. В одной только куче секретных организаций черт ногу сломит, не говоря уже об остальном. Эти большие и малые секретные конторы были похожи на гурманские тортики — столько противоборствующих сил, и все хотят урвать по кусочку. Меньше чем за полчаса пути Го Юань смог пройтись только по вершкам.

В окно автобуса стало видно, что они въехали в город и двинулись по линии центральной оси к месту назначения — Сычуаньскому университету. Го Юань умолк. Он смотрел на оживленное движение за окном и думал о чем-то своем. Спустя какое-то время неожиданно спросил:

— Кто угадает? Тот студент с камеры наблюдения с какого факультета?

Никто из трех агентов сперва не понял, но первым отреагировал Дуаньму Хуэй — в его голове словно электрический разряд пробежал. Он всегда думал о Ван Хайчэне как о террористе и совсем забыл, кем тот был раньше — молодым ученым, астрофизиком.

В душе Дуаньму Хуэя всколыхнулось невнятное беспокойство. Зацепки вдруг словно повели группу по какому-то ненормальному пути. На что намекал Го Юань? У него на лице всегда была эта вызывающая улыбочка, как будто он раньше всех что-то разгадал, и Дуаньму Хуэю от нее было неуютно. Средь сотни дел Дуаньму Хуэй нашел время, чтобы почитать об антисоциальном расстройстве личности. На самом деле это заболевание отличалось от того, что он себе представлял. Такой больной — не маньяк-убийца, не тот, кого недолюбили в детстве. Это расстройство больше походило на неврологическое заболевание, которое выражалось в недостатке эмпатии и невозможности восприятия другого человека как равной личности. Таким людям ощутимо не хватает чувства социальной ответственности, и их поведение необходимо регулировать с помощью закона и наказания. Кроме того, они абсолютные, неисправимые эгоисты.

Такой человек — как острый нож. Если уметь им пользоваться, то он и пучок соломы рассечет, а если не уметь, то можно и без пальцев остаться.

Дуаньму Хуэй поднял бортовой телефон службы безопасности и связался с отделом криминалистики.

— Вы нашли информацию о цели?.. Эм, хорошо… Студент? Хорошо, какого факультета?.. Ладно, у меня все.

Он взглянул на Го Юаня и положил трубку.

— Физический.

Его голос был как обычно спокоен, но те, кто сидел рядом, сразу услышали разницу. За окном становилось все темнее, и эта чернота, словно туман, просачивалась сквозь стекла в салон, растекаясь по углам. Только на лице Го Юаня по-прежнему играла улыбка.

— Офицер, я же всего лишь предложил угадать. А что такое догадка? Какая же бесцветная у вас жизнь. — Он покачал головой. — Если б мы сейчас ставки делали, я б себе на водичку выиграл.

Чжуан Циюй, мужчина, двадцать три года, докторант Института физики Сычуаньского университета, специализация — физика высоких энергий.

Сумерки все густели, но поток людей, ехав-

ших в Сычуаньский университет и обратно, становился все больше. Восемь автомобилей для обслуживания телекоммуникаций были аккуратно припаркованы возле кампуса. Судя по раскраске, они принадлежали China Mobile, China Unicom, China Telecom и Телерадиосети. Если только не обойти кампус кругом, никто и не заметил бы такую странность. Восемь автомобилей блокировали территорию университета, так, чтобы и муха не проскочила, и захватили все сети, охватывающие кампус.

Когда личность Чжуан Циюя, владельца значка, подтвердилась, отдел немедленно заблокировал его мобильный телефон, аккаунты WeChat, QQ и Weibo. Но они все равно отставали на шаг. Отследили подозреваемого в четыре часа пополудни, а последний раз его телефон подключался к сети в два. Никто не входил в Интернет под его известными учетными записями, однако последняя геолокация по-прежнему была зафиксирована в кампусе Сычуаньского университета.

Ведомству потребовался еще час или около того, чтобы провести техническую проверку. Вопреки расхожему заблуждению, даже в отделе по борьбе с терроризмом данные для технического анализа в основном берут из общедоступных

баз, и необходимости получать информацию по множеству секретных каналов нет.

После блокировки аккаунтов Чжуан Циюя министерство немедленно начало расследование, используя подсказки из социальных сетей. Кто у него в друзьях и контактах? Какие открытые данные оставляют эти контакты в Moments, Weibo, QQ и WeChat? Сколько из них связаны с Чжуан Циюем? Даже если он сам сознательно избегал оставлять где-либо следы, остановить утечку данных из его круга общения было невозможно.

Комментарии друзей о нем в QQ и WeChat, его имя, занятия, интересы и привычки отмечали другие люди в различных группах. Родители отметили имя, научный руководитель — курс, продавец сохранил историю покупок — можно было найти все и о настоящей личности Чжуан Циюя, и обо всех фальшивых, которые он выдумал, все было можно быстро накопать, не обращаясь к базе идентификационных данных. Департаменту потребовался всего час, чтобы полностью интегрировать полученные сведения. В наше время и без всяких конфиденциальных источников информации можно изучить каждый сантиметр кожи человека лучше, чем его родители и любовники.

Однако результат их разочаровал.

Судя по данным, обработанным Тяньван, это был ничем не примечательный докторант, даже его способности к науке не получили признания. Он любил играть в онлайн-игры и использовать прокси-аккаунт лаборатории для выхода в Интернет, где, кроме научных изысканий, искал в основном порнографические сайты и при этом не контактировал ни с кем подозрительным. Как мог такой человек оказаться в организации «Светлячок» Ван Хайчэна? Если бы он в полдень внезапно не отключил мобильный телефон, они бы решили, что Чжуан Циюй просто случайно купил такой же кулон где-то на развалах.

Но стоило в одном месте чему-то произойти, как в другом немедленно обрубили связь — не слишком похоже на совпадение.

Го Юань и Юнь Шань сперва отправились в общежитие и постучались в его комнату. Там оказались лишь двое студентов, которые рубились в игры, съежившись на кровати. На вопрос о том, где их сосед, оба дружно ответили, что тот как с утра ушел, так больше не появлялся, наверняка в лаборатории торчит.

Лаборатория, к которой был приписан Чжуан Циюй, располагалась в наиглушайшем уголке

кампуса, куда было предельно неудобно добираться. Это оказалось старое трехэтажное здание физического факультета, и не потому, что у университета не было денег, как раз наоборот — по нынешним временам, когда каждый клочок земли на вес золота, сохранять дома настолько малого объема влетало в копеечку. Причина, по которой для лаборатории оставили настолько старое здание, заключалась в том, что оборудование требовало предельной точности и было чрезвычайно чувствительно к малозаметным вибрациям, поэтому его не могли разместить ни в высотных зданиях, ни вблизи основных транспортных магистралей с плотным движением, не говоря уже о метро.

Тем не менее даже в таком видавшем виды здании безопасность была превыше всего. После того как Го Юань и Юнь Шань раскрыли личности, охранник собрался позвонить руководителю лаборатории, но Го Юань безапелляционно остановил его. Вдвоем с Юнь Шань они спустились по лестнице на цокольный этаж. Го Юань даже стучаться не стал, а просто обменялся взглядами с напарницей, после чего распахнул дверь, и они вдвоем влетели внутрь.

Стоило им войти, как они тут же услышали,

что внутри кто-то громко спорит, как раз сейчас говорила какая-то женщина, судя по голосу, еще не старая, может быть, даже студентка.

— Босс, проблема сейчас не в этом! Все оборудование перекалибровали, это уже третьи замеры. Разница с предыдущими замерами — одна миллионная, эти результаты совершенно достоверны!

Го Юань быстро оглядел комнату. Это было рабочее пространство лаборатории, совсем маленькое, так что его хватало только на несколько маркерных досок. В комнате находились студентка, которая только что говорила, и крепкий мужчина средних лет, который и был для нее «боссом» — так аспиранты часто обращались к научным руководителям. Чжуан Циюя здесь не оказалось, чего и следовало ожидать.

— Сяо Цзюань, ты… тьфу! Теперь вопрос в том, как нам понимать эти данные. Если они верны, то нам нужно это как-то объяснить! Но это все уже вышло за рамки всех известных теоретических категорий. Как можно получить такие данные обычными методами? — с этими словами босс дважды от души хлопнул ладонью по столу.

В этот момент студентка по имени Сяо Цзюань наконец-то обратила внимание на незваных го-

стей. Вероятно, она хотела развить собственную мысль, но при виде двух незнакомцев, которые беззвучно ворвались в помещение, перепугалась.

— Вы… зачем пришли?

Ее босс обернулся и только тогда понял, что в лаборатории появились два лишних человека.

— Как вы сюда попали? — внезапно возопил похожий на учителя мужчина. — Это ведущая государственная лаборатория, посторонним вход воспрещен! Выйдите вон!

Го Юань и Юнь Шань синхронно достали удостоверения Министерства безопасности и сунули ему под нос. Юнь Шань перехватила инициативу:

— Вы профессор Вэй Луньвэй?

Профессор Вэй нахмурился и кивнул. При виде документов выражение его лица сделалось гадким, и он нетерпеливо спросил:

— В чем дело? Говорите быстрее, мы тут заняты!

— Ваш студент, Чжуан Циюй, вы знаете, где он?

Профессор Вэй с холодной усмешкой бросил взгляд на Сяо Цзюань:

— Вот именно, который сейчас час, где его чер-

ти носят? Ты до него дозвонилась?

— Нет, у него телефон выключен, — ответила та. — После того как он ушел вчера, я с ним больше не общалась.

При этих словах у профессора внезапно сузились зрачки.

— Ничего ведь не случилось? — спросил он у Юнь Шань. — Только не говорите мне, что именно сейчас он попал в передрягу…

Именно сейчас? Это в каком же смысле? Глаза учителя и ученицы были красными, раздраженными, в сетке сосудиков, а на лицах отразилась усталая скорбь преломивших извилины.

— Нет, у нас к нему вопрос, связанный с расследованием, — подал голос Го Юань. — Вы не знаете, где бы он мог быть? Насколько нам известно, сегодня в полдень он должен был находиться на территории университета.

— Сегодня в полдень — и всё еще в университете? — кто бы мог подумать, что профессор Вэй, услышав это, от ярости аж в лице изменится. — Откуда мне знать, где бы ему быть? Значит, в полдень он был тут? Ах, ну хорошо же, до обеда он в лаборатории не появлялся и отгула не просил, а по телефону до него не дозвониться. Он вообще учиться собирается?!

Го Юань извлек на божий свет ручку-диктофон и произнес:

— Если вы не возражаете, у меня есть пара вопросов о нем…

— Возражаю! — Профессор Вэй глянул на стол, заваленный кучей статистических данных и ворохом документов. — У нас нет времени, чтобы тратить его на ваши странности.

Юнь Шань и предположить не могла, что такая простая просьба повлечет за собой столь резкий бронебойный ответ, а Го Юань помрачнел.

— Пожалуйста, вы не на тех напали. Неважно, возражаете вы или нет, вы обязаны сотрудничать со следствием…

— Проваливайте! — взревел профессор Вэй, не дав ему закончить. Не дожидаясь их реакции, он уставился в глаза непрошеным гостям, а рукой потянулся за трубкой стоящего рядом телефона, после чего набрал ряд нолей и заорал: — Служба безопасности? У меня тут два каких-то непонятных человека, немедленно уберите их отсюда! Тут государственная ключевая лаборатория, а шастает кто ни попадя, вы с ума там у себя посходили!

Юнь Шань заметила, как в глазах Го Юаня сверкнула злость, и преисполнилась смешанных

чувств. В глубине души она, с одной стороны, беспокоилась, каких ужасов может натворить этот человек, а с другой смутно хотелось увидеть, что же у него за «аккуратные методы разрубания соломенного пучка».

Но вспышка злости была совсем краткой и тут же исчезла. Го Юань кивнул:

— Извините, что побеспокоили вас.

И, прежде чем охранник действительно пришел их прогонять, толкнул дверь и вышел. Юнь Шань поспешила за ним.

— Что думаете? — тихо спросил Го Юань, и на метр не успев отойти от двери.

Юнь Шань долго не раздумывала:

— Возможно, прикрывает своего студента.

Он покачал головой и усмехнулся:

— Нет, я не думаю, что это имеет какое-то отношение к Чжуан Циюю. Этому человеку вообще плевать на своих студентов, поверьте мне. Когда мы упомянули Чжуан Циюя, его первой реакцией было то, что студент не приходил в лабораторию и не работал на него, и только потом он забеспокоился, что мы пришли к нему, так как с Чжуан Циюем что-то случилось. И беспокойство было оттого, что это повлияет на его работу, а не из-за безопасности учеников. На ответы ушло всего

полсекунды, он определенно не притворялся.

Услышав его уверенный тон, Юнь Шань сразу поняла, что он прав, поскольку в таких делах ни у кого не было опыта богаче. Го Юань был эталоном эгоизма, а рыбак рыбака видит издалека.

— Тогда нам придется где-то в другом месте узнавать, где Циюй, — несколько разочарованно констатировала она.

Да и непонятно, успеют ли они и какие есть зацепки, за которые можно было ухватиться.

В этот момент Го Юань внезапно остановился прямо посреди лестницы и резко обернулся, так что Юнь Шань по неосторожности едва не врезалась в него.

— Вы не находите это странным? — мрачно спросил он, нахмурившись. — Как раз когда все случилось, в лаборатории профессора Вэя кипела работа. Чем он был так занят?

— Но разве вы сами не сказали, что он не притворялся… — озадачилась Юнь Шань.

— Следи за мыслью, девочка, — улыбнулся Го Юань. — Я имею в виду, что они нашли в лаборатории? Похоже, что именно сейчас, не раньше не позже, они сделали какое-то важное открытие. Совпадение ли, что именно сейчас орудует Ван Хайчэн? Или не бывает таких удачных совпаде-

ний? Ван Хайчэн что-то планирует, в лаборатории Чжуан Циюя какое-то необъяснимое открытие, а сам Чжуан Циюй пропал. Боюсь, эти три события не просто так случились в одно время.

— Позвольте напомнить вам, что они изучают физику высоких энергий, — перебила Юнь Шань. — Вы понимаете, что такое физика высоких энергий? Не забывайте, в чем состоит наше задание!

Время ускользало с каждой минутой, с каждой секундой, а о местонахождении Ван Хайчэна не было ни малейшей идеи.

От таких слов у Го Юаня аж лицо вытянулось:

— Товарищ Юнь Шань, я не знаю, как вы работали раньше. Но сейчас вы должны кое-что переосмыслить.

— Говорите, — сказала Юнь Шань, сдержав недовольство. — Только покороче.

— Я уже говорил директору Дуаньму, что вам не хватает воображения. Я расскажу об одном случае, а вы послушайте. Инцидент произошел больше двадцати лет назад в Мяньяне. Возможно, это место вам не слишком знакомо, оно находится всего в ста с чем-то километрах от Чэнду. В сельской местности, в глухой деревушке, стояли рядом три двора, и жило там всего пять человек.

Все одновременно заболели лейкемией. Из деревенского медцентра их перевезли в окружную больницу. Меньше чем за две недели все пятеро умерли. Как вы думаете, это дело имеет отношение к Министерству безопасности?

Юнь Шань знала, что ответ, естественно, будет «да», но, с полминуты посмотрев в глаза Го Юаню, наконец честно ответила:

— Я не знаю.

— Ладно, я вам скажу. Бюро здравоохранения начало расследование, где находится источник токсичного загрязнения, и в доме одного из крестьян дознаватели нашли стальную пластину, чей уровень радиации превышал норму в двадцать тысяч раз. Ее владелец работал сборщиком мусора, пластину забрал в соседнем городе. Тот, кто продал ее, был уже мертв, он подобрал пластину на заброшенной фабрике. Она была от изолирующего устройства из лаборатории ядерной физики при Академии инженерной физики Мяньяна, которая располагалась на территории закрытой военной зоны, но не использовалась уже больше полугода. Японским шпионам удалось заполучить полный комплект экспериментального оборудования, и эту оригинальную изолирующую стальную пластину, защищав-

шую его, они просто выбросили на заводе. Позже ее подобрал мусорщик. Только после того, как шесть невинных людей умерли от лейкемии, мы обратили на нее внимание и потрудились разобраться в этом деле, наконец забрав устройство. Вам нужно воображение. В этом месте разные зацепки не связаны друг с другом, как обычная цепочка улик, они появляются спорадически то тут, то там. Вы сами должны схватить их и связать воедино.

Как только прозвучало последнее слово, Го Юань мигом потерял интерес к Юнь Шань, достал коммуникатор и принялся изучать информацию о контактных лицах Чжуан Циюя. Сяо Цзюань, настоящее имя которой было Ду Сяоцзюань, оказалась старше Чжуана на курс. Го Юань быстро просмотрел ее личную информацию и уже три минуты спустя набирал контактную линию группы материально-технической поддержки.

Сорок пять секунд спустя мобильный телефон Ду Сяоцзюань разразился сперва трелью, а затем взволнованным голосом курьера из доставки EMS:

— Госпожа Ду? У меня для вас букет от господина Ло, пожалуйста, распишитесь за него. Я возле вашего корпуса физики, охрана меня не пускает.

Ду Сяоцзюань находилась с господином Ло в состоянии холодной войны после ссоры, поскольку несколько дней безвылазно провела в лаборатории и крутилась там почище белки в колесе. Звонок наконец-то взбодрил ее, она умылась и вышла на улицу.

Завидев светящуюся от счастья Ду Сяоцзюань, которая вышла из ворот и теперь искала взглядом курьера, Го Юань похлопал Юнь Шань по спине и сказал:

— Пошли, цветочница.

Глава четвертая

При виде них обоих Ду Сяоцзюань сперва замерла на пару секунд, в замешательстве озираясь вокруг, а затем быстро поняла.

— Никаких цветов от парня не было, так?

Увидев, как радостный одухотворенный свет в глазах девушки угас, уступая место потерянному одиночеству, Юнь Шань ощутила угрызения совести. Она была примерно того же возраста, и вкус такой горечи был ей знаком.

— Я знаю, о чем вы хотите спросить, так что поторопитесь. Мне нужно вернуться в лабораторию, работы много, — сказала Ду Сяоцзюань.

— Вы видели такое? — мягко спросил Го Юань, осторожно вынул значок из пакета с уликами и передал ей.

Девушка повертела его в руке и покачала головой:

— Нет. Что это?

— И в лаборатории вы не видели подобных значков? Чжуан Циюй носит такой на рюкзаке, — напомнил Го Юань.

Ду Сяоцзюань задумалась.

— Быть может, и видела, но я на такое обычно не обращаю внимания. Можете сказать, что происходит?

Го Юань ответил предельно кратко, упомянув лишь, что значок может быть связан с террористической организацией, поэтому то, что Чжуан Циюй носит такой значок, естественно, вызывает подозрения. Конечно, углубляться в детали он не стал, просто дал ей понять, в какую переделку влип ее приятель-младшекурсник. Восемь мобильных станций связи набросили над кампусом коммуникационный навес, и теперь можно было не беспокоиться об утечках — вся коммуникация проходила фильтрацию через этот барьер. Если кто и допустит утечку, он всего лишь поможет оперативной группе быстрее захватить цель. Вот только необыкновенное терпение Го Юаня немного озадачило Юнь Шань. Она чувствовала, что у этой докторантки нет никакой полезной информации и возиться с ней означало попусту тратить время. Дело было срочное, и полезнее было бы допросить соседа Чжуан Циюя по комнате.

— Вы заметили что-нибудь примечательное в поведении вашего друга? У вас же неплохие отношения?

— Я… Дайте подумать… — Ду Сяоцзюань на ка-

кое-то время погрузилась в воспоминания. — Не знаю, считается ли это примечательным. Чжуан не очень похож на человека с экстремистскими идеями, хотя иногда его и заносит…

— В каком смысле?

— Как бы сказать… Он угорает по технике? Не знаю, как вам объяснить. Как будто он считал, что любую проблему в мире можно решить при помощи техники, а если нельзя решить, то это просто техника недостаточно развилась. И все проблемы в мире вызваны техникой, а правительство и общество только вносят лишний хаос. Технологический анархизм? Но он ведь всего лишь болтал, не должно же было… Вы думаете?.. — Ду Сяоцзюань чувствовала, что только ухудшает ситуацию.

— Тогда общался ли он в последнее время с кем-то необычным? — не унимался Го Юань.

— Я правда не знаю… У нас тут физика высоких энергий — это фундаментальное исследование, и, как правило, нами никто не интересуется, кроме наших коллег. Да и то, что мы говорим посторонним, им непонятно, так что… эм… вы понимаете, что я имею в виду?

— Что вы не создадите ядерное оружие, вы об этом? — Го Юань все больше раздражался, по-

скольку способность девушки выражать мысли вызывала резонные опасения. Увидев, что она кивнула, он продолжил допрос: — Я видел, что вы там были очень заняты, открытие совершили? Это случилось до того, как пропал Чжуан Циюй, или только сегодня?

— Уже пару дней как, в то время он… — девушка внезапно растерялась и судорожно вздохнула. Это немедленно привлекло внимание Го Юаня.

— Что? Что вы вспомнили?

— Четыре дня назад, когда впервые появились результаты, я позвала Циюя, чтобы вместе на них посмотреть. Эм… поскольку базовые данные были ненормальные, я в тот момент решила, что дело в оборудовании, и босс тоже жаловался, что с оборудованием, должно быть, что-то не так. Но… тогда Циюй вообще ничего не сказал, и лицо у него было страшное. Я думала, что ему типа нездоровится, а потом отвлеклась и вместе с боссом пыталась выяснить, что не так с оборудованием, мы думали, нужно ли остановить его для ревизии, и на Циюня больше не обращала внимания.

— Вы можете мне рассказать, что вы там наоткрывали? — Го Юань бросил быстрый взгляд на Юнь Шань. — Только не слишком сложными

словами, если можно.

Юнь Шань была весьма удивлена. Ду Сяоцзюань совершенно не умела общаться, но не зарекомендовавший себя пай-мальчиком Го Юань вел себя с ней предельно терпеливо и мягко. Неужели он всего лишь притворялся? Однако это его «а что вы открыли в своей лаборатории», оно же никак не соотносилось с текущим делом, зачем бы ему спрашивать об этом? И, хотя Юнь Шань пребывала в замешательстве, в душе ее зародилось досужее любопытство. Ей ужасно хотелось посмотреть, что же он сможет выведать.

— Ну… — девушка подумала еще с минуту, пытаясь сформулировать все так, чтобы было понятно неспециалистам. — Физика высоких энергий на самом деле изучает физику микрочастиц, вы же это знаете?

— Теперь знаю, — кивнул Го Юань.

— Тогда вы знаете принцип постоянной скорости света?

— Вероятно, знаю.

— Неизменность скорости света — это первичный принцип…

— Минуточку! — перебил Го Юань. — Что называется первичным принципом?

Докторантка замолчала в замешательстве, му-

чительно вцепившись в затылок.

— Первичный принцип это… это самое… ой все, я по-другому скажу. Скорость света в вакууме постоянна, и это верхний предел скорости материи в природе. Это вы понимаете?

— Теория относительности.

— Ну, тогда… вы знаете, чему она равна?

— Триста тысяч километров в секунду, — подсказала Юнь Шань.

— Ну, если совсем точно, то 299 792 458 метров в секунду. Это верхний предел скорости материи в природе. Но пять дней назад мы получили в ускорителе пучок нейтрино, скорость которого была на четыре стотысячных выше этой. Это, конечно, ни в какие рамки, поэтому мы сами измерили кавитационный резонанс… Ну, это способ измерения скорости света. Измеряемый результат… — Ду Сяоцзюань торжественно посмотрела на них и выговорила слово за словом: — Стал еще выше. Они посмотрели друг на друга, как на новые ворота. Ду Сяоцзюань с нажимом повторила:

— Это намного выше нормальной скорости света, которая нам известна!

Го Юань в замешательстве посмотрел на Юнь Шань, безмолвно моля о помощи. Пытаясь быть вежливой, та изо всех сил старалась вспомнить

предыдущие данные и вычислить результат в уме:

— Итак, скорость света… гм…

— Скорость света увеличилась! — взволнованно воскликнула Ду Сяоцзюань. — Вы что, не понимаете? На пять десятитысячных!

Го Юань не представлял, как нужно реагировать на это «важнейшее открытие», а потому был вынужден уточнить:

— И что дальше? Что это значит?

Ду Сяоцзюань тяжело вздохнула. Вот тут-то и вся беда, когда говоришь с дилетантами. Когда профессионалам кажется, что свершилось архиважное и при этом страшное открытие, которое переворачивает Вселенную с ног на голову, дилетанты только плечами пожмут и посчитают это в порядке вещей, а какие-то элементарные, простые, проще некуда, вещи, наоборот, напугают этих дурней до глубины души.

— Постоянная скорость света — это первичный принцип, это одно из основных структурных свойств нашей Вселенной. Структура этого мира напрямую связана со скоростью света. Например, знаете ли вы о преобразовании массы в энергию? $E = mc^2$, ну это уж вы точно должны знать, нет? Энергия ядерного синтеза получается в результа-

те преобразования массы в энергию. При взрыве водородной бомбы чуть меньше процента материи уничтожается, превращаясь в энергию.

Она не рискнула продолжить, пока оба не кивнули в знак понимания.

— Тогда представьте, что с в формуле, то есть скорость света, увеличивается на пять десятитысячных, а энергия, выделяемая при ядерном синтезе, увеличится на одну стотысячную, верно?

Они вдвоем могли только притихнуть и слушать. Доктора Ду понесло: она говорила все быстрее и быстрее, а ее голос все больше и больше дрожал, подстегнутый общим возбуждением. Только много позже они поняли, что эта дрожь и волнение были продиктованы страхом перед бездной.

— Энергия звезд происходит из ядерного синтеза, верно? Если энергию, выделяемую всеми звездами, включая Солнце, увеличить на одну стотысячную, понимаете мысль? Изменится энергетическая структура всей Вселенной! И это лишь мизерный аспект эффекта увеличения скорости света. Гравитационная структура, сила притяжения, управляющая вращением галактик, сила притяжения черных дыр, которые влияют

на вращение галактик. Фундаментальная логика Вселенной основана на этом фундаментальном параметре. Если скорость света в вакууме и правда может различаться, — она в отчаяннии схватилась за волосы, — я не знаю, как описать…

Спустя полминуты она все-таки нашла слова:

— Если солнечная система изолирована, а солнечную энергию увеличить на одну десятитысячную, это нагреет землю до такой степени, что все живое вымрет, а солнечный ветер усилится настолько, что снесет земную атмосферу. Земля станет бесплодной, как Венера. Если мы посмотрим еще масштабнее, в результате гравитационные приливы Млечного Пути претерпят огромные изменения, и большинство известных нам галактик будут разорваны на части и деформированы; некоторые звезды, расположенные близко к центру Млечного Пути, будут втянуты в черные дыры, некоторые распадутся на части, а некоторые из них соберутся в более крупные небесные тела. Большое количество первоначально стабильных крупных звезд разрушится под действием силы тяжести, а затем взорвутся сверхновые. Вся Вселенная, которую мы знаем, распадется.

Ученая рассеянно подняла взор к ночному небу.

Воздух ранней весной в Чэнду далеко не прозрачен, и видно лишь несколько жалких звезд нулевой величины[23]. Выглядит даже страшнее — кажется, что звездное небо было разорвано на части и поглощено чем-то невидимым.

— То есть вы обнаружили, что законы Вселенной изменились, — сказал Го Юань, — а затем ваш приятель пропал со связи.

— Но эти две вещи никак не связаны, верно? — ответила Ду Сяоцзюань.

— Может, связаны, а может, нет, — сказал Го Юань, убирая диктофон, который держал в руке. — Скорость света — это, наверное, большое открытие для вас?

Ду Сяоцзюань поняла, что, несмотря на ее объяснения, Го Юань и Юнь Шань на самом деле не понимали всей серьезности происходящего. Она постояла с раскрытым ртом и наконец сказала:

— Да. Теперь босс торопит нас проверить результаты и определить, действительно ли скорость света изменилась. Если да, то это, определенно, открытие, которое повлияет на всю физику.

---

[23] Сноски: 23

Видимая звездная величина — единица измерения светимости небесного тела. Чем меньше значение величины, тем ярче звезда (*прим. автора*).

— И именно в этот критический момент Чжуан Циюй исчез. Вот почему ваш наставник так разозлился, — кивнул Го Юань. Изменение скорости света звучало загадочно, но все же было слишком чуждо им обоим — ни его, ни Юнь Шань это не обеспокоило. — Хорошо. Если будут новости от Чжуан Циюя, пожалуйста, немедленно сообщите нам и сотрудничайте с нами дальше…

Он не успел договорить, как коммуникатор на поясе Юнь Шань внезапно подал сигнал. Чтобы не выдавать владельца во время работы, коммуникатор был переведен в беззвучный режим, но в мертвой тишине слышно стало и вибрацию. Юнь Шань достала его и подсветила. На экране появилось ослепительно алое сообщение о тревоге. Пробежав его глазами, она перевела экран в режим проекции.

В воздухе появилось слабо светящееся лицо Дуаньму Хуэя:

— В узловом центре электроснабжения Чэнду видели человека, похожего на Чжуан Циюя, с ним еще двое. Меняем оперативный план, немедленно отправляйтесь туда!

Когда он закончил, стоявшая рядом Ду Сяоцзюань тихонько вскрикнула.

— Что? — немедленно спросил Го Юань.

— Ну… я помню… кажется… у НИИ при узловом центре электроснабжения был какой-то проект с Чжуаном, — нерешительно сказала докторант. При этих словах Юнь Шань и Го Юань переглянулись. Зацепки наконец-то увязались между собой, центр электроснабжения Чэнду должен быть ключом к вражескому плану.

Не прошло и полминуты, как тишину кампуса разорвал визг мчащегося автомобиля. В кампусе был запрещен любой транспорт, а в этом углу, отведенном под лабораторию прецизионных измерений, даже не сделали разметку полос движения. Но электромобиль оперативной группы, наплевав на правила, пролетел прямо через пешеходную дорожку, бросился вперед и, вильнув задом, остановился перед агентами.

— Спецназ МНБ при исполнении! — Водитель потряс удостоверением под носом у прибежавших охранников. Го Юань и Юнь Шань запрыгнули в машину, и та резко умчалась, оставив на траве кучу грязных следов от шин.

Хотя Ду Сяоцзюань не задала никаких вопросов, связанных с текущим делом, странное открытие, о котором она упомянула, бросило большую тень на сердце Юнь Шань. Кроме того, она поняла и то, что Го Юань действительно непрост, по крайней

мере, не так прост, чтобы это можно было свести к психическому расстройству.

«Используйте свое воображение». Действительно, в этом деле без воображения ответов не найти.

Когда автомобиль покинул территорию кампуса, Го Юань раздобыл более подробную информацию, которую тщательно проверил. Взяв за временную точку отсчета момент, когда Чжуан Циюй отключил мобильник от сети, а за пространственную — Сычуаньский университет, технический отдел провел сравнение лиц на видео, полученных с камер наблюдения. Очевидно, у Чжуан Циюя был план действий, и он прошел хорошую подготовку, чтобы уйти с радаров, поэтому система так и не нашла совпадений. Тяньван отреагировала лишь десять минут назад, и к этому моменту область поиска расширилась до всего города. К поиску подключили более сложную модель анализа, которая учитывала не только лицо, но также позу и походку, после чего система обнаружила следы Чжуан Циюя в записях двух камер наблюдения, расположенных в зоне освоения высоких технологий примерно в десяти километрах к югу от центра электроснабжения.

— Чжуан Циюй сотрудничает с местным исследовательским центром. Что это за проект? — спросил Го Юань сидевшего в оперативном центре Дуаньму Хуэя по внутренней линии из автомобиля. — Мне нужны данные.

— Минутку, — по указанию Дуаньму Хуэя спецслужба выдала результат спустя всего минуту. — Вы уверены, что они действительно сотрудничали? Мы ничего не нашли по проекту, о котором вы говорите.

— Это сказала его подруга из лаборатории, Ду Сяоцзюань. Она не могла ошибиться. Проверьте еще раз, — добавила сидевшая в сторонке Юнь Шань.

— Попробуйте лабораторию физики высоких энергий, он не обязательно может быть под именем Чжуан Циюя, — велел Го Юань. — Это довольно обычная практика — в проекте может быть указано только имя научного руководителя, а реальных сотрудников в записях нет.

Они подождали еще две минуты.

— Нет никаких проектов, связанных с энергоцентром, — сообщил Дуаньму Хуэй. И задумался. Затем повернулся к сотрудникам спецотдела: — Подождите, дайте-ка мне все проекты Института физики высоких энергий.

Хотя Дуаньму Хуэй не работал на выездах, он очень тонко чувствовал разведданные. Если Юнь Шань говорит, что у Чжуан Циюя есть проект, он должен быть там, но почему тогда его не найти? Неужели с ним что-то не так? Дуаньму Хуэй быстро прошерстил информацию о лаборатории физики высоких энергий и НИИ энергоцентра, и только тогда заметил, что в списке НИИ значилось три «закрытые» записи.

— Минутку.

Он запросил детали во внутренней системе. Система откликнулась всплывающим окном проверки уровня конфиденциальности, Дуаньму Хуэй быстро ввел номер своей учетной записи и код авторизации, и на странице появилась строка:

Недостаточный уровень полномочий, доступ запрещен.

Дуаньму Хуэй был ошеломлен и потрясен. С его уровнем он не должен был сталкиваться с недопуском в организации «обычного» уровня секретности. Даже в сверхсекретной военной и внешней разведке у него был класс безопасности, который не требовал разрешения. Как же его могла завернуть не секретная военная организация, а обычная контора, даже не гражданское

ведомство внешних связей?

Что-то тут нечисто. Сегодня он уже не первый раз чувствовал подобное. В разведке нет ничего страшнее неизвестности, но сейчас туманом застило уже его собственные глаза.

— Ну что, нашлось? — раздался по внутренней связи голос Го Юаня.

— Ничего конкретного, — ответил Дуаньму Хуэй. — Есть пара записей, которые я отсюда не могу просмотреть. Возможно, это то, о чем вы говорите. И в этой лаборатории соответствующей информации тоже нет.

Он скрыл тот факт, что ему не хватило уровня доступа. Будь там одна Юнь Шань, он бы сказал все прямо, но теперь за главного был Го Юань, и такое признание могло повлечь за собой другие проблемы. К счастью, Го Юань не стал уточнять, и Дуаньму Хуэй немедленно велел Лао Цю снова послать кого-нибудь к Ду Сяоцзюань, чтобы во всем разобраться и посмотреть, что еще полезного можно раскопать.

Го Юань и его группа пересекли проспект Тяньфу и свернули на небольшую дорогу. От Сычуаньского университета до цели было всего десять минут езды. Хотя при движении чисто электрического автомобиля шума двигателя

не слышно, шум ветра и шин, создаваемый на высокой скорости, все равно мог выдать их местонахождение. Три машины начали замедляться в пяти километрах от энергоцентра, а затем нормальным ходом подъехали на расстояние около километра и остановились.

Прежде чем выйти, Юнь Шань достала кучу тонизирующих добавок, упаковку электролита и две упаковки энергетика.

— Страна вам компенсирует эти приблуды? — с улыбкой спросил Го Юань. — Сколько стоит упаковка?

Юнь Шань мельком глянула на него и, поглощенная собственными мыслями, быстро выпила содержимое. Ответила невпопад:

— Они полезные.

Го Юань и Юнь Шань пешком привели две специальные штурмовые группы по пять человек в зону выхода на цель.

Оба агента зарядили пистолеты, ударная группа также привела в боевую готовность штурмовые винтовки. Энергоузел изначально представлял собой высоковольтную подстанцию, расположенную на западе Зоны освоения высоких технологий Чэнду, прямо посреди необлагороженного пустыря. С быстрым развитием технологии

управляемого ядерного синтеза в последние годы ее преобразовали в энергетический центр. Хотя название и масштаб изменились, основные функции узла остались прежними. Он отвечал за снижение напряжения в цепи и распределение электроэнергии. Именно этот узел обеспечивал электричеством большую часть Чэнду и окрестности в радиусе примерно ста километров.

Если эти странные террористы просто отключат его, энергосеть Чэнду потеряет половину мощности, а может, и больше, и в нескольких близлежащих городах также произойдут серьезные аварии.

Издалека все казалось совершенно обычным. Подстанцию уже давно автоматизировали, и, несмотря на большую ответственность, обслуживало ее всего чуть больше двадцати сотрудников, отвечавших за отслеживание нештатных ситуаций и плановые проверки. Энергоузел занимал огромную площадь, но в самом здании светилось совсем немного огоньков. Гигантские трансформаторы снаружи не издавали ни звука, а очертания керамических изоляторов ночью напоминали торчащие во все стороны странные антенны, немного пугая своим видом.

Го Юаню, однако, все это было хорошо знакомо,

он родился в семье работника старого военного завода третьей линии провинции Сычуань, на котором производилось электрооборудование. Он привык видеть такие ужасно большие и неуклюжие автоматы и теперь словно вернулся в детство, чему даже порадовался. В это время в его наушнике раздался голос Дуаньму Хуэя:

— Согласно отчету дрона, система сетевой сигнализации была заблокирована механически. На видеокабеле сетевого мониторинга обнаружено замаскированное устройство блокировки сигнала. Мы хотели запустить дрона в помещение, но за двести метров до здания возникли помехи, и сигнал управления перестал проходить. Разведку отменили, ситуация внутри неизвестна.

Голос Дуаньму Хуэя был спокоен и ничем не выдавал волнения, но то, что он сообщал, поражало. Хотя энергоузел не был сверхсекретной организацией с церберовской охраной, от него все же зависела нормальная жизнь города, поэтому уровень безопасности был далеко не низким, а оборудование для профилактики и контроля держалось на квазивоенном уровне. Тот факт, что неприятель так легко и беспрепятственно остановил нормальную работу системы охранной сигнализации и наблюдения, говорил о том, что

он не только хорошо подготовился, но и хорошо вложился.

А большие вложения требуют большей отдачи. У всех так, и особенно у террористов.

Без разведки беспилотником боевая группа словно ослепла на один глаз. У врага было не менее десятка человек, и они с немалой вероятностью уже контролировали видеонаблюдение энергоузла. Теперь операция стала смертельно опасной, потому что враг был скрыт, а спецназовцы — как на ладони.

Штурмовая группа А пошла первой, ворвалась через главный вход и быстро убедилась, что засады нет. Следом зашли Го Юань и остальные. В центре был только один этаж, и хотя он занимал огромную территорию, застроен был не слишком плотно. Минуя дверь и обойдя центральный проход, они почти сразу увидели обмякшего в углу сотрудника в форме.

Крови на земле не было. Юнь Шань подошла ближе и обнаружила, что у него из груди торчат два дротика с транквилизатором. Она внимательно осмотрела тело, склонилась, чтобы проверить дыхание мужчины: то хоть и замедлилось, но угрозы жизни не было. Только после этого она подозвала членов группы и Го Юаня и с облегче-

нием выдохнула:

— Все в порядке, он в отключке.

Го Юань подошел ближе и вновь тщательно осмотрел дротики. По его спине пробежал холодок руки на мгновение дрогнули.

Не так, не так, все совершенно не так.

Это ведь должна быть группа хорошо подготовленных, хладнокровных террористов. Го Юань был готов увидеть самые ужасные сцены. Он только что проигрывал их в уме. На месте преступников он не оставил бы персонал без присмотра. Возможно, кроме ответственного за главные пароли сотрудника, остальных двадцать с лишним нужно было убрать. При особой необходимости не трогать двух-трех послушных женщин — чтобы потом использовать как заложниц. Вот так оставлять в живых свидетеля означало не только рискнуть операцией, но и позволить ему впоследствии дать показания. Они потратили столько усилий, скрывая, кто они и где, так что даже министерство, приложив львиные старания, не смогло ничего узнать, так почему же оставили свидетеля?

Пусть у террористов были на то причины, которых Го Юань себе не представлял, но зачем пользоваться транквилизатором? С одной сто-

роны, эффективная дальность стрельбы этой штуки смехотворно мала, с другой — даже если попасть с близкого расстояния, у цели останется много времени, чтобы действовать, и это может доставить немалые неудобства. Например, чтобы сдержать этого человека, в него пришлось выстрелить дважды. С чего бы ради?

Нерационально, слишком нерационально.

Именно эта нерациональность и напугала Го Юаня. Он чувствовал, что все здесь не так. Такое поведение ненормально и нелогично.

Через пару десятков метров по коридору на полу нашлись еще двое сотрудников, также усыпленных. Юнь Шань в спешке бросилась вперед, однако Го Юань схватил ее за руку.

— Что-то не так, — хриплым голосом произнес он. — Не бегите вперед, здесь точно что-то подозрительное.

Было слишком поздно объяснять, что и почему не так. Команда осторожно рассредоточилась. Они прошли весь коридор и оказались перед запертой изнутри железной дверью, закрывающей вход в центральную зону управления. Го Юань поднял руку, давая сигнал к штурму. Команда сформировала атакующую фалангу, и один человек вышел вперед, чтобы наклеить терморас-

творитель на изолирующий замок. Менее чем за две секунды от тления выработалось достаточно тепловой энергии, чтобы несколько сантиметров замка вместе с дверью расплавились в дыру, края которой засветились ярко-синим. Не дожидаясь, пока рассеется чад от плавления, солдат выбил дверь ногой, придавил спусковой крючок и приготовился к атаке.

Реакции не последовало. Внутри никого не было?

Центральная зона управления была не слишком велика, и команда проскользнула в нее один за другим. Внутри не нашлось никаких следов неприятеля, только несколько сотрудников — некоторые упали на консоль, некоторые прямо на пол. Всех усыпили. В комнате не было хаоса. Учитывая, что противник использовал транквилизаторный пистолет, атака была бурной и внезапной, раз всех людей уложили прежде, чем те успели среагировать.

Го Юань быстро осмотрел несколько консолей и не нашел никаких следов манипуляций. Судя по всему, противник явно не желал уничтожать энергоузел.

Но тогда какая же у него цель? Это еще больше озадачило Го Юаня. Юнь Шань тоже заметила,

что что-то не так, и поспешила по следам на полу в поисках незваных гостей. Это ведь уже главная диспетчерская, куда же те отправились?

Следы были четкими, преступники шли беспорядочно, сделали крюк к боковой двери и исчезли за ней. Юнь Шань двигалась гораздо быстрее, чем Го Юань. Дверь была тонкой. Убедившись, что изнутри не слышно ни звука, она толкнула ее и без колебаний вошла внутрь. Ее движения были ловки и бесшумны, как у кошки, так что в одно мгновение она превратилась в отдаленный силуэт.

Го Юань, конечно, знал о способностях новых людей, но никогда не думал, что они настолько удивительны, ему было трудно даже уловить ее движения, поэтому оставалось лишь внимательно смотреть по сторонам и думать про себя: и правда полезные.

Согласно полученным заранее планам, этот проход вел в комнату отдыха и уборную. Не дойдя до развилки, он учуял в воздухе остаточный запах пороха.

Го Юань почуял неладное и быстро свернул за угол. На полу в луже крови лежал дюжий мужчина в форме. У него во лбу и в трех местах на груди виднелись отверстия от пуль. Нападавшие

стреляли наверняка. Юнь Шань стояла на страже, сжав пистолет. Под ее защитой Го Юань присел на корточки, внимательно осматривая труп, и обнаружил, что рука у того лежит на поясе. Оказалось, она тянулась к пистолету военного образца.

Поразмыслив немного, Го Юань понял, что это значит. «Светлячки» все же убивали людей. Погибший был солдатом, хоть и не в военной, а в обычной форме, он явно служил в центре охранником. Военных в узле не предполагалось, и тем не менее вот он, солдат в штатском, а значит, здесь есть что-то, чего быть не должно.

Исследовательский проект, в котором участвовал Чжуан Циюй из Лаборатории физики высоких энергий и который не удалось найти.

Го Юань достал портативный коммуникатор и снова вывел на экран план здания. Этот конец был наглухо запечатан, но за стеной оставалось пространство длиной более пяти метров, при этом совершенно пустое.

Он похлопал ладонями по полу, покрытому эпоксидной смолой. Сантиметр за сантиметром ощупал стену и почувствовал, что возле самого края стена на ощупь другая, а звук стал звонче. За ней был не бетон, а металл.

Зачем в Национальном центральном энергоуз-

ле нужна потайная комната?

Знает ли о ней Дуаньму Хуэй в своем оперативном центре?

Он не стал спрашивать, только простукивал стену снизу вверх, пока не нашел за спиной у трупа декоративную панель. Когда Го Юань с силой надавил на нее и толкнул, та приподнялась, обнажив квадратный кодовый замок с отпечатком ладони. Судя по всему, защита была усилена распознаванием зрачка и голоса, но сейчас замок кто-то разбил посередине. К контуру управления под верхней панелью присоединили непонятную штуковину, замковая кнопка была выдрана и мигала.

Когда за стеной обнаружился замок, Юнь Шань удивленно воскликнула:

— Почему это здесь?

По ее интонации Го Юань понял, что она не притворяется, а действительно не знает. Он нажал на кнопку замка, и боковая стена быстро и бесшумно поднялась вверх, являя взору огромный лифт.

— Что… — Юнь Шань сориентировалась почти сразу. — Подождите, если это что-то секретное, нам нужно подать заявку… Что вы делаете?

Го Юань потянул девушку, толкнул в лифт и

втиснулся следом. О какой заявке может идти речь в такое время? Не говоря уже о том, что к моменту, как ее примут, поезд уйдет. Ему никто не сказал о секретной комнате, ее не было на плане здания, возможно, даже Дуаньму Хуэя держали в неведении. А значит, почти наверняка спуститься не разрешат.

— Приготовьте пистолет! — тихо велел он и резко ударил по кнопке.

Дверь с лязгом закрылась. У лифта не было даже нормального буферного времени. Кабина начала стремительно спускаться. Го Юань прижался к стене, слушая, как бешено колотится его сердце.

Глава пятая

На панели лифта не отображалось количество этажей, и он остановился всего через несколько секунд. Го Юань прикинул глубину — выходило около десяти метров.

Он много лет занимался секретной работой в Сычуани. Ему приходилось иметь дело с совершенно секретными организациями и проектами, но таких, с потайными комнатами в здании, было очень мало. Обычно конфиденциальность обеспечивали многослойной изоляцией, чтобы у посторонних не было шанса проникнуть в место, которое должно оставаться секретным. Мало кому в голову приходило прятать что-то внутри здания со смешанным персоналом. Идея, что чем опаснее место, тем оно безопаснее, — это пошлые фантазии телесценаристов, а не реальность.

Прежде чем дверь лифта открылась, Го Юань, поколебавшись, подтолкнул Юнь Шань к другой стороне двери. Он, конечно, предпочел бы, чтобы перед ним стояли хорошо экипированные солдаты, но сейчас в комнату должны были войти лишь они вдвоем.

Каждый спрятался с одной стороны от двери. Если враг сторожил лифт, лучше было не высовываться. Охранника убили, и, само собой, больше нельзя ожидать, что они будут использовать транквилизаторы.

Дверь лифта начала медленно отъезжать в сторону, но нападения не последовало. Как только она приоткрылась наполовину, Юнь Шань стремительно метнулась наружу, нашла для укрытия стол и кинулась под него. Прошла секунда, а враг все еще не реагировал. Тогда Юнь Шань жестом показала Го Юаню, что пока безопасно, и тот вышел вслед за ней.

Спрятавшись под столом, он осторожно огляделся. Лифт привез их в атриум площадью около двухсот квадратных метров. Формой он напоминал направленный вперед трезубец, и в каждом зубце слева и справа стояло по столу. Юнь Шань указала на пол. Го Юань увидел кровь, затекающую туда, где они прятались. Позади стола лежали тела двух охранников, пули попали точно в сердце, и из ран стремительным и непрерывным потоком лилась кровь.

Убийца, ничуть не смущаясь, прошел по лужам и направился в среднее помещение, оставляя за собой кровавые отпечатки ног. Выглядело

шокирующе.

Раньше они недооценили «Светлячок», не предполагали, что противники окажутся настолько целеустремленными и решительными. Сперва они заблокировали сеть системы безопасности извне, а затем ворвались в энергоцентр через главный вход. Усыпили обычных сотрудников, а после того, как проникли в секретный сектор, быстро и четко расправились со всеми попавшимися на пути военными. Наверняка использовали рабочие связи Чжуан Циюя. Во-первых, у них была точная информация, а во-вторых, в штурме, вероятно, участвовал кто-то из сотрудников центра, ведь охранник явно ничего не заподозрил. Когда он поднял пистолет, было уже поздно, и очередь точнехонько прошила его сердце.

Юнь Шань тихо подошла к двери, прижалась к стене и медленно приоткрыла створку пистолетом. Оттуда не донеслось ни звука, не последовало никакой реакции. Девушка резко метнулась внутрь, стремительная, как леопард, и Го Юань рванул следом.

Свет в комнате был тусклым, и только несколько ненаправленных световых полос грубо отражали ее очертания. Стоило Го Юаню вбежать, Юнь Шань сбила его с ног и жестом велела лежать

ничком. Он поспешно повиновался и только тогда заметил, что в помещении есть еще один отсек, и в окне его верхней части горит свет.

Это была типичная структура с двойной изоляцией. Го Юань и Юнь Шань находились во внешней комнате, в центре ее располагалась основная лаборатория, а по кругу установлена куча невесть для чего нужного оборудования и консоль обработки данных. От такой планировки Го Юань забеспокоился еще больше: он видел подобное лишь дважды, и оба раза речь шла о чрезвычайно опасных и сверхсекретных объектах.

Такая конструктивная особенность преследовала только одну цель: если в основной лаборатории произойдет смертоносный инцидент, двойная изоляция поможет избежать непосредственного распространения и ограничить возможный ущерб рамками контролируемого диапазона.

Внутри было светло, а снаружи темно. Пользуясь этим, Го Юань осторожно высунул голову и заглянул в окно. Там стояло три человека, которых засняли камеры наблюдения у входа в энергоцентр, в том числе и Чжуан Циюй. Личности двух других еще не установили. Прислушавшись, Го Юань понял, что звуки до него

почти не доходят — очевидно, лаборатория была звукоизолирована и герметична. Го Юань решил не действовать опрометчиво, притянул Юнь Шань и шепнул ей на ухо:

— Кажется, они еще не заметили, что их раскрыли.

Та закатила глаза и тихо ответила:

— К моменту, как сюда спустятся штурмовые группы, ситуация наверняка изменится. Давайте нападем.

Го Юань кивнул — он именно это и имел в виду.

— Подождите.

Он вытащил из портативного терминала оптоволокно камеры и вытянул его вверх. Камеру специально оптимизировали под такие операции, а приглушенный экран не давал неприятелю возможности себя обнаружить. Го Юань повертел оптоволокно во все стороны, рассмотрев все устройство лаборатории, отделенной стеклом.

В центре комнаты находилась платформа, судя по виду, необычайно прочная и угловатая, со сложными устройствами управления, выступающими с обеих ее сторон. Слева и справа стояли два человека, одним из них оказался Чжуан Циюй, другой выглядел намного старше, лет сорока,

с острыми чертами каменного лица и бритой головой, Го Юань никогда его раньше не видел. Третий был намного выше, ростом под метр девяносто, а может, и все два. Он стоял позади них с пистолетом в руках. Вероятно, он и убил всех охранников в центре.

Человек не был китайцем. Несмотря на идеальную выбритость, глубокие глаза и высокая переносица выдавали его ближневосточное происхождение.

Го Юань задумался, неужели в «Светлячок» подложили свинью ближневосточного экстремизма?

Если так, то многое обретало смысл. С тех пор как пять лет назад технология ядерного синтеза в Китае перестала быть чистой теорией, нефтяная промышленность рухнула в мгновение ока. Международный капитал быстро покинул страны Ближнего Востока, раньше известные разбогатевшими на черном золоте миллиардерами. После истощения собственных финансовых резервов менее чем за три года они превратились практически в руины. Финансовый центр, запланированный в нефтяную эпоху, и великий план развития высокотехнологичной промышленности превратились в мечту, оставив лишь кучу

ветшающих минаретов на линии горизонта.

В условиях великих перемен быстро распространялись экстремистские идеи. Ближний Восток утратил прежнюю позицию источника энергии на международной арене, и у ряда крупных держав, естественно, пропал резон учитывать регион, оказавшийся на задворках истории. Оставшиеся капиталы быстро поглощали экстремистские организации, эти деньги уже мало помогали стране, но для террористов были словно благодатный дождь посреди пустыни.

Го Юань быстро сложил в уме цепочку подсказок, и Центр исследований новых источников энергии, на который было совершено нападение в Вэньчане, вполне вписывался в эту канву. Но и здесь нашлось немало странностей. С одной стороны, экстремистские идеи имеют религиозные корни, а с другой — ими в основном промывают мозги малообразованным адептам. Такие люди, как Ван Хайчэн и Чжуан Циюй, совершенно не вписывались в профиль верующих-террористов…

Но на раздумья времени не оставалось. Чжуан Циюй что-то сказал мужчине напротив, после чего оба они раздвинули панели на управляющей консоли и одновременно вытянули что-то,

спрятанное под ней, каждый со своей стороны.

До этого момента Го Юань наблюдал за происходящим относительно спокойно, но при виде этой сцены волосы его встали дыбом. Он прекрасно помнил суть такой консоли: расстояние между левым и правым пультом составляет пять метров, и процесс активируется только с двух контроллеров одновременно. Такая конструкция гарантирует, что операцию будут проводить одновременно двое, а значит, ни при каких обстоятельствах запуск не произойдет по ошибке. Процедура, аналогичная запуску ядерного оружия.

Надо действовать!

Больше не было времени наблюдать и совещаться. Им с Юнь Шань достаточно было переглянуться, чтобы понять мысли друг друга. Юнь Шань мгновенно превратилась в размытую дорожку тени, вихрем метнулась вперед, выбив боковую дверь центральной лаборатории. Дверь оглушительно затрещала, гигант с Ближнего Востока едва дернулся, когда Го Юань вскочил на ноги и, пользуясь тем, что тот целился в Юнь Шань, трижды выстрелил ему в грудь.

Мужчина носил под одеждой пуленепробиваемый жилет и не умер сразу, даже попытался

использовать пистолет. Нельзя было этого допустить! Го Юань, сосредоточившись на цели, устремился вперед и быстро опустошил магазин на десять патронов. Десять пуль влетели человеку в грудь. Бронежилет поглотил огромную кинетическую энергию выстрелов, и противник словно получил десять ударов гигантского молота подряд. Из уголков его рта хлынула кровь, и он рухнул на пол, непонятно, живой или мертвый.

Атака, очевидно, до смерти напугала Чжуан Циюя. Тот обернулся на грохот, как раз вовремя, чтобы увидеть, как гигант упал, и отшатнулся на пару шагов.

— Не двигайся! Руки вверх! — Юнь Шань перевела дуло пистолета с Чжуан Циюя на мужчину средних лет.

Тот не обратил внимания на то, что творилось у него за спиной, даже не обернулся. В этот момент потайное отделение внутри платформы открылось, вверх выплыла кольцевидная подставка кромешно черного цвета, и в то же самое время аварийные лампочки во всей комнате растеряли яркость и потускнели.

— Не двигайся! А не то стреляю! — снова предупредила Юнь Шань. — Положи то, что у тебя в руке, подними руки над головой и медленно

обернись.

Мужчина средних лет так и не соизволил ни обернуться, ни даже пошевелиться. Секунду спустя раздался его спокойный, ровный голос:

— Если будете стрелять, через две минуты в радиусе десяти километров не останется ничего живого.

С этими словами он протянул руку и схватил то, что лежало на подставке. Только сейчас Го Юань заметил, что кольцевидная штука на ней была чуть меньше ладони, непроглядно черного цвета. С первого взгляда стало ясно, почему Юнь Шань, описывая черноту увиденной ей ранее сферы, назвала ее необычной. Этот оттенок нельзя было назвать даже черным как смоль. Даже у черного как смоль предмета есть отраженный блик и текстура, свет и тень дают ощущение реальности наблюдаемого объекта. А эта штука больше походила на двухмерный срез, внезапно появившийся в трехмерном пространстве, поглощающий весь спектр, и она лежала на подставке, не предвещая ничего хорошего.

Го Юань догадался, что это было кольцо, что-то вроде браслета, но визуально оно напоминало тонкий лист. При взгляде на него все визуальные сигналы, от которых зависело трехмерное

восприятие глубины, выходили из строя. Оно казалось бесконечно далеким и при этом находилось прямо под носом. У Го Юаня внезапно закружилась голова.

Он увидел штуковину впервые, а подумал только об одном: она не из человеческого мира.

Человек средних лет взял кольцо, не обращая никакого внимания на то, что находится под прицелом.

— Положи! — громко предупредила Юнь Шань. — А не то стрелять буду!

С этими словами она подняла дуло пистолета повыше, целясь точнехонько ему в затылок.

— Немедленно!

— Нельзя! — вдруг в ужасе завопил съежившийся в сторонке Чжуан Циюй. — Нельзя стрелять! Как только «Моисей» потеряет контроль, вся материя здесь перейдет в низкоэнергетическое состояние, и высвобожденная энергия сровняет с землей весь город!

Во фразе было слишком много информации. На мгновение Юнь Шань заколебалась, не зная, как реагировать. Голос мужчины звучал спокойно и с такой уверенностью, как будто не ему целились в затылок, а им с Го Юанем:

— Если вы не хотите разнести это место в пыль,

просто будьте паиньками и ведите себя тихо.

Мужчина держал кольцо, которое Чжуан Циюй назвал «Моисеем», на левой ладони, а правую запустил в карман на груди. Го Юань направил пистолет на его правую лопатку, опасаясь, что он вытащит очередное оружие и начнет контратаку, но увидел, что в его пальцах зажат черный предмет, похожий на магатаму[24].

Да что же это за штука, что появляется снова и снова? Почему в центральном энергоузле появилось какое-то странное кольцо? Какое отношение к этому имеет цилиндрик, который Ван Хайчэн уронил в землю и в итоге перевернул все устье реки вверх дном? Что за две черные бусинки Ван Хайчэн добыл с помощью министерства? Что, мать вашу побери, здесь, в конце концов, происходит?

Тут все выходило далеко за пределы масштабов обычной террористической атаки. Словно во время Первой мировой войны кто-то влетел на поле боя с эскадрильей бомбардировщиков B2, нагруженных ядерными бомбами. Несмотря на все напряжение, Го Юань в глубине души был возбужден. Это было невероятно. Казалось, он

---

[24] Сноски: 24

Магатама — «изогнутая драгоценность» (*яп.*) — изогнутая бусина из драгоценного камня в виде запятой.

покинул царство людей и попал в другой мир.

Его пистолет был направлен прямо в плечо противника. Выстрели он сейчас, пуля наверняка осталась бы в теле и вряд ли попала в одну из этих двух штуковин. Маленькую в форме запятой можно положить в нагрудный карман, и лежать она там будет довольно устойчиво. А вот о кольце трудно сказать, но на таком расстоянии его можно будет поймать. Не говоря уже о том, что преступник определенно не позволит кольцу выйти из-под контроля…

Все эти мысли Го Юань прокрутил в голове за долю секунды — и решил, что лучше всего стрелять. Но не стал. Он слишком хорошо знал логику работы министерства: после выстрела он никогда не узнает, что это за вещи и что собирались сотворить люди из «Светлячка». Он взглянул на Юнь Шань и шагнул к ней, хоть и не сдвинул прицел.

Вещи в руках мужчины медленно приближались друг к другу. Прежде чем агенты опомнились, «Моисей» внезапно изменился. С точки зрения Го Юаня казалось, что его цвет управлялся какой-то программой рисования, что он растягивается вверх и вниз, как идеальный математический фрактал. Черные следы вытягивались в линии. Только покачивая головой влево-вправо,

Го Юань под разными углами наблюдал за тем, что на самом деле происходило в трехмерном пространстве: кольцо казалось ажурным, росло и вверх, и вниз, разрасталось вовне. Оно и магатама сперва никак не соединялись, напротив, были словно вырваны непосредственно из ткани пространства, а затем медленно сгустились, приобрели форму и слились с черным кольцом исходного тела.

Черное кольцо, казалось, выросло, превратившись из подобия браслета в полую сферу. Сперва отросли тоненькие, как биссус[25], ствол и ветви, затем они срослись и утолщились, и в конце концов свернулись в похожее на футбольный мяч тридцатидвухгранное тело. Но в многограннике оставались лишь стыки, все поверхности были пусты, как у игрушки для маленьких детей. Рост — это неточное описание. Го Юань чувствовал, как будто эта вещь уже существовала, а черное кольцо было лишь частью ее проекции в человеческом пространстве. И теперь она притянула в наш мир больше собственного тела, ориентиру-

---

[25] Сноски: 25

Биссус (*др. — греч.* βύσσος — «виссон, тончайшее полотно») — прочные белковые нити, которые выделяют некоторые двустворчатые моллюски. Выглядят как тончайшие шелковые нити, торчащие в разные стороны.

ясь на положение черного кольца.

Го Юаня охватило необъяснимое чувство. Казалось, перед ним всего лишь часть чего-то большего, вроде айсберга. Часть чего-то скрытого и огромного.

Шея Юнь Шань задеревенела от напряжения.

— Что… что это?

В конце концов, она ведь была совсем девчонкой. Пусть даже на задании она была аккуратна и отважна, но по сути оставалась маленькой девочкой, не отшлифованной до бесчеловечности. Эта сцена за гранью понимания всколыхнула в ней дурные воспоминания, повергла в растерянность. Юнь Шань попыталась дозваться до командного центра, но в бункере явно был установлен электромагнитный щит, блокирующий сигнал, и все ее попытки пропали втуне.

— Положи это! Немедленно!

Но команда и раньше не возымела эффекта, а сейчас рассчитывать на это и вовсе не приходилось.

— «Моисей» обеспечивает больше половины энергомощности пяти юго-западных провинций, — подал голос Чжуан Циюй, невесть когда поднявшийся на ноги. Он уставился на объект, от прежней паники не осталось и следа — его будто

засосало в эту черную штуку, а пистолеты вокруг больше не имели значения.

Голос напугал Юнь Шань. Она уже и забыла о существовании Циюя, и потому сейчас быстро направила на него пистолет, а затем вновь обернулась к мужчине средних лет. Она находилась в полном замешательстве. Го Юань испугался не так сильно, но слова Чжуан Циюя потрясли и его.

Что это вообще значило? «Моисей» обеспечивает половину электроэнергии в пяти юго-западных провинциях? А разве не термоядерный реактор? Не смешно. Го Юань вырос на заводе энергетического оборудования и с детства привык к турбинам — теплопаровым, атомным и ветряным. Одни только комплектующие к этим установкам были больше нескольких метров, а смонтированный агрегат шел уже на десятки. Что говорить о детях, даже взрослые перед лицом этих исполинских махин проникались собственной ничтожностью и смирением. Термоядерный реактор, вырабатывающий электроэнергию, находился далеко отсюда и занимал площадь в несколько квадратных километров. Здесь был всего лишь распределительный узел. Как он мог производить электроэнергию?

В этот момент у них за спиной раздался металлический лязг. Первой реакцией обоих было оглянуться. Как опытные члены контртеррористического элитного подразделения они не должны были позволять себе такого, но сейчас, словно в полусне, полагались лишь на интуицию. Го Юань посмотрел на источник звука — то лязгнула о дверь связка ключей. Он сразу понял, что это не к добру, но обернуться уже не успел.

Мужчина средних лет отвесил Юнь Шань мощный апперкот. Го Юань стремительно обернулся, но противник уже молнией метнулся к нему и врезался в него всем телом. Пистолет внезапно превратился в помеху. Го Юань хотел врезать противнику по макушке, но тот, к сожалению, уже оправился и толкнул его на консоль. Край панели врезался точнехонько Го Юаню в поясницу. Резкая боль пронзила его, а тело будто сломалось пополам, вся нижняя часть внезапно онемела. Однако так между ним и нападавшим появилось пространство, и Го Юань с вновь обретенными силами, не обращая внимания на неслушающиеся ноги, выпрямился во весь рост и выстрелил.

Он не успел толком прицелиться, а потому пуля прошла мимо плеча неприятеля и попала в лабораторное стекло. То было изготовлено из спе-

циального армированного материала, поэтому пуля отскочила от него и пару раз отрикошетила в закрытом пространстве, едва не задев Юнь Шань, только-только поднявшуюся с земли.

Девушке не повезло больше всех. Сперва ее сбил с ног непонятный мужик, и хорошо, что ее силы превосходили обычные человеческие — она смогла тут же приподняться. Но неожиданно Чжуан Циюй, который прятался в углу, взметнулся и пнул ее по правой руке, которой она держала пистолет и одновременно опиралась о пол. Оружие вылетело из ее пальцев, Юнь Шань вскрикнула от боли и снова упала. Го Юаню только сейчас удалось вновь крепко встать на ноги. Его противник уже вылетел за порог, и дверь за ним немедленно закрылась. Пуленепробиваемое стекло нельзя было разбить пистолетом. Го Юань торопливо повернул пистолет и дважды выстрелил в Чжуан Циюя, который тоже мчался к выходу, тот вскрикнул, но не остановился, а бросился на дверь и выбежал, оставляя за собой кровавый след.

— Да чтоб тебя, — нахмурившись, тихо выругался Го Юань.

Нижняя часть его тела частично утратила чувствительность — вероятно, последний удар

слегка повредил позвоночник. Но сейчас времени на раздумья и колебания не было. Опираясь на все, что было под рукой, он с трудом сделал пару шагов, едва вернув контроль над тем, что не слушалось.

— Наденьте наручники на этого, ближневосточного! — крикнул он Юнь Шань, одновременно ускоряясь, чтобы пуститься в погоню.

Судя по звукам, эти двое не воспользовались лифтом, а обогнули его, чтобы пройти по правому коридору. Это и неудивительно, нельзя иметь лишь один выход в столь опасном месте — слишком велик риск несчастного случая, поэтому здесь непременно должен был быть аварийный выход.

Когда Го Юань пустился в погоню, за поворотом он все еще видел удаляющуюся спину Чжуан Циюя, мужчина средних лет не стал его ждать. Между ними было больше десяти метров, Го Юань поднял пистолет и выстрелил. Но оружие не было высокоточным, на нем сказывалась дистанция, да и Го Юаня снайпером назвать было нельзя. Поэтому, выстрелив дважды, он оба раза промазал.

Уклонившись от двух выстрелов, Чжуан Циюй помчался вперед, одновременно отстрелива-

ясь. После шести или семи выстрелов Го Юаню пришлось пригнуться и привалиться к стене. Неприятель пытался сбежать от смерти, и благодаря своей тактике выиграл еще большее расстояние между ними.

— Да твою ж!..

Неужели Го Юаню будет суждено умереть от любопытства? Сперва он счел Циюя обычным студентом, с которым нетрудно справиться, но, увидев, как тот стреляет на ходу, понял, что парень явно прошел довольно продолжительный период обучения обращению с оружием и боевым навыкам.

Выходит, «Светлячок» создали раньше, чем изначально предполагалось, и все сегодняшние действия в энергоузле были спланированы ими по крайней мере несколько месяцев назад. Го Юань снова вспомнил слова Чжуан Циюя о том, что эта штука превратит всю материю в округе в бомбу. Утверждение было очень странным: «Вся материя перейдет в низкоэнергетическое состояние и выделит энергию». Он не был ученым, но, к счастью, недавно заново ознакомился с принципом действия водородной бомбы: она преобразует материю в энергию и высвобождает ее в результате ядерной реакции. Что такое низ-

коэнергетическое состояние? Вероятно, оно не связано с ядерным оружием.

Но тогда что означали слова Чжуан Циюя?

Невероятным усилием воли Го Юань встал на ноги и, рискуя тем, что на всю жизнь останется инвалидом, рванул вперед.

Он миновал несколько проходов и комнат, но не отстал. Мужчина средних лет бежал впереди всех, натыкаясь по пути на столы, стулья и прочую мешавшую мебель, так что ему приходилось притормаживать и отпихивать их в сторону. Чжуан Циюй следовал за ним по пятам. Хотя бежавший перед ним расчищал дорогу, у студента в плече были две свежие огнестрельные раны, которые, естественно, замедляли его. Зная, что за ним гонятся, он всю дорогу опрокидывал предметы позади себя, чтобы преградить путь, и Го Юаню требовалось больше усилий на погоню. Таким образом, все трое бежали с запинками, и расстояние между ними не слишком изменялось. Как только Го Юань подбирался ближе, Чжуан Циюй вскидывал пистолет и стрелял куда попало, и агенту приходилось нырять вниз, чтобы уклониться. Несколько раз его чуть не застрелили. Так он и пробежал несколько сот метров под землей.

В этом секретном месте не было знака EXIT. В

определенный момент погони он увидел, что мужчина средних лет остановился у стены и с чем-то возится. Прежде чем поднять пистолет, Го Юань почувствовал дуновение холодного ветра. В таком подземном помещении не было естественного притока воздуха, и Го Юань сразу понял, что открылся проход на поверхность. Чжуан Циюй куда-то пропал. Возможно, прятался в темном углу и оттуда целился в него. Но Го Юаня это особо не волновало. Он уже хотел выстрелить, чтобы остановить мужчину средних лет, как вдруг услышал взрыв, и все перед глазами резко почернело.

Следом погасло все освещение. Подземелье — это не поверхность. Как только гаснет свет, здесь сразу становится темным-темно и ничего не видно. Го Юань без промедления открыл огонь, дуло пистолета изрыгнуло вспышку, но результатом были лишь искры и звук пули, попавшей в бетон. Противника он не задел.

Выстрелив несколько раз, Го Юань поспешно свернулся, чтобы спрятаться от пули, которая могла прилететь из-за того, что он выдал свою позицию. Он внимательно прислушался, различил звук шагов в эхе выстрелов и немедленно погнался за ним. Сейчас нельзя было медлить.

Если он потеряет след неприятеля, то не узнает, как восстановить электроснабжение, и не сможет найти выход. Судьба Чэнду, конечно, тот еще вопрос, но, возможно, сам он первый будет погребен вместе с этой секретной базой.

Сейчас не было видно ни зги. Естественно, Го Юань носил при себе тактический фонарь, но если противник все еще скрывается поблизости, включить свет будет смерти подобно. Агент быстро определил направление шагов и на цыпочках последовал в ту сторону, пока не уперся в стену. Некоторое время он ощупывал ее, не в силах понять, где выход. Потом лизнул тыльную сторону ладони, поймал прохладный поток воздуха и только так умудрился определить местонахождение прохода. После еще одной серии прощупываний наконец открыл дверь.

Го Юань пополз внутрь и обнаружил, что на самом деле это была восходящая шахта. Сверху, на высоте, казалось, сотни метров, мерцала маленькая точка света, которого едва хватило, чтобы различить металлический корпус лестницы. Противники куда-то пропали. Слабое мерцание ни на что не годилось, словно проходило через необычайно глубокий колодец.

Но так не могло быть. Лифт спустился всего

метров на десять, как могла лестница с другой стороны быть настолько высокой?

Чтобы не гадать, Го Юань заставил себя полезть наверх. Ногам было нехорошо, и он дважды оступился, хорошо хоть руки остались по-прежнему цепкими. Он успел подняться не слишком высоко, когда правая рука соскользнула и не нашла лестницы, равновесие мгновенно нарушилось, правая нога пролетела ступеньку и провалилась сквозь лестницу.

Не успев закричать, Го Юань скатился с лестницы. В этом сальто он сильно ударился затылком о противоположную стену и полетел вниз головой. По счастью, несмотря на травму спины, ноги его все еще слушались. Го Юань поспешно раздвинул их и зацепился за ступеньку. Не обращая внимания на сильную боль в голове и пояснице, немедленно достал пистолет и прицелился вверх, опасаясь засады.

Однако ничего не произошло. Он вновь прислушался, затаив дыхание, и внезапно уловил далекий звук проезжающих сверху машин. Удивленный, медленно распрямился, пощупал ступеньку, с которой соскользнул, и обнаружил мокрый след. Вцепившись в лестницу и сделав еще пару шагов наверх, он уперся головой в люк

шахты. Это и обрадовало, и озадачило его. Обрадовало, потому что он таки дополз, а озадачило, потому что снизу ощущение было, что взбираться предстояло очень далеко.

По счастью, крышка люка была всего лишь прикрыта — если бы ту чем-то придавили сверху, у него не оставалось бы выхода. Го Юань осторожно сдвинул ее, удостоверился, что засады нет, и выпрыгнул наружу. Сейчас стало понятно, почему шахта длиной не больше десяти метров ощущалась как колодец длиной в сотню.

Все огни в городе погасли, и в кромешной тьме осталась лишь полная луна в зените. Ее скудное сияние было в сотни раз слабее привычных городских фонарей, из-под земли его не было видно, потому-то и показалось, что до поверхности еще далеко.

«„Моисей“ обеспечивает больше половины электроэнергии в пяти юго-западных провинциях».

На все четыре стороны в крупнейшем на западе страны городе царил кромешный мрак. Со спутников наверняка выглядело так, что весь юго-запад Китая площадью в миллионы квадратных километров внезапно погрузился во тьму, словно его поглотило чрево гигантского неведо-

мого зверя.

При виде всего этого Го Юань сразу подумал, что без электропитания система Тяньван, разумеется, будет парализована и теперь выяснить, куда скрылись эти двое с украденным, станет невозможно. Во-первых, они не устроили засаду, во-вторых, даже не стали блокировать крышку люка, что могли бы сделать просто походя. Похоже, они действительно скрывались в спешке и теперь им удалось уйти от преследования. Он надеялся, что сможет благополучно идти следом по пятнам крови, но в такой непроглядной ночи современный город, лишившись электроэнергии, утратил и все функции, а высокоэффективная техника полностью отрубилась. Работать сейчас было хуже, чем древним сыщикам.

Го Юань рухнул на землю, не шевелясь, и в этот момент боль в пояснице стала невыносимой. Но не прошло и полминуты, как тишина и мрак, которых он никогда прежде не испытывал, окутали его. Только сейчас он понял, что никогда не знал столь полного ощущения спокойствия и темноты. Город по-прежнему простирался вокруг, но был удивительно вычищен, оставались лишь ночь и мерцающий Млечный Путь. Казалось, Го Юань мог почувствовать, как расширяется простран-

ство, и этот изогнутый радиант, окруженный бескрайним, сияющим звездами небом, и сам агент лежали на самой границе между городом и космосом.

И тогда он раскинул руки и, не обращая внимания на сильную боль в пояснице, потянулся. Изгиб спины, казалось, соответствовал дуге горизонта, сливаясь со звездным небом и землей.

Го Юаню никогда не нравился этот мир, он давно уже был не в ладу с ним, но потратил все силы на то, чтобы спрятать того себя, которому было наплевать на чью-то жизнь, смерть и чувства, он изо всех сил старался делать вид, что учитывает эту дрянь, этот вздор… Но сейчас целый город исчез с лица земли, притих, растворился, как пена, оставив лишь море лунного спокойствия.

И теперь Го Юань наконец понял.

Мир был обречен.

Глава шестая

Дорога в уезд Пинтан[26] оказалась на удивление приятной.

На самолете они добрались до Гуйяна[27], дальше был специальный автобус из обсерватории, который всего за полчаса по скоростной автомагистрали Гуйхуэй довез их до уезда Хуэйшуй[28]. В Хуэйшуй они пересели на автобус до уезда Лодянь[29], и весь путь от Лодяня до округа Пинтан по скоростной автомагистрали занял в общей сложности всего полдня. Всю дорогу по шоссе Ван Хайчэн то и дело невольно сомневался в своих географических познаниях, которые почерпнул еще в старшей школе, а с тех пор прошло уже десять лет.

---

[26] Сноски: 26

Уезд Пинтан расположен в Цяньнань-Буи-Мяоском автономном округе провинции Гуйчжоу.

[27] Сноски: 27

Гуйян — городской округ, административный центр провинции Гуйчжоу.

[28] Сноски: 28

Уезд Хуэйшуй расположен в Цяньнань-Буи-Мяоском автономном округе провинции Гуйчжоу.

[29] Сноски: 29

Уезд Лодянь расположен там же.

Юньнань-Гуйчжоуское нагорье относится к карстовым формам рельефа, и ездить по нему труднее, чем подняться в небо. Но подобный расклад вещей за десять с лишним лет изменили те, кого в Китае называют «инфраструктурными маньяками». Множество холмов и гор вкупе с пустотами и провалами, склонными к обрушению и проседанию, привели к тому, что Юньнань и Гуйчжоу на страницах учебниках значились как районы, где нельзя строить автомагистрали и высокоскоростные железные дороги. В этом отношении они побили даже Сычуань, где «дорога в Шу трудна». Но кто бы мог подумать, что Китай раздавит эти стереотипы, вкладывая триллионы в каждый объект, и действительно начнет прокладывать дорогу в каждых горах и возводить мосты через любую реку на пути, будет каждые полгода обновлять рекорды в истории человеческой инженерии по строительству тоннелей и мостов, будет упорно создавать инфраструктуру.

Ван Хайчэн сперва представлял, что на горной тропе будет ухабисто и трястись придется как в повозке, запряженной ослом. Дорога станет огибать нависающие утесы, и половина автомобиля постоянно будет зависать над бездной. Он даже принял специальные лекарства от укачивания,

чтобы в дороге не кружилась голова. Кто же знал, что они доберутся так благополучно.

Но все верно, в противном случае, не будь здесь настолько удобной логистики, как бы в таком непроходимом месте могли построить огромный радиотелескоп? Только сейчас у него сложилось верное представление: прогресс фундаментальной науки — это не результат внезапного озарения одного или двух гениев. Он должен зависеть от физической среды всего общества. Карстовая впадина в Давотане мирнехонько располагалась здесь, в далеком Цяньнань-Буи-Мяоском округе, уже десятки тысяч лет. Не будь инфраструктуры, какой бы естественной ни была окружающая среда, сделать из нее такого большого парня, как FAST[30], было бы невозможно.

— Строительство такой дороги очень влияет на окружающую среду, да? — Студентка Ван Хайчэна, Бай Хунъюй, сидела рядом у окна, подперев голову рукой и глядя наружу. Ее глаза горели от возбуждения, а вишневый ротик не закрывался от удивления.

Автобус ехал по высокому подвесному мосту. Для обеспечения безопасности движения в

[30] Сноски: 30

FAST, известный также как *Тьяньян* («Небесное око») — радиотелескоп на юге Китая, в провинции Гуйчжоу.

пределах 180 километров в час на магистрали пришлось контролировать кривизну дороги — не допускать продолжительных изгибов или подъемов под большими углами. Чтобы найти баланс между горами и равниной, а также избежать проседания мягкого основания карстового рельефа, высокоскоростные дороги в Гуйчжоу проходят по подвесным мостам, соединяющим горы на высоте ста метров над землей.

Бай Хунъюй училась у Ван Хайчэна в докторантуре, имела две степени магистра в области экологии и астрономии, и ее наставник часто шутил: «Вот что называется одной ногой в небе, а другой на земле — наш пострел везде поспел».

Ван Хайчэн был еще не стар, да и, сказать по чести, несерьезен и незрел. Бай Хунъюй же вообще не держала дистанцию между учителем и учеником. И в ответ на его частые подколки девчонка начинала галдеть:

— Это называется передовой кросс-филд, босс, ничего вы не понимаете! Наступит день, и я поеду на Марс выращивать картошку. Да! Марсианскую картошку! Босс, придется обращаться со мной получше, тогда я вам с Марса курьером попробовать пришлю!

Сильно ли это влияет на окружающую среду?

Конечно, Ван Хайчэн не слишком в этом разбирался, но, если подумать, определенно влияет, и немало. У него не было особенного мнения на этот счет, так как оставалось много других забот. Уже сама эта поездка к FAST'у была достаточно утомительна, но еще и аккурат за два дня до отъезда он снова столкнулся с неприятностями из-за квартиры. Не мог же он разорваться, где уж тут за всем уследить?

Полное название FAST'а, в соответствии с дурным вкусом на имена, бытовавшим в мире астрономии, было «Five-hundred-meter Aperture Spherical Telescope», что переводилось как «Сферический телескоп с пятисотметровой апертурой». Ван Хайчэн считал его довольно неудачным, но если подумать о названиях других гигантских радиотелескопов — VLA — Very Large Array (Очень Большая Антенная Решетка), VLBA — Very Long Baseline Array (Антенная решетка со сверхдлинными базами), — название FAST можно было считать прямо-таки каноничным. Стоимость этой штуки достигала 1,2 миллиарда долларов, и это был самый большой одиночный радиотелескоп в мире. Он выглядел как втиснутая в горный перевал солнечная плита диаметром в полкилометра.

Пятьсот метров, возможно, и не кажутся преувеличенной длиной, но не как единое устройство, зеркальная поверхность которого составляет 250 000 квадратных метров. Только встав рядом с телескопом наяву, Ван Хайчэн в полной мере ощутил свою собственную незначительность. Эта штука была слишком велика. Даже те инфраструктурные маньяки, которые смогли построить высокоскоростную дорогу на Юньнань-Гуйчжоуском нагорье, не могли бы из ничего сделать под нее пьедестал. Только естественно сформировавшаяся горная седловина могла поддержать это огромное сферическое зеркальное тело.

Концепция FAST'а была впервые предложена в 1994 году, еще до рождения Ван Хайчэна. В 2001-м проект официально одобрили, а технико-экономическое обоснование началось только в 2007-м. С обычной мировой скоростью для запуска строительства потребовалось бы не менее двадцати лет, но все недооценили быстроту Китая: уже в сентябре 2016 года FAST был официально запущен и начал получать электромагнитные сигналы из глубин Вселенной.

Этот сферический радиотелескоп с дурацким названием был в два раза больше и в десять раз эффективнее американского Аресибо диамет-

ром триста метров, что одним махом сделало Китай страной с самым мощным моноблочным радиотелескопом в мире. С тех пор китайским астрономам больше не нужно было побираться по другим странам, чтобы арендовать чужие машины и ловить на себе косые взгляды. Мало того, в обмен на то, чтобы получить возможность поработать с FAST'ом, обсерватории в других странах также начали давать Китаю зеленый свет в различных проектах.

Это должно было стать лучшей эпохой для таких астрофизиков, как Ван Хайчэн. Когда только-только запустили FAST, у приглашенных на экскурсию старших коллег глаза наполнялись слезами. Тогда Ван Хайчэн еще учился в аспирантуре и не успел вылететь из академического гнезда. Просматривая живые видео в прямом эфире, он чаще всего слышал такие слова, как «мы», «вы», «тогда» и «хорошее время». Слушая о лишениях предшественников, Ван Хайчэн вспомнил, как в детстве выучил наизусть звездную карту из «Рыцарей Зодиака»[31], и теперь наконец по-настоящему ворвался в передовую сферу ис-

[31] Сноски: 31

«Рыцари Зодиака: Святой Сейя» — оригинальный японско-американский сетевой анимационный сериал, основанный на японской манге 1980-х годов «Святой Сейя» Масами Курумады.

следования тайн Вселенной. Он не мог сдержать тихих слез. Окончив аспирантуру, вошел в ряды выдающихся молодых талантов, и его в особом порядке взяли на должность доцента.

И только сейчас у него появилась возможность подать заявку на полевую работу с FAST'ом.

Изначально это было просто паломничество. Ван Хайчэн много раз фантазировал о том, как увидит FAST собственными глазами, на что это будет похоже, когда эти горы предстанут перед ним, и мечтал о том, как телескоп покажется за окном трясущегося автобуса и какое изумление вызовет, созданный с таким сверхъестественным мастерством и так радикально изменивший все вокруг. Однако он и представить не мог, что при виде этого гиганта будет так взволнован, что мысли скрутятся в один большой запутанный комок.

Ван Хайчэн неожиданно вспомнил причину, по которой, как в свое время объяснил учитель, FAST строили в такой спешке: радиотелескопы улавливают радиоволны. А с развитием человеческой цивилизации источники радиоволн на Земле плодятся с невообразимой, взрывной скоростью. Сорок лет назад их было не так уж много — радио, телевидение, телеграммы и чуть-чуть беспроводной связи, а сейчас что? Интернет, сотовые

телефоны, Wi-Fi, Bluetooth… Сейчас у каждого есть десятки собственных источников радиоволн. Эти раздражающие беспроводные сигналы создают огромный уровень электромагнитного шума всей планеты. Шум становится все громче и громче. Все труднее услышать космические сигналы, которые могут идти до Земли сотни миллионов световых лет. Если не поторопиться с созданием FAST'а, то в будущем уровень шума полностью перекроет эти далекие и слабые импульсы, и тогда единственной надеждой человечества станет создание телескопов в космосе. Но когда аэрокосмическая техника сможет осилить подобного тысячетонного монстра?

Десятки километров вокруг FAST'а необитаемы, и самая важная тому причина — обеспечение более тихой беспроводной электромагнитной среды. Жаль, что эта изоляция от мира может вместить радиотелескоп площадью почти 200 тысяч квадратных метров, но не может изолировать человеческий мозг, способный уместиться в двух ладонях. Перед отъездом Ван Хайчэну позвонили. Владелец, подписавший договор купли-продажи, сказал ему, что нужно добавить еще триста тысяч юаней, иначе квартиру он не продаст.

Ван Хайчэн и предположить не мог, что с ним

может случиться подобное. Через несколько лет после завершения строительства моста Чжухай-Гонконг-Макао цены на недвижимость в Чжухае выросли, в Хэнцине[32] подскочили до шестидесяти тысяч за метр, а в Сянчжоу[33] — до сорока. К счастью, Чжухайский кампус Университета Сунь Ятсена находится в районе Танцзя. Это был большой пригород, но стоимость квартиры там по-прежнему составляла двадцать с лишним тысяч юаней за метр. С мизерным доходом доцента, только что получившего должность, Ван Хайчэн точно не смог бы позволить себе купить дом.

И то, чтобы купить «дешевый дом» в этом пригороде, все равно первоначальный взнос он выплатил только при поддержке семьи. Доценту Ван Хайчэну ежемесячно отсчитывали чуть больше десяти тысяч юаней, а в фундаментальной астрофизике не приходилось рассчитывать на подработки, потому весь его доход составляла университетская зарплата, а остальное не приносило ни гроша.

Триста тысяч он, наверное, заработал бы года за три, если бы перестал есть и пить. В «Осажденной

---

[32] Сноски: 32

Хэнцин — остров в составе городского округа Чжухай.

[33] Сноски: 33

Сянчжоу — район города Чжухай, провинция Гуандун.

крепости»[34] говорилось, что повышение простого преподавателя до доцента сродни возведению служанки-наложницы до младшей жены, а повышение доцента до профессора — это как если бы младшая жена стала главной. После гражданской войны изменилось почти все, кроме этого: Ван Хайчэн боялся, что с такой зарплатой эту сумму ему придется добывать еще очень-очень долго.

— Профессор Ван, я правда ненарочно цену завышаю. Вы же из Чжэцзяна, да? Тогда точно знаете, как ведется бизнес. Мы договор подписать-то подписали, а деньги вы так и не выплатили… Я знаю, знаю, нужно подождать, пока одобрят кредит, я же знаю, как вести бизнес… Послушайте меня, послушайте. Видите ли, за тот месяц, что прошел, как мы договор подписали, квартиры здесь подорожали на тридцать процентов. Я не могу потерять так много, правда же? Вы заплатите на двадцать процентов больше, я потеряю десять, а вы, считай, просто получите десять даром. Вы же интеллигентный человек, такой молодой, а уже доцент, наверняка лучше меня считаете. Скажите, я прав?

— Ой, нет смысла это все говорить. Вы знае-

[34] Сноски: 34

«Осажденная крепость» (1947) — роман Цянь Чжуншу, роман о «бездуховном обществе» гоминьдановского Китая 1930-х годов.

те, ну подадите вы в суд, мне-то все равно, но туда-сюда уйдет несколько месяцев, и никто не скажет, сколько к тому времени будут дома стоить. Эй, мне-то есть где жить. Вы не думайте, юноша, что правда вся на вашей стороне, сперва полгода будете по судам таскаться, выиграете или нет — вообще другой разговор. Ну, допустим, выиграете, думаете, сможете въехать? Вы не понимаете принудительного исполнения, подать на это сможете только через год. Я-то местный, у меня там несколько квартирок есть, а вам каждый день на работу ходить… нет-нет-нет, я вам не угрожаю, просто рассказываю, как дела обстоят, молодой человек.

— Я ж за вас думаю, юноша, вы ж еще молоды, мозги все, поди, проучили? Давайте каждый уступит, добавит по чуть-чуть. Пусть каждый немножечко потеряет, нельзя же чтобы я один убыток понес. Вы даже ключей не забрали, а уже с чистой прибылью, с какой стати? Вы там у себя в Чжэцзяне уж больно расчетливые. Давайте не будем о деньгах, молодой человек, позвольте мне поделиться с вами некоторым опытом. Я не знаю, что такое быть доцентом. У меня нет такой высокой степени, но на себя работать это ж почти то же самое, в двадцать-тридцать с лишним

самое время вкалывать. В какой суд вы мне тут предлагаете подать? Сами подумайте, разведете волокиту, а работать когда? Каждый день будете отгулы просить, по судам со мной бегать? Через год-два все доценты, которые с вами начинали, полными профессорами станут. А вы что? Верно же?

— Денег нет? Да не упрямьтесь вы так, не поверю я, что вы, такой молодой и уже доцент, таких денег не наскребете… Ой, вот не затирайте мне, я хоть и без степени, но не дурак же. Человек в среднюю школу идет работать, и ему на проживание рядом дают несколько миллионов, а сколько стоит доцент в престижном университете? Вот и все, жду, когда вы вернетесь из командировки. Уступлю еще, двести восемьдесят заплатите мне. Двести восемьдесят тысяч, больше мне нечего сказать.

Ван Хайчэн смотрел на огромное зеркало FAST'а, но в голове вертелась только квартира. Всего лишь место площадью в пару десятков квадратных метров, разве это много? Из всех, кто в тот год поступал на астрономический факультет и занимался исследованиями в этой сфере, остался лишь Ван Хайчэн. Фундаментальные научные исследования — вопрос таланта, а вовсе не упор-

ства, из более чем сотни преуспеть может только один, и то не всегда. На встрече одногруппников Ван Хайчэна неизбежно наполовину в шутку, наполовину всерьез называли надеждой всея группы, и он сам понимал, что заслужил это звание. Молоденький доцент, а уже национального масштаба, неплохо так, да?

А что потом? У всех сокурсников уже были и машина, и дом, и жена, и дети. А он сам? А ему все это было не по карману.

Может, он и правда переучился. Ван Хайчэн никогда раньше не уделял таким вещам должного внимания и думал только о собственных исследованиях. Когда он входил в кабинет, его мир начинал измеряться световыми годами. Сигналам с безбрежного неба миллионы лет, и неизвестно, существуют ли до сих пор эти сияющие звезды. Всю Землю, нет, всю Солнечную систему в масштабах Вселенной даже пылинкой посчитать нельзя. Ван Хайчэн постоянно изучал рождение и гибель звезд размером с десятки тысяч солнц, взрывы, освещавшие половину созвездий, и гравитационные волны. И если Землю, нет, всю Солнечную систему забросить в те места, то все, что люди считают божественным и несокрушимым, будет разорвано на атомы меньше

чем за тысячную долю секунды, излучится в виде гравитационных волн, и от него не останется и следа.

Насколько велик дом площадью в десятки квадратных метров в астрономическом пространстве, которое Ван Хайчэн любил с детства? Он попытался найти перцептивный контраст, но обнаружил, что тот слишком мал для формирования концепции. Но сейчас деньги внезапно захватили его мир, вытеснив Вселенную, для сравнения с которой требовались научные системы исчисления.

За неделю до того, как хозяин квартиры позвонил ему, чтобы попросить больше денег, он болтал онлайн со своим другом, доктором Чэнь Хуа. Тот проходил собеседование на должность преподавателя в нескольких университетах и планировал по возвращении на родину пройти собеседование еще и в Цинхуа, до которого добирался рейсом через Гуандун, где ему и Ван Хайчэну выпала возможность пересечься. В тот день Чэнь Хуа сказал ему, что не поедет в Цинхуа, а только в Токийский университет, а затем вернется в Соединенные Штаты. Чэнь Хуа отказался от должности в Цинхуа по совершенно банальной причине, в отличие от всех других кандидатов. Когда они говорили об этом, не прозвучало ни

слова о теоретической физике, единственным основанием было: «Да как можно рядом с Цинхуа квартиру купить?»

Если месяц не пить и не есть, можно ли на университетскую зарплату купить поблизости квартирку с гулькин нос? И это еще по текущим ценам, а не по тем, когда удастся скопить на первоначальный взнос.

Как уроженцу Чжэцзяна Ван Хайчэну противнее всего было каждый год возвращаться в родной город, где всегда находились люди с ехидным вопросом: «Что толку столько учиться?» Раньше у него находились тысячи способов уклончиво парировать такие выпады, но теперь он действительно не знал ответа. Всю жизнь он учился на доктора, но при этом денег в принципе не имел. Даже на первоначальный взнос ему всеми силами копили домашние.

Доктор Чэнь Хуа опубликовал две статьи в главном научном журнале, и что с того? Лучший университет страны пригласил его обратно в Китай, и что дальше?

Странно, разве они не были лучшими людьми в стране? Одними из тысячи — это же не преувеличение, верно? Ван Хайчэну было уже тридцать, и, выйдя из лаборатории в реальный мир, он от-

крыл глаза и обнаружил, что все, во что он верил с детства, будто сыграло с ним злую шутку.

Однако сейчас во всех СМИ уже внушают, что, если семья без денег и родословной, путь в фундаментальную науку заказан, независимо от того, идет ли речь о гуманитарных или естественных областях.

Осажденный докучливыми мыслями, Ван Хайчэн перевел взгляд на огромный зеркальный, похожий на вок массив и внезапно испытал странное чувство. Он сразу понял, почему влюбился в астрономию, но почувствовал, что не осилит эту стезю. Астрономия похожа на телескоп. Она пассивна, она получает информацию. Глазами — прекрасно, телескопом Галилея — тоже сойдет, оптическими зеркальными телескопами в обсерватории — да за милую душу, радиотелескопом — вообще мечта. Диаметром десять метров — чудесно, сто метров — превосходно, пятьсот — и их туда же. Слушай, принимай, понимай, вот и все. Ты не можешь управлять Вселенной, не можешь замедлить ход Земли вокруг Солнца до трехсот дней, не можешь сделать так, чтобы комета Галлея прилетала раз в десять лет, не говоря уже о том, чтобы остановить Млечный Путь и заставить его вращаться в противополож-

ную сторону.

Космос не знает сострадания, все сущее для него — лишь никчемная пылинка.

Но в нынешнюю эпоху пассивных слушателей просто вышвыривают. Нужно слушать, поднимется ли цена на недвижимость, выбирать, когда покупать квартиру, а когда продавать, нужно ругаться с хозяином о доплате. Если не будешь кричать, тебя ждет печальный конец.

Бай Хунъюй слышала о переживаниях наставника и потому с тех пор, как они отправились в путь, старалась излучать спокойствие, чтобы не тревожить его, — впрочем, не слишком успешно. Она никогда прежде не видела научного руководителя таким. Он всегда казался беззаботным, до одури любил резаться в компьютерные игры, — а теперь был хмур и подавлен, и глаза его были пусты. Она даже забеспокоилась о том, не споткнется ли он, не упадет ли, когда они подойдут к FAST'у. Эта бредовая картина почему-то прочно засела у нее в голове.

Радиотелескоп на самом деле похож на мощный радиоприемник. Если отфильтровать радиосигналы, приходящие со всех сторон, остается удивительно малый угол, в котором удается обнаружить слабое космическое радиоизлучение

с помощью высокочувствительного приемника, представляющего собой огромную антенну в форме сферического зеркала. В этом минимальном угле, как раз соответствующем конусообразной области неба, в которой исследователям раскрываются секреты Вселенной, уходят вовне и радиоволны от устройства передачи.

Чем больше антенна, тем выше чувствительность сигнала и тем больше вероятность того, что всплывет не распознанная ранее информация. Но радиосигналы не похожи на видимый свет. Если не анализировать данные, то они останутся просто рябью на куче осциллографов, которую нужно расшифровывать через алгоритмы. По большому счету, Ван Хайчэн был астропрограммистом в центре обработки данных: он разрабатывал алгоритмы, писал код, а затем анализировал данные.

Радиоволны Вселенной копили десятилетиями, а потом анализировали и искали изменения в сравнении с обычными данными — не поменялось ли чего. FAST был мегацентром и радионаблюдений, и обработки гигантских баз данных, которые были многократно отфильтрованы с помощью самых разных алгоритмов. Этот метод в миллион раз лучше, чем пялиться в окуляры и фотографии, как делали раньше. Смотреть в те-

лескоп в поисках новых звезд — это все равно что больному катарактой высматривать в прерии, куда ушло стадо.

С работой такого уровня современные телескопы справляются за сотые доли секунды. Причина нынешней поездки состояла том, что Ван Хайчэн предложил новый алгоритм для лучшей фильтрации и анализа электромагнитных волн длиной около 21 см.

Электромагнитная волна длиной 21 см — признак того, что нейтральный водородный атом совершил внезапный переход из возбужденного состояния в стабильное и возникло нехарактерное излучение. Водород — самый распространенный основной элемент во Вселенной. После Большого взрыва, когда Вселенная начала остывать, первым элементом, с которым объединились элементарные частицы, стал водород. Но в пределах современного космологического горизонта подавляющее большинство водородных элементов относится к звездным структурам и находится в среде ядерного синтеза. Поэтому Юпитер, нейтрально-водородная планета, где водород полимеризуется, но не синтезируется, имел большое значение для понимания структуры Вселенной. Именно такую задачу Ван Хайчэн

ставил перед Бай Хунъюй на занятиях — найти планеты-гиганты, похожие на Юпитер.

После того как алгоритм реализовали в центре обработки данных, им на время оказалось нечем заняться. В супервычислительном центре, который обрабатывал поступавшие с FAST'а данные, на очереди всегда полно задач. Согласно обычному протоколу, его вычислительные мощности распределяются в соответствии со списком приоритетов. Вновь добавленный алгоритм таким образом будет тихонько считывать и обрабатывать старые показатели, записанные FAST'ом, а Ван Хайчэну и его команде нужно будет просто дождаться результатов этой обработки.

Однако когда заявители приезжают на FAST лично, центр всегда дарит им маленький десерт — до обычного анализа, в дополнение к уже полученной информации, предоставляет вычислительные мощности для прямой фильтрации последних данных, полученных радиотелескопом в режиме реального времени. А «маленьким десертом» этот подарок называется потому, что на самом деле он совершенно бесполезен. Даже на радиотелескопах, вроде FAST'а только что запущенных в работу, старые данные накапливались по крайней мере в течение нескольких месяцев,

а показатели реального времени получались в течение одного дня. Если бы в них вдруг что-то нашлось, то с точки зрения вероятности старые массивы должны были давным-давно от таких находок разорваться.

После того как алгоритм был запущен, Ван Хайчэн уселся перед экраном, уставившись в одну точку. На экране не отражалось никакой ценной информации. Его взгляд время от времени скользил к окну, окидывая изумрудно-зеленые горы и исчезающие в облаках вышки. Башни с помощью тросов поддерживали приемник и антенны. Будь их пять, а не шесть, то вся конструкция походила бы на огромную, поддерживающую небо руку с ладонью диаметром в полкилометра. «Здесь, наверное, дешевые квартиры, — ни с того ни с сего подумал Ван Хайчэн. — А, нет, здесь в округе никто не живет».

Как раз в тот момент, когда он был поглощен собственными мыслями, на экране загорелось слово «Alert». Это «Alert» писала сама Бай Хунъюй. То ли из-за того, что надпись была ему незнакома, то ли по рассеянности, но Ван Хайчэн не реагировал целых полминуты. Только после того, как помощница осторожно пихнула его пару раз, он понял, что увидел.

Это неправильно! Что-то пошло не так!

Это была первая реакция Ван Хайчэна. Судя по всему, система обнаружила сверхбольшой источник излучения волн длиной 21 см. Его разрешение было до ужаса огромным. Ван Хайчэн прикинул в уме — для достижения такой интенсивности нейтральный газообразный водород должен равномерно рассеиваться в пространстве радиусом более 50 астрономических единиц!

Радиус более пятидесяти астрономических единиц — это больше, чем вся Солнечная система (вплоть до орбиты Плутона)! Как это возможно?! Если в таком большом пространстве есть естественное газообразное водородное облако, то взаимное притяжение атомов заставит его сжиматься. Количество водорода окажется достаточным, чтобы начался ядерный синтез, а значит, в конце концов облако превратится в звезду.

Если исходить из здравого смысла и основ астрономии, то существование такой крупномасштабной водородной структуры абсолютно невозможно!

Предупреждение появилось при обработке данных реального времени. Другими словами, когда в поле зрения FAST'а попал этот небесный сектор, радиотелескоп случайно обнаружил там газовую

область, которая должна стать звездой, но еще не стала? Это… это же абсолютно невозможно. Даже если захватить небесное тело, которое когда-нибудь станет звездой, как образуется такая область? Это вообще не соответствует космогоническим законам!

Ван Хайчэн взглянул на Бай Хунъюй, и лицо девушки вспыхнуло. Она выглядела еще более озадаченной, чем он сам. Баг в программе алгоритма? Это наиболее вероятное объяснение. «Не переживай ты», — подумал Ван Хайчэн, а сам меж тем экспортировал поток вычислений, чтобы проверить процесс срабатывания сигнала тревоги.

Не успел поток вычислений перепройти по новой, как выскочил второй Alert. Область наблюдения FAST'а постоянно смещалась вслед за вращением Земли, и если только телескоп намеренно не отслеживал определенный участок неба, то вскоре переставал его сканировать. Второе молниеносное предупреждение еще больше укрепило подозрения Ван Хайчэна: как можно так легко обнаружить второе небесное тело, существование которого столь же невозможно?

— Ты что, не тестировала алгоритм? — спросил Ван Хайчэн, глядя на поток вычислений. — Так

не должно быть.

— Я проверяла… — обиженно протянула Бай Хунъюй. — Несколько раз проверяла, не было никаких проблем.

— Эх… — вздохнул Ван Хайчэн.

Он запаниковал и начал проверять исходные данные. Примерно через десять минут наконец стало ясно, что с алгоритмом проблем нет и предупреждение было верным.

Два открытия.

На какое-то время его мысли смешались в хаотичную кучу. Это было абсолютно невозможно. Если нет вопросов с алгоритмом, то, вероятнее всего, проблема с самим FAST'ом.

Возможно, его мозг сегодня перегрелся, потому сначала Ван Хайчэн подумал, что своим алгоритмом сжег корпус телескопа. Это было физически невозможно, но он в глубине души утвердился в этой абсурдной идее. Да, он сломал оборудование стоимостью 1,2 миллиарда долларов.

От таких мыслей Ван Хайчэн неожиданно расслабился, отчего ему немедленно стало стыдно. Если так, то его вышвырнут из университета, и он покинет этот нищий и благородный академический мир с его мизерными зарплатами. А потом, с его-то мозгами, начнет программировать, он же

прекрасно знает Python и C++, наверняка быстро сможет найти место программиста в IT-сфере. И, скорее всего, без проблем сможет получать зарплату вдвое больше нынешней.

Нервы, натянутые последние несколько дней, внезапно отпустило, и закаленный многолетними астрономическими тренировками ум Ван Хайчэна стремительно и неконтролируемо заработал на всех оборотах. Аккурат когда его посетила мысль, что раз уж он в Чжухае, то неплохо было бы податься в Сишаньцзю[35], устроиться игроделом, что-то словно ударило его, как молния, отчего волосы внезапно встали дыбом.

Вероятность того, что область дисперсии нейтрального водорода размером с Солнечную систему существует, действительно была, но только в виде мыслительного конструкта, ни разу не подтвержденного в реальности.

Сфера Дайсона!

---

[35] Сноски: 35
Китайская компания-разработчик видеоигр.

Глава седьмая

В 1959 году коллега Ван Хайчэна, американский астрофизик Фримен Дайсон, опубликовал коротенькую двухстраничную статью под названием «Поиск искусственных звездных источников инфракрасного излучения». И в ней он задал гипотетический вопрос: по мере развития цивилизации потребление ресурсов увеличивается в геометрической прогрессии. Такими темпами в ближайшем будущем все ресурсы на планете будут исчерпаны, и что тогда делать цивилизации?

Этот вопрос был уже не нов, его поднимала более ранняя теория народонаселения Мальтуса и оказавший большое влияние на потомков доклад «Пределы роста»; его остро обсуждали как с политической, так и с экономической точки зрения. Но в то время как политологи и экономисты акцентировали внимание на борьбе и рестрикциях, к которым может привести ограниченность ресурсов, астрофизик Фримен Дайсон смотрел в другую сторону: как цивилизация может обеспечить максимальный доступ к ресурсам, чтобы

обеспечить собственное расширение?

Ответом на этот вопрос была «сфера Дайсона».

В отличие от тех, кто сосредотачивается на полезных ископаемых, популяции, вооруженных силах или нации, Фримен Дайсон абстрагировал все материальные ресурсы до более фундаментального элемента — энергии. Чтобы цивилизация была устойчивой, она должна потреблять ее меньше, чем получает, независимо от того, что запасы угля, нефти и всего остального на Земле ограничены и неустойчивы. Чтобы поддержать неизменность цивилизации, в масштабах Земли верхний предел энергии, которую могут потреблять люди, может быть равен только чистой энергии — солнечному излучению, полученному Землей.

Как же получить больше энергии, когда предел достигнут? Ответ так прост и груб, что даже элегантен — расширить площадь, принимающую солнечное излучение, использовать всю энергию звездного ядерного синтеза для собственных нужд, закутать Солнце. Энергия, излучаемая ядерным синтезом на Солнце, достигает 4×1026 джоулей в секунду, при этом Земля получает лишь около $7{,}28 \times 1017$ джоулей, что составляет менее двух миллиардных от общего количества.

Постройте гигантское искусственное небесное тело и заключите в него Солнце — оберните звезду точно так же, как скорлупа окружает желток, и выкачайте ее энергию дочиста. Это и есть сфера Дайсона — фантастическая искусственная звездная структура, названная в честь ее создателя Фримена Дайсона.

Впоследствии понятие постепенно развивалось и совершенствовалось, пока само слово «сфера» перестало ему удовлетворять. В таком огромном пространстве (размером с Солнечную систему) невозможно существование твердых конструкций, намного превышающих предел прочности на растяжение. Предполагается, что «сфера Дайсона» представляет собой серию орбитальных структур, каждая из которых независима друг от друга, как капли воды в облаке — они поглощают весь свет, но парят в воздухе — отсюда родилось более подходящее название: «облако Дайсона».

Если облако Дайсона существует, оно должно выглядеть специфически и полностью отличаться от традиционных небесных тел, поскольку покрывает звезду, и потому ее обычный свет наблюдать невозможно. В дополнение к видимому свету, энергия невидимого также естественным образом будет поглощаться и использоваться

облаком. Следовательно, облако Дайсона при наблюдении станет походить на абсолютно черное тело[36] — оно будет по размерам больше обычной звезды, но излучать будет непропорционально слабо по сравнению с ее массой. После поглощения энергии своей звезды и других внешних звездных лучей облако Дайсона испускает вторичное излучение: электромагнитные волны длиной 21 см.

Ван Хайчэну потребовалось меньше двух минут, чтобы понять это. Но сначала он должен был все проверить и подать заявку на корректировку угла обзора, чтобы продолжить отслеживать ту область неба, где был обнаружен аномальный излучатель двадцатиодносантиметровой волны, получить больше данных и характеристик, и так постепенно проверить свои выводы. Но развитие событий застало его врасплох. Угол излучателя антенны был фиксированным, то есть область неба, где он принимал сигнал, медленно изменялась с вращением Земли. Пока Ван Хайчэн проверял код алгоритма, область наблюдения телескопа уже сместилась. Через полчаса FAST обнаружил второй аномальный источник излу-

[36] Сноски: 36

Идеальная физическая модель, которая может поглощать электромагнитное излучение всех частот и со всех углов извне (*прим. автора*).

чения двадцатиодносантиметровой волны уже в другом секторе.

Ван Хайчэн поднял голову от экрана и встретился взглядом со своей ученицей, Бай Хунъюй. Судя по глазам, та была в шоке и, кажется, не слишком воодушевлена — даже предположительное открытие облака Дайсона было настолько поразительным, что требовалось время его переварить.

Если это действительно оно, значит, они обнаружили инопланетную цивилизацию!

Бай Хунъюй впервые столкнулась с понятием «инопланетянин» еще в детском саду, и сейчас не могла вспомнить, что это был за мультик — скорее всего, их было несколько. С начальной школы, научившись читать и узнав больше, она начала играть в разных пришельцев и драться с одноклассниками. «Звездные войны», «Стартрек», «Инопланетянин»... К третьему классу Бай Хунъюй перестала быть пацанкой, швыряющейся грязью и отбирающей ранцы, и постепенно превратилась в цветущую юную барышню, но с тех пор и инфантильность ее также вышла из-под контроля. Около трех-четырех лет Бай Хунъюй считала себя инопланетянкой. В ее гуманоидном теле скрывался шпион-пришелец, ожидающий, когда его призовет Планета-мать. Она также запи-

сала в дневник кучу имен глупых людей, которые когда-то обидели ее. Осталось только дождаться, когда с неба прилетит НЛО и подвесит их всех под тарелкой. Ей не придется даже действовать самой, ведь, когда космический корабль стартует, эти глупые людишки сами от страха перемрут.

Но уже в средней школе твердая вера в собственную инопланетную сущность несколько ослабла. Когда грудь девушки немного подросла, а одноклассники, которые несколько лет были недорослями, постепенно стали выше нее, Бай Хунъюй поняла, что фантазия об инопланетности однажды забудется и превратится в немного постыдное и сентиментальное воспоминание, тему для непринужденной беседы. И в конце концов она станет обычной человеческой женщиной без сверхспособностей, у нее не будет шанса бродить по бескрайней Вселенной, пройти через кротовую нору, чтобы встретить конец Вселенной, она не будет стоять вместе с принцем у круглого иллюминатора космического корабля, любуясь, как грандиозный взрыв сверхновой в созвездии Ориона проносится сквозь галактику, и уж тем более никакой Доктор не сожжет звезду, чтобы взглянуть на нее в последний раз.

И никуда ей не деться.

С тех пор Бай Хунъюй начала серьезно изучать тайны жизни и Вселенной. Это было ее движением сопротивления, мечтательного сопротивления обыденной и скучной реальности. Чем больше она узнавала о них, тем явственнее ощущала, насколько одинока в ней жизнь. От этого ей становилось грустно. Кроме человеческой, в космосе пока не было найдено ни одной цивилизации — потому ли, что мы ищем ее неправильно или просто недолго?

Может, по обеим причинам, но даже если найдем, что тогда? По физическим законам у людей почти нет шансов встретить инопланетян — первый принцип верхнего предела скорости света превращает огромную Вселенную в безнадежно изолированную систему. Когда речь идет о расстоянии в сотню миллионов световых лет, один обмен сообщениями займет всю историю жизни на Земле.

Когда Бай Хунъюй осознала потенциальную значимость найденного ими источника излучения, то почувствовала себя так, словно вернулась в третий класс и снова превратилась в не самую умную девчонку, которая кричала: «Вы, глупые земляне!» В ее разуме снова возникла воображаемая когда-то структура облака Дайсона, черный

туман диаметром в несколько сотен астрономических единиц, покрывающий целую звездную систему. Космический корабль ползком подбирается к нему со скоростью в одну десятую скорости света, в кажущейся пустоте впереди появляются преломленные лучи, и мозаичная темнота перед ней вдруг становится ослепительно багровой — это след раскаленного работой умного аппарата. В испуге Бай Хунъюй выпрыгивает из кабины управления:

— Спок[37]! Право руля, полностью! Аннигиляционный двигатель на полную мощность! Мы сейчас врежемся!

— Капитан, уже не успеем! Остановить автопилот, начать маневр! Приготовьтесь к удару!

Стоя на мостике, она видит, как чернота раскрывает свои истинные цвета. Сперва та похожа на густую пыль, но по мере приближения оказывается, что каждая пылинка — это космическая станция в форме соты размером с планету. В сравнении с такой «пылью» космический корабль становится все меньше и меньше, и гравитация «пылинок» начинает сбивать его с курса.

— Идите между станциями! — командует она.

---

[37] Сноски: 37
Персонаж сериала «Стартрек» (*прим. автора*).

— Капитан, они слишком массивны, между ними страшное гравитационное возмущение, я не могу гарантировать нашу безопасность.

— Сынок, я в тебя верю.

Космический корабль обходит поверхность космической станции, и ее плоская геометрическая поверхность в поле зрения изгибается дугой.

Огромное гравитационное возмущение вынуждает корабль подлететь близко к ней, а векторные двигатели с трудом противостоят ему, и они продвигаются сквозь щель внутрь облака. Гравитационное возмущение бросает «Энтерпрайз», как доску серфера, который мчится вперед, вздымаясь на волнах. Полеты в промежутках между такими массивными объектами крайне опасны. Только что корабль захватила сила притяжения космической станции слева, двигатели ревут изо всех сил, но не могут нарастить скорость. Однако, пройдя точку Лагранжа, он попадает в поле «пылинки» справа и вылетает из гравитационной рогатки.

Планетарная станция, казалось, простирается бесконечно, и только когда медленно загорается солнце этой системы, Бай Хунъюй понимает, что космический корабль не вращается. Едва пройдя

сквозь густые и словно бесконечные темные облака, она наконец видит светило таким, какое оно есть. Обернувшись, понимает, что глубокий космос исчез, остались только серебристо-серые слои солнечных панелей, плотно покрывающих оболочку вокруг звезды. Прежняя угольно-черная Вселенная, испещренная звездами, теперь кажется сном. У нее возникает чувство, словно она всегда жила в этой сфере размером более сотни астрономических единиц. А дальше, впереди, ждет уже полностью механизированная двойная планета, источник цивилизации в этой галактике.

— Капитан, мы внутри облака Дайсона, — сообщает старший помощник.

Бай Хунъюй дрожала от возбуждения, и Ван Хайчэну пришлось трижды окликнуть ее, прежде чем девушка вернулась к реальности.

Это была не обычная инопланетная цивилизация, а цивилизация божественного уровня, которая превосходила человеческие возможности в десятки миллионов раз! Чтобы выстроить такое облако, нужно израсходовать по крайней мере все твердое вещество звездной системы — камни и металлы очень ценятся во Вселенной. Для создания подобной системы Дайсона

требуются сотни миллионов масс Земли. Без разрушения планет создать материю из воздуха невозможно, верно? Просто представив себе эту сцену, Ван Хайчэн и Бай Хунъюй, учитель и ученица, пришли в невероятное волнение.

Мысли каждого столкнувшегося с такой ситуацией астронома всегда одни и те же. Одиноки ли люди во Вселенной? Каждый астроном испытывает смешанное чувство благоговения и недоумения по этому поводу. Сейчас они были в двух шагах от ответа на этот вопрос.

Шаг первый: можно ли подтвердить существование аномальных источников излучения?

Шаг второй: можно ли определить, что источником аномального излучения является именно облако Дайсона?

— Босс, босс, — пытаясь оставаться невозмутимой, окликнула его Бай Хунъюй. — Если это открытие подтвердится…

Ван Хайчэн тоже не мог унять сердцебиение. Он сглотнул:

— Спокойствие. Скорректируй старые данные по той же области, сравни и проверь снова.

Из-за того, что два открытия были сделаны одно за другим, Ван Хайчэн поначалу никак не мог решить, продолжать ли ему отслеживать область

неба, где был обнаружен источник излучения, или же перейти к изучению других секторов. Сейчас все выходило за рамки обычной логики. Одно открытие было сродни джекпоту — статистически маловероятно, но все же были люди, которые его срывали. Если же вслед за первым случилось второе, то математика теряла всякий смысл. Поэтому самым важным было вернуться назад и проверить старые данные. Если они также подтвердят существование предполагаемого облака Дайсона, то оно уже никуда не денется.

Бай Хунъюй немедленно приступила к делу, а разум Ван Хайчэна внезапно затуманился. Даже если подтвердится одно из двух, ему не составит труда получить звание профессора в особом порядке. Если же подтвердится существование обоих облаков, то он столкнется с великим вызовом и великим шансом — если два маловероятных события происходят одновременно, то это не случайно. Если бы ему только удалось найти связь, то из простого первооткрывателя он мог бы превратиться в основоположника новой теоретической модели и вписать свое имя в историю астрофизики и даже всей науки.

А если так, то купить квартиру будет раз плюнуть! Может, вообще не придется платить

— государство возьмет и выделит ему виллу академика!

Вынырнув из пучины мыслей, Ван Хайчэн сразу же упал духом. Хаотичные и неуместные думы в первую очередь мешают научным исследованиям. Столько лет он занимался наукой с полной отдачей, почему же сегодня растерялся перед лицом столь великого открытия? Ему был знаком рассеянный взгляд Бай Хунъюй — астрономические мечты и тяга к неизведанному всегда были и его движущей силой. Он тут же собрался с силами, добыл старые данные по обоим секторам и начал перепроверку. Обычный цикл обзора FAST'а составлял двадцать четыре часа, так что сигналы из каждого сектора сканировались только через день.

Вскоре ученые пришли к неутешительному выводу: раньше источника радиации не существовало. Ни двадцать четыре часа, ни сорок восемь часов, ни семьдесят два часа назад.

Разочарованный, Ван Хайчэн немедленно подал заявку на смену траектории сканирования спутниковой антенны — с обычного на отслеживание определенных участков неба. Поскольку это не входило в нормальный рабочий диапазон FAST'а, операцию выполнили не сразу. Когда

все четыре тысячи четыреста пятьдесят отражающих единиц, которые составляли ареал покрытия диаметром пятьсот метров, по команде изменили наклон, Ван Хайчэн аж собственное сердцебиение услышал. Телескоп вновь зафиксировал небесный сектор и начал повторное сканирование.

— Есть! Есть! — закричала Бай Хунъюй, когда с начала нового анализа еще и пяти секунд не прошло.

Ван Хайчэн сдержался и начал ждать, пока FAST продолжит отслеживание. Через пять минут, после того как пришло достаточно данных, он дал FAST'у команду развернуться, чтобы найти область, где был зафиксирован второй источник излучения.

Открытие снова подтвердилось! Характерное излучение с длиной волны 21 см действительно существовало!

Ван Хайчэн вздохнул с облегчением — два предполагаемых облака Дайсона и правда есть! Он еще раз привел мысли в порядок и быстро обсудил ситуацию с Бай Хунъюй. Они решили разделить обязанности, чтобы получить дополнительную информацию об источнике излучения.

Во-первых, нужно было подтвердить точное

положение двух предполагаемых облаков Дайсона. Несмотря на высокую чувствительность FAST'а, она все же была ограничена — углового разрешения одного радиотелескопа недостаточно, поэтому определить точное положение источника сигнала было невозможно. Для подтверждения требовалась помощь. Более высокое угловое разрешение можно было получить лишь с помощью массива из нескольких телескопов, и вдобавок они могли точно определить положение источника и его расстояние от Земли.

В Китае все еще не хватало такого рода технологий. Ван Хайчэн напрямую связался с VLA и подал заявку на наблюдение — естественно, в качестве основания указал свое открытие и одновременно загрузил информацию о нем в академическую учетную сеть. Так полуофициально он объявил об потенциальном обнаружении облаков Дайсона.

Само собой разумеется, как только сообщение об открытии будет отправлено, оно непременно наделает шумихи. Еще бы, в этом году ничего подобного в астрономическом сообществе не случалось, да и за последние десять лет в радиоастрономических исследованиях не зафиксировано ничего масштабнее. Оно касалось не только проблемы проверки теории облаков Дай-

сона, но и поднимало философию существования человечества на новую высоту.

Обычно для крупных обсерваторий, таких как FAST и VLA, подача заявки на план наблюдений происходит в порядке очереди. После утверждения приходится ждать несколько недель, а то и несколько месяцев, пока обсерватория согласует расписание. Но когда дело касается особенно важного открытия, эти процессы можно пропустить, и право пользования телескопом передадут непосредственно вам. Нет никаких сомнений в том, что два предполагаемых облака Дайсона, обнаруженных в одно и то же время, относятся к последнему случаю. Ван Хайчэн был убежден, что, стоит лишь отправить экстренное сообщение, для него немедленно все организуют.

Потому он не спускал глаз с телефона и почтового ящика. Прошло пять минут.

Десять.

Полчаса.

Ответа не было.

Прождав час, Ван Хайчэн наконец не выдержал, нашел номер дежурного VLA и набрал его.

Стоило ему представиться, собеседник тут же перебил:

— Мы получили ваше заявление, но пока не

можем его обработать! — он тараторил так быстро, что Ван Хайчэн даже по телефону ощутил его панику и волнение. — Если это возможно, я предлагаю вам немедленно провести полное сканирование всех наблюдаемых областей с помощью FAST'а!

— Чего? Вы издеваетесь надо мной? — сердито спросил Ван Хайчэн. — Такому гигантскому телескопу, как FAST, нелегко корректировать зону поиска, необходимо будет четко отрегулировать ориентацию более четырех тысяч отражателей. А это механические конструкции, тяжелые и объемные, и координация движения уже сопряжена с проблемой потери их долговечности. К тому же, у FAST'а очень высокие требования к точности, если хоть на одной из четырех тысяч единиц окажется слишком большая погрешность, это повлияет на эффект.

— JUST DO IT![38] — заорали на другом конце провода. — Наблюдайте излучение в 60 К! — и бросили трубку.

Такая грубость превзошла все ожидания Ван Хайчэна. Что, черт возьми, происходит? Предполагаемое обнаружение двух облаков Дайсона

---

[38] Сноски: 38
Просто сделайте (*англ.*).

не вызвало у них интереса, так что же еще они тогда увидели? Он засомневался и вместо того, чтобы переместить область поиска, извлек необработанные данные принятого радиосигнала и перевел его в диапазон излучения черного тела температурой 60 К.

60 К (по Кельвину) — это –213 градусов по Цельсию, а излучение черного тела в 60 К — это сигнал теплового излучения вещества при указанной температуре. Хотя во Вселенной полно различных электромагнитных сигналов, в этом диапазоне царит тишина. Поскольку основным источником межзвездного электромагнитного излучения выступают звездные тела, их самая низкая температура составляет несколько тысяч градусов. Такого рода излучение может быть только у низкотемпературных планет и квазаров, но на самом деле их очень мало. Например, Венера, Марс и Юпитер, находясь ближе к Солнцу, излучают на сотни Кельвинов, и только Плутон приближается к 60 К.

Поэтому, если не переместить область наблюдения на Плутон, то сигнала в этом интервале во Вселенной просто не будет. Даже если где-то и есть вещество с температурой 60 К, преодолев несколько световых лет, тепловое излучение

ослабнет настолько, что его станет невозможно обнаружить, и сигнал будет постоянно держаться на уровне нуля.

Когда на экране появились данные об излучении около 60 К в осциллометрическом виде, Ван Хайчэн аж со стула вскочил. Экран должен был представлять собой статичную ровную линию на нулевом уровне, но сейчас она оказалась не только крайне интенсивной, но и пульсировала, словно отражала биение сердца!

Ван Хайчэн поспешно проверил текущий небесный сектор — до Плутона телескоп точно бы не достал.

Но откуда тогда шел сигнал? Не успел он об этом подумать, как в ушах снова зазвучал паникующий голос коллеги в телефоне: «Просканируйте всю территорию!» В чем был смысл? Действительно ли возможно принимать сигналы излучения черного тела в 60 К с любой стороны? Если да, то разве…

Конечно, Ван Хайчэн не мог вертеть весь блок FAST'а в пределах 360 градусов, но зону наблюдения все же мог настроить! Он осторожно отрегулировал телескоп обратно на предыдущую область наблюдения.

Пульсация не только не прекратилась — даже

ее интенсивность осталась прежней! И продолжала скакать!

Это невозможно! FAST может принимать радиосигнал только в очень небольшой области. Получить одинаковые данные в совершенно разных местах — все равно что смотреть на восток и на запад и видеть одно и то же!

В этот солнечный полдень Ван Хайчэну почему-то стало холодно. Он спал, совершенно точно спал. Наверняка от недосыпа из-за истории с квартирой заснул и видел сон. Нет ни загадочного источника излучения, ни облака Дайсона, ни излучения черного тела в 60 К! Он яростно ущипнул себя и вскрикнул от боли.

Как раз в этот момент Бай Хунъюй трусцой вбежала в комнату и, увидев эту сцену, изменилась в лице от испуга. Но прежде чем она успела задать вопросы, Ван Хайчэн потянул ее к экрану и спросил:

— Скажи, что ты видишь?

Бай Хунъюй смотрела примерно полминуты, прежде чем неуверенно произнесла:

— Это… это не Плу?..

— Нет!

— И это… никак не объяснить?

— Измени зону наблюдения, — сказал Ван Хай-

чэн, — измени и посмотри.

— Куда изменить?

— А есть разница? Да хоть куда.

Его лицо раскраснелось.

Бай Хунъюй на мгновение задумалась, а затем наугад ввела координаты. Ван Хайчэн бросился к окну и своими глазами увидел, как огромный котел, состоящий из более чем четырех тысяч отражателей, изменяет положение, а преломленные солнечные лучи медленно ползут по горам. Только тогда он действительно поверил, что область наблюдения изменилась.

Однако 60 К-излучение на экране звучало как песня, не имевшая ничего общего с FAST'ом, — оно по-прежнему было интенсивным и пульсировало. В это время Ван Хайчэн заметил, что пульсация, казалось, имела определенную регулярность.

Пик, пик, спад, пик, спад, пик, пик, спад, пик, пик, спад…

Он схватил ручку и, уставившись на экран, зашарил в поисках бумаги. Не найдя на столе даже блокнота, в панике решил запомнить радиоволны, делая записи на тыльной стороне ладони. Он попытался сделать все сразу: искать бумагу, копировать данные на руку, глядеть на

экран и заучивать сигнал наизусть. В результате его разум едва не разорвался начетверо, и доцент окончательно запутался. Ван Хайчэн не был уверен, что записанное сейчас было тем, что он записал раньше. Он запаниковал и от волнения едва не расплакался. Очнулся лишь после нескольких окриков Бай Хунъюй.

Что он творит? Тут же все записывается компьютером! И это не сон, это все не исчезнет в тот миг, когда он проснется.

Ван Хайчэн немного успокоился, глубоко вздохнул и дважды отрегулировал зону наблюдения FAST'а. На этот раз во время движения телескопа он также неотрывно следил за данными на экране — излучение в этом диапазоне и впрямь было одинаково в любом направлении.

Ван Хайчэн налил себе в диспенсере стаканчик холодной воды, сделал глоток, затем вышел за дверь и выплеснул оставшшееся содержимое стакана себе в лицо. Это заставило его вздрогнуть. Прохлада снаружи, казалось, развеяла холод, пробиравший до костей, и он мысленно привел в порядок все, чему стал свидетелем.

Одно и то же электромагнитное излучение можно наблюдать в любом направлении Вселенной, и оно действительно есть: космическое

микроволновое фоновое излучение в 3 К, пепел Большого взрыва, пронизавший всю Вселенную. Именно из-за того, что это пепел, его показания постоянны и не колеблются. Естественно, во Вселенной невозможно существование фонового излучения в 60 К, не говоря уже о том, чтобы оно продолжало пульсировать как несущий сигнал.

Несущий сигнал? Намеренный несущий сигнал?

Эта идея заставила его связать предполагаемое облако Дайсона с новой находкой! Разумное творение?!

Значит, фоновое излучение в 60 К передает какие-то данные!

Едва подумав об этом, Ван Хайчэн услышал, как Бай Хунъюй рядом воскликнула:

— Босс! Босс! Прекратился! Сигнал прекратился!

Обернувшись, он увидел, что сигнал на экране действительно резко пропал. Не затух постепенно, а резко упал с высокой отметки до нуля, как электрокардиограмма после неудачной реанимации.

— Проверь прошлые данные FAST'а и отфильтруй волну излучения в 60 К.

— Это… что? — Столкнувшись со столь уди-

вительно странным явлением, Бай Хунъюй сперва разволновалась, но потом почувствовала непонятный, затаенный страх. Она не могла объяснить его источник и потому попросила помощи у научного руководителя.

— Сначала с данными разберись, — ответил тот.

У Ван Хайчэна появилась смутная идея, но высказать ее он пока не осмеливался, чуя несоответствие. Несколько минут спустя Бай Хунъюй сообщила, что излучение в 60 К было зарегистрировано примерно сутки назад.

— Сутки назад? Сколько конкретно оно длилось? От начала до конца?

— Двадцать три часа пятьдесят шесть минут и восемь секунд.

Сердце Ван Хайчэна сперва подпрыгнуло, но быстро вернулось на место. Это был период вращения Земли, астрономически точные сутки.

Невозможно, чтобы Вселенная внезапно заполнилась источником излучения в 60 К, который бы затем внезапно исчез.

Это был несущий сигнал, радиопередача на Землю.

Да, вещание для Земли, рассчитанное на человеческое аппаратное оборудование.

Телескоп подобен тонкому зонду, которым планета тянется во Вселенную. И физически невозможно заполнить все пространство излучением в 60 К. Но есть вариант, как сделать так, чтобы Земля принимала один и тот же сигнал с любого направления.

Надо просто создать искусственное небесное тело, обернуть им всю Землю и использовать для отправки радиопередач.

Однако за пределами Земли такой оболочки, похожей на воздушный шар, нет. Космические аппараты достигли Луны и Марса, а «Вояджер-1» пролетел мимо Плутона. Никто не нашел ничего похожего.

Если только… если только… Если только эта штука не достаточно велика, чтобы охватить всю Солнечную систему.

Искусственное небесное тело, окутывающее всю Солнечную систему.

Облако Дайсона!

И когда оно начнет трансляцию в Солнечную систему, на Земле увидят, что из каждого уголка Вселенной идет одинаковый сигнал.

Как будто на глаза человечества надели очки виртуальной реальности.

Глава восьмая

Путешествие Ван Хайчэна в Гуйчжоу растянулось с трех дней до пяти, и возвращение в Чжухай состоялось только на следующей неделе. Хотя с компьютером и Интернетом он мог работать где угодно, но сейчас не хотел прерывать работу: путь из гуйчжоуских гор отнял бы слишком много времени. Ван Хайчэн и Бай Хунъюй не слишком обрадовались такой перспективе, но у них не было выбора.

Ему позвонил лично секретарь университетского парткома Чэнь и приказал им немедленно вернуться — билеты забронированы, промедление недопустимо. Ван Хайчэн попытался возразить, но секретарь безапелляционным тоном закончил разговор. Когда Ван Хайчэн взволнованно сообщил об этом Бай Хунъюй, та разнылась на полдня, так что пришлось еще и ее успокаивать. Именно тогда он понял, что все не так просто, — почему звонил не директор Института астрономии Ли и не ректор Ло, а секретарь парткома?

После того как самолет на Чжухай взлетел, Ван

Хайчэн все больше и больше терялся в мыслях. Последние несколько дней полностью ушли на исследования, даже во время еды, во сне и просто лежа на кровати он не переставал размышлять, как можно объяснить столь взрывоопасное открытие. У него было несколько идей, но все они нуждались в подкреплении экспериментальными данными. Звонок выдернул его из башни слоновой кости, и куча вещей, о которых он забыл, теперь снова приходили на ум по мере того, как земля Гуйчжоу становилась все меньше и меньше.

До сих пор не была улажена ерунда с квартирой, и тут еще институт его внезапно хватился по непонятной причине.

Не могло же дойти до того, что домовладелец что-то наделал в институте, да ведь? Сердце Ван Хайчэна екнуло, парень действительно грозился пойти к начальству и устроить покупателю неприятности.

Эта мысль мелькнула лишь на мгновение, а в следующее он ее отверг. Даже случись что-то подобное на самом деле, этим не стал бы заниматься секретарь, в крайнем случае скинули бы все на директора Ли, но и это было бы слишком. Так что же случилось?

Хаотичные мысли недолго одолевали его — из-за острого недосыпания в последние дни молодой доцент уснул крепким сном. Очнулся он, только когда пришло время выходить из самолета, и обнаружил на коленях одеяло. Оказалось, Бай Хунъюй попросила плед у бортпроводника, а сама тоже решила хоть немного отдохнуть.

Выйдя из терминала, они внезапно увидели коллег, приехавших их встречать.

— Да что такое-то? С чего такой прием?

Усевшись в машину, Ван Хайчэн почувствовал, что атмосфера немного странная.

— Это… Узнаешь, как приедешь.

Автомобиль мчался на север по улице Цинлюйлу, да с ветерком — спустя полчаса они прибыли в кампус. В конференц-зале его ждали директор Ли и секретарь Чэнь.

Секретарь был краток:

— Сяо Ван, постарайтесь отдохнуть пару часиков, заодно подготовитесь. После обеда приедет главный, заслушает ваш отчет.

— А? — Ван Хайчэн посмотрел на главных, уже стоявших перед ним. Главнее некуда. — Какой еще «главный»?

Директор Ли не стал отвечать прямо, а вместо этого поинтересовался:

— Вы новости не смотрите?

Новости? Только тогда Ван Хайчэн вспомнил, что да, смотрел одним глазом в самолете, и, глядя на благоговеющие лица директора и секретаря, в ужасе произнес:

— Неужели…

Секретарь кивнул. Ван Хайчэн остолбенел.

— Вообще-то, главный собирался с инспекцией в Макао, — объяснил секретарь, — но теперь специально выкроил из поездки два часа, чтобы разобраться в нашей ситуации, поэтому вас и вызвали так срочно из Гуйчжоу.

Ван Хайчэн не знал, что «главный» находится в Макао. Маршрут лидера столь высокого уровня был строго конфиденциальным, и публично о нем сообщали в новостях только постфактум. Простые люди вроде него, разумеется, не могли о таком знать. Некоторое время он провел в недоумении. Почему их дело встревожило столь высокопоставленное лицо? Астрофизика довольно далека от реальности, даже дальше, чем теоретическая физика и чистая математика. Теоретическая физика может создать ядерное оружие и атомные электростанции. На чистой математике основаны компьютеры, но астрофизика…

Но, подумав об этом еще раз, он понял.

Инопланетная цивилизация!

Предполагаемое открытие инопланетной сверхцивилизации, возможно, создало у высокого начальства иллюзию — наверное, там решили, что оно окажет какое-то влияние на человечество? На экраны сейчас выходит слишком много кино о столкновениях с инопланетянами, из-за чего люди уверены, что, как только пришельцев обнаружат, те сразу прилетят на Землю на своей летающей тарелке, чтобы разграбить ее.

Ужасно бесит…

Ван Хайчэн нахмурился. Хотя нынешний главный был блестящим выпускником Университета Цинхуа и не мог считаться «обычным человеком», но неспециалисту все же слишком сложно интуитивно понять пространственно-временной масштаб Вселенной. Например, самая дальняя точка, достигнутая пилотируемым космическим кораблем, — это Луна. Если расстояние до нее сравнить со световым годом, наиболее часто используемой единицей измерения расстояния в астрономии, то он в 25 миллионов раз больше пути от Земли до Луны. Людям требуется около восьми дней, чтобы долететь до спутника. Если брать за основу эту скорость, на то, чтобы с

человеческими технологиями добраться до ближайшей к Земле звезды, находящейся в четырех световых годах от нас, потребуется около 540 тысяч лет.

А сейчас два предполагаемых облака Дайсона: одно находится на расстоянии 1400 световых лет от Земли, а другое, примерно в десятке тысяч световых лет. Пусть сверхцивилизация невероятно развита технологически, но для контакта с людьми ей все равно потребуется время. Даже если послать радиоволну, ее путь до Земли будет дольше всей истории человечества.

Последние пару дней Ван Хайчэн пребывал в необъяснимой панике, но не в той самой классической чистой панике. Он знал, что о таких вещах невозможно толком рассказать, потому что разуму они кажутся абсурдными.

Секретарь объяснил ему дальнейший распорядок, а затем отправил с директором Ли обратно отдохнуть. Шагая плечом к плечу с молодым доцентом, директор дружеским тоном произнес:

— Дорогой Ван, возможно, вы не очень хорошо понимаете некоторые вещи. Позвольте вас предупредить.

— А? Я вас слушаю, директор.

— Такая возможность выпадает раз в жизни.

Финансирование института зависит от вас. Вы понимаете?

— Нет… Не особо…

— Ну, скажем так, можем ли мы, занимаясь астрономией, быть экономически эффективны? Можем ли мы создавать рабочие места? Можем ли мы производить взрывчатку для войны? Ничего из этого, верно? Но мы тратим деньги на исследования. Обсерватории, телескопы, оборудование для исследования дальнего космоса — все это стоит денег. При этом у нас нет программ сотрудничества с предприятиями и денег от них тоже нет, мы можем тратить только государственные средства. Тогда почему правительство нас поддерживает? Что плохого, если мы деньги возьмем, на звезды посмотрим? — Директор Ли тихонько вздохнул и продолжил: — За все эти годы я две трети своего времени не занимался исследованиями. А чем я занимался? Участвовал в мероприятиях, занимался научпопом, почти стал звездой Интернета. Думаете, мне нравились эти забавы? НАСА смогло запустить «Эксплорер-1» в 1950-х годах, долететь до Луны и даже начать подготовку к колонизации Марса. Сегодня, хотя прошло уже полвека, мы до сих пор догоняем то, что НАСА сделало в первые годы.

Почему же тогда оно тихонько прикрыло кучу передовых проектов, а теперь у него не осталось даже космической станции? Потому что правительство не считает, что на это стоит тратиться. Вы знаете, что в астрономии есть много ужасного — черные дыры, сверхновые, распад вакуума. Все это с легкостью может уничтожить пространство на десятки тысяч световых лет. Я считаю, что если про все эти астрономические страсти сказать правительству одно только слово, подать главному одну только мысль, она изменит возможности развития нашей науки лет на пятьдесят вперед. Я потратил столько сил, и может быть, вы считаете, что как же так, директор не занимается серьезной наукой? Почему? А на самом деле я решаю самую основную и самую важную проблему — пытаюсь заставить вышестоящих поверить, что на астрономию не просто стоит, а необходимо тратить деньги. Сейчас у нас есть редчайший шанс. Мы должны все им растолковать и заручиться поддержкой государства.

— То есть надо рассказать, как нам нужны деньги, — впервые за весь его монолог подал голос Ван Хайчэн.

— Именно! Как нам нужны деньги.

Директор Ли похлопал его по спине и ушел.

Подняв голову, Ван Хайчэн понял, что подошел к общежитию для молодых преподавателей. Условия в нем были весьма неплохи, но давали его только на два года «переходного периода». А у него оставалось всего три месяца. Если не решить жилищный вопрос, он и в самом деле окажется на улице.

— Деньги, деньги, дребеденьги. Все время речь о деньгах. Никуда без денег.

Два часа спустя Ван Хайчэна и Бай Хунъюй привели в скромный институтский конференц-зал. В коридоре было очень тихо, совсем не так шумно, как обычно.

Планировка в зале была спартанской; кроме самого главного присутствовал лишь дежурный сотрудник, а привычную сопровождающую свиту где-то оставили. Секретарь любезно поприветствовал их двоих и представил главному:

— Это тот самый доцент Ван Хайчэн, а вот доктор Бай Хунъюй, которая с ним работает.

Главный выглядел худее, чем по телевизору. Он улыбнулся, поздоровался с обоими за руку и улыбнулся:

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Главный был высоким, с уставшим лицом, и разговаривал скорее как ученый, а не политик.

— Вчера вечером я читал отчет Академии наук. Открытие, несомненно, важное, но кое-что я не до конца понял, — сказал он, взглянув на Ван Хайчэна.

— Спасибо, что нашли время в своем плотном графике, чтобы уделить внимание нашей работе. Я не в курсе, что там в отчете, видимо, не я его писал… То есть, если у вас есть вопросы, я постараюсь ответить на них, — впервые увидев начальство столь высокого уровня, Ван Хайчэн, разумеется, слегка разволновался.

— Я слишком устал, чтобы за закрытыми дверями вот так в реверансах приседать. Давайте без церемоний, как у высших, считайте, что я просто дилетант, который пришел у вас поучиться, — главный махнул рукой и открыл лежавший рядом отчет. — Первый вопрос: в отчете упоминаются два гигантских источника излучения, предположительно, облака Дайсона, это уже подтвердилось, верно?

— Докладываю вам, что после того, как мы наблюдали два аномальных источника излучения с телескопа FAST, мы подтвердили существование двух небесных тел с помощью двух больших телескопов VLA и VLBA в Соединенных Штатах. Одно из них находится на расстоянии 1,4 тысяч

световых лет от Солнца, другой на расстоянии более 9,6 тысяч. Источники излучения определенно существуют, но с нашими наблюдательными возможностями мы пока не можем определить, правда ли это облака Дайсона, но теоретически такая вероятность очень высока.

— Только американская обсерватория подтвердила? А наша собственная что, не могла?

— Это… у нас нет такой большой антенной решетки. — Ван Хайчэн не совсем понял ход мыслей главного. — Чувствительность сигнала FAST'а выше, но угловое разрешение намного ниже. Мы можем судить о содержании сигнала от источника, но где именно он находится, сказать трудно.

«Неужели он беспокоится, что иностранные обсерватории предоставили нам поддельные данные?» — внезапно подумал Ван Хайчэн. Обдумав эту мысль, он добавил:

— Кроме того, эти источники также засек космический телескоп «Спитцер».

— В отчете объекты называются «неизвестными крупными небесными телами», но первооткрыватель — то есть вы — считает, что это могут быть облака Дайсона, иными словами, искусственные небесные тела инопланетной цивилизации. Насколько это вероятно?

Открыв рот, Ван Хайчэн внезапно вспомнил наказы директора.

— Мы думаем, что это очень вероятно. Но…

— Погодите, позвольте мне убедиться, что я вас правильно понял. Вы верите, что в космосе есть две сверхцивилизации, которые могут создавать искусственные небесные тела, покрывающие звезды, и эти тела больше всей Солнечной системы. Так?

— Но, но…

— Неужели из ничего можно создать настолько огромный объект? Прямо как Звезду Смерти в «Звездных войнах»?

— Звезда Смерти? — Ван Хайчэн на мгновение завис, а затем затряс головой, как монашеским барабанчиком[39].– Диаметр Звезды Смерти всего… — он привычным движением достал смартфон и поискал, — сто двадцать километров. Диаметр сферы Дайсона почти в два миллиарда раз больше. Если представить, что сфера Дайсона размером с Землю, то Звезда Смерти, вероятно, была бы не больше атома. Атаковать сферу Дайсона Звездой Смерти все равно что в Солнце

[39] Сноски: 39

Ручной барабанчик на рукоятке с двумя закрепленными на веревочках шариками по бокам, которые ударяются о барабан при вращении вокруг его оси.

плевать.

На спокойном лице главного на мгновение отразился шок, но он быстро спрятал эмоции. Ван Хайчэн мог его понять. Это было самое известное гигантское абсолютное оружие в научной фантастике, и если допустить, что оно существует, в истинной бескрайней Вселенной то не считалась бы даже пылинкой.

Главный молчал около минуты, и Ван Хайчэн и Бай Хунъюй, естественно, не смели прерывать его размышлений.

— Вы сейчас хотели что-то сказать. Говорите.

— Спасибо вам, я хочу сказать, что суть открытия не в этом.

— Не в этом суть, — задумчиво протянул лидер. — А в чем?

Ван Хайчэн подошел к стоявшему сбоку компьютеру, включил проектор, и в левой части экрана появились две звездные карты. Даже неспециалист мог с первого взгляда понять, что два изображения представляли собой одну и ту же область, но с разным «цветовым фильтром». В центре верхнего красовалось облако черного небытия, а в центре нижнего — облако яркого, насыщенного красного цвета.

— Это фотография одного из смоделированных

нами облаков Дайсона. Сверху — эффект видимого света, а снизу — в инфракрасном излучении. Очевидно, что облако Дайсона поглощает видимый свет, поэтому оно темное, но из-за тепла и излучения возбужденного водорода имеет относительно сильную характерную спектральную линию, которая представляет собой радиолинию водорода длиной 21 см.

Ван Хайчэн щелкнул мышкой, и на экран скользнули вправо две другие фотографии.

— За двадцать четыре часа до того, как была сделана фотография слева, то есть по данным, собранным FAST'ом в том же секторе неба в прошлый раз, мы синтезировали фото справа.

Если на верхней левой фотографии область была темной, то на правом верхнем фото светилась крошечная звездочка. Контраст снизу был еще более заметен, снизу слева — огромная яркая инфракрасная область, а снизу справа — полная чернота.

— Объясните, — только и сказал главный.

— Двадцать четыре часа назад этого облака Дайсона не существовало. В этой области можно было видеть звезды, которые находились там изначально. На то, чтобы построить облако из ничего, потребовалось менее двадцати четырех

часов. Его радиус составляет по меньшей мере пятьдесят астрономических единиц, то есть пятьдесят расстояний от Земли до Солнца. Мы сейчас не можем понять технологию создания искусственных тел такого масштаба. Все равно что построить миллиарды космических станций размером с Землю. Я полагаю, что это истощит весь материал в той галактике — считая все планеты, метеориты, астероиды, кометы и пыль, считая все.

— Продолжайте.

— Это первый ключевой момент: каким образом система, для создания которой необходимо столько материала, за короткое время полностью сформировалась из ничего? Будь это цивилизация с нормальным развитием, как она могла не давать о себе знать сутки назад, а потом внезапно закончить строительные работы? Должен был быть процесс, процесс, при котором электромагнитные сигналы в районе спутника медленно изменялись бы по мере строительства облака. Двадцать четыре часа назад ничего не было, а в следующий миг — бац! — и кто-то построил облако Дайсона!

Волосы Ван Хайчэна встали дыбом. Не дожидаясь ответа главного, он увлеченно продолжил:

— Бай Хунъюй — вот она, моя студентка, — выдвинула гипотезу о внеземной жизни, жизненный цикл которой быстрее нашего, она, возможно, даже не углеродная. Наша секунда — это их год, так что за наши сутки они прошли тысячи лет технологического развития. Мы считаем, есть возможность, что за двадцать четыре часа они прошли весь путь от первобытных времен к технологической эре полного освоения облака Дайсона. Это может объяснить только научно-техническую основу, но не проблему инженерного строительства. Чтобы транспортировать такое большое количество материала в течение суток, ресурсы и энергия, которые необходимо потреблять, даже ускорение и замедление перемещения самого материала, превысят предел запасов этой галактики, и этого будет недостаточно, чтобы погасить их солнце.

Главный открыл рот, но Ван Хайчэн слишком перевозбудился от собственной речи. К этому времени он совершенно забыл о разнице статусов и прижал ладони друг к другу в умоляющем жесте, призывая главного помолчать и послушать.

— И с этими облаками все одинаково. Они внезапно появились в течение двадцати четырех часов. Не было никакого процесса. Их

обнаружили уже гигантскими источниками инфракрасного излучения. Самое парадоксальное, что обе сферы Дайсона были обнаружены в один и тот же день, и двадцать четыре часа назад у них не было сигнатур инфракрасного излучения, что слишком ненормально.

— Даже если облако Дайсона можно создать за двадцать четыре часа, невозможно, чтобы на расстоянии тысяч световых лет друг от друга одновременно взрывным образом возникли две инопланетные цивилизации и обе построили облака Дайсона, — продолжил его мысль главный.

— Не-не-не, нет, не так, вы совсем не поняли.

Сидевший сбоку секретарь Чэнь несколько изменился в лице и тихонько пихнул его пару раз.

— Ничего, ничего, говорите, — главный совершенно не возражал.

— Из… вините. Я не то чтобы… — Ван Хайчэн только сейчас осознал собственную бестактность.

— Смелее.

— Мы получили два неожиданных сигнала в один и тот же день, но это не значит, что оба облака должны были появиться во Вселенной одновременно. Ближнее находится более чем в тысяче световых лет от Земли, а дальнее — более

чем в 9,6 тысячах световых лет, разница в расстоянии между ними составляет более восьми тысяч световых лет. Электромагнитные сигналы распространяются со скоростью света, и требуется время, чтобы они достигли нас.

Это звучало как проклятие, одно лишь упоминание о котором пустило по спине Ван Хайчэна орду ледяных мурашек. Хотя главный и восседал на стуле с предельно величественным видом, от такой новости его величественность заметно застыла. Главный тоже понимал подтекст этой новости.

— Сигнал от ближайшего облака шел до Земли больше тысячи четырехсот световых лет, а от дальнего — более девяти тысяч шестисот световых лет. Давайте предположим, что два облака действительно были построены с нуля за сутки, как же случилось, что эти два сигнала, разделенные восемью тысячами световых лет, вдруг так удачно прибыли на Землю в один и тот же день?

Ван Хайчэн совершенно забыл, что разговаривает с кем-то, он настолько увлекся, что даже помогал себе жестами. Он больше не объяснял кому-то, он разговаривал сам с собой.

Почему? На каком основании? Как же так? Не может того быть!

— То есть вы имеете в виду, что все эти открытия неспроста?

Эти сомнения не включили в отчет об открытии. Главный откинулся назад, взял отчет и вновь пролистал его, ожидая продолжения.

А Ван Хайчэн в это время замолчал. Была причина, по которой его домыслы и страхи в отчет не попали. Как он мог взять на себя ответственность и прямо сказать главному о возможных последствиях, о которых он даже не посмел упомянуть официально?

Главный внимательно просматривал текст и только спустя пару минут заметил, что Ван Хайчэн не решается говорить.

— В чем дело? — спросил он. — Рассказывайте.

— Я…

Главный приветливо улыбнулся:

— Это же не пьеса про цинский двор, неужели до сих пор нужно вступление про «недостоин я, увы, не сносить мне головы»? Сколько лет прошло с основания Нового Китая?

— Это всего лишь мое безумное предположение.

Главный отложил отчет и молча посмотрел Ван Хайчэну в глаза. На лбу у того немедленно выступил пот, он опустил взгляд и не смел смот-

реть на начальника. От безмолвного давления у него затряслись ноги.

— Не за двадцать четыре часа… — пробормотал он, опустив голову.

— Говорите громче.

— Дело не в том, что случилось с этими двумя телами за последние двадцать четыре часа. — Ван Хайчэн наконец поднял голову и собрался с духом: — Дело в том, что за последние двадцать четыре часа случилось с нами!

— С нами?

— Да, с нами, с нашей Солнечной системой. Это то, что произошло с информацией, полученной нашей Солнечной системой за сутки, а не то, что произошло на расстоянии девяти тысяч и тысячи световых лет!

Странные изменения в сигнале 60 К-излучения черного тела — это всего две короткие строчки в отчете. По мнению составителей презентации, ценность этого по сравнению с инопланетными цивилизациями не стоила упоминания. Главный был не слишком впечатлен, и только после слов Ван Хайчэна снова пробежал по ним взглядом.

— Совпадение этих открытий настолько ненормально, что я не думаю, будто его можно объяснить информацией о собственно облаках. У меня

есть стойкое ощущение, что ответ кроется в этом странном сигнале излучения черного тела. Эта штука… — Ван Хайчэн стиснул зубы и озвучил свое странное стойкое ощущение. — Кажется, эта штука находится за пределами Солнечной системы и посылает нам сообщение.

Его голос становился все тише и тише, пока наконец совсем не стих. Сказав это, он снова испуганно опустил голову.

— Отправляет сообщение? — главный внимательно перечитал два коротких предложения. — Но если это похоже на телеграмму, то у нее должно быть содержание, так ведь? Вы хотите сказать, что 60 К-излучение черного тела является частью передачи, равно как и сигналы от двух облаков Дайсона?

— По крайней мере, они связаны.

— В таком случае я предложу Академии наук рассматривать этот вопрос как первоочередный. Если у вас возникнут какие-либо трудности, они сделают все возможное, чтобы помочь вам их преодолеть.

Когда они вышли из конференц-зала, директор Ли взволнованно произнес:

— Прекрасная работа! Прямо очень красиво! Высший балл!

Ван Хайчэн через силу улыбнулся.

Он поднял голову и взглянул в ясно-голубое чжухайское небо. В вечно затянутом смогом Китае такое встретишь нечасто, но сейчас глаза Ван Хайчэна видели в нем лишь бесчисленных призраков.

Он не сказал обо всех своих тревогах, потому что те были слишком абсурдны. Озвучь он их, все обратилось бы в шутку. Главный, скорее всего, посмеялся бы и решил, что впустую потратил полдня, выслушивая бред сумасшедшего, а директор с секретарем непременно отправли бы доцента проверить мозги.

Чем больше его разум твердил, что идея нелепа, тем сильнее крепла уверенность; чем больше он заставлял себя не думать так, тем назойливее становилась мысль и тем увереннее он заходил в тупик.

Может быть, с самого рождения человечества звездное небо, которое мы видим, запрокидывая голову, было фальшивым.

Большая Медведица, Полярная звезда, Туманность Андромеды M31, спиральная Галактика Треугольника M33, Планетарная туманность M97 и окруженная планетами звезда Пегаса 51 — их, возможно, нет, есть только их электромагнитные

и гравитационные сигналы.

Да даже если они и существуют, то прошло много времени с тех пор, как эти сигналы вошли в горизонт событий Земли, и мы никогда не сможем узнать, какими они были «в то время». Так какая разница, есть они или нет?

Может быть, вся информация из космоса, которую получают люди, поддельная. Гравитационные волны на расстоянии сотен миллиардов световых лет, инфракрасное излучение, которое затухает, оставляя лишь крошечные следы, фоновое 3 К-излучение, равномерное во всех направлениях, гигантская сверхновая, взорвавшаяся и коллапсировавшая в черную дыру три тысячи лет назад, — все подделка. Все, что изучается в астрономическом мире, есть иллюзия, сотканная призрачными богами.

Быть может, никогда не было никакой Вселенной, родившейся в результате Большого взрыва 13,7 миллиардов лет назад. И все в далеком космосе, недосягаемом для человека, фальшивое. Все электромагнитные сигналы, все гравитационные деформации, все высокоэнергетические частицы — все искусственное. Все пространства, которых человек не коснулся собственной рукой и которых не достигли космические корабли, не

существуют. Есть только ложные сигналы, выдуманные и сплетающиеся во вселенную небытия.

Или нет, нет, возможно, пространства, которого достигли человеческие космические корабли, вообще нет. Возможно, Вселенная изначально и представляла собой квадратную землю внутри небесной сферы[40]. Просто по мере того, как люди наблюдали все больше и больше вещей, боги постоянно латали этот фальшивый мир, чтобы прорехи в нем не разрастались.

Ван Хайчэн вспомнил карикатуру, где Бог в бешенстве орал на ангела: «Как так ты еще не нарисовал карту с разрешением 5000 К? Галилей вот-вот домонтирует свой телескоп и тогда увидит, что звезды в небе — это мозаика!»

Он почему-то вспомнил старшекурсника в их особой группе одаренной молодежи при Научно-техническом университете, которого звали Нинбо. В конце концов тот бросил все и постригся в монахи.

Граница между иллюзорным и реальным в голове Ван Хайчэна все больше размывалась. Возможно, не только наблюдаемая Вселенная, возможно, даже все, что он видит и чувствует

---

[40] Сноски: 40

Небесная сфера — первая астрономическая модель мира в традиционной китайской астрономии.

вообще, это фальшивый сигнал, а сам он — просто мозг в каком-нибудь жбане, у которого даже тела нет.

Если бы не телефонный звонок, раздавшийся в этот момент, остаток жизни Ван Хайчэна мог бы пойти совсем по другому пути.

Звонил хозяин квартиры с вопросом, согласен ли он с увеличением цены за квартиру.

Глава девятая

При непосредственном вмешательстве главного Университет Сунь Ятсена совместно с Китайской академией наук возглавили запуск новой исследовательской программы по открытию, сделанному на FAST'е. Она касалась целой кучи аспектов, особенно расшифровки информации, полученной через 60 К-излучение черного тела, о чем Ван Хайчэн узнал только постфактум.

Как раз в тот момент, когда внутренний демон, скрывавшийся в кромешной тьме потустороннего мира, собирался лишить его разума и затянуть в безграничную пустоту, цепи реальности потянули назад и накрепко привязали к земле. Цепи были покрыты патиной, грязные и вонючие.

Когда позвонил владелец квартиры, Бай Хунъюй заметила, как научный руководитель внезапно изменился в лице, и за все время разговора новые гримасы поочередно сменяли одна другую. Когда Ван Хайчэн повесил трубку, она обеспокоенно спросила:

— Босс, все хорошо?

И повторила дважды, прежде чем тот ответил:

— Все плохо. Очень плохо.

Как научный руководитель Ван Хайчэн знал, что такие глупости Бай Хунъюй рассказывать нельзя. Однако постоянное перевозбуждение последних дней сказалось на нервах и учителя, и ученицы. После нескольких одиноких ночей рядом с радиотелескопом в Гуйчжоу они, казалось, вступили в особый союз. В те дни лишь они вдвоем поддерживали друг друга в борьбе со странным помрачневшим небом.

По возвращении в Чжухай этот союз продолжился сам собой.

Ван Хайчэн вкратце поведал Бай Хунъюй о перипетиях с квартирой.

— Буду подавать в суд, — решился он.

Ван Хайчэн рассчитывал на поддержку студентки, но Бай Хунъюй, кусая губы, долго и молча смотрела на него, после чего тихо произнесла:

— А что, если эту квартиру в конце концов не удастся купить?

Она действительно беспокоилась, такое ведь случалось сплошь и рядом. В любом мегаполисе в определенное время случается волна стремительного роста цен на недвижимость, подобная взрыву сверхновой. И после каждой такой волны те, кто стартовал с одной позиции, разделяются

на две команды. Одна пускает корни, и квартира становится для них самой ценной собственностью в жизни. Тогда дом привязывает их к городу, как кандалы, и они уже никогда не смогут покинуть его, несмотря на смог и пробки. Другую команду мощный поток бурлящих цен смывает куда-нибудь подальше, где они наблюдают, как дом, который они прежде могли себе позволить, отдаляется шаг за шагом, а потом им вдруг не хватает денег, чтобы что-то предпринять, а потом и покупательной способности, а потом и квалификации — ничего не хватает. Через пару лет им приходится распрощаться с городом, в котором они прожили много лет, оставить привычную работу и старых друзей. Еще через несколько лет эти команды превратятся в два класса, положение и статус которых разительно отличается друг от друга.

Бай Хунъюй распрощалась с Ван Хайчэном, который занялся обзвоном знакомых в поисках хорошего юриста по недвижимости. По какой-то неизвестной причине образ девушки, которая все не решалась что-то высказать, снова и снова приходил ему на ум. Она была такой живой и веселой, что люди часто забывали, насколько она красива. Хотя он всегда в шутку спрашивал, поче-

му она не нашла парня, чтобы вручить ему руку и сердце, но как-то ни разу особо не вникал в тот факт, что работает не с учеником, а с ученицей.

Ван Хайчэн был родом из провинции Чжэцзян. Говорят, пять поколений назад семья его была весьма известна, но то было еще до основания Нового Китая. Он родился уже в семье обычных бюджетников. Как водилось в районе Цзяннан, в его семье образование ценили выше достатка. В детстве Ван Хайчэн страстно любил музыку и хотел научиться играть на скрипке. Когда он учился в начальной школе, в семье нашли деньги на учителя и купили ему инструмент. Ежемесячная плата за уроки музыки составляла около трети заработка отца. Спустя четыре года учитель сообщил родителям, что интерес Ван Хайчэна значительно превышает его способности, и вслед за этим образование уступило приоритет достатку. И скрипку стараниями преподавателя продали другому ребенку. В конце концов, скрипки тоже были недешевы.

Какое-то время Ван Хайчэн и его семья обливались слезами, но именно тогда в маленькой душе постепенно одержал верх интерес к астрономии. Возможно, это также было связано с семейным достатком — созерцание звезд не требовало боль-

ших вложений, нет необходимости приглашать учителя и сдавать обязательные экзамены, а потому родители, естественно, не стали препятствовать сыну, да и небо невозможно отнять. Хотя астрономия, в отличие от музыки, не давала дополнительных экзаменационных баллов, проснувшийся к физике и математике интерес позволил променять Уранию на более высокие оценки. У семьи не было ни единой причины возражать — астрономия не воспляменяла в ребенке щенячью любовь, как музыка, так что родителям она пришлась более чем по душе.

Будь в семье достаточно денег, играл бы Ван Хайчэн до сих пор на скрипке в свое удовольствие, пусть и бесталанно? Музыка не навеяла ответа. Может, он и сам потом бы сдался, но тогда ему едва исполнилось десять лет, а в фантазиях скрипка уже стала частью его мира, и когда этот мир вырвали наживую, осталась огромная незаживающая рана. По ее краям болели с одной стороны чувство неполноценности от недостатка таланта и обида на то, что семья оказалась недостаточно богата, — с другой. Эта обида спряталась в самые глубины, о ней нельзя было упоминать, она упрямо таилась где-то внутри наряду с постыдными желаниями.

Обида — ядовитая змея, и хотя Ван Хайчэна уже возвели в доценты, она все еще продолжала его кусать. И квартирный вопрос вновь разбередил рану — заработать на покупку самостоятельно Ван Хайчэн не мог, небогатая семья помогла, чем смогла, оплатив двести тысяч первоначального взноса, и на большее он рассчитывать не смел. Но в то время Ван Хайчэн еще не осознавал, насколько детская травма исказила его жизнь, он думал, все из-за того, что он сам был слишком домашним, а его увлечения — слишком скучными, потому и не решался признаться Бай Хунъюй в том, что она ему нравится. Но на самом деле виноват был комплекс неполноценности. Потеряв скрипку из-за отсутствия таланта, он боялся оказаться недостаточно хорошим и потерять любимую девушку. Страх перед болью заставлял съеживаться и перед лицом любви.

Теперь, к сожалению, социальные предрассудки обострили любовный комплекс неполноценности. В Чжухае он увидел рекламу недвижимости, на которой красными буквами проплывал текст: «Действуй сейчас, или к ним в гости придет теща, а к тебе тетя». Он ведь был не так уж молод, и дома все подгоняли подумать о главных жизненных вехах. Карьера, любовь и, наконец,

дом — по крайней мере, реклама, коллеги, друзья и родственники утверждали именно так.

В подобных смешанно-гневных чувствах молодой доцент Университета Сунь Ятсена отправился к рекомендованному другом юристу по вопросам недвижимости. Хотя между юридической фирмой и кампусом и курсировал автобус, он предпочел вызвать такси. Договор купли-продажи, подписанный и скрепленный печатью с обеих сторон, завернул в два слоя и положил в рюкзак, который затем крепко прижал к груди, опасаясь, что отнимут.

Первым, что сказала адвокат по прочтении договора, было:

— Исходя из предоставленной вами информации, скажем так, есть большая уверенность, что мы выиграем дело. Проще говоря, я в Шэньчжэне в прошлом месяце как раз закрыла дело, которое в целом было похожим на ваше, и выиграла.

Как раз когда Ван Хайчэн переступил порог юридической фирмы, Китайская академия наук и Университет Сунь Ятсена создали команду по расшифровке информации об излучении черного тела температурой 60 К, которое несколько ночей подряд превращалось в чудовище, пугавшее Ван Хайчэна во сне.

Облако Дайсона было независимым открытием Ван Хайчэна и его команды на FAST'е, но радиационную аномалию черного тела наблюдали в глобальном масштабе — каждая обсерватория на Земле, независимо от того, что в тот момент сканировала антенна, зафиксировала то же самое аномальное излучение. Это стало еще одной причиной для создания группы дешифровки сразу после представления доклада: если нет информационного преимущества, должно быть преимущество в эффективности.

Чтобы получить общее представление о ходе анализа сигнала, Бай Хунъюй специально подтянула азы криптографии.

Еще тысячи лет назад люди начали прибегать к шифровке, чтобы скрыть реально передаваемую информацию. Согласно археологическим источникам, уже древнеримский император Юлий Цезарь начал общаться с друзьями, используя метод шифрования, известный как шифр Цезаря. До самого двадцатого века, а точнее до двух мировых войн, человеческие методы шифрования оставались на этом уровне.

Этот простейший метод также известен как классический, то есть метод подстановки — в соответствии с неким заданным правилом откры-

тый текст заменяется определенным символом, и таким образом генерируется зашифрованный текст, который нельзя распознать с наскока. С началом двух мировых войн подряд в первой половине двадцатого века спрос на линии связи и шпионаж резко возрос, и классический метод шифрования уже не подходил. В нем использовались только фиксированный набор алгоритмов и словари паролей. Хотя сам зашифрованный текст и был неизвестен, он по-прежнему соответствовал языковым правилам, характерным для открытого текста до шифрования. В детективном рассказе Конан Дойла «Пляшущие человечки» прекрасно раскрыт способ взлома такого кода: анализировать частоту символов в зашифрованном тексте, а затем сравнивать ее с закономерностями языка, и так шаг за шагом идентифицировать возможный исходный текст. Если имеется достаточно образцов закодированного текста для анализа частотности, шифр всегда можно перевести в исходный язык.

Взаимное наблюдение и расшифровка были напрямую связаны с судьбами войн, а классический шифр было слишком легко взломать. Чтобы удовлетворить военные потребности, появились более эффективные методы.

Одна из идей состояла в том, чтобы напрямую использовать оригинальный открытый текст, язык которого не освоен обычными людьми. Например, во время Второй мировой войны американские военные использовали язык навахо, индейского племени, в качестве шифра на поле боя — именно из-за неспособности понять законы оригинального языка японцы так и не смогли взломать этот таинственный код. Однако, когда теорию информации и лингвистику внедрили в криптографию, такие методы утратили смысл. Впрочем, это внезапно возымело огромную побочную ценность — ученые вернулись к расшифровке бесчисленных археологических текстов, которые когда-то было невозможно понять. Выяснилось, что люди, в конце концов, всегда остаются людьми. Независимо от того, какую письменность они используют, будь она пиктографической или фонетической, значение и коннотация, которые они хотят выразить, всегда одни и те же. Если размер выборки достаточно велик, всегда можно найти соответствующую закономерность, прибегнув к частотному анализу.

В столкновении с естественным языком метод частотного анализа почти непобедим. Пока объем выборки достаточен, непременно найдется

способ его расшифровать, требуется лишь достаточная вычислительная мощность. Это довольно быстро привело к быстрому увеличению спроса на вычислительную технику у всех участников войны. От бумаги для заметок до логарифмических линеек, а затем и до компьютеров на перфокартах, эволюция вычислительной мощности в гонке вооружений стала важным фактором, определяющим исход любого конфликта.

В 1946 году, сразу после Второй мировой войны, гонка мощностей ознаменовалась значительным успехом, и на сцену вышел ENIAC, разработанный для взлома немецкого кода. ENIAC, первый компьютер человечества, появившийся к шапочному разбору, с тех пор изменил курс всей нашей цивилизации. Земля вступила в информационный век, сложенный из пугающих вычислительных возможностей.

Получив послание из космоса, Бай Хунъюй впервые осознала, что криптография была одной из самых важных причин большого взрыва науки и техники в двадцатом веке.

Однако еще не поняла, что человеческая цивилизация из-за шифра в очередной раз оказалась на пороге внезапных перемен.

С распространением такого непобедимого ору-

жия, как частотный анализ, метод шифрования должен был стать новаторским — на смену словарям простых шифровальных ключей пришли словари сложных, чтобы скрыть частотный закон зашифрованного текста. Другими словами, «А» исходного текста теперь шифровалась то в «Я», то в «Ы». Разрыв связи между частотностью закодированного и исходного текста должен был привести к тому, что, пока не найден соответствующий словарь шифрования, вполне вероятно, код никогда не смогут взломать.

Во время холодной войны в двадцатом веке шпионы одно время использовали словари одноразовых паролей: общего не существовало, а объем информации, содержащейся в таких словарях, намного превышал объем самого зашифрованного текста. Кроме отправителя и получателя, никто не мог взломать содержимое послания. Но метод постигла неожиданная неудача: из-за утраты словарей множество данных превратилось в макулатуру.

После холодной войны, с ростом популярности компьютеров, двоичные данные заменили естественный язык в качестве основного средства коммуникации. Метод частотного анализа окончательно признали недействительным —

существует бесчисленное множество возможных форматов для двоичных файлов. Чтобы выполнить частотный анализ, сначала нужно понять закон кодирования исходного файла, а частотная сложность изображения и речи намного выше, чем у языка и текста.

Однако методы шифрования быстро развивались в рамках модели пугающей вычислительной мощности компьютеров. Многократное наложение блокчейнов, открытых и закрытых ключей и алгоритмов шифрования достигло невообразимых масштабов, и от сложных словарей наконец отказались — старые технологии в новых условиях показали себя несостоятельными.

Но в любом случае логика шифрования оставалась неизменной: открытый текст кодировался определенным алгоритмом, а тот, в свою очередь, сочетался с определенным ключом, и они оба определяли фактический процесс шифрования. Если не известен ни ключ, ни алгоритм, взломать код практически невозможно.

Хотя Бай Хунъюй лишь поверхностно изучала криптографию, ей как профессионалу с высшими баллами по всем научным дисциплинам этого было достаточно, чтобы осознать всю полноту проблемы.

Будь то антрополого-лингвистический анализ, будь то частотный анализ шифра — все они базировались на одном ключевом принципе: консенсусе человеческого мира.

Все человечество представлено людьми, а тело любого человека состоит из белка, жира, сахара, воды и других элементов. Независимо от места жительства, люди используют одни и те же основные ингредиенты в качестве пищи и нуждаются в воде и кислороде; есть два пола, из которых женский беременеет и рожает живой плод; у всех бинокулярное зрение с трехмерной глубиной резкости, диапазон электромагнитных волн, который может обнаружить зрение, составляет 380–760 нм, а визуальное пространство понимается благодаря сочетанию трех основных цветов: 520 нм (зеленый), 480 нм (синий) и 700 нм (красный). Понимание всей информации разумного взаимодействия людей вращается вокруг этих материальных основ: еда в разных культурах может быть представлена хлебом, рисом или барбекю, но не луной. Эти предметные консенсусы определяют организационную структуру информации: рот человека представляет собой входное отверстие пищеварительного тракта и голосовой аппарат, и в языке естествен-

ным образом смешиваются семантика речи и приема пищи. Аналогично, будь люди кишечнополостными, переваривание и выведение пищи происходило бы через ротовую полость, и тогда понятия «жрать» и «срать», вероятно, были бы выражены одним и тем же словом.

Итак, если какая-то информация исходит не от человека и даже не с Земли, как расшифровать ее разумное содержание? Бай Хунъюй вспомнила о том, как в научной фантастике описывали взаимодействие между людьми и инопланетными цивилизациями, и ей стало очень смешно. Чтобы понять информацию, поступающую от пришельцев, нужно установить полное семантическое соответствие, находясь лицом к лицу, используя одинаковую кореферентность. Но и это тяжело; откуда знать, что инопланетяне едят, а не спариваются, когда запихивают что-то в орган, похожий на рот? Как вообще определить, они партено– или полигенетические?

Перед внутренним взором Бай Хунъюй предстала группа похожих на осьминогов странных существ, которые покачивались в поддерживающей жизнь высокоплотной жидкости, и она вместе с учителем Ваном общалась с ними сквозь прозрачные окна, протянувшиеся от пола до по-

толка. Учитель Ван взял кусок хлеба и положил в рот со словами: «Еда, есть!» В ответ осьминог что-то схватил и засунул в дырку в том, что вполне могло быть головой. Раздалась череда стонущих звуков, после чего вокруг того, что казалось шеей, у пришельца выросло ожерелье из похожих на почки маленьких осьминожьих головок, а затем стали изо всех сил отделяться от матери, отрастили щупальца и набросились на нее, разорвав на куски и сожрав останки. После этого маленькие осьминоги хором загалдели: «Акуда, акулу!»

Рисуя в уме сцену этого хаоса, Бай Хунъюй невольно опустила голову и прикрыла рот ладошкой — воображаемый учитель Ван тем временем от испуга широко открыл рот, и выпавший из него кусок хлеба имел весьма достоверный вид. Эти странные фантазии, которые Бай Хунъюй не могла контролировать, лишали ее дара речи, но при этом она никак не могла сдержать смех. Будь учитель Ван рядом, увидь, как она сидит и хихикает безо всякой причины, то непременно прикрикнул бы:

— Спокойнее, барышня, не забывайте, что вы нормальная человеческая женщина!

Человек не способен до конца понять интеллектуальное значение информации, с которой

соприкоснулся впервые, но есть ли возможность выяснить, исходит ли она от иной цивилизации и содержит ли культурный смысл?

Трудно сказать. Когда радиотелескопы впервые обнаружили пульсары, из-за исходящих от них точных периодических электромагнитных сигналов те приняли за сигналы разумной жизни. Астрономия еще слишком мало понимает мироздание, и, возможно, не так просто, как думают люди, определить, исходит ли регулярный сигнал по закону небесных тел или по велению инопланетной цивилизации.

Бай Хунъюй совсем упала духом, когда ей позвонил директор.

— Сяо Бай, я помню, у тебя есть степень магистра биологии, так? Пройдись до Шоу-билдинг, четвертый этаж, комната 407.

— Директор, что-то случилось?

На другом конце провода раздался тяжелый вздох.

— Мы подозреваем, что появился результат по 60 К-излучению.

Бай Хунъюй взглянула на часы. Прошло менее шести часов с тех пор, как они закончили отчитываться перед главным.

После его вмешательства расшифровка ин-

формации о 60 К-излучении продолжилась как сверхсекретный проект. При таких требованиях к конфиденциальности очень сложно найти исполнителей. Они должны быть достаточно способны, но при этом политически надежны, а самое главное — их нужно откомандировать в предельно сжатые сроки. Естественно, таких кандидатов сперва ищут в научно-исследовательских учреждениях с опытом военных проектов. При самых оптимистических прогнозах можно ожидать, что предварительно кандидатов отберут в течение недели. После этого организуют кадровые процедуры, оценку, политическую аттестацию, тренинг конфиденциальности. Если повезет, работу можно будет начать через месяц.

В это время проекту был присвоен только ряд цифр, даже названия еще нет, и никто не думал о результатах, пока эксперты даже не успели присоединиться.

Поэтому, получив результат спустя каких-то шесть часов, можно было представить выражение лиц всех причастных. Их первой реакцией было не «Какой результат?», а «Откуда он, черт возьми, взялся?».

Сигнал расшифровал младший инженер Информационного бюро военного округа по имени

Чжао Кань. Он был высокий и долговязый, страшный, как бабуин, с мощным уханьским акцентом. Причина, по которой его отправили сюда, заключалась в том, что, во-первых, он единственный в Информационном бюро не был занят срочной работой, во-вторых, кому-то нужно было заранее подготовить исследовательское оборудование, защищенные сети, программы мониторинга, базы данных для песочных карт и все прочее. Когда придут настоящие ответственные специалисты, кому-то обязательно нужно будет отвечать за аппаратное и программное обеспечение, помогать по мелочам, и это тоже была его работа. Чжао Кань имел право на доступ к данным, но никто не ожидал от него самостоятельности и эффективной работы. На предприятии таких, как он, назвали бы сетевым администратором, который чинит компьютер, а в Интернет-компании — айтишником.

Зная, что эксперты в ближайшее время не приедут, а закрытая сеть офиса не имеет выхода вовне, не говоря уже о каких-либо развлечениях, Чжао Кань заскучал, а потому решил помаяться дурью. 60 К-излучение имело большой объем данных и воспроизводилось почти сутки, кроме того, в нем были очевидные колебания пиков и

впадин. Чжао Кань не разбирался в продвинутых алгоритмах обработки данных. Он просто построил самую примитивную таблицу, присвоил пику электромагнитной волны единицу, а впадине — плоской волне — ноль, а затем вручную вводил параметры один за другим и так развлекался целый час. Записав большое количество двоичных данных, он наконец устал и остановился.

Сначала Чжао Кань решил подойти к двоичному коду как к азбуке Морзе и рассматривать пару 01 как точку и тире, а потом взглянуть, что вышло. Получилась куча кракозябр, но она навела его на мысль, что трансляция на самом деле была циклом, то есть эффективная часть длилась всего около десяти минут, ее закольцевали и повторяли в течение двадцати четырех часов.

Затем Чжао Кань сложил части последовательных пиков, используя 0 в качестве интервала. Замена 111011010111101 на 302010401 привела его к открытию простого, но важного факта: последовательные пики повторяются до четырех раз, и ни разом больше, абсолютно никогда. А если убрать очевидный интервальный символ 0, то получается последовательность с элементами от 1 до 4: 32141… Теперь количество эффективной информации уменьшилось до нескольких

сотен бит.

Результат разочаровывал: если сотни бит выразить в символах, получится всего пара сотен. Такой объем информации слишком мал для анализа семантики, если таковая вообще имелась. Впрочем, Чжао Кань не слишком-то пал духом, потому что о возможности существования внеземной цивилизации ничего не знал.

Для него, обыкновенного инфотехнического инженера, окончившего техникум и получившего работу благодаря техническим навыкам, эта простейшая обработка уже была пределом способностей.

Затем он больше часа потратил на преобразование всех данных от черного тела в соответствии с этим простым методом кодирования. Если бы Чжао Кань систематически изучал математику, то знал бы, что эти параметры соответствуют четверичной системе счисления. И что своим методом ввода он нарушает ее правило — ведь она ведется при помощи чисел от 0 до 3, а не от 1 до 4.

Возможно, просто из любопытства Чжао Кань напоследок нарушил операционные процедуры: он закинул информацию в Тяньван-краулер Информационного института.

Тяньван-краулер — это крупномасштабная децентрализованная система раннего предупреждения, которая обучается путем непрерывной фильтрации информации в Интернет-данных, отслеживает и прогнозирует возможные аномалии в горячих точках сети. Интернет давно заменил все средства массовой информации и стал важнейшим средством коммуникации. В новых условиях, перед лицом новых проблем похищение тайн давно стало секретом Полишинеля. Чтобы справиться со всеми видами проникновений и атак, недостаточно только учиться на ошибках. Тяньван-краулер использовал самоэволюционное обучение ИИ, чтобы заранее предсказывать возможные информационные атаки и блокировать лазейки.

Эксперименты с этой системой велись уже давно. Щупальца данных Тяньван-краулера проникли в подавляющее большинство обычных соцсетей, таких как QQ, WeChat, Weibo, форумов и внутренних программ веб-сайтов, даже в забытые уголки даркнета. Но поскольку эффективность самообучения пока была не очень высока, фактический результат получался далеким от идеала. Эффект сбора информации, напротив, оказался на удивление хорош, можно даже сказать, что

система была всеведущей — но при этом не умела использовать и обрабатывать свои всеобъемлющие знания. Сейчас после того, как данные для исследования отправлялись в Тяньван-краулер, система начинала искать всю соответствующую информацию в пределах свои щупальцев, проверяя возможные закономерности в запросе.

Два часа спустя Тяньван-краулер разродился очень страным результатом: поиск привел его к непубличной базе данных Института модельной зоологии Нанкинского университета под названием «Национальная генная инженерия: Банк ресурсов мыши».

Чжао Каню не хватило знаний, чтобы оценить, какой смысл может иметь его находка. В свете некоторой незаконности этих операций он засомневался, сообщать ли о них или стереть все результаты — ведь те, на первый взгляд, не имели связи с изначальным пакетом данных и, возможно, это была просто ошибка, даже не совпадение.

Но в конце концов инфоинженер все же честно отчитался перед руководством.

Двадцать минут спустя вызвали Бай Хунъюй.

В это время Ван Хайчэн все еще общался с юристом о том, как правильно обратиться в суд, и изо всех сил пытался защитить свои права и интере-

сы в эпоху стремительного роста цен на жилье.

Глава десятая

Пять лет спустя, Чэнду

Следуя сигналу Бэйдоу[41] с датчика на теле Го Юаня, Министерство пулей рвануло на его поиски. Город все еще был погружен во тьму, а агент, который отвечал за его спасение, дрых на обочине дороги.

Обнаружив его на земле, солдаты группы поддержки в темноте решили, что Го Юань тяжело ранен. Поэтому поспешили вызвать скорую помощь, одновременно подсвечивая фонариком его бренное тело в поисках травм. Никто не ожидал, что, когда луч фонарика упадет ему на веки, он начнет тереть глаза кулаками, сонно зевнет и самостоятельно встанет на ноги.

— В глаза не светите! — раздраженно рявкнул Го Юань. — И носилки мне найдите. Осторожнее с поясницей!

Тыловые солдаты-медики отнесли агента в военно-санитарный автомобиль, где надели на него портативный рентгеновский аппарат для

---

[41] Сноски: 41

Бэйдоу — глобальная навигационная спутниковая система.

быстрого сканирования. Тот выявил небольшую трещину в позвонке, которая не представляла опасности, если только травму не усугублять.

— Что случилось? Что, черт возьми, происходит? Разведданные показывают, что электроснабжение пяти юго-западных провинций прервано. — Лао Цю, заместитель Дуаньму Хуэя, запрыгнул в санитарную машину и затараторил, как из пулемета. — Где Юнь Шань? С ней все в порядке?

Го Юань нахмурился, закатил глаза, но не сказал ни слова, просто снял с груди оперативный регистратор и швырнул в заместителя. Сила броска была такой, что удар получился внушительный. Лао Цю хотел ругнуться в ответ, но прежде чем успел произнести хоть слово, увидел неподвижное лицо агента и испугался, хоть и был закаленным в боях ветераном полицейского спецназа.

Вспомнив, что случилось в энергоцентре, Го Юань пришел в ярость. Секретная комната, отключение электричества, черное кольцо — каждая сцена ясно говорила ему, что они имели дело не с обычным терактом и в этом деле скрыты целые пласты тайн. Го Юань все яснее осознавал, что, ничего не ведая, оказался втянут в игру, в

которой ему отведена роль пушечного мяса, и от этого зверел.

Однако на такой работе неважно, сколь глубоки обиды, нельзя позволять им сказываться на задании. На оперативном регистраторе есть полная информация, которая может пролить свет на то, что произошло под землей, гораздо точнее, чем отчеты присутствовавших. Пусть начальство само все увидит.

Врачи обеспечили ему неподвижность, дали обезболивающее и оставили отдыхать. Минут через десять в мобильный лазарет привели Юнь Шань. Красивое лицо девушки было покрыто синяками, изо рта свисала соломинка, уходящая в пакет с восстанавливающими добавками, правую руку обвивал бинт. Судя по типу добавки, раны были поверхностные, кости и мышцы остались целы. Все ее тело дышало жаром, как печь, обмен веществ ускорился, клетки стремительно восстанавливались.

— А вы, новые, не только усиленные, но и противоударные. Не то что мы, по нам пальцем стукнешь, и уже кости трещат, — не мог не поддеть ее Го Юань. — Где парень с Ближнего Востока? Арестовали его? Может говорить?

Теперь у них был человек, из которого можно

выудить новые зацепки.

И кто бы мог подумать, что Юнь Шань ответит:

— Мертв.

Хотя с ней в целом ничего страшного не случилось, ее лицо было белым, как бумага. Весь день она терпела одно разочарование за другим, и ее способности оказывались бесполезны. Хотя террорист был одет в бронежилет, в него стреляли слишком много раз, и удары раздробили внутренние органы. Хотя он погиб из-за хаотичной стрельбы Го Юаня, Юнь Шань все равно считала, что на этот раз толку от нее было никакого. При мысли об этом она покраснела.

Го Юань глубоко вздохнул, закрыл глаза и замолчал.

Город, замолкший во внезапно наступившей тьме, понемногу наполнялся совсем другим шумом. Наверняка это отключение уже нанесло огромный урон, подумал Го Юань. Обычно в ключевых местах вроде больниц есть несколько линий электроснабжения, но вопрос с энергоцентром вызывал у него большие подозрения. Насколько надежна эта система «многоканального снабжения» десятилетней давности?

Он быстро перебрал в уме возможные проблемы, которые мог вызвать блэкаут. Тот случился

после девяти, как раз в то время, когда в городе сталкиваются два потока — те, кто возвращается с дневной работы, и те, кто отправляется на ночные гуляния. Не случится ли паническая давка в людных местах вроде улицы Чуньсилу и площади Тяньфу? В северной части города, от пруда Ляньхэчи до оптового рынка возле Северного вокзала, смогут ли вовремя отреагировать полицейские, если местные бандиты наделают шуму под покровом ночи? Что происходит в районе ресторанов и баров от Юйлиня до Цзюяньцяо, предсказать было трудно. Если там сцепятся хотя бы двое, обязательно набежит целая толпа, чтобы поглазеть, невзирая на опасность.

Простое отключение электричества ненавязчиво превратило лучший туристический центр страны в пороховую бочку. Хрупкость современных городов невообразима. И это ведь было даже не «атакой неприятеля», а просто небольшим побочным эффектом.

Дуаньму Хуэй открыл дверь медицинской машины и медленно подошел к носилкам Юнь Шань:

— Ничего серьезного?

— Не беспокойтесь, — тихо ответила та, глядя на него.

При виде спокойствия начальника Го Юань почувствовал себя крайне неуютно. Он ведь наверняка уже просмотрел запись. И правда глыба невозмутимая.

— Подозреваемый сбежал из центра энергоснабжения. Миссия была неуспешной, но не напрасной, — объявил Дуаньму Хуэй. — Тяньван установила личность того мужчины, что напал на центр вместе с Чжуан Циюем. Цзян Цинсань, сорок три года, старший инженер по оборудованию электроснабжения в энергоцентре, целевой магистр программы ядерной физики в Университете Цинхуа. Судимостей нет, послужной список чистый. Тяньван не выявила никаких опасных тенденций. Как и все остальные, он совершенно обычный человек с чистым прошлым, не вызывающий подозрений. Кроме того, Тяньван не обнаружила никакой специфической связи между ним и Чжуан Циюем в сетевых логах.

— Вы имеете в виду, что у него не было контактов с этим старшим инженером, если, конечно, не считать проекта, о котором даже записи не осталось? — Го Юань даже не попытался соблюсти приличия.

По словам старшей сокурсницы Чжуан Циюя, Ду Сяоцзюань, тот участвовал в исследовании,

информацию о котором даже их опергруппа не имела права запрашивать. Но если рабочее место проекта находилось в энергоцентре, как они могли не пересекаться?

Дуаньму Хуэй не стал отвечать и продолжил:

— Хотя между ними и нет никакой связи, которая могла бы остаться в логах, они, скорее всего, поддерживали тайный контакт. Система Тяньван отследила все местонахождения Чжуан Циюя и Цзян Цинсаня, сверила корреляцию геокоординат их мобильников и обнаружила, что они много раз выключали телефоны в одно и то же время в районах, близких друг к другу.

Голографическая проекция показала места, где подозреваемые включали и выключали свои телефоны, а время отметила разными цветами. Точки находились недалеко от Сычуаньского университета, что, может, и не проливало свет на проблему в случае с Чжуан Циюем, ведь он там учился, но вот Цзян Цинсань — другое дело: мужчина средних лет, инженер электростанции, и жил, и работал далеко оттуда.

— Очевидно, что они хорошо умеют укрываться от слежки. Однако мы узнали, что Цзян Цинсань однажды выключил телефон, а Чжуан Циюй нет. Видимо, просто забыл.

Координаты на проекции приблизились. Сигнал геолокации Бэйдоу Чжуан Циюя в течение двух часов оставался в одном баре. Тот находился недалеко от моста Цзюянь к северо-востоку от Сычуаньского университета и назывался «Вариация». Хотя террористов хорошо умели скидывать хвост, но Тяньван, как добро, которое всегда побеждает зло, вновь оказалась на голову выше. Сигналы геолокации мобильных устройств, уличные камеры и даже селфи обычных людей — все эти данные были сплетены в сеть, из которой практически невозможно улизнуть, так что стоило преступнику появиться, о нем можно было узнать практически что угодно.

— Электричество будет восстановлено в течение часа, а затем немедленно поезжайте в бар «Вариация», мы должны отработать зацепки, — голос Дуаньму Хуэя был спокоен, но слова прозвучали сурово. Ситуация становилась все серьезнее, и шансов на ошибку больше не было.

Дотерпев до этих слов, Го Юань наконец не выдержал. Сперва он усмехнулся. Потом тихонько захихикал. А потом засмеялся, и смех его становился все безумнее, пока не сделался маниакальным. Все уставились на него в недоумении. Го Юань сел, поддерживая поясницу. Лицо его

было свирепым.

— Гражданин начальник, вы, наверное, шутите? Иначе другого объяснения я не вижу. Вы искренне хотите послать нас на смерть?

С этими словами он внезапно вскочил и толкнул Дуаньму Хуэя на аппарат искусственной вентиляции легких. Юнь Шань вскрикнула, но даже со своей усиленной скоростью реакции не успела пошевелиться. Никто и ахнуть не успел, как Го Юань подался вперед, схватил со стола скальпель и замахнулся им на Дуаньму Хуэя.

Лезвие остановилось в полусантиметре от его зрачка.

— Не двигаться! — повернув голову, крикнул ошеломленному солдату-медику Го Юань. — В сторону! Товарищ Юнь Шань, будьте добры, поднимите руки так, чтобы я мог их видеть.

— Вы сошли с ума? — несмотря на острие, зависшее прямо перед зрачком, голос начальника оставался спокойным.

— Давненько уже, что за глупые вопросы? — криво ухмыльнулся Го Юань. — Вам будет полезно мне ответить. — Он махнул левой рукой в сторону города. — Посмотрите туда, юго-запад обесточен на миллионы квадратных километров. А энергоцентр — это всего лишь подстанция.

Боюсь, что-то не сходится, разве не так? Для чего предназначена секретная база под землей? Что именно забрали Чжуан Циюй и Цзян Цинсань? Эта штука передает или подает энергию?

В это время предплечья Юнь Шань слегка напряглись. Она не вставала с носилок, но была готова наброситься на Го Юаня. С ее усиленными рефлексами она могла бы справиться с ним за одну десятую секунды. Ее подготовка проходила под покровом одеяла, а сама она не отрывала взгляда от глаз и плеч агента, планируя наброситься на него, как только он хоть где-нибудь проколется.

Тот же, не прерывая монолога, достал из-за пояса Дуаньму Хуэя пистолет и, не оборачиваясь, направил в грудь Юнь Шань.

— Не двигайтесь. Если мы сейчас всё не проясним, вы пойдете со мной на смерть. Ладно бы мы ничего не знали о том, что собираются делать террористы, но мы даже не знаем, что хотим защитить. Это международная шутка?! Девочка, если хочешь умереть, меня с собой брать не надо. Товарищ начальник, вы бы лучше объяснили нам, как вы узнали, что электроснабжение будет восстановлено в течение часа? Го Юань смерил Дуаньму Хуэя убийственным взглядом и, чеканя каждое слово, спросил: — Сколько у вас этого

дерьма? Что это, черт побери, такое?

Услышав его слова, Юнь Шань остолбенела, и тут же почувствовала, как ее сердце забилось чаще. Да, она же своими глазами видела, что те двое забрали из тайника странное черное кольцо, а затем подача электроэнергии прекратилась. Чжуан Циюй сказал, что эта штука обеспечивает электричество на всем юго-западе, и, видимо, это были не пустые слова. Даже если не говорить о том, что делает кольцо, что значит «электроснабжение будет восстановлено в течение часа»?

Похоже, начальству было прекрасно известно о существовании и функциях похищенного артефакта, а еще у них в запасе были запасные, которые поставлялись в любой момент.

Юнь Шань совсем запуталась. Всем известно, что основный источник электроэнергии в Китае — это электростанции управляемого термоядерного синтеза. С тех пор как пять лет назад китайцы совершили прорыв в этой технологии, она за очень короткое время распространилась по всей стране. Чисто, эффективно и дешево — в термоядерном реакторе использовался дейтерий, изотоп водорода, и себестоимость энергоснабжения снизилась более чем на 95 % по сравнению с прежней тепло– и гидроэнергетикой. Если

дешевизна не могла развеять озабоченность некоторых людей безопасностью проекта, то скорость исчезновения смога, видимая невооруженным глазом, легко с этим справилась. Почти все источники загрязнения, от автомобильных двигателей внутреннего сгорания до угольного отопления, были заменены чистым и дешевым электричеством, добытым в результате ядерного синтеза. Прежний Чэнду, который в свое время в насмешку называли «котлом со вкусом смога», канул в лету.

Технология управляемого ядерного синтеза вышла из Китая в мир в течение двух лет и стала основным источником энергии для большинства стран. Она напрямую изменила мировой энергетический и экономический ландшафт. Это вошло в учебники как общеизвестный исторический факт.

Однако то черное кольцо в энергоцентре, которое можно унести в одной руке, никак не могло быть управляемым термоядерным реактором, пусть и хваленым до небес!

От этой мысли по всему телу Юнь Шань побежали мурашки. Если управляемый ядерный синтез на самом деле ложь, участвуют ли страны всего мира в фабрикации и поддержании этой

лжи? Зачем? И где тогда правда? Что это за штука, которую нужно прятать?

Она повидала разных сумасшедших террористов, всевозможные убийства и трагедии, но это никак не повлияло на ее твердую веру в то, что, хоть мир и уродлив, она делает его лучше. Но именно в этот момент темнота за окном, как вакуум, высосала из нее жизнь и веру, оставив тело остывать.

— Все же… что это такое? — спросила Юнь Шань Дуаньму Хуэя дрожащим голосом.

Его лицо с правильными чертами было, как всегда, невозмутимым. Раньше, в какую бы передрягу они ни попадали, его хладнокровие, казалось, действовало на всех успокаивающе, но теперь, когда они столкнулись с этим странным миром, спокойное выражение его лица только усилило ее панику.

— Угрожать начальнику — это бунт. Вы пытаетесь бунтовать? — поинтересовался Дуаньму Хуэй.

— Я серьезно обдумываю ваше предложение. Зависит от того, сможете ли вы меня убедить, — Го Юань даже не думал шутить.

— Эти вещи находятся за пределами вашего уровня конфиденциальности, при этом вам недо-

стает квалификации, чтобы самому их понять.

— А ребята, которые планируют взорвать Чэнду, что у них с уровнем конфиденциальности? У них есть квалификация, чтобы понять? — зло ухмыльнулся агент. — Вот почему я бунтую. Я никогда не слышал, чтобы при настолько неравномерном распределении информации можно было бы нормально работать. Допустим, вы хотите заткнуть мной дуло пистолета, хотите, чтобы я бросился на амбразуру, но я все равно должен знать, хватит ли моих пятидесяти с чем-то килограммов, чтобы ее накрыть. Вы же не можете ожидать, что я телом остановлю ядерный синтез, если прыгну на водородную бомбу?

Хотя Юнь Шань не могла согласиться с бунтом Го Юаня, но в этот момент, вспомнив о последних невольных мыслях, заставивших ее засомневаться, она внезапно подумала, что у этого социопата убавилось оков и то, что он сейчас сказал, действительно имело смысл.

— Эти вещи выходят за рамки вашего уровня конфиденциальности, и я не имею права сообщать вам эту информацию, — по-прежнему отказывался отвечать Дуаньму Хуэй.

Го Юань посмотрел ему в глаза, и несколько секунд в машине стояла мертвая тишина, в кото-

рой не было слышно даже дыхания.

В этот момент на улице внезапно зажглись уличные фонари, электроснабжение восстановилось. Го Юань глянул за окно машины, вздохнул, и левой рукой, сжимавшей рукоять пистолета, врезал Дуаньму Хуэю по нижней части живота, в то же время выбросил скальпель из правой и, сложив освободившуюся руку в кулак, ударил начальника в переносицу.

Из носа Дуаньму Хуэя хлынула кровь, он схватился за живот и, невзирая на острую боль, помахал рукой, останавливая команду:

— Все в порядке, в порядке.

Он знал, что эти два удара Го Юаню были нужны просто для того, чтобы выплеснуть гнев, и он больше не собирался нападать или угрожать.

Юнь Шань сразу и не поняла, что произошло, она увидела только, как Го Юань с ухмылкой произнес:

— Большой босс действительно не имеет права сообщать нам эту информацию. Но он и при желании ничего не мог бы сказать, потому что сам не знает.

От такого заявления Дуаньму Хуэй помрачнел. Го Юань попал точно в яблочко.

Увидев, что догадка подтвердилась, тот вздох-

нул:

— Ладно, пошли. Нужно что-то делать, от судьбы не уйдешь. Район Цзюяньцяо, улица Цзюбацзе, да будет так.

Юнь Шань взглянула на искаженное лицо Дуаньму Хуэя, прикусила губу и не произнесла ни слова. Вместо этого она выпрыгнула из санитарной машины следом за Го Юанем и села в черный автомобиль, который уже долгое время ожидал в стороне.

Машина гнала всю дорогу до моста Цзюянь. Транспортный поток на дороге был намного меньше обычного, но и скорость тоже ниже. Отключение электричества вызывало хаос, то и дело по дороге попадались следы ДТП, а на одном из участков они повстречали три разбитых в хлам мопеда подряд. Раненых давно спасли, но на дороге царил такой хаос, что агентам оставалось только постоянно снижать скорость и объезжать разбитый транспорт.

Ни один в машине не раскрывал рта, так что ехали в гробовой тишине. Юнь Шань никогда не рвалась беседовать с Го Юанем, но в этот момент от его молчания у нее на душе скребли кошки. Ей хотелось сказать хоть что-нибудь, лишь бы молчание прекратилось, но было страшно, что

любые слова, прозвучавшие в такой момент, нарушат дисциплину операции. Держась за руль, она время от времени оборачивалась, чтобы быстро глянуть на Го Юаня, но тот просто смотрел в окно, неподвижный, как истукан.

И вдруг подал голос.

— Вы когда-нибудь думали о том, как умрете?

Равнодушный вопрос напугал и насторожил ее. Она помедлила секунду, прежде чем ответить:

— Вы меня спрашиваете?

— А в машине есть кто-то еще?

— Как умру? Нет… не думала.

Хоть Юнь Шань и постоянно рисковала на работе, ей, в конце концов, было всего лишь чуть за двадцать, и она подсознательно все еще считала себя главным героем Вселенной. Как можно было думать о таких вещах?

— Самое время подумать, — глухо произнес Го Юань. Ей сперва показалось, что он шутит, но на его лице, отражавшемся в стекле автомобиля, читалась решимость. Он продолжил, не обращая на нее внимания: — Все вы, новые, такие. Неважно, насколько велика опасность, вам всегда кажется, что жертвой будете не вы. Думаете, что быть в наряде — это как в «Крепком орешке», чувствуете себя главными героями. Даже если есть

только один шанс на миллион, у вас все равно получится последней пулей из пистолета сбить F35 и спасти мир.

— Вы и правда очень странный. Вы всерьез думали о том, как умрете?

— Думал много раз с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать, — сказал Го Юань, сделав паузу, — в том году у меня диагностировали антисоциальное расстройство личности, я попал под особый присмотр. Не мог не думать.

Услышав такое, Юнь Шань даже не знала, что делать дальше. К счастью, Го Юань не собирался ждать ее ответа:

— Вы знаете, каково это — не иметь эмпатии? Наверняка не знаете. Даже если я объясню, вы просто не сможете этого понять. И точно так же другие много раз говорили мне об этой чертовой эмпатии, но как я только ни пробовал — так и не смог понять, что это за штука. Поэтому мне кажется, что мир странный. Многое из того, что вы делаете, я нахожу непонятным, очень… иррациональным. Чем старше я становлюсь, тем более неуютно чувствую себя из-за того, как люди общаются между собой в этом мире. Глупо, неэффективно, необъяснимо, и с годами это чувство только усиливается. Однажды я ста-

ну чудовищем, которое не вписывается в этот мир, чудовищем для вас. Как будто у тебя рак, ты знаешь, что не выживешь. Я точно так же рано или поздно стану чудовищем, это просто вопрос времени. Я выбрал эту работу, потому что по собственной воле искал профессию, где буду постоянно подвергаться смертельной опасности и обязательно нарвусь. Грубо говоря, если я умру до того, как стану серийным убийцей, то даже героем могу стать. Конечно, я был очень молод, когда так думал, и теперь уже сомневаюсь. Скажите, есть ли разница, кем умереть, героем или серийным убийцей? В этом мире не все ли равно?

В это время Го Юань повернулся к Юнь Шань. Почувствовав во всем теле холодную дрожь, та едва не нажала на педаль газа вместо тормоза.

— Время уходит, я имею в виду, что иду навстречу смерти, но всегда надеялся, что есть причина умереть за этот мир. Скажи, девочка, ты считаешь наше дело нормальным?

— Вы о чем?

— Эти люди, которых вы так долго преследовали, действительно террористы? — казалось, у Го Юаня был свой собственный ответ. — Ван Хайчэн, доцент астрономии, Чжуан Циюй, доктор теоретической физики, Цзян Цинсань, инженер

электростанции, магистр ядерной физики, у которого рефлексы лучше, чем у солдата…

Снова наступило молчание. Эти слова были ключом не только к ответу на общий вопрос, но и на тот, которым терзалась его душа.

— Если они не террористы, то что собираются сделать?

Автомобиль подъехал к мосту Цзюянь и остановился на обочине. Разговор резко оборвался. Выходя из машины, Юнь Шань пребывала в смешанных чувствах. Глядя в спину человека, который был полон решимости умереть за мир как можно скорее, она почувствовала, что совсем не отличается от него, и теперь не могла уже так сразу сказать, с какой вселенной сейчас столкнулась.

Мост Цзюянь, или Девятиглазый мост, в древности назывался Хунцзи и успел побывать мостом Чжэньцзян. Его построили в двадцать первом году правления под девизом Ваньли династии Мин.[42] В конструкции под мостом было проделано девять больших отверстий-глазков, что и дало повод дать ему новое название во время реконструкции при цинском императоре Цяньлуне.

---

[42] Сноски: 42
1593 год.

Жители Чэнду всегда отличалась неторопливостью увлечений, и было логично, что там, где есть вода, набережные и деревья, непременно нужно обустроить место, где можно выпить чаю и поточить лясы. Поэтому вдоль реки у моста Цзюянь в плотном соседстве друг с другом открылись сотни баров. С наступлением ночи здесь начиналась своя жизнь, беззаботная, безрассудная и местами бесстыжая.

Го Юань, естественно, прекрасно знал это место — нигде больше не собирались настолько разношерстные компании. Где можно посидеть без шума; куда не пускают посторонних и при этом там много скрытных, но щедрых посетителей; какой бар в сфере влияния какого тайного общества; в каком заведении девчонки нечисты на руку; кто чей постой взломал… Го Юань досконально изучил все эти вещи, но с подобными местами всегда так — чем больше о них узнаешь, тем меньше их знаешь.

Бар под названием «Вариация» находился в престижном месте, у спуска на берег, но отличался от окружающих заведений. В нем не было больших панорамных окон, из которых на улицу лился бы двусмысленный свет, не было неоновых вывесок на всю стену. Напротив, слои цемен-

та, имитирующие стены, скрывали главный вход. Хотя внутри звучала музыка, децибелы ее не зашкаливали. Все это говорило о том, что в этом баре есть загадка: обычно на «золотых» перекрестках с густым людским потоком развлекательные заведения предпочитают пошуметь, а те, в которых играет негромкая музыка, охотнее выбирают удаленные места с арендной платой пониже.

— Не будет ли нам неловко войти туда вместе? — на ходу спросил Го Юань.

— Неловко? Что вас смущает? — озадачилась Юнь Шань.

Они обошли цементную имитацию кладки и вошли внутрь, в совершенно другой мир. Снаружи казалось, здесь нет ни души, но оказалось, что внутри яблоку негде упасть.

Юнь Шань окинула взглядом барную стойку, круглые столики, карточный стол, и только тогда поняла, что Го Юань имел в виду под словом «неловко».

В баре, который занимал сотни квадратных метров, не было ни одной женщины, кроме нее самой, только что переступившей порог.

Это был так называемый гей-бар, рай для мужчин-гомосексуалов. Бар — это место, где бес-

стыдно бушуют гормоны. Кроме того, здешние товарищи могли мстительно выплеснуть подавленные желания. Треть мужчин в помещении всем телом излучали желание угождать. Странный запах гормонов застал Юнь Шань врасплох и заставил вспыхнуть от стыда.

Го Юань, очевидно, был готов давным-давно. Увидев, как зарделась напарница, он недобро рассмеялся.

— Идите расспросите бармена, я тут пройдусь и подойду к вам.

И протиснулся в толпу.

Оценив обстановку, Юнь Шань решила игнорировать странные взгляды со стороны и, расталкивая толпу, направилась к бару.

Бармен был молодой и сильный красавчик лет двадцати с небольшим. Он выглядел так, словно жил в спортзале, да еще и был обнажен до пояса, демонстрируя скульптурные мышцы, особенно пресс с шестью кубиками, которые так и выпирали наружу. Приспущенные на бедра штаны оставляли им такую возможность. Теперь, зная, что он гей, Юнь Шань была не прочь поразглядывать их подробнее.

Если бы в каком другом месте к кому-то подошла такая красавица, как Юнь Шань, этот кто-то

из кожи вон лез бы, чтобы ей угодить. Но здешний бармен на мгновение опешил и в замешательстве оглядел ее с ног до головы:

— Ты что тут делаешь? Не туда зашла?

Лицо Юнь Шань полыхало. Изо всех сил пытаясь скрыть смущение, она без лишних церемоний сунула ему под нос удостоверение:

— Министерство государственной безопасности, по служебному делу, пожалуйста, посодействуйте расследованию.

Обычно любой, кто это слышал, искренне пугался и начинал трястись от страха, что что-то натворил, но бармен поднял взгляд и лишь мельком глянул на документ:

— Кто знает, настоящее ли оно? Здесь слишком много фальшивых полицейских, расследуйте где-нибудь в другом месте.

Хотя Чэнду уже был признан самым толерантным городом страны, на деле большинство геев до сих пор сидели «глубоко в шкафу» — притворялись гетеросексуалами, чтобы избежать всевозможной дискриминации и давления со стороны старших. Естественно, в баре такого типа бывало много подобных гостей, и при таких обстоятельствах защита приватности посетителей стала главным приоритетом бара «Вариация».

Конечно, немало здешних гостей не только «сидели в шкафу», но и женились, и завели детей, при этом ни жена, ни дети представления не имели об их ориентации. Но шила в мешке не утаишь, особенно в такого рода вопросах, и когда у родственников возникали подозрения, они обращались к частным детективам, и подобные знаменитые места часто становились первой мишенью расследований. Вот что имел в виду бармен, говоря о «фальшивых полицейских».

Но откуда бы Юнь Шань знать о таких перипетиях? Так что она достала фотографии Чжуан Циюя и Цзян Цинсаня и протянула их бармену:

— Эти двое бывали в вашем баре?

Тот отпихнул снимки обратно, даже не глядя.

— Не спрашивайте, я не знаю. Если что, спрашивайте у босса, я тут просто подрабатываю. Только сегодня пришел.

— И где ваш босс?

— Вроде бы в Санья собирался.

— И когда ушел?

— Только что.

— Только что? Он не остался здесь разбираться, когда отключали электричество, а в Санья сбежал?

— Именно потому, что отключили, он и поехал.

Он землетрясений боится, сычуаньцев, что ли, не знаете? Вы, видимо, из другого города приехали?

Юнь Шань негодующе хлопнула по стойке:

— Граждане обязаны с нами сотрудничать! В противном случае я имею право вас задержать!

— Ну так попробуйте, — невозмутимо сказал бармен, и к ней тут же приблизились двое здоровяков, карауливших по обе стороны стойки. Эти двое обычно имели дело с качками-завсегдатаями тренажерных залов и отличались не только крепким сложением — по их твердой, бесшумной поступи было видно, что они люди опытные.

Юнь Шань какое-то время не знала, что делать. То есть драки-то она не боялась, но если начнется заварушка, тогда ей уже ничего не удастся выведать. А если заняться процедурой подачи заявок, то неизвестно, сколько времени они на этом потеряют.

В это время раздался голос Го Юаня, который громко прокричал из глубин бара:

— Босс Сюй, видать, новый сильный покровитель у вас завелся, властей больше не боитесь! А не могли бы вы его позвать, мы б познакомились, очень уж любопытно, что за начальник этот новый крендель!

При звуках его голоса мужчина, стоявший за

спиной бармена и наблюдавший за весельем, застыл, как будто его выключили из розетки. Так он несколько секунд простоял, потом медленно вышел из-за барной стойки, чтобы найти того, кто кричал из толпы. Хотя этот мужчина был не так красив, как бармен, и не слишком молод, кожа на его теле тоже тонким слоем прилипала к мышцам, а жира было так мало, что людям делалось неловко. Именно из-за отсутствия жировой прослойки стало заметно, что при виде Го Юаня все мышцы его тела начали подергиваться, особенно от груди до живота — несколько раз сократились, а потом застыли, как камень, как будто тронь их — и судорогой сведет.

— Босс Сюй, давненько я к вам не наведывался. Бизнес у вас хорошо идет.

Босс Сюй сглотнул и жестом велел группе телохранителей расслабиться.

— Мастер Го, я должен был бы закрыться, когда отключили электричество. Вот это был бы хороший бизнес.

Юнь Шань слышала негодование, бурлившее в голосе босса по фамилии Сюй, но оно скорее говорило о бессилии кролика перед бешеной собакой.

— Сделаете мне одолжение? — спросил Го

Юань.

— Вот не надо мне про «одолжения», не заикайтесь даже мне про «одолжения», — ответил босс Сюй. — Я бы какому другому легавому еще помог, но вам, братец, помочь не смогу. Я еще пожить хочу. Все что угодно, только скажите, одно лишь ваше слово. Все, кроме одного — ни о ком не расспрашивать. В моем-то бизнесе кроме расспросов — все без вопросов! На худой конец закрою бар, вернусь в отчий дом, в поле пойду пахать.

— Вы посмотрите, славный какой человек, — засмеялся Го Юань. — Слово ему скажи, и притон не откроет. Но вы, вообще-то, правы, я именно что пришел кое о ком расспросить.

Босс Сюй замахал руками:

— Не-не-не, не пойдет. Мастер Го, вы же лучше других знаете, что у меня тут за дела. И легальные, и нет, у меня хватает смелости на что угодно, я ж и хмурый толкаю, не брезгую. Но это — нет. Насчет людей разузнавать — это ж как яйца беречь, меня ж коллеги до смерти ославят, да и кто из гостей руку в переулке отчекрыжит, ну!

— Вы мне кое-что должны, не забывайте.

— Мастер Го, братец-мастер Го, я разве не говорил? Если вам что нужно, только слово скажите, а вот на это я пойти никак не могу. Ей-богу.

Лицо босса Сюя заискивало каждой своей чертой, зато тело дрожало каждым мускулом. Не требовалось никаких вопросов — и без того было очевидно, какую репутацию нажил себе Го Юань. Юнь Шань все яснее понимала, насколько страшен этот человек: если считаешь его чудовищем, даже когда он стоит рядом, то можно себе представить, каково оказаться с ним лицом к лицу.

И даже при таком раскладе босс ни в какую не желал разглашать персональную информацию гостей. Только сейчас Юнь Шань заметила, что в баре не ведется наблюдение. Если такое случается в увеселительных заведениях, то либо кто-то обнаглел, либо кто-то боится, что в случае форс-мажора останутся улики. Если босс упрется рогом и не будет сотрудничать, что тогда делать?

Го Юань вздохнул.

— Босс Сюй, вы, видимо, меня не помните?

С самой макушки Сюя рекой полился пот.

— Самое большее я вернусь на поле пахать, правда, — сглотнул слюну он.

Го Юань покачал головой, снял с груди микрорегистратор и передал боссу.

— Ну-ка, давайте расширим наш кругозор. Вот, оперативный регистратор, изготовлен на заказ для оперативной группы, чтобы снимать боевые

задания. Видео с разрешением 4K, сто двадцать кадров в секунду. Взгляните только на этот эффект ночной съемки, все кадры из бара прямо как в белый день выходят, даже поры на лице видно. Вон у того, кто в углу прячется, взгляните. Смотрите, вот так пальцем ткнуть — и можно масштаб увеличить, ну что, видите, как четко?

Когда Го Юань сказал «пройдусь по бару», он прошелся именно для этого. Босс Сюй вытянул шею, заглянув в регистратор, и, изменившись в лице, потянулся, чтобы отобрать его.

— Эй, вот это круто, крышу себе отрастили? Выше министерства, поди, раз уж смеете грабить Министерство безопасности? Дурак вы, что ли, эта штука в нашу сеть транслирует в реальном времени, что вы оттуда удалить-то хотите?

Босс Сюй побледнел и рухнул на табурет, но Го Юань только вошел во вкус.

— Спустя сто восемьдесят секунд, э-э, у нас есть еще сто шестьдесят три секунды, видео будет загружено на видеосайт. Время поджимает, босс Сюй.

Зная, что линия обороны дрогнула, Го Юань ковал железо, пока горячо — сунул тому под нос фотографии Чжуан Циюя и Цзян Цинсаня, наклонился и тихо произнес:

— Не волнуйтесь, эти двое на самом деле террористы. У них ни дома, ни родных, и они бывали здесь много раз. Не геи не считаются вашими настоящими гостями. А если видео из этой штуки выложат, на этот раз меня не будет рядом, чтобы помочь вам удалить его. Дайте глянуть, о, сто двадцать одна секунда…

Босс Сюй дрожащими руками взял фотографии и долго, внимательно их изучал. Судя по всему, впечатления они не произвели, но он не решался вернуть их и признаться, что ничего не знает.

Именно потому, что в Чэнду так много гей-баров, они стали так популярны в некоторых особенно тайных отраслях — никого не волнует, зачем несколько мужиков сбиваются в кучу и о чем-то шепчутся. Когда мужчина закутан в толстовку, прячет лицо и маскируется с помощью макияжа, другие, естественно, отводят взгляд, сохраняя особую атмосферу уединения в подобных барах.

Босс Сюй молчал так долго, что Го Юань спросил сам:

— Не видели?

Вопрос снова напугал босса так, что мышцы на его плечах задергались. Он обернулся и позвал:

— Сяо Тан, подойди!

Подбежал худой и тоже полуголый мужчина с подносом.

— Что такое, босс?

У него были тонкие, изогнутые брови, а глаза подведены. А еще он улыбался.

— Видел этих двоих? — спросил босс, хватая его за руку и хмурясь. — Внимательно смотри, не вздумай не вспомнить, если видел!

Парень сперва удостоверился, велит ли начальник «говорить правду» или говорить правду, после чего взял фотографии и вгляделся.

— Видел. В прошлом месяце несколько раз приходили.

— Сколько их было? — спросила Юнь Шань.

— В основном вдвоем. Дайте подумать. По-моему, они не геи. А что? Что-то случилось?

— Это «в основном вдвоем» означает, что были времена, когда не вдвоем? — прицепился к слову Го Юань.

— Эммм…

— Просто скажи, если было! — подсказал босс Сюй.

— Ну, вроде был один раз, и еще другой раз, когда с ними приходил еще один. Но это давно было…

Повинуясь внезапному импульсу, Юнь Шань

достала фотографию Ван Хайчэна и показала парню:

— Посмотрите, не с этим ли?

Сяо Тан долго и внимательно смотрел на него, мотая головой из стороны в сторону, никак не в силах прийти к выводу:

— Совершенно обычный, да еще и страшный. Не впечатляет.

Но стоило ему отложить фотографию, как он вдруг хлопнул себя по лбу и закричал:

— А-а-а!

— Что?! — спросили все трое одновременно.

— Я его видел перед тем, как электричество отключили! — он указал на фотографию Ван Хайчэна. — Но не с этими двумя.

Го Юань и Юнь Шань воспряли духом.

— И куда он делся?

— Ушел, как и все, когда свет пропал.

— Вы заметили, в какую сторону он пошел?

— Шутите? Мне все равно, куда гости идут, даже если свет есть, а уж если нету, то и подавно.

— Только отключили, так сразу ушел, так?

— Так.

Услышав новость, Го Юань и Юнь Шань, естественно, не стали медлить и развернулись, чтобы уйти. Босс Сюй вцепился в Го Юаня.

— Мастер Го, в этот раз мы вам все без утайки выложили, но в следующий…

Го Юань обернулся и с ослепительной улыбкой ответил:

— Босс Сюй, не загадывайте так надолго, доживете до конца этой недели — тогда и обсудим.

Босс Сюй не совсем понял, что услышал, и застыл на месте. Го Юань и Юнь Шань поспешили из бара.

— Ван Хайчэн знал о том, что Чжуан Циюй будет делать на электростанции, — на ходу сказала Юнь Шань. — Конечно, он знал, что отключат электричество.

— Верно, — кивнул Го Юань. — Значит, он пришел сюда, чтобы этого дождаться.

— Вопрос в том, что он собирался делать во время отключения?

— Его цель должна быть не слишком далеко отсюда.

Это было самое разумное объяснение. Когда Чэнду остался без света, все виды транспорта оказались парализованы, так что Ван Хайчэн мог действовать только где-то поблизости.

Но при этом четких улик все равно не было. Го Юань досконально изучил и черную, и белую стороны этого города, но с тех пор, как в энерго-

центре достали из тайника черное кольцо, он понял, что здесь кроется что-то страшное, о чем не известно даже Дуаньму Хуэю, отвечавшему за всю операцию.

— Какие подозрительные места есть в нескольких минутах ходьбы? — спросила Юнь Шань. Она гораздо хуже знала Чэнду, чем Го Юань.

Следуя за ходом ее мыслей, тот сразу подумал о лаборатории Чжуан Циюя в Сычуаньском университете, куда они раньше ездили. Место было недалеко, и он вдруг вспомнил странную вещь, которую сказала одноклассница Чжуан Циюя: скорость света увеличилась. Имеет ли это значение? Они сели в машину, планируя исследовать Сычуаньский университет во второй раз. Когда Го Юань уже собирался пристегнуть ремень безопасности, он внезапно кое-что вспомнил.

— Нет, нет, нет. Зачем Ван Хайчэн ждал отключения электричества? Что конкретно должно было отрубиться? Тяньван?

Как только произошло отключение электроэнергии, средства наблюдения Тяньван по всему городу были парализованы, а мобильные устройства обычных людей отключились от сети из-за перебоев в подаче электроэнергии на сигнальных вышках, поэтому Тяньван неизбежно осталась

слепой и глухой.

— Даже когда Тяньван работала, мы не могли определить, где он. Я не знаю, как ему это удалось, но он сумел спрятаться. Если Ван Хайчэн ждал, когда Тяньван перестанет работать, то не мог все сделать один, без поддержки! — продолжил Го Юань. — Если он действительно ждал, когда Тяньван перестанет работать, то готовил что-то большое. Настолько большое, что, как только оно начнется, система сразу обнаружит следы аномалии!

Он схватил Юнь Шань за плечо и резко приказал:

— Немедленно свяжитесь с Дуаньму Хуэем, попросите сравнить и проверить крупное оборудование на дорогах города до и после отключения — транспортные средства, инженерное оборудование, в общем, все большое! И те полицейские записи и отчеты, которые я просил, тоже надо перетряхнуть!

Глава одиннадцатая

После получения запроса от Юнь Шань всех участников специальной опергруппы срочно мобилизовали на проверку аномалий в районах Чэнду за последний час.

Если это действительно был план Ван Хайчэна и его «Светлячка», то организован он был просто мастерски. Вечером местные как раз отдыхают и развлекаются. Сверхмасштабные отключения электроэнергии не только нарушили нормальный ход жизни, но и оборвали контакты с внешним миром. Все уже давно привыкли в любое время подключаться к нему через мобильные сети и постоянно быть на связи. В среднем люди смотрят в телефоны каждые две минуты — проверяют новости, общаются в WeChat, ждут пуш-уведомлений и все прочее. Часовое отключение электроэнергии прервало не только реальную жизнь — в изоляции оказались даже те, кто в панике пожелал найти утешение в Интернете. Казалось, жители Чэнду разом превратились в пятнадцать миллионов сирот. Пожилые люди вспоминали, что то же самое было во время зем-

летрясения 12 мая, когда внезапно изменилось практически все. При такой огромной численности населения паника и слухи неизбежны, и во многих районах воцарился хаос.

Транспортный трафик, людской поток и городская динамика сильно различались до и после часового отключения. Тяньван прогнозировала риски, основываясь на статистических законах — стоило собрать достаточное количество больших данных, чтобы обнаружить, что поведенческие законы человеческого общества удивительно стабильны, и любые аномальные колебания, даже небольшие, приведут к источнику зла. У любого крупного действия есть предвестник, его трудно спрятать под статистической моделью, стать невидимым для Тяньван труднее, чем вознестись на небо.

А теперь поведенческие модели сбились по всему городу, везде происходили несчастные случаи, которые легко можно было перепутать с предвестниками. Чэнду под сетью Тяньван превратился в пруд с мутной водой.

— Быстро, быстро! Быстро!!! — донесся из коммуникатора голос Дуаньму Хуэя, подгоняющий подчиненных. Он немного изменился, так как переносицу начальника до сих пор не выправили

и от удара Го Юаня в живот Дуаньму Хуэй все еще слегка задыхался. Даже по радио было слышно, как он расхаживает взад-вперед по тесному пространству машины, его дыхание и шуршание клавиатуры. Он сохранял спокойствие, но теперь все знали, что дело к добру не идет и любая ошибка будет фатальна.

С момента отправки запроса прошло более десяти минут, и по-прежнему не нашлось никаких зацепок. Го Юань знал, что такого рода расследования крайне неэффективны, так как все уже стали тяньванозависимыми. Пока системы не запустили, следователи походили на слепцов, ощупывавших слона, но в то время хотя бы умели щупать. Теперь, когда Тяньван фактически вышла из строя, детективы снова потеряли зрение — но теперь даже не знали шрифта Брайля. Мозг Го Юаня работал на всех оборотах, соображая, какие еще каналы можно использовать.

Если бы ему нужно было сделать что-то крупное в течение часа после отключения электроэнергии — причем не провести реальную атаку, а только подготовиться к ней, — он не мог бы все провернуть до блэкаута. А значит, транспорт, оружие и боеприпасы «светлячки» подготовили заранее.

То есть не обошлось без помощи посредников.

Какой-то выходец с Ближнего Востока пошел на дело с Чжуан Циюем. Это могло бы стать прорывом, но, к сожалению, столкновение с ним оказалось слишком жестким, и «язык» не выжил. В противном случае какие вопросы следовало ему задать? Например, есть ли у «Светлячка» партнеры в арабском мире? Если Ван Хайчэн, чтобы скрыть все следы, участвовал только в основных операциях, то кто занимался второстепенными и что они делали?

Го Юань схватил коммуникатор и крикнул:

— Я вам велел проверить полицейские данные по общественной безопасности, вы сделали? Пришлите мне, я взгляну!

Предыдущий конфликт не повлиял на командную работу. Дуаньму Хуэй оказался зажат между двух огней, его припекало и сверху, и снизу, но в глубине души он понимал, что у него нет оснований ненавидеть Го Юаня. Поэтому он изо всех сил притворялся, что ничего не произошло.

Информация поступила быстро, и Го Юань с помощью голографической проекции перекинул ее на стекла кабины управления. Плотный текст и картинки заполнили все пространство, количество информации ошеломляло. Го Юань быстро окинул ее взглядом, двигались только его глаза и

шея, а тело застыло на месте, как пень. Юнь Шань даже не успевала дочитать, как он уже махал рукой и пролистывал дальше.

Люди никак не могли обладать такой скоростью чтения. Интеллект Юнь Шань считался предельно высоким, и она систематически изучала скорочтение, но угнаться за Го Юанем не могла. И ладно бы дело было только в тексте, но агент еще и оценивал, есть ли в прочитанном зацепки, и обдумывал проблемы, скрытые в досье. Юнь Шань даже не знала, бояться ей или восхищаться: если бы не расстройство личности, этот человек воистину стал бы гениальным сыщиком, какие рождаются раз в столетие.

Или нет. Возможно, именно болезнь заставляла его мыслить не так, как обычные люди, поэтому и создавалась иллюзия его одаренности?

Где-то через десять минут быстрое мелькание файлов на «экране» наконец остановилось. Юнь Шань внимательно присмотрелась — это была запись о страховом случае по причине автоаварии. Но вчитаться не успела — Го Юань продолжил стремительно листать вниз. Она не поняла, зачему ему эта информация, но спрашивать ничего не стала — Го Юань полностью погрузился в бесконечную, многослойную инфосеть, и она

боялась, что ее слова прервут работу его мысли.

Досье на экране сменялись с еще большей скоростью, даже Го Юань не мог бы читать их полностью. Он явно что-то искал, перескакивая со строчки на строчку. Спустя две минуты вновь пролистнул обратно, перепрыгивая через сотни страниц, прежде чем остановиться на записи из уезда Аба. Файл оттуда оказался просто фотографией, сделанной ручной камерой. Дата была указана в правом нижнем углу — сегодня днем. Полиция в уезде Аба, очевидно, только-только получила экстренный приказ, и им срочно нужно было записать отчет и загрузить в цифровом виде. Тамошние полицейские, похоже, в спешке нашли камеру и, не зная, как надо, сфотографировали как попало.

Го Юань вздохнул, протянул руку и убрал проекцию с окон. Увидев, что он закрыл глаза и задумался, Юнь Шань осмелилась спросить:

— Есть какие-нибудь зацепки?

— Да, — он не открывал глаз, очевидно, сомневаясь, поскольку его тон не был таким решительным, как прежде.

— И какие?

— За последние две недели количество зарегистрированных угонов внедорожников «хонда»

в городе снизилось на 80 % по сравнению с предыдущим месяцем. Теперь их практически столько же, сколько у других марок.

Юнь Шань пришла в замешательство. Разве не хорошо, что количество сообщений об угонах уменьшилось? «Столько же, сколько у других марок»? Количество сократилось на 80 % и стало таким же, как у других марок? Значит, раньше «хонды» крали гораздо чаще?

Разбираясь в своих мыслях, Го Юань попутно объяснял:

— У «хонды» всегда были лазейки в противоугонной системе, а на черном рынке можно добыть устройство для наведения помех на дверные замки, поэтому по всей стране количество угонов у «хонды» всегда было намного выше, чем у других брендов. Чэнду тоже отличается от других мест. Тут на западе недалеко тибетская зона. Если ехать из Сычуани в Тибет, то сначала нужно проехать автономный район Ганьцзы-Аба. На плато чрезвычайно высокие требования к надежности автомобилей, поэтому японские автомобили, особенно внедорожники «тойота» и «хонда», всегда любили местные. После угона автомобиль отправляют прямо в Тибет, который настолько малонаселен, что полиция никогда

его не догонит. В прошлом году «хонды» угоняли так часто, что страховые компании не решались принимать новые страховые полисы. Автоугонщикам не нужно искать дом, чтобы продать товар. Человек, который хочет машину, непосредственно ее закажет, на месте сядет в нее и заплатит наличными, а затем на ней же и уедет. От GPS-трекинга и камер наблюдения толку нет. Он отправляется прямо в Тибет и десять лет оттуда носа не кажет. Без вариантов.

Примерно обрисовав ситуацию, Го Юань спросил Юнь Шань:

— Новых банд за последние два месяца не арестовывали, «Хонда» противоугонную систему не обновляла. И внезапно количество автомобильных краж упало до точки замерзания. Как вы думаете, в чем причина?

От этой странной криминальной экологии Чэнду у Юнь Шань отвисла челюсть. Следуя за ходом мыслей Го Юаня, она предположила:

— Вы имеете в виду, что банда автоугонщиков, которая специализируется на «хондах», может быть связана с Ван Хайчэном?

— Я имею в виду, если они умыли руки, то чем тогда кормились? Они занимаются машинами, а если не воровали «хонды», то что делали две

недели? Сколько автомобилей можно угнать за это время?

Юнь Шань и Дуаньму Хуэй на другом конце коммуникатора были поражены. В современных террористических атаках автомобили — универсальный инструмент: они могут врезаться в толпу, расчищать пути, блокировать движение, перевозить, маскировать, взрывать… Автомобили — мощное оружие, и поскольку они везде, их нелегко вычислить. Юнь Шань быстро проверила более ранние отчеты. В пиковое время количество угнанных «хонд» в Чэнду могло сравняться со среднесуточным показателем всех остальных марок, вместе взятых. Если исходить из цифр, в распоряжении «Светлячка» может оказаться по крайней мере двузначное число машин — вроде бы немного, но их можно эффективно скрыть и нацелить на поражение важных целей, а значит, не стоит это недооценивать.

— Пустите меня за руль, поехали, — Го Юань махнул рукой.

— Куда? — спросила Юнь Шань и тут же поняла, что знает ответ.

— Если их не арестовали, это не значит, что я не знаю, где эти угонщики, — Го Юань пристегнул ремень безопасности и до упора выжал педаль

акселератора. Электродвигатель издал резкий высокочастотный свист, а Го Юань мрачно произнес: — Когда начнем действовать, следуйте моим указаниям и просто будьте пожестче.

Не разворачиваясь, машина пролетела более ста метров задним ходом и оказалась в городе. Юнь Шань только успела вцепиться в ручку. Хотя она знала, что сейчас нет времени на сантименты, но все равно разволновалась, увидев, что они успели поцарапать несколько машин на обочине. Электромобиль рванул в объезд по пешеходной улице и за три или четыре минуты дважды чуть не сбил растерявшихся прохожих, но Го Юань даже не думал сбавлять скорость.

Это место было излюбленным образцом архитектуры традиционного Чэнду, оно не походило ни на интернациональный юг города, растерявший местный колорит, ни на центральную улицу Чуньсилу, забитую магазинами и торговыми центрами. Здесь в целых кварталах низкоэтажных лавочек продавалась одежда и еда в непонятных упаковках с названиями никому не известных фирм, а еще вокруг были разбросаны небольшие забегаловки, работавшие уже несколько десятилетий. Улица Чуньсилу — лицо Чэнду, панды — вывеска Чэнду, а вот это место — начинка

Чэнду.

И если в городе есть болячки и язвы, то они, естественно, спрятаны внутри.

Когда агенты зарулили в узкий поворот, то наткнулись на какой-то «ленд ровер», который наискось врезался в бордюр и перегородил дорогу. Наверное, водитель запаниковал и остановился во время блэкаута.

— Держитесь крепко, — с улыбкой сказал Го Юань.

Он втопил педаль газа в пол и вытолкнул противника прямо в переулок, а затем въехал еще в пару машин, прежде чем сумел вырваться.

Автомобиль вильнул хвостом и резко затормозил возле старого микрорайона. Го Юань вышел не сразу — сперва достал пистолет, проверил боеприпасы, снял с предохранителя и только тогда толкнул дверцу.

— Я здесь командую и несу ответственность за все, что пойдет не так.

Юнь Шань напряглась от этих, казалось бы, простых слов. Она вспомнила, как Го Юань с самого начала сказал: если что-то делать, то только по его правилам. Он достал пистолет и зарядил его, прежде чем выйти из машины. К тому же, ясно дал понять, что для операции может сделать

все что угодно.

Вот только даже если банда угонщиков совершила преступление, они все равно не должны умирать. Даже если на кону жизнь целого города, нет никаких причин приносить в жертву невинных людей.

Юнь Шань не сказала ни слова, но про себя решила, что на ее глазах ничего не произойдет.

Микрорайон был жилым комплексом 1970-х или 1980-х годов для сотрудников завода. Хотя на входе стоял охранный пункт, это никого не волновало. В самом высоком здании насчитывалось семь этажей, лифтов не было, окна каждого дома закрывали частые решетки против воров, и это было хорошо, так как выпрыгнуть на улицу и спастись бегством никто не мог.

Го Юань оглядел дома, затем указал на одно из окон и сказал:

— Третий этаж.

Сквозь стекло пробивался приглушенный свет, значит, в комнате находились люди. Коридоры старого дома были очень узкие, два человека не разминулись бы, так что агенты пошли друг за другом. Оказалось, в квартиру ведут две двери. Наружную — решетку для защиты от краж, сваренную из арматуры, — поставили позже.

Внутренняя — оригинальная — была деревянной. Такое часто встречалось в старых микрорайонах. На самом деле решетка не могла спасти от кражи, ее ставили просто для спокойствия. Она открывалась наружу, а деревянная часть — внутрь. Такая конструкция не соответствовала новому закону о пожарной безопасности. Дверь легко блокировалась мебелью, а решетку было невозможно выбить, и потому в случае пожара жильцы легко могли погибнуть.

Но все это сыграло на руку Го Юаню. Он не стал стучаться, а достал банковскую карточку, вставил ее в щель замка и меньше чем за секунду вскрыл противокражную дверь. В деревянной был глазок. Го Юань достал пистолет, а Юнь Шань встала сбоку со своим, готовясь к атаке. Обменявшись с девушкой взглядами и кивками, агент с силой постучал в уже открытую железную дверь.

После второго стука звуки внутри сразу же стихли. Когда он постучал снова, изнутри послышался голос, словно приглушенный мокротой:

— Кто там? Кого надо?

— Доставка Мэйтуань, гриль в 302. Пожалуйста, заберите побыстрее, время истекает! — громко ответил Го Юань, навострив уши и глядя в глазок. В комнате раздались шаги только одного

человека.

— Здесь никто не заказывал доставку еды, вы, наверное, ошиблись.

— 302, корпус 3, это здесь? — сымпровизировал Го Юань.

— Это второй… — начал было человек, но тут Го Юань увидел, что свет в глазке потускнел, а значит, говорящий подошел к двери. Он шагнул вперед и обрушился на деревянную дверь внезапным пинком. Та с грохотом распахнулась и ударила мужчину по лицу, сломав ему нос. Несчастный вскрикнул от боли, но Го Юань не дал ему среагировать, обманным маневром рванул внутрь и нанес еще один удар — ногой в живот, отбросив мужчину метра на три, так что приземлился он прямо на диван.

— Спецотдел по борьбе с терроризмом, все на колени и положите руки на голову! — резко крикнул Го Юань.

После этих слов в комнате воцарился хаос. Человек, открывший дверь, забыл о крови, размазанной по лицу, и попытался встать, держась за живот.

— Просто встань на колени, если жить хочешь! — закричала Юнь Шань. Очевидно, он никогда раньше не видел настоящего пистолета

и при виде него вздрогнул. Тут же упал на диван, обхватив голову руками.

Угон автомобиля — серьезное дело, в банде рохлей не держали. Услышав, что в коридоре что-то не так, из двух спален появилось по человеку, а света все еще не было. Выбежали они грозно и свирепо, но не предполагали, что их встретит черное дуло пистолета. Рецидивисты прекрасно знали, что в подобных случаях криминальная полиция врывается в дом, как пчелиный рой, и может запрессовать в буквальном смысле до смерти. У этих людей изначально был принцип «Любишь кататься — умей и на саночках удрать». Никто не предполагал, что ворвавшихся будет всего двое, зато с настоящими пистолетами.

У одного из угонщиков, вероятно, притормаживала реакция, поэтому он бросился к двери, размахивая тесаком, и попытался прорваться наружу. Го Юань, не сводя глаз с кромешной темноты спальни, выстрелил. Две пули попали мужчине в правую ногу, и он рухнул на пол. Го Юань склонился над ним и молча пинком отбросил тесак. Нападавший кричал от боли, держась за бедро.

По кодексу поведения при применении оружия, полицейские сначала дают предупреждение,

затем предупредительный выстрел, и только потом в кого-то стреляют. Два далеко не предупредительных выстрела Го Юаня напугали второго преступника. Он немедленно бросил лом, повернулся лицом к агенту, положив руки на затылок, и опустился на колени. Сразу видно, стреляный воробей с богатым опытом облав, очень уж привычной была его поза. Го Юань оценил обстановку, улыбнулся, затем протянул руку, чтобы закрыть обе двери. Стрельба определенно привлечет внимание соседей, и если сейчас заявится парочка невинных зевак, с ними придут неприятности.

— Друзья внутри, что же вы не выходите? — громко спросил агент. — Желаете добавить мне хлопот? Ты, иди позови босса, пусть будет хорошим мальчиком и выйдет поговорить со мной.

Тот, что сдался, был так напуган, что на карачках поспешил в комнату. Спустя пару минут оттуда, выпятив огромный живот, вышел толстяк, похожий на бомжеватого вида архата. С такими габаритами он не смог бы сбежать, даже не будь на окнах решеток.

Не обращая внимания на Го Юаня и Юнь Шань, толстяк подошел взглянуть на подстреленного братишку:

— Что ты воешь? Терпи! — и приправил слова добрым пинком.

Когда его нога достигла цели, парень нашел в себе силы замолчать.

— А вы, друзья, чьих будете? — главарь только сейчас поднял голову. — Какого святого я обидел? Если какое недоразумение, так сказали бы в лицо, не нужно было всего этого творить…

Он только что слышал крик, возвестивший, что в гости пришел «спецотдел по борьбе с терроризмом», но, во-первых, методы Го Юаня были слишком жесткими, а во-вторых, максимум, кто мог доставить ему хлопот, — это криминальная полиция, «борцы с терроризмом» были для него птицы слишком высокого полета. Он решил, что, наверное, случайно обидел неприкосновенного босса. Но Го Юань молча улыбался, а потому толстяк продолжил:

— Семья у нас маленькая, дело тоже. Недавно здесь, не знали, что напортачили. Давайте сначала извинимся перед вами двоими. Не нужно же до вот этого всего доводить?

— Не говори ерунды. Я спрашиваю — ты отвечаешь. Как долго вы в Чэнду тачки подрезаете? — Го Юань покачал стволом пистолета.

— Да недавно совсем, буквально только что…

— Врешь! Вы все дело по «хондам» в Чэнду подгребли, только что приехали, говоришь?

От публичного разоблачения толстяк прищурился и улыбнулся, выражение лица его не изменилось, лишь глаза описали круг.

— Может быть, я по глупости своих не признал?..

— Давай поменьше ерунды своей. Когда банду Чжао Эра закрыли, эта территория к тебе перешла, так ведь? Вот уже два года как?

— …

— Два года работал, а тут полмесяца — нет. Профиль поменял? — Го Юань шагнул вперед, и в его глазах вспыхнул ледяной свет.

Толстяк был потрясен. Чем больше он думал над его словами, тем отчетливее понимал, что ошибся. Сперва он решил, что обидел кого-то с большими связями и к нему пришли отомстить. Уладить такое было легко, не более чем потерять деньги и вернуть товар. Все люди — бизнесмены, всегда можно договориться, дружелюбие приносит богатство. Но теперь этот человек в двух словах изложил всю его подноготную, и это напугало главаря куда больше, чем два нацеленных на него пистолета.

— На что сменил? Чисто спросить.

Толстяк сложил руки в старом даосском жесте.

— Если парни мои по глупости сделали что-то не так, обидели кого, я сердечно приношу извинения за сию несправедливость. Скажите толком, обрисуйте выход, мы туда и пойдем. Что о такой скукотище говорить?

— Не понимаешь, что ли? — спросил Го Юань и вдруг опустил пистолет. — К тебе из отдела по борьбе с терроризмом пришли. Задать пару вопросов. Мне все равно, как долго вы угоняли машины и сколько их угнали, вопрос-то на десяток миллионов. Мне это не важно. Я пришел, чтобы задать простой вопрос: две недели назад вы перестали воровать машины, какую работу вы выполняли в это время и кто вам ее дал?

Толстяк не поверил.

— Раз уж вы двое не желаете представляться, я не буду спрашивать. Но тут все по чести, все по правилам, некоторые вещи сказать можно, а некоторые нельзя. — Он посмотрел на пистолеты в их руках. — И пушки ваши не помогут.

— Серьезно? — глаза Го Юаня сверкнули, а на лице появилась ясная улыбка.

При виде нее сердце Юнь Шань похолодело. Она уже знала, что чем шире улыбается этот человек, тем меньше контролирует чистое зло в

глубине души. А толстяк при виде улыбки попытался выдавить из себя такую же, не подозревая, что надвигается погибель.

В мозгу Юнь Шань что-то щелкнуло. Го Юань только-только начал поднимать дуло пистолета, как она молнией метнулась к подстреленному грабителю и наступила на его рану. Тот и так-то не был бравым молодцем и изо всех сил сдерживал крики боли только потому, что на него наорал босс. Юнь Шань не просто наступила на рану, она ее с силой разбередила. Боль пронзила парня до костей, где уж было не развопиться. От его криков волосы вставали дыбом. А что до того, что такое с ним вытворяла баба, так кто будет пытаться лицо сохранить, когда такие страсти творятся? Юнь Шань, не снимая ногу с его бедра, медленно перевела взгляд, а затем и дуло пистолета на ногу того, кто сидел на диване. Свирепое выражение на ее лице резко контрастировало с беззаботной, сияющей улыбкой Го Юаня.

Никто из двоих подопечных не осмелился заговорить, они только умоляюще смотрели на толстяка. Преступный мир — это путь, где жизнь меняют на деньги, и самое главное, чтобы выжить, надо быть порядочным по отношению к своим людям. Начиналось все по принципу «Вор

у вора дубинку украл», и какие-либо правила движения на этом пути были всего лишь разменной монетой. Ценность имели только братья. Если разочаровать их, то даже по течению далеко не уплывешь — велика вероятность, что в один прекрасный день они сдадут тебя с потрохами за грош.

В этот момент Юнь Шань вынула из-за пазухи свои документы:

— Министерство национальной безопасности. Мы подозреваем, что вы вступили в сговор с террористами. Если вы не будете сотрудничать… — и тут в нарушение официального протокола добавила наобум: — Слышали о Гуантанамо? Я могу гарантировать, что, как дойдет, с вами будут обращаться «получше», чем там.

Не думая о том, настоящие ли у нее документы, толстяк почувствовал облегчение и поспешно пошел на попятный:

— Ладно, героиня, хватит, я скажу!

Главарь выложил все начистоту и во всех подробностях. Оказалось, две недели назад на него вышел какой-то бородатый мужчина и предложил хорошее дельце. Он, вероятно, был с Ближнего Востока, по-китайски говорил не слишком хорошо. И работу поручил странную

— угнать машины, но не угонять машины.

— Это как?

— Обычно, когда мы подрезаем «хонду», то подходим, ломаем систему управления и уезжаем. Он попросил нас сломать систему управления на тачках, но не угонять никуда, а подключить к проводке печатную плату, которую он дал. И все. Тачки так и остались там, по крайней мере, на тот момент.

— Что за машины, «хонды»?

— Нет, нет. Здоровые такие.

— Здоровые? — Го Юань изменился в лице. — Это какие?

— Типа красные самосвалы. Те, что мусор со строек вывозят.

Го Юань и Юнь Шань переглянулись. Дела совпали. Сердце Юнь Шань оборвалось в ледяную бездну — дело было не просто дрянь, оно с каждой минутой становилось все хуже.

Современные самосвалы могут весить от пятнадцати до двадцати пяти тонн. Если их загрузить до упора, они превратятся в монстров, которых не смогут перехватить даже броневики для подавления массовых беспорядков. Именно потому что они слишком опасны, с ними происходит так много аварий. Уже пару лет как на въезжающие в

город грузовики вынуждены устанавливать вспомогательное оборудование для автовождения. Не требовалось большого ума, чтобы понять: плата, о которой говорил толстяк, скорее всего, перехватывала автоматическую систему управления с аппаратного обеспечения. А значит, неприятель теперь мог творить в городе все, что захочет, дистанционно, даже без водителя!

— Сколько всего машин? И скажи мне номерные знаки.

— Вы, наверное, шутите, вы правда думаете, что я записываю знаки всех угнанных машин?.. — натужно засмеялся толстяк.

— Давай я для тебя посчитаю. Закладываешь в машину бомбу, положим, в две тонны, не будем до конца загружать. Площадь Тяньфу, Глобальный центр, Западный Экспо-Сити, Площадка саммита G19…– Го Юань, тоже улыбаясь, загибал пальцы на вытянутой руке. — Сам можешь посчитать, сколько машин вы взломали и сколько из этих мест к тому времени можно будет взорвать. Помнишь или нет — дело твое, но я боюсь, что, если вспомнишь только через пару дней, это уже не будет считаться поводом для смягчения приговора.

Толстяк побледнел. Раньше он боялся нару-

шить братскую верность, а теперь, рассказав и обдумав сказанное, уже и сам поверил. Это уже не дело об угоне, он теперь считай что пособник террористов! А если вспомнить, что в новостях говорили о пытках военнопленных американскими военными, и представить, что это все можно пережить на своей драгоценной тушке весом в центнер…

— Всего двадцать три, номерные знаки — Сычуань А…

Толстяк не был простофилей. Каждый раз, угоняя машину, он запоминал и оригинальный номерной знак, и сделанный после кражи, а также связь между ними. Благодаря такому порядку, если кто-то вдруг обознается и тронет тачку, которую трогать нельзя, главарь мог бы найти ее и вернуть. Только благодаря этому он смог твердо стоять на своих двоих, и только благодаря ей же мог сегодня искупить грехи.

На одном конце радиоволны один за другим диктовали номера, на другом конце Дуаньму Хуэй бросал все силы на то, чтобы как можно скорее отследить местоположение этих мусоровозов через Тяньван.

Скайнет восстановил большую часть своей функциональности. Конечно же, самосвалы

тронулись в путь во время отключения электроэнергии и покинули свои исходные позиции. Но Тяньван мониторила в том числе и все дорожные развязки. Неважно, кто перемещался по дороге — машина или человек, — он оставлял после себя изображение. И тень не смогла бы проскользнуть незамеченной, не говоря уже большегрузном самосвале.

Проблема состояла в том, что отключение электроэнергии полностью вывело Тяньван из строя, поэтому, пока машины перемещались, камеры не работали. А к тому времени, когда запустились, — уже остановились в слепых зонах. «Светлячок» досконально знал, как работает сеть.

К счастью, Тяньван умела добывать фотографии, сделанные на простые смартфоны и прочие устройства. После восстановления электроэнергии Интернет заполонило множество фотографий с текстом, которые фиксировали, что происходило в момент блэкаута рядом с пользователем. Эту информацию было не так просто обрабатывать, как данные мониторинга, и в такой чрезвычайной ситуации даже потребовалось ручное распознавание.

Двадцать минут спустя нашли первый самосвал, а вскоре поблизости нашли второй, третий

и четвертый…

Место находилось недалеко, только было крайне странным.

Услышав координаты от Дуаньму Хуэя, агенты пораженно взглянули друг на друга.

Храм Ухоу на западе города.

Автомобиль помчался в сторону храма Ухоу.

Храм, естественно, был весьма знаменит. Именно здесь располагался Хуэйлин — гробница Лю Бэя, правителя времен Троецарствия. После смерти Чжугэ Ляна[43], слуги Лю Бэя, правитель и его вассалы проводили здесь ритуалы почитания и первого, и второго. Со временем имя правителя потускнело, а слава слуги расцвела. Изначально это был зал для подношений и поклонения предкам, который демонстрировал величие государевой милости. К танскому времени уже говорили «Где искать зал предков министра? За чертой, в кипарисовой роще»[44]. А еще позже люди уже просто не знали, что это гробница Лю Бэя, знали только то, что это храмовый зал Чжугэ

---

[43] Сноски: 43

Чжугэ Лян (181–234) — китайский полководец и государственный деятель эпохи Троецарствия. Посмертное имя — Ухоу.

[44] Сноски: 44

Стихотворение танского поэта Ду Фу «Шуский министр», посвященное Чжугэ Ляну.

Ухоу. С тех пор это место получило название «Храм Ухоу», и в его честь также назвали крупнейший административный район Чэнду.

Храм Ухоу — это императорская гробница, и площадь его, естественно, не маленькая. Рядом находится новый туристический объект — деревня мастеров Цзиньли, а следом — правительство района Ухоу и Юго-Западный университет национальностей. Хотя места и непростые, но для террористической атаки они мало подходили. Даже с учетом прежней модели поведения ванхайчэновского «Светлячка».

Подумав об этом, Го Юань снова пришел в ярость. На первый взгляд, этот район в основном состоял из одноэтажных зданий с низкой плотностью застройки. В современных террористических атаках это вариант с самым низким КПД. Причина, по которой во время терактов 11 сентября выбрали Башни-близнецы, заключалась не только в том, что это знаковое здание, гораздо важнее была ошеломительная плотность высотной застройки. При одинаковой взрывной силе масштаб разрушения одноэтажек и небоскреба будет совершенно на разных уровнях. Добавить к этому сложности спасения и вторичных повреждений при обрушении, и выходит,

что современные армированные сталью города — это естественная цель для террористических атак. Почему же «Светлячок» отправил десятки самосвалов в такое место, как храм Ухоу? Раскапывать могилы и грабить гробницы?

Вот почему Го Юань пришел в ярость — он не знал правды. Конечно, не факт, что «Светлячок» будет раскапывать могилы и грабить гробницы, но вдруг под храмом Ухоу тоже спрятано что-то вроде черного кольца из подвала энергоузла? Агент этого не знал, как и Дуаньму Хуэй.

Но вышестоящее начальство, которое и организовало проведение этой антитеррористической операции, было в курсе.

Пешки на войне не нуждаются в информации, да и не должны ее знать. Возможно, под их прикрытием сейчас проходит другая, настоящая операция, о которой им не известно.

Подумав об этом, Го Юань замер, уставившись в лицо Юнь Шань. Этой девушке, наверное, не больше двадцати пяти лет, в ее теле пока резвится юность, а высоты интеллекта еще не достаточно, чтобы усмирить наивность и энтузиазм.

Должен ли он испытывать «сожаление» или что-то еще? Го Юань не знал. Он прекрасно понимал, что такие вещи существуют, и довольно

долго учился, теперь осознавая, что нормальные люди в такой момент будут испытывать эмоцию, которую называют «сожаление», но не знал, на что она похожа. Все равно что в бесконечном любовном романе снова и снова читать «безумно влюбленный» и просто не чувствовать ни малейшего трепета от этих слов.

Го Юань уже примирился с мыслью, что ему не интегрироваться в общество с помощью обычных эмоций, но он мог использовать разум, чтобы притворяться, будто бы он близок к нормальным людям. Эмоции — это всего лишь психологическая структура человека как социального существа, а не что-то грандиозное. Любовь, ненависть, страх, отчаяние и радость — лишь ключи к использованию человеческим мозгом электрических сигналов и химических веществ для управления поведением. Расстройство личности Го Юаня, как депрессия или аутизм, — это проблема с химическими ключами мозга, все так называемые психические заболевания являются физическими заболеваниями, для которых еще не найден четкий механизм.

Чтобы жить в нормальном мире, больным людям нужно больше усилий. Когда требовалось прибегнуть к разуму, чтобы понять эмоции

других людей или притвориться, будто он их понимает, Го Юань все больше и больше полагался на рациональность. Но в этом деле было слишком много скрытой информации, и разум не помогал понять, что делает Ван Хайчэн и что он собирается сделать. Разум, на который Го Юань так сильно надеялся, не мог толком функционировать, и оттого агент сходил с ума и тревожился все сильнее.

Юнь Шань не знала, о чем он думает, заметила только, что его обжигающий взгляд то и дело возвращался к ее лицу, и некоторое время спустя залилась краской от смущения.

— Вы здорово сработали. Если бы не вы, боюсь, с тем толстяком пришлось бы прибегнуть к некоторым хитростям, — сказал Го Юань. — Не предполагал, что вы можете быть столь безжалостны.

Юнь Шань не ответила, он продолжил:

— Но в тот момент вы ведь не мне хотели помочь, да?

— Тогда кому же я пыталась помочь?

— Мне нужно это вслух сказать? Кстати, могу я задать вопрос?

— Задавайте.

— Почему люди так одержимы идеей «не убий»?

Неважно, убить хорошего человека или плохого, главное, что они все боятся своими руками убить живого человека. И если есть хоть малейший шанс, люди всегда будут избегать убийства. Почему? Если деваться некуда, только такие психи, как я, делают это, почему?

Юнь Шань была ошеломлена. Что это за вопрос такой?

— Например, Ван Хайчэн скажет вам, что у него есть двадцать три самосвала, набитых пластидом, которые вскоре превратят Чэнду в огненное море. Единственный способ остановить его — убить невинного прохожего, которого он похитил, нет, лучше, не просто прохожего, а ребенка до пятнадцати лет. Только так вы сможете заполучить пульт управления. Вы сделаете это?

— Ничего подобного никогда не произойдет.

— Не убегайте от вопроса, я-то никогда не мог, в чем тут такая большая проблема. Почему никто из вас не может эмоционально принять такое поведение? Это смешно, понимаете? Представьте, что вас двое в такой ситуации и необходимо остановить взрыв — потому что иначе погибнет не один человек, так ведь? Но никто никого не убьет.

Юнь Шань молчала.

— Я не думаю, что смешно именно это. Самое смешное вот в чем: случись такое, вы будете тихо надеяться, что другой все сделает, что другой прикончит невинного ребенка. Это не только решит проблему, но и защитит вашу «совесть».

В этом месте Юнь Шань наконец не выдержала:

— Потому что мы люди, а не животные.

— Ха-ха… — Го Юань не воспринял ее слова всерьез, но громко рассмеялся. — Хорошо сказано! Я с детства слышал эту фразу тысячи раз и сначала никак не мог понять, что она означает. Люди — не животные, хорошо, а что такое люди? Люди! Что это за «люди», в конце концов? Почему люди думают, что отличаются от животных? Зачем создают души, духов, мораль, совесть — всю эту кучу странных вещей, а потом говорят, что они есть только у людей, а у животных нет?

— И каково же заключение великого философа? — холодно спросила Юнь Шань.

— Потому что способность человеческого мозга обрабатывать информацию слишком слаба.

— То есть?

Юнь Шань не понимала, как разговор вырулил на такую тему, потому что в ее голове были только двадцать три самосвала, которые могли

перевозить до двадцати пяти тонн груза.

— Мозг не может эффективно анализировать непрерывный приток информации. Он не может ни обдумать, ни рассмотреть в деталях большинство фактов. Он может выбрать только самый примитивный режим обработки. И этот режим — на самом деле наши инстинкты. Так же, как инстинкт паука — плести паутину, а птицы — летать. Но наше рациональное мышление не может понять этих инстинктов, поэтому мы воображаем, что они свойственны только людям, и называем их человеческой природой, моралью, душой… Даже если вы можете спасти население города, вы не захотите убивать невинного заложника. Это и есть так называемая совесть. Даже если вы знаете, что, если не убьете этого человека, его все равно взорвут, совесть помешает вам нажать на курок, верно? Ваш разум знает, что вы неправы, но примитивные инстинкты останавливают вас. Поскольку они зародились слишком рано — люди в то время жили в пещерах, и у них еще не сформировался достаточно сильный навык логического мышления, не было способности к прогнозированию, они никак не могли прийти к рациональному выводу, что «многие люди погибнут». В среде, где развивались ин-

стинкты, не было ни взрывчатки, ни ядерного оружия, только кулаки и зубы. У вас не было шанса убить одного человека и спасти десятки тысяч людей одновременно. Убить одного человека значило убить одного человека. Ирония в том, что вы даете имена этим инстинктам, думая, что у животных их нет и что они отличают людей от животных. Но на самом деле так называемая совесть и человеческая природа находятся именно там, где люди ближе всего к животным, — это примитивные инстинктивные модели поведения. Вы утверждаете, что они очень ценны, что вы должны придерживаться их. В действительности они ничем не отличаются от летящего на огонь мотылька. Чем больше вы повинуетесь своей совести, тем масштабнее будут разрушения.

Что за ересь! Поначалу Юнь Шань слушала его как стендап, пытаясь найти лазейки, чтобы пойти в контратаку, но чем дальше, тем более подавленной себя чувствовала, не в силах найти места для ответного удара. Бред какой-то! То, что говорят люди вроде него, звучит правдоподобно, но на самом деле оно как наркотик, нельзя позволять этим словам проникнуть в разум.

— То есть хотите сказать, что на самом деле это вы самый развитый, потому что у вас нет

морали и совести и вы свободны от низменных инстинктов, так? — Юнь Шань наконец нашла, куда атаковать.

— Нет, я хочу сказать, что, возможно, иного шанса не дать Чэнду разлететься в пыль не будет.

Го Юань вдруг почувствовал, как в голове у него прояснилось. До того бурно поступавшая информация кружилась вихрем бессвязных обрывков, сложить из которых полную картинку он никак не мог, равно как и понять замысел художника.

— Да что вы, черт побери, такое несете?

— Подумайте об этом, что именно есть у Ван Хайчэна? В Цзянкоу он заставил землю ходить ходуном и изменил природу всего живого; в энергоузле взял черное кольцо, которое «может заставить целый город взлететь на воздух»; вы, ребята, в поте лица одаривали его, вручили ему несколько черных бусинок, а следовало предположить, что они такие же страшные, как и два других черных объекта. Тогда зачем ему двадцать три самосвала? Неужели и правда чтобы напасть на место проведения саммита G19?

Это предположение пробудило прежние сомнения Юнь Шань. Из-за того, что события шли одно за другим, как волны, она так и не успела

подумать о ключевых моментах, но эти сомнения продолжали копиться в голове и уже начали бродить. Да, ситуация не сводилась просто к тому, что же собирается сделать Ван Хайчэн. Если это действительно террористический акт, то он может так до утра козыри метать.

— Вы имеете в виду, что у него есть и другая цель?

Го Юань не стал отвечать прямо:

— Помните значок, который мы нашли на скрипке?

— Печать Ктулху?

— Она самая. То, что он сделал печать Ктулху эмблемой «Светлячка», точно имеет какой-то смысл.

— Террористические организации часто используют устрашающие символы, — не согласилась Юнь Шань. — Как и пиратский флаг с черепом и скрещенными костями. Зловещий и мощный графический символ, чтобы сеять страх и подорвать волю врага. Так часто бывает.

— Нет, нет. Это совсем не то, что флаг с черепом и костями. Во-первых, этот символ не для того, чтобы его видели другие, а во-вторых, бог Ктулху не злой.

— А?

Го Юань принялся медленно объяснять, одновременно продолжая приводить в порядок мысли и искать ответы для себя самого:

— Боги в мифологии Ктулху слишком могущественны, чтобы описать их силу, а их мудрость лежит за пределами воображения. Злые секты пытаются поклоняться им, пытаются получить силу от древних богов, но те не одаривают своих почитателей, и до обычных людей им тоже дела нет. Они пугают исключительно своим могуществом. В этом разница между Ктулху и другими мифами. Других богов люди могут описать и понять, поэтому независимо от того, ненавидят те людей или любят, человек может как-то реагировать на бога. Ктулху не злой, но люди не могут его понять. И соприкоснувшись с ним, они будут беспричинно уничтожены или просто сойдут с ума.

— То есть люди похожи на муравьев, а Ктулху — это современная цивилизация. Например, из любопытства можно протянуть к ним руку, чтобы поиграть, и случайно раздавить, или наступить на них, по сути не заметив, или разрушить муравейник во время строительных работ. В любом случае, стоит прикоснуться к муравьям, для них все кончено, так? — поняла Юнь Шань.

— Да, — кивнул Го Юань. — Что означает этот

значок? Хочет ли Ван Хайчэн разбудить Ктулху, или верит, что мешает другим это сделать? На чьей он стороне? А мы на чьей?

— Вы сказали, что отсутствие морали и совести может быть единственным шансом для Чэнду не обратиться в пыль. Что вы имели в виду?

— Все просто: возможно, мы с Ван Хайчэном думаем, что на самом деле находимся на стороне справедливости и правды, а другой — это просто невинный ребенок, к которому привязан пульт управления, и его придется прикончить.

Глава двенадцатая

Обнаружив странное местопребывание двадцати трех самосвалов, Дуаньму Хуэй срочно мобилизовал все имевшиеся в его распоряжении оперативные группы, чтобы заняться ими. Вместе с Го Юанем и Юнь Шань вышло пять групп. Казалось бы, так много людей, но он чувствовал себя крайне неловко, когда думал о том, что задача, которую нужно решить, — это двадцать три зверюги с максимальной нагрузкой в двадцать пять тонн.

— Банда угонщиков должна была установить на них устройство для автоматического управления. Ван Хайчэн и его группа могут использовать его, чтобы перехватить сигнал автопилота. Итак, наша первая боевая задача — отключить оборудование для угона и помешать террористам дистанционно управлять самосвалами. Зачем неприятель украл машины, еще не ясно, поэтому второй приоритет — подтвердить, помещен ли в них опасный груз, — сказал Дуаньму Хуэй, и сердце его невольно забилось быстрее. Даже обычная взрывчатка, исходя из грузоподъемности грузо-

вика, была достаточно страшна. — Если внутри есть опасный груз, никаких самостоятельных действий. Все слышали? Никаких самостоятельных действий!

Двадцать три самосвала объехали окрестности храма Ухоу и остановились в радиусе трех километров от него. Почему их припарковали именно там? Для того, чтобы облегчить подготовку к атаке, или они уже готовы и ждут отмашки? Или цель нападения находится рядом с храмом Ухоу? Агенты ничего не знали.

— Ван Хайчэн и его команда не должны знать, что мы выследили их самосвалы. В этот раз мы, скорее всего, столкнемся с ними снова, и у нас есть возможность воспользоваться случаем и застать их врасплох. Стрелять можно, но постарайтесь оставить террористов в живых, — продолжал распределять задачи Дуаньму Хуэй. — Спортивная академия Чэнду к западу от храма Ухоу — это место с самой низкой плотностью населения в окрестностях. Если возникнет чрезвычайная ситуация, вы можете рассмотреть возможность приоритетно использовать здание Академии для эвакуации.

— А саму Академию эвакуировали? — спросила Юнь Шань по коммуникатору.

Дуаньму Хуэй помолчал секунду.

— Нет. Если начать эвакуацию, можем спугнуть нашу змею.

Еще две секунды на радиоволнах висела тишина.

— А что храм? — спросил Го Юань. — В храме сейчас никого нет?

— Вы имеете в виду, есть вероятность, что взрывом разрушит храм Ухоу? — донесся странный голос из коммуникатора. Даже одной машины бризантной взрывчатки хватило бы, чтобы до основания разрушить этот древний памятник, который существовал уже почти две тысячи лет.

— Это вы боитесь причинить вред невинным гражданским лицам, а не я, — пожал плечами Го Юань.

Какое-то время все молчали, и Юнь Шань вдруг вспомнила слова, сказанные Го Юанем ранее, — когда собираешься застрелить невинного ребенка, привязанного к пульту дистанционного управления, все ждут, что это сделает другой.

— Безопасное место — Спортивная академия Чэнду, — повторил инструкции Дуаньму Хуэй. — Группа Го Юаня прибывает к месту назначения и сперва демонтирует контрольное устройство, установленное на самосвале. Получив устрой-

ство, технический отдел делает все возможное, чтобы взломать способ передачи сигнала. Если взлом пройдет успешно, мы сможем установить направление и заблокировать дистанционное управление, так что нам не нужно будет отслеживать каждую машину. Сперва уничтожьте дистанционное управление, у нас будет достаточно времени, чтобы обезопасить машины. В любом случае, автомобилям нельзя позволить проникнуть в ключевые районы. Их нужно держать между западным участком Второго транспортного кольца и проспектом Ухоуцы.

Автомобиль Го Юаня пересек переулок Симяньцяо и приблизился к месту назначения. Переулок кучерявился тибетским письмом. На одной его стороне теснились декорированные под старину лавки с благовониями, буддийской утварью, специфическими продуктами плоскогорья. На другой стороне стояли магазины снаряжения для жизни на плато, забитые высокими технологиями и пышущие современным духом. Ультратонкие гаджеты для активного отдыха, тюнинг машин под условия высокогорья, инструменты для выживания, спутниковые телефоны Бэйдоу. Поскольку на этой улице также находилось управление Тибетского автономного

района, здесь всегда роилось множество людей на пути в Тибет или из него, и половина лиц отливала бронзовым загаром.

В конце улицы был припаркован самосвал, чуть в сторонке от целой шеренги магазинчиков с буддийскими побрякушками. Пробежав по ним взглядом, Го Юань увидел, что в одном все еще горит свет, а присмотревшись, понял, что внутри полно людей. Черт знает, какую бонзу угораздило приехать сюда и зачем, но людей было так много, что некоторые торчали в дверях на улице. Будь самосвал и правда заминирован, подумал он, все эти алчущие просветления благочестивые жены и мужья стали бы первой волной обретших спасение.

Рассмотреть грузовик издалека толком не получалось, но защитный тент на кузове был натянут довольно плотно, хоть по форме и угадывалось, что нагружен он отнюдь не под завязку. Однако, переведя взгляд вниз, на шины, Юнь Шань заподозрила неладное. Площадь контакта шин с землей была слишком велика — по сравнению с пустым грузовиком они просели примерно на три пальца, и это говорило о том, что нагружен он все же до предела. Свет в кабине не горел. В инфракрасном диапазоне выхлопная труба едва

светилась, а значит, автомобиль долгое время стоял без движения и практически совсем остыл.

Они несколько минут наблюдали за обстановкой, не выходя из машины, и, не обнаружив поблизости ничего подозрительного, уведомили командный центр:

— Подтвердите, что можно приступать. Техотдел, уточните готовность к действию.

— К взлому готовы, можно начинать.

Го Юань и Юнь Шань быстрым шагом зашли с двух сторон от кабины самосвала. На угонном устройстве точно должен был стоять модуль сигнализации. При попытке демонтировать его противник непременно поймет, что его разоблачили, поэтому взлом и создание помех было необходимо проводить одновременно, иначе кто его знает, что эта банда может устроить. Если враг форсирует атаку, ситуация полностью выйдет из-под контроля.

Юнь Шань вскарабкалась к двери, проверила, есть ли сигнализация, и, удостоверившись, что проблем не возникнет, открыла дверь ключом. Водительское сиденье в автопилотируемом грузовике было совсем маленькое, предназначенное только для временного пользования, но для габаритов Юнь Шань это не представляло особой

проблемы. Она уселась в кабину и открыла дверь для Го Юаня, который ждал с другой стороны.

В свете фонарика виднелась взломанная панель управления. Подручные толстяка особо не церемонились, даже крышку на место не вернули. Прежде чем открыть ее, они тщательно осмотрели все подходы и не обнаружили никаких нетипичных признаков возможной сигнализации. Угонное устройство подключалось предельно просто — из платы размером с ладонь к перемычке контроллера тянулось два провода, которые прикрутили к источнику главных контрольных данных. Один провод получал исходный сигнал управления обычным движением, а другой использовался для ввода дистанционного.

— Я бы на месте Ван Хайчэна бросил провод отсюда к взрывчатке в кузове, чтобы она сдетонировала при попытке вмешаться в работу, — сказал Го Юань.

Демонтажом должна была заняться Юнь Шань. Го Юань хотел дождаться полной безопасности, а после того, как технический отдел взломает сигнал связи, проверить, чем же все-таки заполнен кузов. Кроме того, этими словами он хотел напомнить Юнь Шань, что малейшая неосторож-

ность отправит их на небо к праотцам.

Юнь Шань беспокоилась и без его напоминаний, но, услышав эти слова, с жесткой решимостью сперва вырвала загрузочный кабель, а затем легким движением руки выдрала входящий порт. Устройство для угона размером с ладонь точнехонько поместилось ей в руку, и она сразу же вставила два разъема в анализатор сигнала, предоставленный техотделом. Оригинальную шину управления самосвалом она также вырвала мимоходом, и машина утратила возможность двигаться.

— Еще живые, — Го Юань с улыбкой похлопал Юнь Шань по плечу, открыл дверцу кабины и переполз в кузов.

Анализатор сигнала подключился к угонному устройству и принялся вычислять, как то работает. По-быстрому процесс занял бы минут пять — а за пять минут могло произойти много интересного: например, можно было дистанционно подорвать самосвал.

Забравшись в кузов, Го Юань приподнял тент и остолбенел. Он ожидал, что найдет целые залежи взрывчатки, пластиковые бомбы, боеголовки и даже что-нибудь ядерное, но под чехлом его встретила целая гора строительного мусора —

обломки бетонных блоков, стальная арматура, мешки с комками земли, сборные панели…

Го Юань на секунду растерялся, а потом до него дошло. Воистину идиот, разумеется, иначе и быть не могло — будь то разгрузка или погрузка, они требовали много труда и подъемного оборудования. Раз уж Ван Хайчэну потребовался этот трюк с дистанционным управлением, конечно, невозможно иметь руки, оборудование и время, чтобы загрузить и разгрузить десятки самосвалов.

Если Ван Хайчэн не мог самостоятельно забить кузов тяжелым грузом, то зачем же тогда угнал целую партию самосвалов? Мог ли в машинах оказаться другой «товар»? Легкий, запрятанный в какую-нибудь щель, под каким-нибудь куском мусора? Го Юань поводил фонариком и дважды проверил щели, но ничего не нашел.

Нет, если ему нужна партия беспилотных автомобилей, не лучше ли было бы заполнить улицу электромобилями? Зачем нужно угонять именно самосвалы за полмесяца до атаки?

Вес. Да. Дело точно в весе. Вес машины плюс скорость — получаем силу удара.

Го Юань сосредоточенно анализировал план Ван Хайчэна, но тут услышал, как Юнь Шань со странным лицом настойчиво стучит по стеклу.

Он понял, что-то не так, выбрался из кузова, открыл дверь и спросил:

— Что случилось?

Из коммуникатора донесся голос специалиста техотдела:

— На устройстве нет сигнала связи, и анализ цепи не обнаружил никакого модуля коммуникационного контроля, только очень простую схему для дистанционной активации.

— Как такое возможно? — опешил Го Юань. Как тогда самосвалы попали сюда без дистанционного управления?..

— Мы подозреваем, что за логикой управления стоит независимый искусственный интеллект, которому для работы не требуется связь. Он может работать независимо от сети и при активации просто выдаст переключающий сигнал. При таком раскладе нет ни возможности, ни смысла ставить блокировку связи.

Агенты изменились в лице. Предыдущий оперативный план пошел к черту.

— Всем командам! План изменился. Как можно скорее отправляйтесь к самосвалам и уничтожьте модуль управления. Если не успеете, попытайтесь вывести из строя шины и топливный бак. Ни в коем случае нельзя допустить,

чтобы они ускользнули, — вновь раздался голос Дуаньму Хуэя.

— Разве у нас нет войск поддержки? — спросил Го Юань.

Шины и топливный бак самосвалов были особо усилены, так что даже если их пробьет пуля, машины смогут стабильно двигаться минут двадцать или даже больше. С имеющейся опергруппой можно было рассчитывать лишь на то, что противник вдруг уснет — модуль управления под независимым ИИ был явно рассчитан на преимущество в информационной войне.

— Войска поддержки… имеют другие задачи.

— Более важные, чем помешать Чэнду взлететь на воздух? — рассвирипел Го Юань.

— У нас нет доказательств, что «Светлячок» собирается взорвать Чэнду, — вынужден был признаться Дуаньму Хуэй.

Го Юань отпустил кнопку коммуникатора и посмотрел на Юнь Шань, не говоря ни слова, но со зловещей улыбкой.

— Похоже, мы не единственная группа, которая занимается «Светлячком», — сказала Юнь Шань.

Го Юань не ответил — все уже было сказано. Но что замыслили эти, наверху?

И что замыслил Ван Хайчэн? Что за организа-

ция такая, «Светлячок»? Академический уровень и IQ этой группы людей настолько высоки, что их никак нельзя сравнивать с безумными террористами. Что заставило их стать такими? Что объединяет этих людей, какую, в конце концов, цель они преследуют?

В этот момент из коммуникатора послышался крик:

— Самосвалы едут! Повторяю, самосвалы едут! Все! Повторяю, все самосвалы начали движение!

Лицо Го Юаня застыло. Он схватил экран, чтобы проверить сообщение, крича про себя, что дело дрянь. Все действовали очень быстро — собственно, кинулись действовать, как только получили приказ. От угонного устройства удалось отключить четыре самосвала, считая тот, с которым работала Юнь Шань. Но остальные девятнадцать по-прежнему были на ходу, и никто не знал, что за инструкции были оставлены ИИ или что собираются делать с этими автомобилями.

На экране отображалось местоположение самосвалов, которые только-только тронулись в путь, закономерности в их движении пока не было видно.

— План остается прежним! Реагируйте по ситуации, все самосвалы должны быть под контролем!

Повторяю, под полным контролем! — ревел из коммуникатора Дуаньму Хуэй. Его голос повысился на октаву.

Го Юань взглянул на экран и обнаружил, что один из грузовиков неторопливо, но ускоряясь, приближается к ним. Оригинальное программное обеспечение для автопилота ограничивало скорость, но никто не мог гарантировать, что устройство для угона по-прежнему соблюдало правила безопасности.

Юнь Шань толкнула Го Юаня:

— Уйдите!

— Что вы собираетесь делать? — спросил Го Юань.

— Остановить машину! — ответила она, указывая пальцем на красную метку на экране.

Го Юань понял ее замысел, молнией метнулся в сторону и уступил место водителя. Юнь Шань схватила главный привод и начала его переподключать, переводя машину обратно на ручной режим.

Полностью загруженный самосвал превосходит пределы человеческого воображения. Обычные полицейские блокпосты, заграждения и даже бетонные блоки против него бесполезны — он пролетит сквозь них, разметав, как листы

бумаги. Его не остановит даже броневик.

Зато остановит точно такой же самосвал.

Юнь Шань перевела грузовик на ручное управление и завела двигатель. Машина на экране приближалась к перекрестку, еще один поворот — и она подъедет к ним. Рассчитав дистанцию, девушка нажала на педаль газа. Остановить самосвал можно двумя способами — либо опрокинуть сбоку, либо полностью разрушить его кабину и систему питания ударом спереди, но независимо от способа, оставаться в машине во время тарана было чистым самоубийством. Что еще хуже, лазерный и сонарный радары, которые использовал автопилот, охватывали дорожные условия в пределах километра. Если скорость и время столкновения будут недостаточно высоки, у ИИ второго самосвала останется достаточно времени, чтобы увернуться.

— Держитесь! — закричала Юнь Шань.

Автомобиль устремился вперед, с ревом набирая скорость. Вражеский грузовик еще не объявился. Го Юань понял, что девушка хочет подставиться под него, создать препятствие, а потому для начала перегородит дорогу, чтобы машина влетела в нагруженный строительным мусором кузов. Это был глупый способ, поскольку

в момент столкновения двух самосвалов они будут находиться в кабине. Если две зверюги общим весом в 200 тонн перевернутся, они с легкостью подомнут двух человек, а если встречная машина опрокинется вправо, у них вовсе не останется шансов.

Лучшим вариантом было бы врезаться в самосвал сбоку. Требовалось лишь нажать на педаль газа и вовремя выпрыгнуть, это было даже не слишком опасно. Единственная проблема заключалась в том, что обе машины по инерции влетят в здания. На первых этажах располагались магазины, но вот вторые были жилыми. А здание неизбежно рухнет.

Рулевое колесо находилось в руках Юнь Шань, и Го Юань уже ничего не мог придумать. Машина проскочила перекресток, и Юнь Шань ударила по тормозам так, что полетели искры. Вражеский самосвал был меньше чем в двадцати метрах от них, и ускорялся. Затормозить или свернуть он уже не успевал. Юнь Шань убедилась, что путь заблокирован, толкнула дверь и выпрыгнула из кабины. Го Юань выскочил на миг раньше нее и потратил все силы на то, чтобы отпрыгнуть вперед и вправо. Прежде чем упасть, почувствовал, как его накрыла ударная волна.

Земля содрогнулась, словно в эпицентре взрыва. Самосвал, на котором они ехали, перевернулся, строительный мусор хлынул на асфальт, образовав целую гору. Кабина заблокированного грузовика расплющилась в лепешку, но кузов по инерции опрокинулся, и все его содержимое полетело вперед — хорошо хоть не в сторону Го Юаня. Тот с облегчением выдохнул и шмякнулся оземь. Благодаря общему ускорению — ведь прыгал он из движущейся машины — кубарем прокатился метров пять-шесть по земле, пока не ударился о поребрик на обочине. Какое-то время он стонал и охал, чувствуя, как разыгралась старая рана в пояснице, и не мог подняться на ноги — от сильного удара у него закружилась голова и потемнело в глазах.

Только когда Юнь Шань помогла ему подняться, Го Юань медленно восстановил равновесие, ощупал себя и не обнаружил ничего серьезного. Он смутно помнил, как девушка грациозно вспорхнула, словно птица, как коснулась ногами земли и, пользуясь импульсом от удара, отпрыгнула на несколько метров. Волна ее не задела.

Го Юань немного осоловел от приземления, в голове у него гудело. Он не мог не завидовать Юнь Шань, чье генетически усовершенствованное

тело было намного сильнее, чем у него. Раньше было не так много возможностей осознать, насколько больше преимуществ у прокачанных новых людей. На этот же раз она была полностью подготовлена, и просто прыгая то вверх, то вперед, показала ему, что с ее физической силой и скоростью реакции обычный человек вроде него даже сравниться не мог.

Из-за удара мысли Го Юаня спутались, и некоторое время в голове царил полный кавардак. Как давно существует технология генетического улучшения? Кажется, пять лет, как и управляемый ядерный синтез.

Как и управляемый ядерный синтез.

Го Юань внезапно аж очнулся от испуга, по мозгу, казалось, пронесся электрический разряд, так что нервы едва не взорвались.

Пять лет?! Он вздрогнул и стряхнул поддерживавшую его руку Юнь Шань.

— В чем дело? — удивилась она.

— Подождите! — закричал Го Юань. Сердце, только-только успокоившееся после бешеного галопа, вновь припустило с такой силой, что биение услышала даже Юнь Шань. — Ван Хайчэн, когда Ван Хайчэн исчез?

Он кое-что понял.

— Ван Хайчэн? — озадачилась Юнь Шань, не понимая, откуда взялся такой вопрос в такое время. — Кажется, пять лет назад.

Точно, пять лет назад.

Пять лет назад человечество совершило прорыв в технологии управляемого ядерного синтеза и решило энергетическую проблему.

Пять лет назад было усовершенствовано исследование генетического кода, осуществлен скачок в понимании молекулярно-биологического механизма, и с тех пор генетический код стало можно регулировать на молекулярном уровне, что помогло победить генетические заболевания и улучшить сами гены.

Эти две ключевые технологии десятилетиями не продвигались ни на йоту, и вдруг пять лет назад одновременно случился прорыв, выведший их на практическую стадию. Какое-то слишком удачное совпадение, нет?

А еще удачнее получилось, что пять лет назад астрофизик Ван Хайчэн бесследно исчез и стал террористом.

Почему все это произошло одновременно?

Нет, нет, нет!

Действительно ли был прорыв в управляемом ядерном синтезе? Это правда, что ископаемое

топливо в значительной степени ушло из гражданского использования, но что на самом деле используется на электростанциях?

Если это глобально сотканная ложь, то что тогда правда?

И что же на самом деле произошло пять лет назад?

Что еще более важно, если все это ложь, как насчет Ван Хайчэна? Он точно террорист?

Го Юань понял, что за всеми этими сомнениями, вероятно, скрывается один и тот же секрет. Только разгадав его, можно было найти ответы к этому запутанному делу.

Он взглянул на Юнь Шань. Девушка пребывала в замешательстве, а в глазах светилось легкое беспокойство, как будто она боялась, что у него сотрясение мозга. Он колебался, стоит ли рассказать ей о своих мыслях, как вдруг заметил, что зрачки девушки сузились, а взгляд внезапно изменился.

— Ван Хайчэн!

Го Юань посмотрел туда, куда указывала Юнь Шань, и увидел лишь несколько неясных силуэтов в конце улицы. Хотя он сам разглядеть не мог, Юнь Шань точно не могла обознаться. Неприятель, должно быть, обнаружил, что угон-

ные устройства на самосвалах сняты, и пришел проверить транспорт лично, по стечению обстоятельств застав столкновение.

Наконец-то он встретит этого парня!

Тот наверняка не успел их заметить, а потому агенты синхронно метнулись в переулок и быстро спрятались в тени. Жесткая авария уже привлекла внимание прохожих вокруг: еще не успел стихнуть грохот обломков, а кое-кто из тех, кто был на улице, уже осторожненько подтягивался посмотреть.

— Нашли Ван Хайчэна, он приближается к нашей точке, — доложил Го Юань. В этом случае он должен был запросить у командного центра инструкции к действиям, но сделал ровно наоборот и отдал командному центру прямой приказ: — Изменить оперативный план, окружить эту сторону, не дать Ван Хайчэну уйти.

Дуаньму Хуэй был явно ошеломлен новостью и на мгновение задумался.

— Все группы меняют оперативный план, блокируйте район переулка Симяньцяо.

Затем Лао Цю молниеносно распределил соответствующие блок-точки вокруг местоположения Го Юаня — не слишком близко, чтобы Ван Хайчэн не заметил, и не слишком далеко, чтобы главарь

«Светлячка» снова не сбежал.

Спрятавшись в проулке, Го Юань при помощи низкоуровневой камеры обнаружил, что Ван Хайчэн не один: рядом с ним шли четыре человека, явно сообщники, и все с оружием на поясе, которое они пока что не доставали. Все пятеро резвым шагом подбежали поближе и казались очень нервными. Пока Ван Хайчэн глядел на два перевернутых самосвала, мужчина и женщина слева и справа от него, держа правые руки на поясах, постоянно осматривали улицу, чтобы вовремя заметить врага. Они не походили на ветеранов — выдавала некоторая неуверенность и беспорядочность движений.

Го Юань впервые увидел Ван Хайчэна воочию — невысокого роста, одет в светло-серый халат, точь-в-точь как описал парень из бара. Квадратное лицо выглядело моложе, чем на фото, на вид чуть за тридцать, при этом в нем оставалось что-то кукольное. На первый взгляд казалось, что он не представляет никакой опасности, наоборот, главарь больше походил на ботаника. Весь его облик был изящен и элегантен, и только в походке чувствовалось что-то зверское. Он не сводил взгляда с опрокинутых самосвалов, ускоряя шаг, словно боялся, что кто-то поспеет к ним

раньше него.

Что-то было в этих машинах. Го Юань понял это, но не мог немедленно броситься на поиски. Юнь Шань пряталась в тени с пистолетом в каждой руке, дожидаясь, пока противник войдет в зону поражения. Го Юань прикоснулся к ней и тихо произнес:

— Руки, ноги, только не насмерть!

Конечно, эта просьба была неразумной, взывать к чувству меры сейчас было равносильно тому, чтобы постелить травку в собственную могилу. Но в этот раз он непременно хотел взять преступника живьем, нельзя было допустить повторения истории с тем парнем с Ближнего Востока. Нужно было наконец узнать истинную подоплеку всего этого дела!

Неприятель подходил все ближе и ближе, и они услышали, как женщина сказала:

— Осторожно, на земле нет следов крови, их, видимо, не было в кабине. Скорее всего, они не ушли далеко.

— Нужно забрать «Цзаофу»[45], нельзя прерывать эксперимент. Вы двое будьте начеку. Мы втроем попробуем по-быстрому найти его.

---

[45] Сноски: 45

Цзаофу — китайское созвездие, названное в честь мифического героя, который на своей стремительной колеснице добрался до самого неба.

Это сказал именно Ван Хайчэн. И в одном предложении упомянул сразу две ключевые вещи. Что такое «Цзаофу»? «Эксперимент», они что, здесь проводят какое-то исследование?

«Цзаофу», похоже, было кодовым словом для того, что они искали. На месте столкновения самосвалов царил хаос, на обочину вывалились десятки тонн мусора. В такой помойке можно было найти только что-то очень заметное.

Го Юань пригляделся к месту аварии и не нашел ничего подозрительного. Если «Цзаофу» похоронен в этом кургане, то без тяжелой техники его точно не вытащить, но Ван Хайчэн и его команда ничего с собой не привезли. Но ведь не станут же они копать вручную?

Женщина из террористов приблизилась к проулку и окинула его взглядом. Агенты затаили дыхание, вжавшись спинами в ствол дерева. Не заметив двух силуэтов, женщина только кинула в их сторону мимолетный взгляд и прошла дальше.

Все пятеро стояли спиной к ним — самое время для внезапной атаки. Юнь Шань уже прицелилась в двух часовых, собираясь броситься вперед и открыть огонь, как вдруг ее внезапно остановила рука.

— Подождите, пока не поймем, что ищет Ван Хайчэн, а потом уже начнем, — прошептал Го Юань. — Это лучший шанс выяснить их цель.

Юнь Шань кивнула. И то верно, к тому же если немного притормозить, то другие группы уплотнят блокаду, и появится больше уверенности.

Но вдруг приблизившаяся к месту аварии дозорная увидела на земле что-то, отчего мгновенно изменилась в лице. Она развернулась спиной к искореженной кабине самосвала и посмотрела вперед и направо. Проследив за ее взглядом, притаившийся во тьме Го Юань ощутил внутри неприятный холодок. Выпрыгнув из машины, он откатился с дороги, оставив длинную цепочку отчетливых следов, которые вели к проулку, где они прятались.

И действительно, женщина осмотрелась и увидела дорожку следов. Она заметно колебалась, ведь в переулке было темно, как в пещере, где прятался Чужой. Женщина похлопала спутника по плечу и указала на проулок. Они переглянулись, достали пистолеты и двинулись в ту сторону. В то же самое время Ван Хайчэн, не обращая на них никакого внимания, подвел двух других прямо к двухметровой куче мусора.

Увидев, что дозорные приближаются, Го Юань

мысленно прикинул: неприятели не походили на профессионалов, одолеть их не составит большого труда. Но так он упустит лучшую возможность для внезапной атаки, повышая риск. Они не только не смогут выведать больше информации — перестрелка неизбежно всполошит Вана Хайчэна, и его будет еще труднее арестовать.

Двое дозорных приближались, с каждым шагом двигаясь все осторожнее.

Двадцать метров.

Десять метров. Го Юань поднял пистолет, зафиксировал позицию и приготовился стрелять в правую руку и колено Ван Хайчэна.

Пять метров.

— А ну слазьте! Вы какого лешего творите?! — раздался вдруг пронзительный, рассерженный голос, принадлежавший какой-то энергичной тетушке. — Спускайтесь! Уходите! Бензобак в машине течет, вы не чувствуете, что ли? Лезут еще! Вы чего тут?

Дозорные в крайнем изумлении обернулись и узрели тетушку средних лет, орущую на Ван Хайчэна и иже с ним. Это была хозяйка придорожного буддийского магазинчика. За ее спиной толпилась куча народа. Перед аварией она как раз привела в магазин пару десятков покупа-

телей, чтобы те починили карму и почистили чакры с просветленными наставниками. Грохот и пожар автокатастрофы подействовал на них, как дымовая шашка на пчелиный рой, — они высыпали на улицу поглазеть на страшную аварию, а по пути еще и полицию вызвали. И теперь, увидев, что трое каких-то психов вскарабкались на машину, рискуя жизнями непонятно зачем, они бросились их останавливать.

У жителей Чэнду есть две особенности: во-первых, они любят зрелища и не боятся накаляющейся обстановки, и во-вторых, они любят совать нос не в свое дело и не боятся, что им за это достанется.

Ван Хайчэн издали махнул дозорным, приказывая им наврать что-нибудь зевакам. Будь тетка одна, то и черт бы с ней, но он боялся, что группа верующих у нее за спиной действительно будет им мешать. Дозорные, почти подошедшие к проулку, переглянулись, словно с облегчением спрятали оружие и поспешили назад.

Го Юань сразу понял, что эти двое не готовы ни убивать, ни быть убитыми.

Напряженное тело Юнь Шань немного расслабилось. Теперь, когда дозорные занялись теткой, а Ван Хайчэн стоял к ней спиной, она рискнула

достать низкоуровневую камеру и теперь внимательно наблюдала за действиями команды «Светлячка».

Странно, но после того, как те забрались на курган, никто из них не принялся в нем рыться. Даже среди бела дня разглядеть что-то в десятках тонн сваленного как попало строительного мусора было почти невозможно, не говоря уже о том, чтобы искать ночью. По крайней мере, вещь, которую они спрятали в машине, была устойчива к ударам и сдавливанию, иначе давно бы уже сломалась.

Ван Хайчэн расстегнул молнию халата и долго копался внутри — должно быть, расстегивал пуговицу или молнию на внутреннем кармане. Похоже, доставал что-то очень важное, раз спрятал его поближе к телу. Штуковина оказалась маленькой, даже с учетом того, что камера снимала с максимальным увеличением, ее было почти не разглядеть. Ван Хайчэн держал ее в ладони, и сквозь щели между пальцами стало ясно лишь то, что она черного цвета. Прекрасно знакомого черного цвета.

— Осторожно, — звукосниматель записал голос Ван Хайчэна. На таком расстоянии для обнаружения вибрации он мог использовать только лазер,

поэтому звук был сильно искажен, но сказанное слышалось совершенно отчетливо. — Остается надеяться, что оба «Цзаофу» не окажутся слишком близко.

Ван Хайчэн присел на корточки и начал осторожно перемещать ладонь с лежащей на ней штуковиной, держа ее невысоко над мусором. В кадре было видно, что чернота слегка изменилась, словно начала светиться. От света движения Ван Хайчэна еще больше замедлились и стали еще осторожнее. Влево, вправо, ярче, тусклее.

«Детектор», — понял Го Юань. Эта штука, похоже, ловила сигнал от того, что Ван Хайчэн называл «Цзаофу», и по нему можно было определить расстояние до объекта.

Независимо от цели террористов, стоит только отобрать у них детектор, агенты смогут найти, где спрятан «Цзаофу». Может, «Цзаофу» — это их оружие?

Го Юань достал коммуникатор и тихим голосом произнес:

— Центр, вы получили видео? Цель подтверждена, подтвердите оперативный план. Атаковать сейчас или ждать? Жду указаний.

Радиоволна была пустой, не слышалось ни единого звука.

Изумленный Го Юань повертел его так и эдак, проверил сигнал связи — сигнал был хорошим, а проверка безопасности показала, что нет никаких проблем.

— Центр? Подтвердите оперативный план. — Ответа по-прежнему не было. — Дуаньму Хуэй? Люди?

Сигнал шел нормальный, но в ответ раздавалось лишь молчание. Лица Юнь Шань и Го Юаня внезапно вытянулись. Может, на командный центр напали?

Такие перемены встревожили Го Юаня, и в этот миг он услышал в наушнике голос Ван Хайчэна:

— Посторонитесь.

Искаженный, смешанный со странным низкочастотным громыханием.

На экране было видно, как штука в его руке засияла. Подняв голову и посмотрев вдаль, Го Юань стал свидетелем невероятной сцены.

Недалеко от ног Ван Хайчэна, под слоем мусора, на глубине около метра была зарыта темная бусина. Та самая, которую отдала ему Юнь Шань. В следующий миг Го Юань понял: что-то не так. Почему он мог ее видеть?

Кругом мрак, а она погребена примерно на метр, при этом курган из мусора простирался

вширь метров на пять. Бусина была наглухо скрыта со всех сторон, и тем не менее Го Юань видел ее невооруженным глазом.

И не потому что закрывшие ее мусор и грязь стали вдруг прозрачными. Совсем нет, они остались основательно плотными, такими же, как и прежде, но казалось, поверх них наложили зрительный слой, так что зарытую внутри бусинку стало прекрасно видно. Черная как смоль, та лежала в совершенно очевидном месте.

Как будто перед одним глазом стояла стена, а перед другим нет. Можно было совершенно явственно разглядеть все, что находилось за стеной, и при этом видеть ее саму.

У Го Юаня начала раскалываться голова, и боль усиливалась с каждой секундой. Человеческий мозг не был готов обрабатывать такие визуальные сигналы. Зрительный центр пытался скоординировать ненормальную иллюзию и превратить ее в обычную картинку. Мышцы хрусталика сокращались взад и вперед, как объектив, который никак не может сфокусироваться, из поля зрения исчезла точка концентрации, распирающая боль усиливалась, а внутриглазное давление повышалось. Но никакой физический дискомфорт не мог заставить агентов отвести

взгляд.

И поэтому они стали свидетелями еще более невероятной сцены.

Черная бусина начала расширяться и складываться во фракталы. Мусор заполнял пространство вокруг себя, почти не оставляя зазоров, но, несмотря на это, внутри него рос тетраэдр, сосуществующий с мусором в одной и той же точке пространства. Но это сосуществование длилось лишь мгновение. Заключенный в тетраэдр мусор, казалось, посекло на множество мелких тетраэдров, которые начали скручиваться внутрь. Сперва относительно медленно, но затем, как и в оригами, чем больше тетраэдров закручивалось, тем больше становилась площадь оставшейся поверхности и тем выше скорость складывания. Несколько секунд спустя, подобно тому, как бесчисленные крошечные водовороты засасывают внутрь стекло, в четырехгранном пространстве площадью около половины кубического метра груда мусора поглотила сама себя и исчезла.

Вслед за этим исчезло и наложение бусинки и мусора друг на друга. В поле зрения остался только обычный холмик из бетона и стали, а черную бусинку перестало быть видно под его слоем. Другими словами, все стало нормальным.

Эта короткая сцена походила на галлюцинацию, вызванную расстройством нервной системы. Но спустя полсекунды после того, как видение исчезло, насыпь обрушилась внутрь, в пустое пространство в форме тетраэдра, подняв столб пыли. Край ямы начинался там, где сидел на корточках Ван Хайчэн. Не дожидаясь, пока все успокоится, он протянул руку, подобрал что-то и сунул в карман.

Вся материя в тетраэдре исчезла, прихватив с собой даже воздух, и образовавшееся внутри отрицательное давление всосало окружающий мусор, откуда и взялся пыльный столб.

Юнь Шань наконец поняла, для чего нужна вещь, которую она дала Ван Хайчэну: 17 июня 2022 года немецкий город Гласхютте был полностью стерт с лица земли. Это буквально означало, что в радиусе двадцати километров не осталось ни материи, ни остатков радиации, ничего — только полусферическая дыра.

После того как черная бусина развернулась, вся материя в пространстве была поглощена и испарилась в никуда.

«Надеюсь, что два „Цзаофу“ не окажутся слишком близко». Вспомнив эти слова, Го Юань подумал, что причина, по которой этого стоило

избегать, вероятно, очень проста. Если так случится, они начнут взаимодействовать в вихре, похожем на черную дыру, и исчезнет больше пространства. Возможно, втянет даже самого Ван Хайчэна, и закончится все как в Гласхютте — полным исчезновением.

Вероятно, это в том и состояла цель «эксперимента» — контролировать эффективную дальность действия этой штуки.

Го Юань увидел, что случится, если активировать только один «Цзаофу», и никак не мог предположить, что произойдет в случае цепной активации нескольких черных сфер. Площадь поражения увеличится в несколько раз? Или по принципу линии, проведенной через точки, — в области, окруженной ими, исчезнет вся материя?

В таком случае мусоровозы могли быть не просто последовательными «бомбами», они были разрушительным пером для создателя, который нарисует на карте случайный круг, внутри которого все в одно мгновение превратится в ничто.

Го Юань не успел разобраться со своими мыслями, просто пригнулся и рванул вперед.

Глава тринадцатая

Го Юань был всего лишь офицером местной разведки, не прошедшим ни героической подготовки на поле боя, ни генной модификации тела. Шаг его был тяжел, да и скорость оставляла желать лучшего. Неприятель и без того был настороже, а потому его немедленно заметили.

В самый последний момент, когда Го Юань кинулся вперед, Юнь Шань поняла его без слов и бросилась на помощь. Засунув видеорегистратор в карман на бедре, она обеими руками выхватила из-за пояса по пистолету и, гибкая и изящная, огромным прыжком скакнула вперед, как на крыльях. Стартовав позже, она добежала раньше: спустя несколько секунд после того, как Го Юань рванул к Ван Хайчэну, она одним прыжком преодолела десяток с лишним метров, ринувшись к двум дозорным, под углом к атаке Го Юаня. Часовые все еще разбирались с энтузиастами, поэтому только сейчас услышали звук быстрых шагов и обернулись.

Эта задержка позволила Юнь Шань набрать полную скорость. Она давно увидела, что те

двое убрали оружие, поэтому, естественно, ей не пришлось утруждать себя зигзагообразной траекторией. Она просто рванула вперед и, когда до них оставалось меньше ста метров, закричала:

— Полиция при исполнении, непричастные на землю!

Голос ее грянул подобно грому, и десятки верующих ясно его слышали, но никто не подчинился и на землю не упал. Они только что стали свидетелями невероятного явления и пребывали в определенном смятении, даже сразу не поняли, что она прокричала. Меж тем противник был втянут в зону поражения, Юнь Шань медлила и не решалась действовать. Толпа прохожих теснилась аккурат позади этих двоих, так что все выстрелы прошли бы по прямой и любая погрешность в стрельбе могла бы закончиться для зевак ранением. Девушка быстро скорректировала направление и поискала угол выстрела с фланга.

Пользуясь этой секундной заминкой, дозорные достали пистолеты.

Го Юань не обременял себя такими заботами. Он летел вперед налегке и совсем не думал о дальности стрельбы, он видел лишь, что между ним и противником нет никаких препятствий, и открыл беспорядочную стрельбу. Точность,

естественно, оставляла желать лучшего, но Ван Хайчэн с товарищами все равно не стали играть с судьбой на жизнь и дружно пригнулись, укрываясь от пуль.

— Вы окружены! На колени, сдавайтесь! — отчаянно блефовал Го Юань, галопируя к преступной троице.

По традиции операций по задержанию нападать в открытую полагалось только после того, как зона будет окружена в несколько слоев. Го Юань делал ставку именно на это: неприятель точно не догадается, что они осмелятся на силовую атаку, будучи только вдвоем. Он не знал, почему пропала связь с командным центром, но если не действовать сейчас, шансов не останется.

— Бросайте все, что у вас в руках, сопротивление бесполезно!

Ему ответили серией выстрелов. Го Юань пригнулся, уклоняясь от пуль, и краем глаза увидел, что Ван Хайчэн мчится к мусорному холму у него за спиной. Стрелял тот, что слева, а другой начал шарить за спиной. Нельзя позволить этим двоим себя задерживать, нельзя позволить Ван Хайчэну сбежать, и уж тем более нельзя позволить им забрать вторую бусинку!

Го Юань рассвирипел, словно в душе его открылся железный замок, выпуская на волю бешеного зверя. Не обращая внимания на человека с пистолетом, он выпустил очередь в того, кто доставал оружие, — он не мог позволить, чтобы вооружены были оба. Агент больше не пытался уклониться, а бросился вперед. Не ожидая такой ярости и презрения к смерти, к тому же в окружении свистящих мимо пуль, парень, который все еще вытаскивал пистолет, казалось, до смерти перепугался несущейся на него жажды убивать. Он так дрожал, что не мог разобраться со своим оружием. От зрелища Го Юаня, мчащегося сквозь пули, который подбегал все ближе и ближе, с парнем случился нервный срыв, он поскользнулся и кубарем скатился с насыпи.

Го Юань никак не ожидал, что сможет победить врага таким образом, поэтому громко взревел, а затем поднял пистолет и бросился в другую сторону — откуда стреляли. Расстояние между ними сократилось до досягаемости пули, одна из которых, к слову, чиркнула агента по плечу, а вторая, вылети она на шаг раньше, угодила бы ему в бок, а так просто просвистела в опасной близости от колена. Го Юань не мог решить, рвануть ли ему на одном дыхании прямо на врага или затеять

перестрелку из укрытия, как вдруг понял, что в него больше не стреляют.

Парень подчистую израсходовал свой запас патронов. Оба противника точно не были матерыми вояками — один потерял волю к борьбе, другой в минуту душевного волнения совсем забыл о боеприпасах. Это лишний раз подтвердило предположение Го Юаня о том, что основная команда Ван Хайчэна была вовсе не «командой», а обычными, совсем недавно выдрессированными, людьми.

Зачем «Светлячку» держать оружие и сражаться не на жизнь, а насмерть с регулярными войсками? Неужели Ван Хайчэн настолько их обаял? С другой стороны, Юнь Шань внезапно оказалась посреди хаоса. После секундной задержки Го Юань перехватил инициативу и выстрелил раньше нее, а разразившаяся следом перестрелка грохотом своим сотрясла небо. Такие пертурбации совершенно потрясли толпу верующих зевак. Страх всегда алогичен. Словно овцы, услышавшие волчий вой, люди разбежались во все стороны. Лишь немногие из них смогли придать побегу верное направление, большинство же с криками бросились обнимать Юнь Шань и дозорных.

Обе стороны стычки заколебались. Юнь Шань боялась, что враг возьмет мирных буддистов в заложники, а потому с криком «На землю!» указала, в какую сторону тем лучше бежать. Но зеваки были напуганы до полусмерти, и никто не стал разбираться, из хороших она или из плохих, они даже не прислушивались к тому, что она кричала: вместо этого впились взглядами в два черных как смоль пистолета в ее руках, а потом инстинктивно метнулись ровно в противоположном направлении, в панике едва не затоптав дозорных из «Светлячка».

Все пропало. За двумя террористами сгрудилась целая толпа гражданских, и с трудом созданная линия безопасности разрушилась на глазах. Пусть даже в пределах дальнобойности, кто мог гарантировать, что рука Юнь Шань не дрогнет?

Воспользовавшись задержкой с двойным пробегом туда-сюда, еще несколько секунд назад захваченные врасплох преступники теперь были во всеоружии. У этих двоих было заметно больше боевого опыта, это было очевидно по тому, как они отследили Го Юаня от прыжка из машины до переулка, а Юнь Шань в любом случае не могла пустить оружие в ход. На кону стояла жизнь, времени думать и колебаться не оставалось. Она

ощутила, как внутри закипает звериная ярость. Ее тело отреагировало мгновенно, пальцы разжались, пистолеты больше не были нужны. Она швырнула их в дозорных, по одному в каждого.

Сперва противник испугался. Когда террористы сражались не на жизнь, а на смерть, то в первую очередь были сосредоточены не на текущих действиях неприятеля, а на прогнозировании того, что он сделает дальше. Когда обе стороны сошлись на расстояние эффективной стрельбы, все внимание дозорных, естественно, было сосредоточено на оружии, которое представляло наибольшую опасность, и они готовились прятаться, как только Юнь Шань поднимет стволы. Они неотрывно следили за пистолетами, но никак не ожидали, что те вдруг вырвутся из ее рук и полетят мимо них, куда-то им за спину.

Преступники ненадолго озадачились и обернулись, чтобы отследить судьбу двух пистолетов, словно опасались, что позади окажутся спецагенты, которые поймают оружие и откроют по ним огонь. Но пушки замерли на земле, и ничего не произошло. Только тогда двое террористов немного пришли в себя и поняли, что все идет не по сценарию.

Обычный человек за те три секунды, пока

неприятель отвлекался, ничего не успел бы предпринять, но Юнь Шань все-таки была из генетически модифицированных новых. Все до единой мышцы ног мобилизовались, истощив запас анаэробной энергии, и бросили ее вперед на пять с лишним метров. Инерцию приземления она тоже держала под контролем и пустила на то, чтобы со снайперской точностью прыгнуть еще раз, и еще, и спустя несколько таких взлетов и падений оказалась прямо перед террористами. Они услышали лишь свист ветра, рассеченного миниатюрным телом, что-то мелькнуло перед глазами, и Юнь Шань с нечеловеческой скоростью подлетела к мужчине-дозорному. В отличие от усяшного цингуна[46], где герои непринужденно порхают, могут двигаться и останавливаться, как душа пожелает, сейчас она уже не могла контролировать свою скорость. Да и не собиралась. Чуть приподнявшись на носки и слегка изменив траекторию прыжка, Юнь Шань пригнулась и влетела в объятия мужчины-дозорного.

Только в отличие от экранных нежностей, ее локоть с огромной кинетической энергией вошел

[46] Сноски: 46

Уся — жанр боевиков в «традиционном китайском стиле». *Цингун* — способность героя перемещаться, игнорируя законы физики, характерное для фильмов жанра уся.

ему в левую сторону груди, послышался треск ломающихся ребер. С таким же успехом в него могло врезаться пушечное ядро. Сердце и легкие остановились в одно мгновение, он и охнуть не успел, как его подбросило в воздух и отшвырнуло назад. Тело прокатилось еще с десяток метров. Этим ударом Юнь Шань загасила скорость своего прыжка и тоже покатилась по земле. Не успела она встать и утвердиться на ногах, как прогремели четыре выстрела подряд.

Стреляла тоже Юнь Шань. Не успел неприятель понять, что происходит, как она в момент столкновения выхватила у мужчины его пистолет. За короткий миг приземления Юнь Шань успела разглядеть фигуру дозорной и вовремя вспомнила наказ Го Юаня стрелять по рукам и ногам, чтобы оставить цель в живых. Пули попали в правое плечо и колено террористки, отчего та с криком повалилась на землю.

Только сейчас Юнь Шань смогла глубоким вздохом стабилизировать дыхание, рысцой пробежала вперед, отобрала пистолет у женщины и схватила тот, что метнула секунду назад. Отметив промелькнувшую в голове мысль, что это было опасно, она быстро оценила поле боя. Го Юань бежал за Ван Хайчэном, поэтому она бро-

сила двух недееспособных врагов и немедленно присоединилась к коллеге в погоне за главным противником.

В этой группе не было настоящих солдат, но зато в их распоряжении оказалось необычное оружие.

— Вас подстрелили, — констатировала Юнь Шань, поравнявшись с Го Юанем. — Вам стоит поторопиться и перевязать рану.

Только сейчас Го Юань осознал, что рана на его плече серьезнее, чем он думал. Адреналина в кровь хлынуло столько, что он даже не чувствовал боли, но пуля и правда вырвала большой кусок плоти. Пистолетные пули отличаются от винтовочных. При попадании в тело они не проходят насквозь, вместо этого, вращаясь, буравят в нем дыру. Ткани получают серьезные внутренние повреждения и теряют способность двигаться — но, к счастью, на этот раз пуля прошла по касательной и в тело не вошла.

— Пока шевелюсь — не считается, — через силу ответил Го Юань.

Юнь Шань догнала его после куда более опасной и ожесточенной схватки, при этом даже в лице не изменилась, воистину физические силы новых людей намного превосходили обычного

человека, такого, как он сам. Глядя на сверкающие пятки Ван Хайчэна, он хотел бросить оставшиеся силы на ускорение, но чувствовал, что ноги едва шевелятся.

— Догоняй. — Он попытался донести идею самыми простыми словами.

Юнь Шань кивнула и побежала сломя голову. Наблюдая за тем, как девушка ускоряется и бросает его позади, Го Юань ощутил, что его покидают последние силы. Последний бой — он трудный самый, и финальная атака выжгла Го Юаня дотла. Обычные люди и правда были хрупкими и хлипкими, даже дыхание его имело сладкий привкус крови.

Вдалеке раздался вой сирены, какой-то автомобиль пролетел по «лежачему полицейскому». Го Юань инстинктивно ощутил зловещее предчувствие — с тех пор как электромоторы заменили бензиновые двигатели, машины становились все тише и тише. Эта появилась внезапно, да еще с пронзительным свистом именно в это время, именно в этом месте, такое не могло быть совпадением. Юнь Шань практически догнала Ван Хайчэна, когда наперерез им выехал белый приземистый автомобиль.

— Ложись! — взревел Го Юань, удивленный,

что у него все еще остались в запасе децибелы для крика. Но когда голос его стих, он увидел, что стекло в окне автомобиля опустилось, и изнутри выглянуло черное дуло пистолета. — На землю!

Окно изрыгнуло языки пламени, и если бы Юнь Шань в своем бешеном забеге вовремя не шлепнулась на землю, быть бы ей живой мишенью. Сначала она сбавила скорость, а затем, пользуясь промежутками в шквальном огне, зигзагами ушла от обстрела. В этот момент машина резко затормозила перед Ван Хайчэном. Видя, что преследовать его невозможно, Юнь Шань на бегу нашла точку равновесия и выхватила из-за пояса два пистолета. Выстрел первого был неточным, поскольку она даже особо не целилась и стреляла наугад, просто пытаясь не дать «светлячку» сесть в машину. Выстрел другого, напротив, был произведен твердой рукой, она четко прицелилась, легко нажала на спусковой крючок, и пуля полетела в сторону водительского сиденья.

Лобовое стекло автомобиля разлетелось вдребезги, а дуло из окна убралось в салон. Но Ван Хайчэн все же умудрился открыть дверь и нырнуть внутрь, схоронившись от выстрелов на заднем сидении.

Го Юань видел, что Юнь Шань на какое-то время

оказалась в безопасности, но не могла остановить Ван Хайчэна. А если тот удерет, его, вероятно, будет еще труднее найти. Он огляделся и увидел два «ленд крузера», припаркованных на обочине дороги — машинам было не меньше десяти лет, а езда по высокогорью накинула им еще с десяток. Только в этом городе еще можно было увидеть старые машины, потому что на Цинхай-Тибетском нагорье в чрезвычайной ситуации бензин еще мог спасти, а вот аккумуляторы — нет.

Автомобиль подхватил Ван Хайчэна, быстро дал задний ход и рванул к храму Ухоу. Разбитое лобовое стекло загораживало обзор водителю, и он всю дорогу петлял, как змея, но скорость все равно не снижал. И без того узкая дорога была еще уже из-за припаркованных на ней машин. Го Юань запрыгнул в «ленд крузер», быстро завел двигатель и догнал автомобиль, который не успел оторваться слишком далеко.

«Ленд крузер» был почти в три раза больше маленькой машины. Го Юань притормозил рядом с Юнь Шань, наклонился вперед и открыл для нее дверцу:

— Садитесь!

Юнь Шань запрыгнула внутрь. Казалось, она попала под проливной дождь — ее одежда на-

сквозь промокла от пота, а тело дышало жаром, как открытый огонь. Го Юаня, открывшего для девушки дверцу, обожгло горячей волной, идущей от ее плоти, так что он невольно отдернул руку назад.

Даже усовершенствованные новые люди не могут аккумулировать силы из воздуха, к сожалению, генератор энергии, расположенный в киноварной чакре ниже пупка, не давал о себе знать. За десять минут усиленного боя она израсходовала суточную энергию простого смертного, и без тонизирующего средства ее желудок от голода и тоски прилип к позвоночнику. Оказавшись в салоне, она первым делом обыскала его на предмет забытой еды и воды и, к счастью, обнаружила две бутылки какого-то напитка, которые незамедлительно выпила. В мгновение ока салон автомобиля заволокло паром от ее исстрадавшегося разгоряченного тела.

Поначалу машинка оторвалась от «ленд крузера» на немалое расстояние. Электродвигатель был хорош на старте, но бензиновый отыгрался на второй половине пути — ревущая зверюга совершенно не собиралась плестись далеко в хвосте и изо всех сил наверстывала упущенное. Лобовое стекло, на котором расцвели снежинки

от вражеских пуль, закрывало обзор водителю, к тому же дорога была непростая, а автомобиль весил так мало, что любой поворот и любое препятствие значительно снижало его скорость. Так постепенно раскрылись достоинства «ленд крузера», за рулем которого хозяйничал Го Юань, — полный привод, высокая ходовая часть, большой вес, необыкновенная проходимость. Совершенно бесстрашный, агент просто искал кратчайший путь, для чего проломился через несколько заграждений, прыгал по поребрикам — и медленно настигал низкорослого авторосинанта Ван Хайчэна.

— Держитесь крепче! — сдавленно вскрикнул Го Юань.

Прямо по курсу на дороге валялись какие-то обломки — видимо, когда отключилось электричество, трехколесная электроповозка попала в аварию, после которой никто ничего не убрал. Машинке наверняка придется притормозить, а он, напротив, выжмет из двигателя все возможное. Нельзя упускать такую возможность, непременно нужно, пользуясь случаем, наподдать этому автодрищу в бок, чтобы ему крышу снесло!

Разница в высоте между подвесками двух ав-

томобилей была огромна. Го Юань глянул вниз — и уже мог разглядеть Ван Хайчэна через заднее стекло. Тот смотрел вверх. Их взгляды встретились, и Го Юань увидел, как потухли глаза противника. Как ни странно, в них не было ни желания убивать, ни гнева, только беспомощность.

Передний бампер «ленд крузера» врезался в задницу маленькой машины, встряхнув ее до основания. Колесница Ван Хайчэна оказалась в безвыходном положении.

Расстояние было настолько ничтожным, что Го Юань мог ясно видеть каждое движение Ван Хайчэна. Мужчина потянулся за пазуху и достал черную бусинку, которая вспыхнула в руке, но почти в тот же миг унялась. Ван Хайчэн повернулся к заднему окну, снова взглянул на Го Юаня и Юнь Шань, протянул руку и отпустил бусинку.

Он не швырял ее, просто разжал руку и позволил ей упасть. Сперва та рванула вниз под действием силы тяжести, но в течение каких-то жалких десятых долей секунды внезапно остановилась, пролетев всего несколько сантиметров, и зависла в воздухе, словно гравитация умыла руки. Машинка продолжала лететь вперед, а повисшая над землей черная бусинка «Цзаофу» прошла сквозь заднюю ее часть, как призрак, и

оказалась в переднем отсеке «ленд крузера». И Го Юань вновь увидел ту ужасающую сцену: черная бусина врезалась в переднюю часть машины, и внезапно они соединились — и жемчужина, и передняя часть автомобиля.

— Прыгайте! — немедленно скомандовал Го Юань, сразу поняв, что должно произойти.

Когда он нажал на пряжку ремня безопасности, двигатель «ленд крузера» уже влетел в черную бусинку. А она меж тем начала развертываться, выбрасывая в пространство слабо светящиеся грани. Го Юань увидел, как четыре среза поверхности обнажают нутро двигателя, как камера сгорания цилиндра свистит сквозь движущиеся поверхности, как внутри хаотично вспыхивают искры. Если бы его ноги уже не выбили дверцу машины, он был бы зачарован непостижимой сценой, развернувшейся перед ним, и обо всем позабыл. Но от такого зрелища у Го Юаня совсем вылетели из головы все правила, которые следует предпринять при прыжке из машины: он не перекатился вперед по диагонали, а высунулся по пояс, поднял голову и заглянул в автомобильное нутро.

Четыре равносторонних треугольника тетраэдра по очереди показали поперечные сечения

двигателя, коробки передач и рычага переключения передач, точно так же, как производители автомобилей используют 3D-модели, созданные на компьютере, для демонстрации технологии своих двигателей. Тетраэдр на этот раз оказался небольшим, примерно по двадцать или тридцать сантиметров с каждой стороны. Центральная стойка «ленд крузера» пронеслась через пространство, где он находился, и тогда «Цзаофу» показал свою силу. Структура, которую засосало в пустоту, с грохотом исчезла, и внедорожник, утратив большую часть внутренностей, разорвался надвое. Половинки стального бегемота сперва схлопнулись, а затем развалились на две части слева и справа. Автомобиль на скорости более ста километров в час внезапно раскололся, они ударялись, сминались, усыпая землю искрами, а затем из распоротого топливного бака вытекла жидкость, которую тут же воспламенил жар, родившийся от трения, и несчастный автомобиль наконец развалился окончательно. Обе половинки покатились в разные стороны и разлетелись на запчасти, градом осыпая все вокруг.

Печального зрелища полураспада автомобиля Го Юань уже не увидел. Новый прыжок вполне мог потягаться с предыдущим. Его тело призем-

лилось с такой скоростью, что он, даже не успев среагировать, полетел вперед, ударяясь о землю, словно блинчик, пущенный по воде. Пролетев так несколько метров, он даже пикнуть не успел и потерял сознание.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Го Юань очнулся и обнаружил, что лежит, прислонившись к дереву. Юнь Шань сидела рядом, глядя куда-то вдаль. Свет неведомого костра, полыхавшего вдалеке, придавал ее лицу румянец и подчеркивал точеные черты залитого кровью профиля. Какое-то время голова Го Юаня была пустым пуста, он не мог вспомнить, где находится и что произошло.

Еще пару секунд спустя память постепенно восстановилась. Он открыл рот, намереваясь высказаться, но тот оказался полон крови, хлынувшей в горло. Прокашлявшись, агент еле совладал с голосом, чтобы спросить:

— Где народ? Где Ван Хайчэн?

Юнь Шань молча вскинула руку и ткнула пальцем куда-то вдаль. Го Юань едва мог пошевелиться. Деревья мешали увидеть, что творилось там, куда она указывала. Опираясь на руки, он кое-как отполз в сторонку, чувствуя необычную пустоту в области поясницы. Глянув вниз, об-

наружил, что на поясе больше нет пистолета и коммуникатора, а переведя взгляд на Юнь Шань, понял, что и ее экипировка, развешанная сзади на поясе и на бедрах, исчезла — вместе с поясом.

И тут он вспомнил, как прервалась связь с командным центром и как он смутно заподозрил, что что-то изменилось. Изо всех сил цепляясь за дерево, он встал и обошел толстенный ствол гинкго, застивший обзор. И понял, что стоит перед храмом Ухоу.

А храм Ухоу светится.

Светится в прямом смысле слова.

Изначально ярко-красные стены ограды, коридоры, выложенные голубым камнем, низенький Зал предков и густые кипарисы перед ним — все сияло. Нет, не так — светился даже воздух, как люминесцентный световой короб. И пусть не слишком ярко, но сам факт того, что перед Го Юанем выросло огромное световое тело, ослеплял.

Он опустил голову, не в силах смотреть вперед, закрыл глаза и дал им немного отдыха, прежде чем осторожно поднять взгляд. И только сейчас понял, что ошибся. Светился не храм Ухоу, а замкнутое вместе с ним пространство. На земле менее чем в полуметре от внешней стены Зала предков проходила четкая разделительная ли-

ния, которая ровно, как стрела, простиралась наружу. Все, что оказалось в пределах, очерченных линией, даже воздух, сверкало, а то, что осталось за пределами, всего лишь освещалось этим сиянием.

Он проследил взглядом за линией, и на конце ее, вдалеке, увидел самосвал. Го Юань почувствовал, как к горлу подступила паника, но одновременно с души у него свалился огромный камень.

Изо всех сил стараясь не обжечь сетчатку и подглядывая сквозь пальцы, Го Юань осмотрел внешний край светового поля. Потребовалось несколько минут, чтобы грубо очертить его контуры — это было геометрическое тело с несколькими вершинами, которые венчали самосвалы, на первый взгляд всего четыре или пять.

Он не осмелился пристальнее изучить само световое тело, но случайно обратил внимание на темную точку, в некотором отдалении зависшую в воздухе. Не нужно было вглядываться, Го Юань и так прекрасно знал, что это: черное кольцо из энергоузла, которое на его глазах развернулось в сферу.

В этот момент у него больше не осталось сил думать о том, что же перед ним. В голове вертелась всего одна мысль: погибнет ли он?

Неужели он наконец-то умрет здесь? Грохнет ли сейчас взрыв, который не оставит от города камня на камне, или весь храм Ухоу обратится в ничто, после чего несколько километров вакуума и отрицательного давления всосут пространство в имплозионный шар? Быть ему пеплом или фаршем?

Пока Го Юань в красках фантазировал о собственном конце, в поле его зрения попали двое бегущих солдат. Он поднял руку, пытаясь их остановить, чувствуя, что еще может их спасти, хотел убедить их держаться подальше от этого места. Увидев, как он поднял руку, солдаты немедленно повернули к нему. Го Юань открыл было рот, как вдруг увидел два пистолета, направленных ему в грудь.

— Руки на голову и на колени!

— Я свой, — бессильно выдохнул Го Юань. — Номер 9…

Солдаты не собирались его слушать.

— Рот закрыл, присел, не шевелиться! Оружие сдал!

— Его уже до вас отряд забрал, — подала голос Юнь Шань.

От этих слов Го Юаня пробрала ледяная дрожь. Он все понял. Когда прервалась связь с Дуаньму

Хуэем, они уже заподозрили неладное. Разумеется, связь прервало само высшее начальство, стоящее над их оперативной группой.

Над этим делом работал кто-то другой, обладавший куда большими полномочиями и возможностями. Эта группа, скорее всего, появилась в то же время, что и отряд Дуаньму Хуэя, может, чуть позже, и отняла у них операцию.

Го Юань посмотрел на световое тело, окутавшее весь храм. В душу его вползло смятение, а в голову — вопросы. В этом деле каждый должен был быть готов пожертвовать собой. Но его смущал вопрос — что они там наверху собирались делать? Если у них столько людей, которых можно перебросить на задание, зачем же они позволили Ван Хайчэну добыть самосвалы? А когда выяснилось, где те находятся, почему никто не послал солдат взять грузовики под контроль и арестовать главаря?

Какую такую секретную информацию они знают, которую даже Дуаньму Хуэй запросить не мог?

Правда ли они хотят арестовать террористов и предотвратить теракты?

Нет, нет, было бы слишком просто.

Начиная с передачи черных бусинок Ван Хайчэну, что именно там наверху собирались делать?

Действительно ли, как предполагали Дуаньму Хуэй и Юнь Шань, хотели узнать, какова цель Ван Хайчэна и в чем кроется польза от этих вещей?

Мысли Го Юаня одолевали бесчисленные вопросы, один другого страшнее.

В этот момент он увидел, что два солдата, похоже, получили приказ, немного поколебались и направились к световому телу. Зачем?

Прежде чем он успел закричать, один из них осторожно занес ногу над разделительной чертой.

Подобно стене между инь и ян, в воздухе повисла граница беды — человеческое пространство было по эту сторону, а светящийся другой мир — по ту. Когда нога пересекла черту, Го Юань инстинктивно схватился за голову, как будто хотел укрыться от взрыва, но ужасающей сцены, которую он себе представил, не случилось.

Нога засияла, причем изнутри — обувь, кожа, мышцы, кровеносные сосуды, все без исключения. Когда вспыхнул этот свет, пшеничного цвета кожа солдата покраснела от сверкающей крови, и под ней стали видны слои плоти и костяной каркас, как у силиконового пособия по физиологии.

Все четверо неотрывно смотрели на эту странную картину, и даже издали увидели нечто еще

более страшное. Светящаяся кровь, вернувшаяся в тело, сразу же потемнела, но вокруг кровеносных сосудов появился слабо светящийся ореол, словно отсвет заходящего солнца.

Что это, черт возьми, такое? Го Юань больше не мог думать, он просто всеми силами пытался накрепко запомнить все увиденное. Двое солдат вошли в свет и зашагали внутри, как ожившие трупы — анатомические манекены из школьного кабинета из городской легенды, красные и прозрачные, как желе.

Именно потому эти «коллеги» и не хотели, чтобы у него и Юнь Шань остались эти невероятные видеозаписи, потому они и забрали у них всю технику. У Го Юаня осталась только пара поврежденных глаз, которые толком не открывались, и память, которую могло смешать сотрясение мозга, — это, конечно, не так хорошо, как сверхширокоугольная камера с двадцатикратным увеличением, но зато они целиком принадлежали ему.

Го Юань знал, что сейчас выяснение правды нужно отложить на потом и полагаться можно лишь на себя одного.

Обдумав это, он перестал беспокоиться о глазах и о том, как им может повредить сияние. Хотя он

все еще прикрывал их руками, но теперь просто хотел приглушить яркость, чтобы не упустить из виду какую-нибудь деталь.

Но через пару минут, совершенно неожиданно, каждый миллиметр, каждая клеточка в этом пространстве, даже воздух над светящимся храмом Ухоу, погасли. Не было никаких переходов и градиентов, все погасло моментально и полностью, в поле зрения остался лишь сине-фиолетовый отпечаток на сетчатке. В то же время из пространства за границей бывшего светового тела полился свет, более тусклый, чем прежний. Подобно волне, светящаяся область расширялась, теряя яркость, и подобно волне же прокатилась и улеглась.

Световая зона была похожа на внешнюю рамку, которая расширялась и темнела в трехмерном пространстве. Будь то земля, стены или космос, они никак не влияли на нее, скорость расширения составляла, вероятно, около нескольких сотен метров в секунду. И чем дальше от центра, тем больше угасала яркость, и примерно через полминуты человеческий глаз уже не мог воспринимать ее существование.

Когда световая рамка просочилась сквозь Го Юаня, он все же перепугался. Но она быстро ис-

чезла, словно растворилась в ночи.

А затем полностью исчезли и другие странности, будто вовсе ничего не произошло. Не грянул взрыв, храм Ухоу не скрутился в вакууме, ничего не сжалось в шар под вакуумным давлением. Не было ничего, все вернулось на круги своя.

Поначалу в храме Ухоу еще раздавались выстрелы, но потом и они стихли. Извилистые красные стены тысячелетнего мавзолея Хуэйлин и густые заросли бамбука и кипариса поглощали почти все звуки, кроме шелеста ветра, крадущегося сквозь лес. Время от времени раздавался звук трения выгорающих шин, и вслед за этим — пара выстрелов, а затем снова тишина. Несколько команд забежали внутрь, но из главного входа никто не вышел, словно внутри была бездонная яма.

Вскоре солдаты плотно оцепили стену внутреннего двора Зала предков. Очевидно, это были не вооруженные полицейские или секретные агенты, а обычные солдаты из западной зоны боевого командования.

Люди продолжали собираться, но не было заметно никаких признаков того, что операция прошла успешно: свет в Зале предков давно погас, изнутри не доносилось никакого движения.

Го Юань понял, что Ван Хайчэн и его команда сбежали. Солдаты носились по району, как безголовые курицы, но это была бессмысленная зачистка: он слишком хорошо знал стиль работы своего отдела.

И в это время Го Юань внезапно будто очнулся.

Предположение, что у Ван Хайчэна в министерстве есть крот, и кто-то наверху с ним в сговоре, было ошибочным. Причина, по которой наверху позволяли Ван Хайчэну шаг за шагом дойти сюда и не сделали всего возможного, чтобы остановить его, а даже как будто тайно помогали, заключалась не в том, что его защищали, а в совершенно ином: наверху с самого начала знали, что он никакой не террорист, а все происходящее вовсе не подготовка к теракту. Команда под руководством Дуаньму Хуэя была всего лишь приманкой в этой игре в кошки-мышки, где один использовал другого, и теперь кошка позволила мышке сбежать.

Но если это не операция по уничтожению террористов, тогда что же?

Что это за черные штуки, в которых нет и капельки света? Откуда они взялись?

Вот вопрос, который следует задать.

В этот момент Го Юань почувствовал, что они не должны были принадлежать этому миру. Как

и он сам.

Глава четырнадцатая

Каждый год в Чжухае удивительно влажно. Морской бриз пригоняет дождевые облака, которые захлестывают город, словно приливная волна, и везде конденсируются толстенные слои воды. Мало того, что прилив ужасен сам по себе, иногда он еще приносил рыбный запах моря, да еще и одежду невозможно было высушить — Ван Хайчэн частенько клал ее под кондиционер и включал режим осушения, так что тот дул на ткань, не жалея сил.

Расшифровка информации об излучении черного тела в 60 К продвинулась вперед случайно, но, с одной стороны, прогресс был слишком внезапен, а с другой стороны — совершенно необъясним. Почему излучение оказалось связано с генофондом модельных мышей? Из-за душной и влажной чжухайской погоды все еще больше нервничали и раздражались.

Согласно методу обработки младшего инженера Чжао Каня, информация об излучении черного тела компилировалась в четверичную систему счисления — теперь даже старшеклассники зна-

ют, что существует четыре вида пар оснований ДНК: A-аденин, G-гуанин, T-тимин, C-цитозин. Поэтому естественно, что структура данных в четверичной системе оказалась похожа на основание гена. Но между похожей структурой данных и одинаковыми данными бесконечное расстояние: если все вокруг представляет собой 1 и 0, то при помощи этих двух кнопок операционную систему все равно не напишешь.

Это совпадение? Какова связь между информацией об излучении черного тела в 60 К, которая на первый взгляд противоречит научному здравому смыслу, и генетическими данными модельных мышей? Вопиющее какое-то совпадение получается, правда?

Бай Хунъюй вдруг вспомнила научно-фантастический роман «Автостопом по Галактике», в котором Земля была суперкомпьютером, построенным мышами, устройством, созданным для поиска окончательного ответа на вопрос о жизни, Вселенной и всем остальном, а люди были не более чем паразитами на теле оборудования. От этой мысли Бай Хунъюй не смогла удержаться от смеха. Если это правда, то такая милая! Но вспомнив о том, скольких мышек она убила, будучи студенткой-биологом, Бай Хунъюй вдруг немного

испугалась.

Совпадение привело к тому, что руководители, отвечающие за конфиденциальность, провели полноценное двухчасовое собрание. После него организация решила принять предложение Бай Хунъюй и пригласила для содействия профессора Ань Сэньцина, директора Института модельной зоологии Нанкинского университета.

Как они собираются пригласить профессора Аня, когда возле кабинета все время толпятся охранники и постоянно норовят ворваться внутрь? Бай Хунъюй было весьма любопытно. На первом курсе она изучала биологию и астрономию в Нанкинском университете, и профессор Ань преподавал у нее два семестра. Интересно, вспомнит ли он ее?

Профессор был родом из Внутренней Монголии, в его жилах текла кровь пастухов, он любил выпить и обладал вспыльчивым характером. В молодости, во время тяжелой полевой работы, часто спал в глуши под открытым небом, голос у него был гулкий, как колокол, а еще он никогда не запоминал имена. Даже если вы виделись с ним каждый день, он неизменно обращался к тебе: «Как тебя там… подойди».

При мысли о том, что группа специальных

агентов «пригласила» учителя Аня из Нанкина в Чжухай — пусть даже из-за дела, которое, на первый взгляд, не имело к нему никакого отношения, — Бай Хунъюй обрадовалась, и перед ее внутренним взором постоянно всплывало его круглое сердитое лицо.

Около полудня следующего дня специальный автомобиль доставил профессора в кампус. Дверь скользнула в сторону, и из машины выпрыгнул крупный мужчина ростом метр девяносто с недовольным выражением лица. Завидев Бай Хунъюй и Ван Хайчэна, которые вышли его встретить, профессор Ань сердито закричал:

— Вот вы ловкачи, ребята, это вообще-то похоже на похищение! А кто преподавать будет? А на собрания ходить? А речь готовить на Азиатский симпозиум модельных животных на следующей неделе? Вы вообще кто?

К счастью, Бай Хунъюй хорошо подготовилась: несколько ее однокурсников все еще учились у профессора Аня в докторантуре и прекрасно знали о его пороках и предпочтениях.

— Учитель Ань, учитель Ань, — сказала она с извиняющейся улыбкой, — не сердитесь. — Она изогнула брови и шепотом добавила: — Мы для

вас «Маотай»[47] приготовили.

Профессор Ань любил выпить, и в свое время Бай Хунъюй на выпускном своими глазами видела, как тот в одиночку прикончил бутылку «Улянъе»[48]. Но чем старше он становился, чем выше взбирался по карьерной лестнице, тем больше ему проставлялись и тем чаще его печень молила о пощаде. Дома и в университете начали блюсти его трезвость, и хотя профессор Ань Сэньцин любил винопитие едва ли не больше, чем саму жизнь, возлиять ему больше не давали, разве что в виде поблажки на Новый год. От слов Бай Хунъюй он немедленно посветлел лицом.

— И на работу я не опоздаю?

— Ни капли, ни капли. Учитель Ань, а я ведь у вас училась в свое время. Не помните меня, наверное?

— Да ну? О-о-о, ха-ха-ха, а баньяны-то здесь, в Чжухае, хорошо растут, и воздух и вправду лучше, чем в Нанкине.

— Просто прилив сильный, подходящий для мангрового леса.

После того как все трое обменялись по кругу

---

[47] Сноски: 47

«*Маотай*» — знаменитая китайская водка.

[48] Сноски: 48

«*Улянъе*» — чуть менее знаменитая китайская водка.

приветствиями, Бай Хунъюй представила друг другу своего бывшего и нынешнего учителя, а затем, приобняв профессора Аня, отвела его в офис. Некоторое время атмосфера была вполне доброжелательной. Когда сотрудник, отвечающий за инструктаж о конфиденциальности, объяснил профессору Аню условия, тот всего пару раз закатил глаза, но все равно быстро подписал соглашение о неразглашении. При этом указал на Бай Хунъюй и громко заявил:

— Вот эта, как тебя там, мы договорились! И чтобы подмазать меня, пары рюмок тебе не хватит!

Инструктаж о конфиденциальности продолжался большую часть дня, и тонюсенькая стопка информации по делу перекочевала в руки профессора только в полдень. У него ушло менее двадцати минут, чтобы ознакомиться с ними. Сперва он вовсе не понял разъяснений об излучении черного тела температурой 60 К, поэтому поспешно пролистал его. Зато на две страницы о банке генов мыши потребовалось некоторое время. Изучив их, он нахмурился, а затем пролистнул назад и внимательно перечитал описание источника информации.

Люди ждали от него объяснений, но профессор Ань Сэньцин откинулся на спинку стула и долгое

время сидел молча, с закрытыми глазами. Народ с недоумением переглядывался и минут пять протомился в ожидании, прежде чем профессор Ань воскликнул:

— Я понятия не имею, что, черти вас дери, вы мне тут показали.

Но стоило Ван Хайчэну открыть рот, он вскинул руку, прерывая его, и продолжил:

— Спроси вы меня, что не так с этими нуклеоданными, я бы вам без проблем объяснил. Но вот этой остальной чепухой досаждать мне не надо.

Ни у кого не нашлось и слова, чтобы ответить.

Профессор Ань выпрямился на стуле, обернулся к Бай Хунъюй и спросил:

— Вы помните, чему вас в университете учили?

— В общем и целом, да, — кивнула девушка.

— Все эти ваши нуклеопоследовательности — промоторные и терминаторные, — с этими словами он сложил руки на груди и снова замолчал.

Ван Хайчэн его слов понять не мог и потому вопросительно глянул на Бай Хунъюй. Та на миг растерялась, но тут же начала изо всех сил вспоминать, что это за термины такие, одновременно перелистывая бумажки с нуклеоданными в руках.

Профессор Ань знал, что Ван Хайчэн ничего не понял. Сейчас в научном мире ремесло от ремесла — как гора от горы далеки, и точно так же, как он сам очень смутно понимал, что такое «излучение черного тела», и сам для себя определил, что это «какой-то радиосигнал вне пределов Земли», для Ван Хайчэна, естественно, темным лесом была молекулярная биология. Подумав, он решил разобраться в собственных мыслях и попутно объяснить их Ван Хайчэну. Не имея большого опыта общения с непрофессионалами, он испытывал определенные трудности в том, чтобы завести рассказ с самого начала.

— Вы же знаете, что такое ДНК?

Ван Хайчэн кивнул, в конце концов, он ведь тоже был ученым XXI века, ему ли не знать про двойную спираль ДНК, которая таит в себе его генетический материал, ей-богу.

— ДНК — это такая структура с двойной спиралью, и генетическую информацию можно рассматривать как записанную в парах оснований ДНК. А молекула ДНК — это такая спиральная длинноцепочечная структура с очень, очень длинной цепью, похожая на огромный непрерывный проектный чертеж. Точно так же, как при строительстве здания, проект нужно разъяснять

по частям. Какой тип стального бруса требуется, какой тип цемента — все необходимо разделить на много-много независимых данных. То же самое относится и к ДНК, которую нужно экспрессировать во множество различных белков, каждый из которых выполняет свою собственную функцию.

— Понял.

— Поскольку основания ДНК непрерывны, они представляют собой длинные цепочки AGCT. Молекула ДНК может содержать множество генов, даже десятки тысяч, и каждый ген — это всего лишь сегмент длинной цепочки ДНК. Тогда возникает очень важный вопрос: как определить, где отправная точка гена и где конечная? Обратите внимание, что процесс перевода молекул ДНК на белок — это вовсе не то, что начинается с первого основания в начале и продолжается до последнего основания в конце.

Видя, что Ван Хайчэн несколько озадачен, Бай Хунъюй поспешила на помощь:

— Это похоже на жесткий диск компьютера. Объемом два терабайта, и весь забит информацией. Но это ни в коем случае не один файл такого объема. Для разбивки системе нужно отметить, где начало и конец данных. Двоичные данные

этой магнитной информации в формате 01 представляют собой один файл. Таким образом, для всех вещей нужен маркер, чтобы множество файлов на жестком диске и каждый фрагмент информации можно было перевести на белок.

— Ну точно! Буду старшекурсникам так объяснять! — Ань Сэньцин хлопнул себя по бедру. — Конечно, в реальности намного сложнее, много разной генетической информации накладывается друг на друга. Но в целом для реализации этой функции на парах оснований ДНК существует много специальных последовательностей оснований, они отмечают положение, с которого может начаться транскрипция и трансляция белков, так вот они и называются промоторами. А еще есть специальные последовательности, которые отмечают конец транскрипции и трансляции, и вот они называются терминаторами. Если их объединить, то транскрибирующая РНК сможет распознавать, с чего начать и где закончить.

Ван Хайчэн наконец понял и был счастлив секунд пять, но затем ему стало немного не по себе. Чем дальше он размышлял об этом, тем ближе к нему подступал необъяснимый страх.

Он отчасти понял, что означали первые слова

профессора Ань Сэньцина после ознакомления с материалами.

Он с некоторым страхом озвучил свое подозрение:

— Мышиный промотор…

— Не мышиный, — покачал головой профессор Ань.

— То есть как? Что… что вы имеете в виду?

— Промотор есть промотор. Это структура последовательности, общая для экспрессии генов всех эукариотов. Будь то нематода, мышь или человек, последовательности промотора и терминатора универсальны.

— Словарь, — тихо произнесла Бай Хунъюй.

Словарь?

Словарь.

Словарь!

Гигантский дамоклов меч, долгое время висевший над его головой, наконец упал. Ван Хайчэн почувствовал, как ему сдавило горло, в душном и влажном воздухе дышать становилось все труднее. Он быстро встал, хватаясь за грудь, лихорадочно сгреб со стола неизвестно для чего предназначенный бумажный пакет, засунул в него нос и рот и принялся усиленно дышать. Полминуты спустя к нему вернулось самообладание.

В криптографии соответствие между зашифрованным текстом и открытым текстом записывается в виде словаря. Первая ценность словаря заключается в сокрытии смысла исходного текста, а вторая — в сжатии объема информации.

Информация об излучении черного тела в 60 К представляла собой не обычные данные, а список файлов. И в них промоторами и терминаторами были отмечены начало и конец файлов. А библиотека файлов, извлеченная из этого списка, исходила из генетических данных жизни на Земле.

Ван Хайчэн пришел в возбуждение. У кресла в конференц-зале, казалось, выросли длинные руки, отчего у него зачесалась каждая клеточка тела. Стены и потолки комнаты качались, словно живые, пытаясь отползти подальше, и маленький конференц-зал мгновенно раскрылся. Ван Хайчэн не стал отвечать на вопросы, просто встал и вышел. Небо в Чжухае было синим, как будто его отмыли, и он, задрав голову, посмотрел ввысь, где с прозрачного небосвода на горизонт лились потоки света, похожего на мед.

Ему казалось, что он видит бесчисленные щупальца, покрытые бесчисленными глазами, которые обвивают планету с расстояния, недо-

ступного человеческому зрению, и пристально наблюдают за ней.

Есть ли на самом деле трансцендентное существо, стоящее над законами природы, которое сперва загружает словарь в гены жизни, а теперь использует его для взлома кода? Какую информацию они в конечном итоге раскроют благодаря этому паролю?

В условиях всеобщего возбуждения работа по расшифровке продолжилась стремительным ходом.

На данный момент проект еще не был официально запущен и не имел названия. Под руководством профессора Ань Сэньцина сотрудники начали добывать данные из нескольких банков генов для сравнения.

Будучи непрофессионалом, Ван Хайчэн только интуитивно понимал чудо жизни на Земле, ну или ее ужас. В новостях часто говорят, что у шимпанзе, панд, собак, дельфинов или любого другого существа более 90 % генов совпадает с человеческими, но факты еще более удивительны. От одноклеточных животных, примитивных нематод и плодовых мух до мышей, шимпанзе и людей, большинство генов жизни на Земле имеют один и тот же набор базовых данных. Между

радикально разными существами на базовом, генетическом уровне различия оказываются смехотворно малы.

Ученые использовали один и тот же набор генетических словарей.

В соответствии с шаблоном, где в качестве маркеров «начало файла» и «конец файла» выступали промотор и терминатор, сотрудники последовательно находили отмеченные данные в генофонде человека, мыши, дрозофилы, нематоды и других, но Ван Хайчэн чувствовал не радость успеха, а все более и более ощутимый страх. Чем более гладко проходила расшифровка, тем больше он беспокоился о конечном результате.

Когда Бай Хунъюй впервые пришла работать под его руководством, он спросил, почему девушка, изучавшая биологию, хочет получить двойную ученую степень, зачем ей становиться еще доктором астрономии. Ван Хайчэн также знал, что, изучая биологию, работу найти нелегко, но обычно все, кто специализировался на чем-то, что было не востребовано на рынке труда, уходили в IT. Станьте программистом или продакт-менеджером, вливайтесь в водоворот научно-технической революции в индустрии информационных технологий. Почему вы хотите

изучать астрофизику? Разве астрофизикам найти работу не сложнее, чем биологам?

Тогда Бай Хунъюй порекомендовала ему фильм «Species», выпущенный в 1995 году, название которого переводилось как «Особь». Речь в нем шла о том, что с 1970 года Соединенные Штаты занимались поиском информации о космической цивилизации в рамках программы по поиску внеземного разума SETI, и в конечном счете получили ее, включая метод создания чужого ДНК. Вслед за этим правительство США создало инопланетную особь женского пола. Конечно, по сценарию фильма инопланетянка сбежала и принялась уничтожать людей. В конце концов ее прикончил мудрый и мужественный главный герой и спас тем самым все человечество от гибели.

Бай Хунъюй тогда пошутила: «Я хочу выучиться, чтобы однажды создать инопланетную жизнь, а затем уничтожить человечество!»

При этом тут же смутилась и приняла чрезвычайно серьезный вид, что показалось Ван Хайчэну очень милым. Он никак не предполагал, что однажды им вдвоем действительно придется следовать сценарию фильма.

Исследовательская группа потратила десять

дней на интенсивную работу, чтобы завершить «сверку словаря», полученного из космоса. Две трети данных для сверки поступило из общедоступных генофондов, одна шестая — из материалов исследований, которые еще не были опубликованы, а откуда взялась еще одна шестая, было неизвестно. Команда проекта не разъяснила, откуда получила данные, и не упомянула, какой ценой. А они сами благоразумно не стали уточнять.

Завершение работ обошлось без торжественных праздничных церемоний. Когда Ван Хайчэн вернулся на рабочее место, то обнаружил там профессора Аня. Его внушительное тело втиснулось в маленькое кресло и уже какое-то время ожидало астронома.

— Как тебя там, позови нашу девочку Сяо Бай, пойдем выпьем.

Зная, что профессору Аню есть что сказать, Ван Хайчэн позвонил Бай Хунъюй. Они втроем попросили отгул и отправились в город на поиски пивной. Ван Хайчэн с удивлением обнаружил, что всего спустя десять дней профессор Ань уже прекрасно знал, где в Чжухае можно вкусно поесть, причем гораздо лучше, чем он сам.

— Научная работа — это вам не званый ужин,

но перед тем, как заниматься ею, нужно научиться угощать гостей, — наставительно сообщил тот. Профессор был намного старше и выше по статусу их обоих, а потому, само собой, принял позу учителя, просвещающего учеников.

Спецавтомобиль провез их через полгорода и остановился возле рыбного порта Сянчжоу. Это был жилой район старого города, где дома стояли невысокие, дороги пересекались крест-накрест, и их ширина не превышала двух полос, а на улицах было полно ресторанов и небольших магазинов.

По пути они ни разу не заговорили о делах, связанных с работой. Машина десять минут колесила по переулкам, пока не нашла место для парковки. Выйдя из салона, профессор Ань повел их обоих в обход и сделал большой крюк, прежде чем осесть в какой-то мелкой забегаловке без вывески. Когда он вошел, хозяин лично вышел ему навстречу.

— Снова пожаловали, да еще и с друзьями! — поприветствовал профессора он.

Профессор заказал два холодных блюда на закуску и бутылку китайской водки. Затем без спроса налил всем троим по рюмке. Бай Хунъюй оторопела и быстро протянула руку, чтобы остановить его, но ничего у нее не вышло.

Только самозабвенно приговорив две стопки, профессор Ань отвлекся от возлияний и посмотрел на Ван Хайчэна и свою бывшую ученицу. Они были в таком возрасте, когда полны сил и сам черт не брат. Особенно эта девочка, которая за работой мурлычет под нос песни, полная энтузиазма к исследованиям. Глядя на них, профессор Ань чувствовал, что по-настоящему стареет.

— Вам страшно? — неожиданно спросил он.

Странный был вопрос. Ван Хайчэн молча опустил голову, а Бай Хунъюй широко распахнула глаза, ничего не поняв.

— Но сперва выпьем!

Профессор Ань поднял рюмку, а Ван Хайчэн и Бай Хунъюй только сейчас с неохотой сделали первый глоток. Профессор Ань выпил залпом. Бай Хунъюй цедила мелкими глоточками, а Ван Хайчэн, последовав примеру старшего, осушил стопку одним махом. Водка была такой острой, что обожгла ему все внутренности, так что он поперхнулся и долго кашлял.

Наблюдая за тем, как от кашля у доцента потекли слезы, профессор захлопал в ладоши и громко расхохотался. Сейчас лицо его уже раскраснелось, и он решил завести разговор.

— Как там того звали? Он еще в Африку ездил,

дикую живность защищать. Пару лет назад вернулся и позвал с ним пообедать, и тогда же мне одну историю рассказал.

— Ван Чаншэн, — вспомнила Бай Хунъюй. Это был один из ее сокурсников, худющий, как обезьяна.

— О, точно. Когда они занимаются защитой зверья в полевых условиях, им часто приходится брать с собой оборудование, они ставят навесы, записывают видео, долго ведут наблюдение. Знаете, как выглядит африканская саванна? Это такая бескрайняя степь, где на пару сотен километров вокруг растет всего парочка больших деревьев. Саванна, травой как саваном укрыта, не зря так назвали. А, вы, должно быть, проходили это все, понимаете. Так вот, в таких условиях определенно невозможно поставить навес и монтировать оборудование в траве. Вообще говоря, цикл наблюдений — это по меньшей мере десять дней, а то и полмесяца. Трава в этом месте может вырасти в человеческий рост, из-за нее ничего не видно, она также влияет на местную дикую природу, и это очень, очень опасно. Поэтому они хотели организовать наблюдательную станцию с видеомагнитофонами на дереве, так гораздо удобнее.

Глаза профессора Аня сверкали во время рассказа. Никто не знал, к чему все идет, но слушали молча и внимательно.

— У них была целая куча камер, инфракрасных тепловизоров, дистанционных зондов и навигаторов, а приборы-то все не легкие. Но палатки в дикой африканской природе и ставить опасно, и найти легко, тот еще геморрой. Знаете же, какие деревья растут в Африке, верно? Есть такая акация или что-то вроде, огромная и мощная. Ветви большие, могут выдержать большой вес, с них хороший обзор и там безопасно, все прямо идеально. Проблема в том, что — сами подумайте — ветви находятся по крайней мере в десяти метрах от земли, а это высота третьего-четвертого этажа. Вот и проблема — как поднять наверх такую кучу оборудования? В дикой Африке глядишь вдал0 — и на тысячи километров пространство от горизонта до горизонта, и до полевого наблюдательного пункта приходится добираться на внедорожнике. Там не то что из города — из ближайшей деревеньки и то день-два уйдет. И там не то что у нас, кран не так-то просто достать. Про вертолеты можно сразу забыть. Эх, я, конечно, не уверен, но наверняка же на проект дали мало денег, не на что было кран арендовать. Так вот,

подумайте, как можно безопасно поднять кучу оборудования в место на высоте третьего или четвертого этажа?

Профессор Ань сделал еще глоток и продолжил, будто разговаривал сам с собой:

— Абсолютно невозможно, чтобы кто-то залез на дерево с железками. Вы ж, поди, не видели его, там одна коробка весит десятки килограммов. Его можно только подвесить на веревку, поднять наверх, а затем взять шкив или что-то в этом роде. Вы можете транспортировать вещи с помощью простых механизмов, верно?

Ван Хайчэн кивнул.

— Вопрос в том, как поднять веревку наверх? Все веревки, способные выдержать вес оборудования, очень толстые и прочные. Чтобы иметь возможность поднимать десятки или сотни килограммов и при этом обеспечить бесперебойность процесса, нужна качественная веревка из пеньки, а значит, ее диаметр должен составлять примерно три-четыре сантиметра.

Профессор Ань схватил с тарелки креветку, потряс ею перед слушателями, демонстрируя толщину, а затем отправил в рот.

— Такую толстую веревку никак нельзя забросить так высоко. Так как же это сделать?

— Обвязать веревку вокруг пояса и взобраться на дерево. Просто же! — ответила Бай Хунъюй.

— Ну, как его там, Ван… Ван Чаншэн говорил, что сначала они тоже так думали. Но не вышло. Возможно, все забыли, что веревка имеет определенный вес. Если к человеку привязать веревку такой толщины, он не почувствует ее, когда только начнет карабкаться наверх. Но когда вы поднимете десять с лишним метров, а то и все двадцать, просто представьте: веревка вытягивается за вами с земли на такую большую высоту, и вес этих метров висит только на вас… Вот тогда он будет ужасен. Ужасен, потому что вся эта пенька затянется вокруг вашей плоти, обвивая за пояс… — Профессор Ань покачал головой.

— Как же быть? — Эта простая история оказалась неожиданно интересной, и Ван Хайчэн действительно какое-то время не видел решения задачи.

— На самом деле очень просто — пусть кто-нибудь привяжет веревку и залезет на дерево, — засмеялся профессор.

— Вы же сами сказали, что веревка слишком тяжелая! — воскликнула пораженная Бай Хунъюй.

— Да, пеньковая веревка, на которой можно поднять оборудование, и правда очень толстая

и тяжелая, а сил у людей не так уж и много, — лукаво улыбнулся профессор Ань. — Но почему нужно обвязываться такой толстой веревкой, когда лезешь наверх? Вы сперва берете веревку диаметром полсантиметра и длиной двадцать метров. Как думаете, можно залезть наверх, обвязавшись такой? Когда взбираетесь наверх, конец веревки все еще волочится по земле, верно? Пятимиллиметровая пеньковая веревка не может тянуть сотни килограммов оборудования, но она может тянуть другую веревку, так? Вы привязываете веревку диаметром один сантиметр и длиной двадцать метров к хвосту пятимиллиметровой веревки. Подтянув сантиметровую, привязываете к ее хвосту веревку толщиной в четыре сантиметра и…

В этот момент до обоих дошло.

— А и правда, хороший способ! Вот уж не ожидал!

— И вот так вы получаете инструмент, который годится для подъема оборудования.

Рассказав историю, профессор налил себе рюмку и выпил. Хотя история и была интересной, Ван Хайчэн не понял, к чему Ань Сэньцин ее рассказал. Но было очевидно, что они выбрались в город не для того, чтобы выпить и за хмельным

столом поболтать на занимательные темы.

После того как профессор осушил стопку, улыбка на его лице постепенно погасла, а затем лицо стало серьезным.

— Не кажется ли вам, что это звучит немного знакомо?

Ван Хайчэн поначалу не реагировал, но теперь, когда ему напомнили, смог увязать это с проделанной работой, и внезапно на него снизошло озарение.

Хотя излучение черного тела температурой 60 К продолжалось длительное время, в нем содержалось очень мало данных. Сообщение постоянно повторялось, словно для того, чтобы получатель ничего не упустил и получил его целиком. Невозможно, чтобы такой короткий код содержал много ценной информации. На естественном языке он мог быть эквивалентен фразе вроде «Привет, как дела?».

Все дело в том, что он был всего лишь индексом, благодаря которому несколько килобайт данных расширились в более сложную генетическую конструкцию, подобно тому, как тонкая нить вытягивает веревку средней толщины.

Информация о генах — это не конец. Раз уж речь зашла о них, следующим шагом будет пе-

ревод и экспрессия белков, этим «элементарным знанием» Бай Хунъюй поделилась с Ван Хайчэном пару дней назад. Когда ген экспрессируется, он превращает белок в нечто более сложное, так же, как веревка средней толщины вытягивает толстый канат.

Но сложный продукт комбинации белков, вероятно, тоже еще не конец. Что вытянет канат? Камеры для охраны дикой природы? Снайперскую винтовку против браконьеров? Пластины из армированного пластика, с помощью которых аборигены строят дома на деревьях?

Чем закончится этот слой взаимосвязанных и все более сложных последовательностей? Люди получили схему создания инопланетной жизни? Как в «Особи»?

— Вы слишком много думаете, — улыбнулась Бай Хунъюй, увидев, что оба ученых молчат. — Не знаю, что происходит, но почему-то вы двое похожи на цинских крестьян, которые увидели рельсы и тут же решили, что у их родовых гробниц испортился фэншуй. Мы же еще ничего не видели, чего вы боитесь? Вам не кажется, что это очень тонко и красиво? Словно заходишь в комнату, маленькую и узкую, всего два квадратных метра, в ней экран и клавиатура, а ты один, за-

перт внутри. Но ты вскоре понимаешь, что экран реагирует на нажатие клавиатуры, она, в свою очередь, подключена к главному компьютеру, а тот подключен ко всему миру через сеть. И вот ты думал, что заперт в комнате, где невозможно дышать, но на самом деле оказался связан со знаниями и секретами всей Земли, которые только и ждут, чтобы ты их раскрыл!

Возможно, Бай Хунъюй малость перепила, потому как лицо ее раскраснелось, а руки и ноги стали выписывать странные па.

— Мы можем ниспровергнуть все известные базовые теории в биологии и астрономии. Это же такой восторг, разве вы не чувствуете? — взволнованно продолжала она, все больше возбуждаясь. — Разве это не то, к чему все ученые стремятся всю свою жизнь? Я не понимаю, почему вы беспокоитесь!

Профессор Ань пристально посмотрел ей в глаза, через некоторое время опустил взгляд и вздохнул:

— Потому что я стар. Чего я боюсь, так это того, что́ в конце концов вытянет веревка.

Профессор Ань наполнил рюмку, а затем вы-

пил, запрокинув голову. Ароматный «Лаймао»[49], который встал Ван Хайчэну поперек горла, для него был словно вода.

— На самом деле нет. Я не этого больше всего боюсь. Больше всего я боюсь, что в будущем мое имя выгравируют в анналах истории, куда я войду как «тот, кто дернул веревку вверх». Понимаете, что я имею в виду?

Ван Хайчэн и Бай Хунъюй переглянулись.

— Так что вы двое, пока молоды, можете позволить себе жить беззаботно.

Профессор Ань на какое-то время задумался, а затем внезапно сменил тему:

— С тех самых пор, как началась проверка этих кодов, я все думал, что можно в итоге собрать из такой последовательности генов. Когда я впервые проводил эту проверку, я думал, что, скорее всего, мы не найдем по указанным маркерам всю генетическую информацию, потому что на самом деле биологический геном, который мы секвенировали, охватывает только очень, очень малую часть геномов Земли. А если мы не знаем данных, содержащихся в этом космическом пароле, мы не сможем его расшифровать. И это очень хорошо.

---

[49] Сноски: 49
Разновидность водки «Маотай».

И тут внезапно мы нашли нужные гены для всех кодов. Сперва я подумал, что это совпадение, но позже выяснилось, что я был неправ. Все гены, о которых я говорил, оказались наименее подвержены мутации и входили в наиболее часто повторяющиеся сегменты в генетическом коде. Я не верю ни в богов, ни в будд, но это заставило меня задуматься, существует ли инопланетное влияние, которое выходит за пределы человеческого существования, и, возможно, создало систему земной жизни? Возьмем нейтральное имя — не бог или бессмертный… пусть будет трансцендентная сущность, Supreme Being[50]. Для того, чтобы мы могли расшифровать этот код и тянуть веревку вверх, Supreme Being спроектировало самые стабильные и универсальные гены на самых ранних стадиях эволюции жизни и ждало, когда их можно будет использовать. После миллиардов лет естественной эволюции эти гены остались стабильными, не исчезли, не мутировали настолько, чтобы их нельзя было прочитать.

Профессор Ань говорил будничным тоном, но у Ван Хайчэна от его слов волосы встали дыбом.

---

[50] Сноски: 50
Высшая сущность (*англ.*).

Конечно, он задавался этим вопросом, но то была скорее философская фантазия, а не технический откат, как у профессора Аня.

Может быть, у всего сущего действительно был Творец, завершивший замысел на заре жизни миллиарды лет назад?

— Итак, хотя я и не знаю, что это за послание, — в конце концов, у меня просто есть куча генетических кодов для экспрессии белков, — но если оно представляет какие-то идеально спроектированные формы жизни, я ничуть не удивлюсь. По крайней мере, удивлюсь не больше, чем когда их вообще нашел.

Увидев несколько окаменевшее выражение лица Ван Хайчэна, профессор Ань кивнул:

— Да, я думаю, что коды в конечном итоге будут экспрессированы в полноценную форму жизни, а не просто в кучу неупорядоченных белков. Смотрю, вы очень напуганы. Но я полагаю, что наша девочка Сяо Бай уже думала об этом давным-давно, верно?

Он не ошибся. Ван Хайчэн, конечно, был очень напуган. Казалось, он поднял занавес над прелюдией к чудовищному плану, который охватывал миллионы веков и тысячи световых лет, при этом понятия не имел, что происходит за кулисами и

что должно произойти по ходу действия.

— Значит, то, чего боитесь вы, сильно отличается от того, чего боюсь я. Я не боюсь этих вещей, — Ань Сэньцин отодвинул стакан. — Знаете, чем я занимаюсь? Исследую модельных мышей, секвенирую гены. Но раньше нет, раньше я занимался генной инженерией, а если точнее, генетической модификацией.

— Да? — удивился Ван Хайчэн. На протяжении многих лет ГМО бесконечно вызывали споры, и, не будучи специалистом, он не знал, что сказать.

— Раньше, когда люди не знали, что такое генетическая модификация, мы рассказывали о нашей работе и всегда говорили, что это похоже на гибридный рис, прививку и прочее, что все это должно изменить биологические признаки, и так мы получим растительные и животные продукты с улучшенной генетикой. В то время в обществе еще не было споров, не говоря уже о протестах. Все думали, что мы как Юань Лунпин[51] или что-то в этом духе, и что наше дело пойдет на благо людям. Очень интересно. Позже, лет через десять лет, концепцию ГМО внезапно

[51] Сноски: 51

Юань Лунпин — китайский агроном. Известен работами по созданию высокоурожайных генетически модифицированных гибридов риса в 1970-х годах.

раскрутили. А еще через несколько лет на нее внезапно спустили всех собак… Меня впечатлил один случай. Восемь лет назад вел я одного аспиранта. После зимних каникул, на второй год обучения, он внезапно решил все бросить. Я спросил его: «Ты же прекрасно учился, почему? Разве темы даются тебе не легко?» Он тогда поколебался малость, потом снял рубашку, а под ней оказался весь сине-фиолетовый. Я спросил, что это за дичь, а он сказал, что происходит родом из одного клана в западной Хунани. И когда отмечали Новый год, брат деда по старшей линии спросил его, что он изучает, и он с почтением ответил, что генную модификацию. Тогда на глазах у всей семьи этот старый хрен взял палку и набросился на него с побоями. При этом обзывал его прихвостнем американского империализма, который мечтает оставить китайскую нацию без потомства. Его кое-как угомонили, но дед захотел написать бумагу, чтобы исключить его из рода. Ничего не поделаешь, пришлось ему совещаться с семьей, которая и подсказала идею бросить учебу. В конце концов, я помог ему сменить направление и нашел нового наставника. Позже стало еще хуже, — с этими словами профессор Ань достал мобильный телефон и показал Ван

Хайчэну специально сохраненное текстовое сообщение.

«Сукин сын, взял американские деньги, чтобы погубить китайское семя, я как-нибудь позабочусь о том, чтобы ты сам остался без потомства. Я знаю твой домашний адрес и школу, в которую ходит твой сын, погоди у меня».

— Но… — Ван Хайчэн был потрясен, ведь это была личная угроза.

— Я попросил друга проверить личность отправителя, а затем отправил ему список ГМО-продуктов в нашей стране, чтобы он мог их избегать.

— Как? И вы еще помогли ему? — не понял Ван Хайчэн.

Ань Сэнцинь улыбнулся чуть смущенно, но больше хитро.

— Это не помощь, — вмешалась Бай Хунъюй. — Он бы не смог избежать всего.

Профессор Ань покачал головой:

— И тоже нет, я же искренне предупредил, и он правда мог избежать всех продуктов в списке. Позже я узнал, что этот мужчина не давал жене покупать все, что могло быть генетически модифицировано, даже папайю и огурцы, но не зарабатывал на то, чтобы ежедневно покупать продукты без ГМО. В итоге жена с ним развелась.

Ни профессор Ань, ни Бай Хунъюй не выказывали радости, а лишь горько улыбались.

— Я вам столько разного наговорил, старый зануда, а на самом деле имел в виду вот что: генная модификация — это нормально, и нынешняя штука — это тоже нормально. На самом деле, это, один черт, просто веревка. Она существует, и кто-нибудь обязательно потянет за нее. Если не я, то кто-то другой. Веревка будет становиться все толще и толще, и вытягивать вы будете все более важные вещи. И чем больше вытащите, тем больше людей будут бояться и ненавидеть вас. Позже я понял, что люди совсем не изменились. Все, что появилось, когда нам было меньше десяти лет, мы считаем непреложным историческим памятником. От десяти до двадцати лет — великими изобретениями, которые изменят историю человечества. А то, что появились после двадцати, — реакционным, ужасным и античеловечным. Люди боятся всего нового, что видят во взрослой жизни. Более ста лет назад люди боялись камер, потому что камеры «похищали их души», они боялись железных дорог, потому что те разрушали гармонию фэншуй, а теперь боятся химии, ГМО и сигналов Wi-Fi. — Профессор Ань взглянул на Бай Хунъюй. — Ровно то, что

вы сказали. Люди на самом деле нисколько не продвинулись в развитии, поэтому гибридизация — это хорошо, прививка — хорошо, радиационная селекция — хорошо, а генная модификация — плохо. Не потому, что они разбираются в гибридизации, прививках и радиационной селекции, а потому, что слышали эти названия до окончания средней школы. Мы так же глупы, предвзяты и невежественны, как и сотни лет назад.

Профессор был так взволнован, когда произнес слова «генная модификация», что несколько человек за соседним столиком даже обернулись, чтобы посмотреть на него. Ван Хайчэн немного забеспокоился, не найдется ли среди них экстремист, который захочет немедленно «позаботиться о том, чтобы он сам сперва остался без потомства». К счастью, сравнив телосложение окружающих его людей и профессора Аня, чья боевая мощь составляла килограммов эдак сотню, скорее сталось бы, что окружающие не рискнут подойти и поднять шум.

Тревога была мимолетной, зато Ван Хайчэн понял одну вещь.

Профессор Ань вновь потряс телефоном:

— У меня жена и дети, мне есть о чем беспокоиться.

Его лицо раскраснелось, и алкоголь наконец возымел некоторый эффект, внушив профессору чувство гордости за собственные подвиги.

— Я ж, вообще-то, добрый монгольский молодец, никого не боюсь, ни в бога, ни в черта не верю, и плевал я на этого гребаного инопланетного творца, не нужно бояться, я буду действовать, не буду тварью дрожащей! Эх, проблема в том, что вот так вытягиваешь веревку все толще и толще, и не знаешь, как вообще сделали этот набор веревок… — Он сделал паузу и перешел на английский: — Supreme Being. Что оно, черт возьми, привязало к концу веревки? На самом деле, я не беспокоюсь об этом. Но я знаю, что это то, чего больше всего боитесь вы.

В этом месте он посмотрел на Ван Хайчэна. За многие годы работы профессор изучал бесчисленное количество людей, будь то маргиналы из низших классов или интеллектуалы, и потому мог прочитать любого с первого взгляда.

— Чего я больше всего боюсь, так это того, что, чем бы это ни оказалось, когда его вытащат, мир перевернется вверх дном. Они только сперва привяжут самую тонкую веревку, и причина одна… — Чудесное сияние, исходившее от профессора, заметно охладело. — Вот почему Supreme

Being не могло поднять вещи, которые нужно было вытянуть с помощью каната, с самого начала. И поэтому, когда человек начнет сматывать трос и в конце концов вытянет то, что привязано к канату, не будет иметь значения, что произойдет. Люди не вспомнят о трансцендентном существе, потому что ничего не смогут с ним поделать. Они припишут все радикальные перемены одному человеку. Если мир будет думать обо мне как о том, кто тянет за веревку, что люди сделают со мной? Что сделают с моей семьей?

Профессор Ань Сэньцин тяжело вздохнул, сопровождая выдох мощнейшими спиртовыми парами:

— Когда канат будет готов, кто-нибудь обязательно потянет за него. История всегда одинакова. Ведь есть же известная присказка…

— Просто потому, что он есть, — хором произнесли все трое.

Они переглянулись, засмеялись. Все трое немного перебрали.

— Вы боитесь необъяснимого звездного неба над головой, а я боюсь земли под ногами. Она похожа на разбитый шар, и если идти до конца в одном направлении, то вернешься к гребаной исходной точке. Кто-то обязательно потянет за

канат, но этим человеком я быть не могу, — профессор Ань хлопнул одной рукой по плечу Бай Хунъюй и воскликнул: — Среди нас только ты, девочка, настоящий мужик и воин!

Вечером туман в Чжухае расплескался, как прилив. Поднимая голову, никто не мог сказать, серая мгла или облака отсекают все, что выше десяти метров. Как и сказать, что еще скрывалось там, за густой дымкой, ожидая, когда они выйдут из забегаловки на улицу.

Глава пятнадцатая

Профессор Ань Сэньцин подал заявление в тот же вечер. После множества сложных бесед, проверок и процедур снятия секретности он на второй неделе наконец покинул Чжухай и вернулся в Нанкин.

Перевод исходной информации из 60 К-излучения был завершен, и теперь ее объем увеличился в тысячи раз, превратившись в генетические данные. В рабочей тетради профессор Ань написал: «Хотя это полностью противоречит структурным характеристикам ДНК существующей жизни на Земле, я думаю, что эту информацию следует экспрессировать как генетическую информацию жизни». Это был официально напечатанный текст, но рядом небольшая строчка, написанная от руки: «Возможно, нам придется столкнуться с тем, что определило законы земной жизни».

Согласно вердикту профессора Аня, генетическую информацию следовало культивировать в виде целостной генетической структуры ДНК самостоятельной жизни. Всего за полдня план был одобрен комитетом по науке и технике с главным

во главе. Получить одобрение на таком уровне в такие сроки было совершенно немыслимо.

Одновременно с уходом профессора Аня был официально запущен проект расшифровки генов, и вместе с тем детализированы его нужды. Комитет по науке и технике взял на себя инициативу по набору лучших научных работников страны, и в то время у проекта не было даже кодового названия. Когда о нем спросили Ван Хайчэна, у того не нашлось никаких идей, зато вперед выскочила Бай Хунъюй и воскликнула:

— Звезды! Наш поход, наша судьба, наша гавань. Как насчет проекта «Звезды»? Давайте так назовем?

Ван Хайчэн посчитал идею достойной, ведь источником сигнала было облако Дайсона, обнаруженное среди далеких звезд.

Вот так и был официально запущен проект «Звезды».

Постепенно Ван Хайчэн перешел от роли ведущего лидера к наблюдателю, точнее, вернулся на место, где должен был находиться. В процессе смены должностей он особенно восхищался Чжао Канем, инфотехником, который скромно отдавал все силы работе, оказывал всем посильную IT-поддержку и никогда не кичился сделанным им

великим открытием, как будто это был какой-то пустяк.

Ван Хайчэн понял, что, по сути, мало чем отличается от Чжао Каня, ведь он тоже нашел все эти штуки по чистой случайности. Он был обычным дилетантом и в криптографии, и в теории информации, и в биотехнологиях. Корреляционные исследования в теоретической астрономии и физике в рамках данного проекта все больше и больше отходили на второй план, все больше напоминали задачу из инженерной области, а не теоретические исследования. Источником сообщения стали фоновые знания астрофизики, которые теперь переплавились в дамоклов меч, зависший над головой.

И относительно того, как с ним обращаться, у Бай Хунъюй и Ван Хайчэна вскоре возникли серьезные разногласия. Бай Хунъюй не могла понять страха Ван Хайчэна, а Ван Хайчэн не мог понять фанатизма Бай Хунъюй. Возможно, из-за того, что в реальной работе по проекту им осталось не так много места для участия, — но в любом случае споры между ними становились все ожесточеннее.

— Такое чувство, что мы вчера вместе делали Национальную революцию, а сегодня выяс-

няется, что ты вступила в Гоминьдан, а я — в Коммунистическую партию, — сказал однажды Ван Хайчэн ученице.

— Учитель, вы как-то одряхлели раньше, чем состарились! — улыбнулась ему Бай Хунъюй. — Боитесь всего на свете, а ведь вы даже не профессор Ань, у вас нет ни жены, ни детей, — слова вырвались сами собой, и она тут же поняла, что опять сморозила глупость.

Да, ни жены, ни детей, ни дома — ничего у него не было, и это его терзало.

Ему было вопиюще невыносимо бездельничать посреди кипящей работы, и потому волей-неволей пришлось решать проблему, которую он всеми силами избегал: геморрой с чертовой квартирой.

Он уже нашел адвоката для судебных разбирательств по недвижимости, но до сих пор неоднократно откладывал встречу под предлогом, что слишком занят и времени на нее нет. Адвокат несколько раз уговаривала его и даже, не выдержав, сказала:

— Разве это мне нужно? Квартира-то ваша!

И тогда ему пришлось вновь отправиться в фирму на встречу с юристом.

Фамилия адвоката была Ма, и она была уро-

женкой Чжухая с типичным кантонским лицом, невысокая и худощавая, на вид проницательная, из тех, с кем шутки плохи, в общем, выглядела похожей на внесудебного экономического юриста. Адвокат Ма уже досконально изучила предоставленную информацию, за годы работы у нее накопилось немало подобных дел, настолько, что они практически стали ее специализацией. На самом деле, более десяти лет назад она и подумать не могла, что будет специализироваться на судебных разбирательствах по недвижимости, особенно с учетом того, что раньше Чжухай был самым чистым и беспроблемным городом в Гуандуне — рынок недвижимости там был стабильным, и цены не росли. Но с тех пор, как Хэнцинь превратился из отдаленной рыбацкой деревушки в анклав Макао, а потом достроили и открыли для движения мост Чжухай — Гонконг — Макао, Чжухай внезапно превратился из не слишком успешной особой экономической зоны в задний двор, примыкающий к Шэньчжэню, Гонконгу и Макао, и цены на жилье всего за ночь взлетели в несколько раз. Вместе с ними многократно увеличилось и количество судебных тяжб, а адвокат Ма стала звездой на этом поприще.

В споры по вопросам недвижимости с обеих

сторон бывала вовлечена самая разношерстная публика — на первый взгляд честнейшие местные крестьяне, которые трижды перепродают ипотечные кредиты, владельцы обанкротившегося бизнеса, внезапно разбогатевшие после переезда фабрики, щеголи при всем параде, которые нанимают водителей и круглый год колесят повсюду, живя на перекладывании субаренды. Мало-помалу адвокат Ма набила руку и научилась выяснять детали дела и ожидания сторон спора всего за десять минут.

После всего лишь одной встречи с Ван Хайчэном она поняла, что с этим клиентом работать будет нелегко. Он мало рассказывал, иногда что-то мямлил, как будто растерял остатки смелости, и стеснялся говорить то, что думает. Есть два типа таких людей. У первых нет своего мнения, и они прислушиваются к вашему; вторые, наоборот, уже давно приняли решение, и что бы вы ни сказали, они будут кивать и хвалить вас за наличие «здравого смысла», но стоит клиенту отвернуться, он напрочь забудет все ваши слова.

Второй тип клиентов самый страшный. Ведь самое неприятное в хозяйственных спорах — даже не сами споры, а то, что клиенты не расплачивались как положено.

Когда она увидела Ван Хайчэна во второй раз, молодой доцент показался ей еще более изможденным, чем раньше. После дежурных приветствий он сразу же упал в кресло. На стойке регистрации ему предложили чашку кофе, и он осушил ее одним глотком.

— Вы выглядите очень усталым, — улыбнулась адвокат Ма. — В прошлый раз вы торопились в университет и мы с вами не закончили, так что я должна кое-что уточнить. Я говорила вам, что вероятность выиграть это дело очень высока.

— Угу.

— И вы все еще собираетесь подать в суд и потребовать от продавца совершить сделку в соответствии с договором, верно?

— Да, и вы вроде как говорили, что вероятность выиграть дело очень высока? Я помню, вы упоминали, что недавно вели такие случаи в Шэньчжэне и Шанхае, и дела в основном выигрывали.

— Да, это так. Но мы не до конца прояснили этот момент.

Лицо Ван Хайчэна вытянулось, но он по-прежнему вежливо сказал:

— Ну, проясните.

— Я лучше начну с самого начала. Юридически

это нарушение договора, и оно незаконно. Есть три способа уладить такой спор. Первый способ — покупатель, то есть вы, принимает факт нарушения договора, меняет условия договора и продолжает его исполнять. То есть добавляет или частично добавляет денег.

Ван Хайчэн только головой покачал:

— Абсолютно исключено.

В отличие от других клиентов, которые в этот момент вываливали все старые обиды, претензии и ненависть, как сухие бобы из корзинки, этот произнес всего два слова, и ничего больше. Это усилило предыдущее впечатление адвоката Ма.

Если человек готов проявить инициативу, чтобы объяснить причину своего выбора, тогда можно узнать о нем побольше, понять ход его мыслей, а затем найти решение с другой стороны, использовать другие методы для удовлетворения его требований. Но если он просто говорит «нет», это путает все карты. Адвокату Ма оставалось лишь оставить этот план и продолжить:

— Второе — остановить потери, расторгнуть договор и, если возможно, привлечь другую сторону к ответственности за нарушение условий договора. Но квартиру вы в итоге не купите. Думаю, такой вариант вы тоже не одобрите.

— Разумеется. Если не куплю эту, придется же другую искать. Давайте не будем говорить о том, есть ли подходящая квартира, при текущей цене на недвижимость мне придется выложить за новую гораздо больше, чем добавлять за эту.

Адвокат Ма понимающе кивнула.

— Тогда остается третий способ — стоять на своем, подавать в суд и требовать постановления о продолжении исполнения договора.

— Угу.

Несмотря на такую краткость, на лице Ван Хайчэна появилось красноречивое и несколько раздраженное выражение «Мы же с этого и начинали».

— Прежде чем говорить об иске, нам нужно достичь согласия. В смысле что наша цель — свести к минимуму ваши потери, а не выместить вашу злость, «требовать объяснений» или «добиваться справедливости», верно?

Ван Хайчэн, очевидно, на мгновение растерялся, но промолчал и наконец кивнул:

— Угу.

— Тогда давайте посчитаем стоимость различных схем, включая судебное разбирательство.

«Включая судебное разбирательство» означало, что существовали и другие схемы, кроме судеб-

ных. Всего в одной фразе адвокат Ма перешла с «нужно подать в суд» к «рассмотреть возможность судебного разбирательства».

— Стоимость включает в себя три аспекта: материальный, временной и форс-мажорный, то есть влияние непредвиденных обстоятельств, которые могут возникнуть в будущем. Давайте сперва поговорим о суде. Здесь есть четыре вида материальных издержек, которые нужно будет оплатить в первую очередь. Первое — судебный сбор. Сначала его оплачивает истец, а затем компенсирует проигравшая сторона. Конкретная сумма определяется государством пропорционально сумме предмета иска: чем больше сумма предмета иска, тем меньше пропорция. Под суммой предмета иска можете понимать цену квартиры, — объяснила она. — По нашей квартире будет один процент. Всего один процент.

Один процент, то есть десять с лишним тысяч, чуть меньше двадцати.

— Конечно, вам не нужно платить, если вы выиграете суд. Но мы, юристы, не мошенники, я могу сказать только, что вероятность выиграть высока, но не могу сказать, что эти деньги будет выплачивать другая сторона. Это нужно разъяснить в первую очередь. Вторая — это гонорар

адвоката. Гонорар за судебный процесс, конечно же, отличается от гонорара за внесудебные консультации. Мои услуги в суде стоят около пятидесяти тысяч, внесудебные — около восьми. Это ваши обязательные расходы, независимо от того, выигран судебный процесс или проигран.

Семьдесят тысяч.

— И то, и другое вы, думаю, и сами понимаете. Но, возможно, вы не знаете следующего: третья часть издержек называется пошлиной за заявление об обеспечении иска. Поскольку вы ведете судебный процесс по недвижимости, необходимо обеспечить, чтобы квартиру не продали, не передали или не подарили третьим лицам, пока длится разбирательство. Короче говоря, чтобы квартира не перестала принадлежать ему. В противном случае, выиграете вы или проиграете, не будет иметь никакого значения. Поэтому вы должны обратиться в суд, чтобы арестовать квартиру. Сумма составит от пяти до восьми тысяч, и вы должны будете ее выплатить, как только подадите иск.

Почти восемьдесят тысяч.

— Четвертый пункт — это взнос за гарантию сохранности. Эх, это довольно хлопотно. Проще говоря, дело в том, что плата за заявление об

обеспечении иска, пункт третий, невелика. Да, по сравнению со стоимостью арестованных активов — невелика, меньше процента. Поэтому в законе прописано, что при подаче заявления об обеспечении иска заявитель должен предоставить залог, равный определенному проценту от цены арестованного имущества. Раньше было хуже, он рассчитывался на стопроцентной основе, то есть при ходатайстве о наложении ареста на имущество стоимостью полутора миллионов вы должны были бы предоставить в суд точно такую же сумму в качестве залога.

Глаза Ван Хайчэна расширились, и он на какое-то время потерял дар речи.

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь. Я же сказала, что так было раньше. Теперь суд может принять компанию-гарант или гарантийное письмо, предоставленное страховой компанией. Гарантийные компании на этом бизнес сделали. Стоимость составляет от одного до полутора процентов от суммы гарантии. То есть, если вы не можете предоставить полтора миллиона в залоговое обеспечение имущества, вам нужно обратиться в гарантийную компанию для выдачи гарантийного письма, которое стоит от пятнадцати до двадцати двух тысяч.

Сто тысяч.

Адвокат Ма видела, что Ван Хайчэн немного ошеломлен. Действительно, разве мог нормальный человек представить, что стоимость судебного иска сама окажется такой высокой даже в случае, когда у него есть обоснованные и неопровержимые доказательства? Даже если бы суд вынес решение в его пользу за считанные минуты, он потерял бы целых сто тысяч юаней. Возможно ли накопить сто тысяч в год на зарплату доцента?

А другая сторона, не выполнившая обязательства, не платит ничего.

На заре работы по спорам с недвижимостью адвокат Ма чувствовала себя неловко из-за подобных вещей. Каждый раз, когда доходило до объяснений, некоторые люди приходили в ярость, другие обмирали от испуга, а у третьих случались нервный срыв и истерика. Ван Хайчэн был совсем не плох, молодцом держался.

— Есть еще кое-какая неразбериха, но не будем об этом. Эти четыре части — самые важные денежные затраты. Повторяю, это стоимость судебного разбирательства, а не цена победы. Если вы проиграете, эти деньги все равно придется выплатить. Теперь, когда мы обсудили расходы,

давайте поговорим о времени. Вообще говоря, срок для такого рода судебных разбирательств в первой инстанции составляет три месяца, а срок для второй инстанции — еще три месяца. Другими словами, в лучшем случае вы должны быть готовы к трем месяцам, а в худшем — к полугоду. В другом деле время, возможно, было бы не так важно, но вы наверняка лучше меня разбираетесь в недвижимости. Сейчас цены в Чжухае постоянно меняются. Если поменяется цена на квартиру в нашем иске, поменяется и стоимость самого иска, и это все равно что на американских горках кататься, возможны самые разные переменные. С другой стороны, если по каким-то причинам вы не сможете получить эту квартиру…

Адвокат Ма замолчала, и Ван Хайчэн все понял.

— Это подводит нас к последнему пункту: сможете ли вы получить квартиру, если выиграете дело.

— А? — Если все ранее просто сказанное бросило вызов его запасу прочности, то сейчас Ван Хайчэн был по-настоящему потрясен.

— Да. Решение суда — это всего лишь решение, а еще есть проблема исполнения. Неприятно это

говорить, но решение будет трудно исполнить. Больше двадцати лет приходится это говорить, но дела обстоят именно так. Если ответчик не будет сотрудничать, тогда вам придется подождать, а потом подавать заявление о принудительном исполнении. А оно включает в себя множество вопросов, таких как…

Адвокат Ма видела, что вот так, шаг за шагом, решительность настроенного на иск Ван Хайчэна свелась на нет.

— Что вы предлагаете?

— Я только что перечислила стоимость судебного процесса, которая будет больше ста тысяч, плюс форс-мажоры судебного решения и исполнения… Поэтому мы должны прийти к консенсусу, что, если общая стоимость других методов может быть ниже этой, мы должны выбрать что-то другое. Если же получится больше, конечно, мы выберем судебный процесс. По этому поводу у вас есть какие-нибудь вопросы?

— Нет.

— Решение и исполнение мы контролировать не можем, но можем заложить в них свою цену. Пусть даже будет десять тысяч. Добавьте временные затраты, и тогда на ситуацию можно посмотреть так: если мы сможем договориться с

ответчиком, если сделка будет завершена в пределах ста тридцати тысяч, то этот план намного лучше, чем судебный процесс.

Оставался всего один шаг до того, чтобы убедить Ван Хайчэна начать переговоры. Всю последовательность она уже четко изложила. Адвокат Ма лучше разбиралась во внесудебных делах, но она не стала бы обманывать клиента, чтобы бессовестно действовать по своему усмотрению. Ее искусство требовало мастерства, и она овладела им в совершенстве.

— Если вы считаете, что здесь есть какая-то проблема, мы можем обсудить ее еще раз, но я надеюсь гарантировать соблюдение наших принципов урегулирования. То есть, ориентируясь на стоимость судебного разрешения, найти наилучший и наименее затратный способ решения нашей проблемы. Например, внесудебные переговоры…

— Подождите, — крикнул Ван Хайчэн, — то есть, если я правильно понимаю, даже если покупатель и продавец подписали договор купли-продажи квартиры с очевидной юридической силой, стоит только цене повыситься более чем на десять процентов, самой выигрышной стратегией для продавца будет попросить деся-

типроцентную надбавку под угрозой разрыва договора? — он выпрямился, подавляя гнев, полыхавший в глазах.

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду? — спросила адвокат Ма.

— Согласно нашему алгоритму, даже если мы гарантированно выиграем дело, покупателю придется оплатить судебные издержки в размере десяти процентов от стоимости квартиры. В дополнение к огромным затратам времени и сил, есть еще проблема исполнения, которую мы не посчитали. Другими словами, исходя из этой ситуации, будь я продавцом, то независимо от подписания договора, если до передачи квартиры цена на нее повысится больше чем на десять процентов, моей лучшей стратегией будет просить о повышении цены на те же десять процентов. Потому что, если вы не согласитесь, то определенно заплатите еще больше, чем я просил. При этом стоимость моей просьбы равна нулю. В худшем случае после того, как вы заплатите эти десять процентов в качестве судебных издержек, я проиграю дело и продам вам квартиру по первоначальной цене. И тоже не буду в убытке.

Адвокат Ма впервые встретила покупателя, который говорил с ней под таким углом зрения.

Немного поколебавшись, она кивнула.

Лицо Ван Хайчэна внезапно перекосилось, его мечевидные брови встали дыбом. Пусть даже он всеми силами пытался подавить эмоции, адвокат Ма чувствовала клокочущий гнев, готовый вырваться из глубин его глотки сквозь стиснутые зубы.

А как же справедливость? Слово, которое почти никогда не приходило ему на ум, внезапно заняло все его внимание.

А как же справедливость?

А как же справедливость? Говорят, что мир справедлив и разумен, но как насчет защиты тех, кто строго соблюдает законы?

— Почему?! — взревел Ван Хайчэн, грохнув по столу обоими кулаками.

Сказано было с неистовой, звериной злостью. Под взглядом Ван Хайчэна адвокат Ма почувствовала, что он только что стал другим человеком, свирепым зверем, который выбирал людей и пожирал их. Хотя она знала, что ярость направлена не на нее, ее словно окатили ушатом ледяной воды. Она испуганно вскочила.

— Почему бы вам сначала не обдумать все как следует, а я… я пойду в туалет, я вернусь… когда я вернусь, мы продолжим разговор.

Не дождавшись ответа, она ретировалась практически бегом.

По прошествии двадцати минут у адвоката Ма так и не хватило смелости вернуться в комнату к клиенту. На стойке регистрации ей сказали, что Ван Хайчэну пришлось уйти. Он решил судиться и не рассматривает других вариантов, и неважно, сколько придется заплатить и будет ли сложно исполнить решение суда, неважно даже, выиграет он или проиграет.

«Тишина, тишина! Пока мы не взорвем тишину, мы в ней погибнем».

На выходе Ван Хайчэн по неизвестной причине вспомнил текст, который в муках учил наизусть в школе, «Памяти Лю Хэчжэнь»[52] Лу Синя.

Пока Ван Хайчэн изо всех сил сражался за свой уголок в этом городе, у «Звезд» дела обстояли куда лучше. С тех пор как поступили инструкции от руководства, весь проект работал на высокой скорости независимо от затрат.

А не считали их потому, что, хотя все знали, о

---

[52] Сноски: 52

Статья Лу Синя, посвященная расстрелу антиимпериалистической и антимилитаристской демонстрации в Пекине 1926 года. Погибло 47 митингующих, среди них студентка педагогического училища Лю Хэчжэнь, ставшая символом гонений на демократические силы в Китае того времени.

чем идет речь, никто толком не понимал, как это сделать. Теоретически исследователи уже получили полный набор генетической информации, им просто нужно было создать по нему полную ДНК, а затем найти способ заставить ее развиться в клеточный материал.

Но расстояние между теорией и инженерной практикой примерно такое же, как между знанием, что $E = mc^2$, и созданием атомной бомбы.

Таким образом, этот проект, как и «Манхэттен» в самом начале, продвигался вперед независимо от затрат и рабочей силы.

Хотя о ДНК говорят на каждом углу, обычно люди не понимают, насколько эта штука крошечная. Они считают, что она размером с бактерию. Если забросить ее в микроскоп и найти сильное увеличительное стекло, то можно как следует рассмотреть ее, а потом и модифицировать как кубики переложить. На самом деле люди смогли реально наблюдать за внутренней структурой ДНК, а не строить догадки с помощью математических моделей, относительно недавно. Чтобы манипулировать ДНК на субмолекулярном уровне, ученым нужен электронный криомикроскоп размером со здание, который увеличивает в сотни миллионов раз.

Когда Ван Хайчэн и Бай Хунъюй увидели, как подвозят оборудование для такого микроскопа, они остолбенели. Им показалось, что они слышат, как из фуры льется звонкий поток золотых монет.

Деньги не были проблемой, но сборку ДНК все равно приходилось начинать с чистого листа. Хотя трансгенная технология уже достаточно развилась, проект «Звезды» не имел отношения к генной модификации, когда короткий фрагмент гена вставляют в оригинальную биологическую ДНК путем отсечения и повторного соединения. Сейчас ученые хотели собрать ДНК с нуля. Разница огромная, как если бы в первом случае требовалось посолить готовое жаркое, а в другом — приготовить целый банкет.

Техническая сложность была даже не на порядок выше.

В течение первой недели проект не продвинулся ни на шаг. Время ушло на споры о плане операции и попытки просеять образцы; работники, как белки в колесе, трудились без выходных, напряженные, как взведенные пружины, — но для них работа без отдыха уже давно вошла в норму.

Неделю спустя пришла новая инструкция:

Прогресс идет слишком медленно, не думайте о цене, делайте все возможное.

Ходили легенды, что в некоторых других сферах можно было найти старших коллег, способных похвастаться подобным отношением к своим исследованиям, но все они так или иначе имели отношение к оружию, национальной обороне и военной промышленности — ко всему, что связано с войной. Ученые, занимавшиеся астрономией, физикой и биологией, столкнулись с таким впервые.

Ван Хайчэн не разбирался в биотехнологиях, не знал, как работает генная инженерия и с какими проблемами можно столкнуться в процессе. Но теперь он понял общее направление работы: во-первых, нужно было создать генетическую информацию жизни с нуля; во-вторых, заменить исходный генетический материал активных биологических клеток; в-третьих, культивировать их.

Проще говоря, создать жизнь с нуля.

Каждый шаг в этом направлении, вероятно, будет вехой, крупным прорывом в науках о жизни, поэтому Ван Хайчэн не совсем понимал, из-за чего наверху паникуют. К чему торопиться, имея дело с наукой? Он думал, что исследования все

равно займут много времени.

И только тогда понял, какая страшная энергия содержалась в словах «не думайте о цене, делайте все возможное».

Эти слова сотворили несколько чудес по другую сторону Тихого океана: потребовалось два года, чтобы создать атомную бомбу из чисто теоретической концепции, положив конец войне между справедливостью и злом; потребовалось восемь лет от идеи пилотируемого космического корабля до посадки на Луну и втыкания звездно-полосатого флага. В этих словах слышен крик души ученых: «Причина неудачи не в том, что мы некомпетентны, а в том, что вы не хотите платить».

Биоинженеры впервые использовали метод ферментативного расщепления, пытаясь из базовой ДНК, как из строительных блоков, собрать соответствующие гены по схеме. Но неудача случилась ровно так, как и ожидалось, — стабильность структуры ДНК разрушилась после двух переносов. После этого предприняли еще одну попытку обратной транскрипции, и гены все-таки удалось вмуровать, но гарантировать структурный порядок было совершенно невозможно.

Биоинженерия относится к типичной сложной системе и считается предельно низкой категорией в инженерных дисциплинах. Любая новая технология непременно должна пройти долгий путь ошибок и неудач, прежде чем начнется медленное продвижение к цели. Например, технология клонирования с точки зрения научных принципов представляет собой не что иное, как помещение одного ядра в другую клетку с удаленным ядром, и ученые точно так же испытали при ее разработке бесчисленные неудачи. Сейчас непрерывные сбои привели только к тому, что цифры на счетчике сменялись в бешеном темпе, но это никак не повлияло на всеобщий рабочий энтузиазм.

Что действительно влияло, так это постоянные приказы и призывы сверху: «Не думайте о цене, просто поторопитесь!» Все слышали их слишком часто, и потому не могли не начать нервничать.

Биологи известны своей бедностью, и именно бедностью ограничено их воображение — они просто не могли представить, как можно потратить безлимитный бюджет, оказавшийся в их распоряжении. Им и в голову не могло прийти, что решение конечной проблемы зависело от наноинженеров: славная умением прожигать

деньги, эта команда спалила более 7 миллиардов долларов США и выпустила двадцать одноатомных «скальпелей» и «столов для микроскопии атомного уровня», управляемых непосредственно на уровне химических связей. С их помощью можно было принудительно разобрать молекулы ДНК, вырезать необходимые гены и собрать заново.

Прошло всего 22 дня, меньше месяца, с отъезда профессора Аня до синтеза первой полной молекулы требуемой ДНК.

Не сразу получилось ввести ее в хромосомы и полностью заменить исходный генетический материал клетки. Эта часть работы оказалась даже сложнее сборки и должна была занять больше времени, но прошла неожиданно гладко. Ходили слухи, что источник программы внедрения ДНК не был «чистым», и в нем использовались сверхсекретные сведения, украденные шпионами из исследовательского центра за океаном. Во всяком случае, четыре рабочие группы практически одновременно добились результата, и меньше чем за пять дней успешно заменили молекулы ДНК в хромосоме.

Таким образом, с молниеносной скоростью и не жалея денег, проект «Звезды» выполнил первый

этап задачи.

Современная держава усилиями всей страны продемонстрировала страшную силу: «не думая о цене, сделать все возможное». Увидев ее воочию, Ван Хайчэн по-настоящему понял, что чувствует.

Это было не возбуждение, а страх.

Раньше он думал, что все займет много времени, пять, десять лет, а то и больше. Идея казалась довольно странной, ведь обычно все надеются, что проект, которым они занимаются, даст скорый результат, и чем раньше, тем лучше, особенно когда дело столь важное.

Бай Хунъюй как-то полушутя спросила: если думать эгоистично, раз «Звезды» полностью засекречены, можно ли на их основе написать докторскую? Последний человек, получивший Нобелевскую премию за докторскую диссертацию, тоже был астрофизиком[53], так не должен ли Ван Хайчэн продолжить эту традицию?

Если в его работе случится прорыв, то ему не придется так сильно беспокоиться о квартире. Не должно ли государство выдать ему в награду

---

[53] Сноски: 53

Первооткрыватели космического микроволнового фонового излучения Джон Мазер и Джордж Смут получили Нобелевскую премию по физике за 2006 г. Результаты были опубликованы в виде докторской диссертации первооткрывателя.

целый академический корпус?

Уже потом Ван Хайчэн понял, что его ожидания происходили из трусости. Фантазия в течение долгого времени создавала в нем чувство безопасности внешнего наблюдателя. Когда веревка подошла бы к концу, вне зависимости от того, что на ней вытянулось бы в этот мир, к нему это бы не имело никакого отношения. Но тревоги и страхи, смягченные буфером времени, ушли на второй план.

В тот день, когда обнаружили аномальное излучение черного тела в 60 К, о двух предполагаемых облаках Дайсона, найденных в глубоком космосе, почти забыли. Хотя Ван Хайчэн построил множество гипотез на этот счет и даже обсудил с Бай Хунъюй несколько наиболее разумных, ни в одной из них не получилось найти убедительной связи между сигналом и облаками Дайсона.

— В небе над физикой плывут два темных облака,[54] — сказал он Бай Хунъюй.

От старой шутки из истории физики Бай Хунъюй громко рассмеялась:

— Не волнуйтесь, мы обязательно переопре-

[54] Сноски: 54

Знаменитая фраза из лекции Уильяма Томпсона, лорда Кельвина, «Облака девятнадцатого века над динамической теорией тепла и света» 1900 г.

делим мир.

Глядя на розовые щеки девушки, ее изящные тонкие брови, на губы, чуть изогнутые в легкой улыбке, Ван Хайчэн на мгновение застыл, чувствуя лишь растерянность. Различия между ними уже достигли критической точки. Когда он запаниковал, Бай Хунъюй лишь порадовилась его шутке. Неужели его опасения были необоснованы? Он надеялся, что так и есть, и даже страстно желал, чтобы появление сингулярности взволновало его так же, как и ее, но у него не получалось.

Только пройдя испытание, понимаешь, что ты за человек.

Они столкнулись с одним и тем же: что-то в пустоте покрыло все пространство за пределами Земли и в течение суток передавало на Землю особый сигнал. Словарь его дешифровки скрывался в геноме и, возможно, был записан в самом начале появления жизни на Земле. Что-то сумело скрыть существование двух облаков Дайсона вплоть до того дня, когда началась трансляция.

Но Бай Хунъюй видела в этом «новую правду», а Ван Хайчэн — доказательство существования «чего-то».

По утверждению Ань Сэньцина, это было

«трансцендентной сущностью», Supreme Being. Но если прибегнуть к более популярному термину, то сущность, которая, возможно, вмешалась в зарождение жизни на Земле и могла влиять на пространство и сигналы, находящиеся на расстоянии десятков миллионов световых лет от Земли, следовало называть Богом или Творцом.

На третий день после отъезда профессора Аня Ван Хайчэн, как обычно, вышел на улицу, думая об облаках Дайсона, и машинально взглянул вверх. В этот момент неконтролируемый страх, какого он прежде никогда не испытывал, схватил его за горло. Чистое голубое небо, казалось, опутали бесчисленные щупальца, давившие на него, и он инстинктивно отступил на пару шагов, пока не оказался в тени дома, где наконец-то смог перевести дыхание.

Неважно, кто такой Бог, он просто не мог смириться с тем, что тот, всеведущий и всемогущий, смотрит на него сверху.

И смысл всего проекта заключался в том, чтобы признать существование Бога. Ван Хайчэн понимал, что наступление этого дня, наступление сингулярности судьбы, будет временем, когда Бог постучится в земную дверь.

Этот день наконец настал.

Эксперимент с ДНК-клетками, сконструированными на основе внеземной информации, проводили двадцать три раза, и на двадцать третий он наконец увенчался успехом.

Клетку, которая наконец-то обрела жизненную активность, назвали «Ноликом». «Первой» ее не назвали по очень простой причине: профиль ДНК заполнял профессор Ань Сэньцин, но к тому времени он уже покинул проект, и его идентификационная информация была стерта. Теперь его обозначали кодовым именем «Нулевой исследователь», и схемы, которые он дал, естественным образом стали называть «Ноликом».

Помимо этой причины, название отражало всеобщие сомнения в том, будет ли этот профиль работать. Так как на старте проект пережил много неудач, ответственность, естественно, легла на Нулевого исследователя. В области молекулярной биологии, от генов до белков, а потом и до полных биологических функций, понимание учеными структуры этого сверхсложного механизма было предельно примитивным. Создание функционирующей генетической структуры с нуля сейчас было равносильно желанию без всяких чертежей сконструировать центральный процессор самого высокого уровня, основываясь

на одном только факте, что тот работает от тока. Поэтому, когда клетки стабилизировались после двадцать третьей попытки, ученые были скорее шокированы, чем обрадованы.

ДНК начала компилироваться, сначала изменяя структуру самой исходной родительской клетки, при этом клеточная мембрана и органеллы заменились в течение двадцати часов. Тридцать часов спустя клетка уменьшилась до половины своего первоначального размера, превратилась в идеально круглую корпускулу, а затем начала делиться.

Первое деление заняло почти две минуты. Когда процесс начался, все ученые, участвовавшие в проекте, возгорели желанием столпиться и уставиться в родной монитор микроскопа, и никто не хотел смотреть на гораздо больший экран трансляции, установленный сбоку.

Биологи наблюдали с восхищенными ахами и охами, потому как вхождение в фазу деления показывало, что генетический материал действительно играет относительно полную роль, и люди действительно создали живое тело искусственным путем.

Но уже через несколько секунд восторженные вздохи сменились сокрушенными. После деле-

ния образовалось две независимые маленькие клетки, которые вместо того, чтобы сцепиться в разделенном виде, превратились в многоклеточный расщепленный бластометр. Это означало, что получившаяся клетка была всего лишь одноклеточной формой жизни и в сложную многоклеточную развиться не могла. Разница была как между небом и землей, неудивительно, что никому не удалось скрыть разочарование.

Во время второго деления ахи и охи не смолкали. Обе клетки росли очень быстро, и через двадцать минут достигли одинакового размера, но разделилась только одна, другая же осталась неподвижной. Прошло больше десяти минут после завершения процесса, а вторая по-прежнему не подавала признаков жизни. Когда в одинаковой среде клетка теряет способность делиться только после одного этапа, это указывает на наличие серьезной проблемы с ее функционированием. Главный исследователь расстроенно поставил метку «А» со стороны делящейся клетки и «В» со стороны неподвижной.

Спустя еще час началась третья фаза.

На этот раз делиться начали только две из трех, и сперва все вздохнули с облегчением. Если бы процесс остановился сейчас, эксперимент можно

было бы посчитать неудачным. Через минуту после начала деления кто-то в толпе с удивлением издал вопросительное: «Э?» Звук словно пробудил остальных. Из двух делящихся клеток одна была той самой, второго поколения, утратившей активность и помеченной как «В».

Еще через два часа началось четвертое деление. Стало очевидно, что речь уже не идет о нормальной жизни. Как может деление нормального одноклеточного организма быть таким равномерным: не делится — так никто, делится — только вместе? И действительно, в четвертой фазе участвовали только две клетки.

Неужели процесс каждый раз будет повторяться без изменений? По какой причине? Как раз тогда, когда все озадаченно размышляли по этому поводу, началось пятое деление. На этот раз четыре клетки разделились на восемь.

Теперь все смотрели друг на друга с тревогой. Бай Хунъюй, изначально абсолютный дилетант в вопросе, после пятого деления вдруг поняла, что все ошибались с самого начала.

Они пытались воссоздать полученный из космоса код при помощи живых клеток и потому стали считать его нормальной жизнью. И это было огромной ошибкой! Инопланетное сообщение

— это вестник, и вся его деятельность вращалась вокруг определенной цели. Бай Хунъюй быстро проанализировала историю созданной формы жизни, и ее внезапно осенило. Действительно, в шестой раз разделились две клетки, а в седьмой их стало четыре.

— Попробуйте разделить их на две части, в любом количестве, — предложила она.

Бай Хунъюй не объяснила зачем, но Ван Хайчэн знал, что она дотошна и при этом поле ее научной деятельности довольно широко, поэтому спрашивать ни о чем не стал и велел лаборантам рассадить клетки по двум культуральным контейнерам, восемь в один и девять в другой.

К тому времени прошли уже целые сутки. Кроме деления клетки не проявляли никаких признаков нормальной жизнедеятельности — они не двигались, не умирали, не питались, вообще ничего не делали. Непонятно было даже, откуда берется цитоплазма после того, как они делились на маленькие клетки, а затем вырастали до изначального размера. Люди, работавшие в лаборатории, не ели, не спали и держались на ногах только силой воли.

Перед началом восьмой фазы Бай Хунъюй прошептала:

— Если я правильно угадала, будет два деления.

И действительно, в каждом контейнере случилось по одному.

В девятый раз Бай Хунъюй предсказала, что «на этот раз будет четыре». И случилось ровно так, как она сказала — в одном контейнере произошло одно, в другом три. И как только все подумали, что существует таинственное правило два-четыре-два-четыре, следующие три предсказания Бай Хунъюй внезапно превратились в шесть, два и шесть.

И все сбылись.

Ученые в команде были светилами в своей области и все намного старше Бай Хунъюй. Глядя на то, как это юная девушка играет в таинственность, они не стали смущать ее со своей академической высоты, боясь обидеть напором и бестактными вопросами. Но сомнения неуклонно множились, и беспокойство в исследовательской группе становилось все труднее скрывать. Коллеги пытались деликатными намеками вытянуть из Бай Хунъюй хоть что-то, но та просто не стала отвечать. Все старались соблюдать собственный статус и стеснялись допрашивать слишком настойчиво.

Только через два дня после того, как «Нолик» начал делиться, Бай Хунъюй наконец решила все объяснить. Перед всем коллективом она перечислила общее количество клеток, присутствующих на каждой стадии процесса деления:

1, 2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19, 23, 29, 31, 37.

Огласив список, Бай Хунъюй обнаружила, что он не вызвал у собравшихся никакой реакции, и только сейчас поняла, что у биологов с числами не очень. Только Ван Хайчэн все понял. Он почувствовал, как все внутри холодеет, и прошептал:

— Последовательность простых чисел.

Исключая начальный одноклеточный «Нолик», в конце каждого последующего деления общее количество ячеек оказывалось в пределах последовательности простых чисел. Это был предельно точно разработанный процесс.

Бай Хунъюй смогла обнаружить его не потому, что была умнее здешних мастеров или лучше разбиралась в математике, а благодаря совпадению. Любительница научной фантастики, она слишком много читала о встречах с инопланетными цивилизациями. Математика, особенно простые числа, — это наиболее приемлемый сигнал для первого контакта. Так наименьшим количеством данных передается неоспоримое сообщение: мы

понимаем математическую систему, мы — разумные существа.

Сейчас же клетка использовала свою единственную функцию, чтобы показать сверхразумный замысел своего создателя и сказать людям: «Получилось».

Бай Хунъюй предложила разделить культуру на два контейнера, потому что не могла понять, как клетки «умеют» делиться в соответствии с последовательностью простых чисел. Если рассматривать всю конструкцию как машину, конечно, ее можно «спроектировать» для правильного деления, а числом делений управлять с помощью «переключателей». Но поскольку клетки существовали независимо, как они узнавали, сколько всего их живет в каждый конкретный момент?

Есть ли у них средства для связи друг с другом? Если разнести их по двум контейнерам и изолировать, как они узнают, сколько осталось клеток для достижения цели — деления в рамках последовательности простых чисел?

В культивационной лаборатории были установлены высокоточные антенны для контроля сигнала. Бай Хунъюй проверила данные мониторинга всех частотных диапазонов, но ничего не

нашла, не было зафиксировано никакой особой коммуникации даже на уровне нейтрино.

Чем больше она узнавала, тем больше ее волновало чудо этой клетки.

После нескольких раундов раздумий ей пришла в голову еще более смелая идея:

— Если уничтожить несколько клеток, восстановят ли они это число при следующем делении?

Никто не стал спорить, все, казалось, находились под гипнозом. В этот момент они напоминали паломников к святыне, только умами их овладела не вера, а любопытство. Они отделили три клетки и выпарили их лазером.

Когда началась следующая фаза деления, в лаборатории было слышно учащенное сердцебиение всех присутствующих. Три клетки с одной стороны и четыре с другой начали пульсировать, комната погрузилась в полную тишину, в которой раздавался лишь стук сердец. Ученая лет сорока упала в обморок прямо на пол.

41.

В комнате было устрашающе тихо. Все понимали, что стали свидетелями первого великого контакта. Нет необходимости в развитии полученного материала, не нужно ждать, что из люка

вылезет говорящий инопланетянин со сверхспособностями. Этот разум с помощью десятков клеток заявил о своем существовании и снял завесу с одной из глубочайших тайн Вселенной.

Ван Хайчэн поднял голову от экрана и только сейчас уловил горячий, влажный и неприятный запах в комнате. Группа не спала вот уже три дня и вовсю источала телесные ароматы, но в запавших, окруженных черными кругами глазах каждого горел неотразимый божественный свет. И он всасывал несколько крошечных, едва видных шариков на экране, неотвратимо, словно черные дыры, поглощавших все и вся.

Ван Хайчэн знал, что теперь остановить веревку уже невозможно.

Он оглянулся на Бай Хунъюй. Несколько бессонных суток в лаборатории не оставили и следа утомления на ее молодом теле. Она уставилась в чашку Петри сияющими, полными восторга глазами, и в них горело безрассудное, лучезарное пламя мечты.

Глава шестнадцатая

Когда счет клеток пошел на десятки, кодовое название «Нолик» явно перестало подходить. Подопытному материалу понадобилось официальное название. После короткого обсуждения в конце концов решили принять предложение Бай Хунъюй: «тектос».

По плану, задуманному разумной внеземной сущностью, в контейнере, созданном людьми, в конечном итоге сформировался живой организм. Того, кто передал этот набор чертежей, заодно окрестили «Конструктором».

После того как в чашках образовалось девяносто семь клеток, процесс замер на три часа, а затем внезапно произошло новое изменение: клетки начали делиться одновременно — но в этот раз дроблением.

Внезапная перемена застала всех врасплох. Ученые только успели определиться, что тектосы были «одноклеточной искусственной жизнью», и никак не ожидали, что они вдруг начнут развиваться в многоклеточную модель. Скорость дробления была поразительна: меньше чем за

двенадцать часов культура успела разделиться десять раз и превратилась в большую эмбриональную структуру с тысячами клеток. В панике сотрудники упаковали их в отдельные чашки Петри, чтобы дать тектосам достаточно места для роста.

Столь экстраординарные перемены вызвали всеобщий страх перед «инопланетным рождением», так что началась подготовка пуленепробиваемой герметичной лаборатории с высоким уровнем безопасности, но никто не подумал об очередном изменении.

После шестнадцати дроблений эмбрионы исчезли!

Ван Хайчэн не застал исчезновения, зато весь процесс зафиксировала Бай Хунъюй. На тот момент образцы доросли до двух сантиметров и были видны невооруженным глазом. Хотя их называли эмбрионами, клетки еще не дифференцировались и выглядели как розовые комочки ткани. Стоявшие рядом сотрудники все еще дискутировали, следует ли заменить агаровую основу средой, более близкой по плотности к морской воде — так развитие приблизилось бы к «естественной беременности». Этот спор был весьма метафизичен, потому что жизнь на земле

зародилась в океане, а потому все среды эмбрионального развития имитировали состояние погруженности в жидкость и плавучести, но никто не знал, как должна выглядеть нормальная среда развития «внеземной жизни». В этом контексте у людей, выступавших против замены агара, было преимущество, но с противоположной стороны раздался вопрос в духе Чжуан-цзы, которому приснилась бабочка:

— Вы уверены, что среда зарождения жизни на Земле также не была создана Конструктором?

В самый разгар спора Бай Хунъюй внезапно показалось, что эмбрион понемногу становится прозрачным. Возможно, дело было в зрительной иллюзии, потому что сам эмбрион был розовый и полупрозрачный, и на его внешний вид влияла смена внешнего освещения. Но это чувство становилось все более и более очевидным. Две минуты спустя другой сотрудник в замешательстве спросил:

— У меня в глазах рябит? Вам не кажется, что эмбрион исчезает?

Теперь перемена стала очевидной для всех. Тектос больше не был органическим телом, которое выглядело прозрачным в силу малого размера или других причин, он очевидно истончался, как

призрак в кино, целиком исчезая из виду. При этом затухание все больше ускорялось, и еще через две минуты эмбрионы пропали прямо на глазах всего честного народа.

Не умерли, просто материя исчезла. Чашка Петри была плотно закрыта и все еще хранила отпечатки образцов, но их самих уже не было.

— Что случилось? — спросил один из сотрудников. Все посмотрели друг на друга.

В панике кто-то вспомнил, что можно прибегнуть к другим методам наблюдения, чтобы зафиксировать местоположение тектосов. Немало времени ушло на то, чтобы срочно провести дифракцию рентгеновских лучей и анализ дальнего спектра…

Бесполезно! Существование тектосов не обнаружили ни в одном диапазоне частот электромагнитных волн. Дело не ограничивалось видимым светом, все излучения дали отрицательный результат.

— Контакт! — предложил кто-то.

Эта операция полностью нарушала план. С тех пор как тектос проявил активность как отдельная клетка, они избегали любого физического контакта с ним, опасаясь повлиять на его жизнедеятельность и функции. При разделении

образцы пересаживали вместе с питательной средой, тщательно контролируя даже малейшую вибрацию. Но теперь их можно было найти только на ощупь.

Или прикоснуться к тому месту, где они изначально находились…

У Бай Хунъюй было ощущение, что они проверяют дыхание у мертвеца. Как и у всех остальных, в ее голове царил хаос. Кто-то не соглашался с физическим контактом, опасаясь несчастного случая.

— Какого несчастного случая? — уточнил дежурный. Опасавшийся не смог ответить.

— Давайте сперва убедимся, что оно все еще там.

На том и порешили. Еще какое-то время ушло на поиск подходящего инструмента, и в конце концов выбор пал на пластиковый пинцет с закругленными кончиками, чтобы не повредить конструкцию. Ответственный работник лично проводил операцию — осторожно снял крышку, медленно потянулся и достиг того места, где должен был находиться эмбрион.

У всех перехватило дыхание, и лишь изредка кто-нибудь сглатывал слюну.

Пинцет прошел насквозь, не встретив никаких

препятствий.

Зрелище вышло довольно комичным: группа людей неотрывно следила за пинцетом, который ходил туда-сюда в явно пустом пространстве, да еще и старался что-то там схватить. Воистину неописуемая потеха.

— И что делать? — спросил кто-то.

Материя тектоса исчезла?

Вполне возможный вариант. В конечном счете, «клетка» была разумным созданием внеземной цивилизации, и никто не мог сказать, что она будет или не будет делать. Может, внеземная информация действительно предназначена только для того, чтобы показать, что за пределами Земли существует трансцендентный разум?

Если только для этого, то ее хватило с лихвой. Она сообщила людям, что зарождение жизни на Земле связано с этим трансцендентным разумом, и он обладает силой манипулировать пространством. А может, это только первый шаг, и дальше поступит другая информация? И даже если нет…

Бай Хунъюй все еще думала о потенциальном значении этих перемен, когда услышала, как кто-то в ужасе уточнил:

— А может это быть… заразно?

Ремарка заставила взоры присутствующих в

унисон обернуться к сказавшему.

— Может, она могла споры выбросить, эта штука, или что-то вроде того…

— Здесь герметичная изоляция, вам-то чего бояться? — раздался из динамика голос ответственного, который был в защитном костюме и свирепо смотрел на человека из опечатанной лаборатории. — Если уж бояться, то тому, кто контактировал с тектосами.

— Нет, нет, я имею в виду… он… он просто исчез в никуда, может, у него есть способ миновать наши карантинные меры? До того, как… обнаружили вирусы…

Раньше люди думали, что вещи с зазорами меньше микрона могут остановить все инфекции, болезнетворные бактерии и грибки, пока не обнаружили существование вирусов в тысячи раз мельче, чей размер варьировался где-то на наноуровне, а некоторые были настолько малы, что могли проникать через поры резины.

Тектосы умели исчезать в никуда, возможно, превращаться в какую-то тонкую сущность, достаточно маленькую, чтобы пройти сквозь щели в земной материи?

— Не паникуйте! — мрачно велел ответственный. — Не нервничайте без причин, вы просто

пугаете сами себя!

Уже потом стало известно, что вскоре после этих слов он по другому каналу связи отдал приказ о запуске плана блокады. В радиусе километра от лаборатории вооруженные до зубов солдаты перекрыли все въезды и выезды. Каждое помещение с внешним выходом, казалось бы, обычного лабораторного здания, уже давно было оборудовано многослойными изоляционными материалами, и сейчас все они медленно опускались. В течение пяти минут вся лаборатория была запечатана пятью слоями изоляции внутри и снаружи, а вся вентиляция переведена на внутреннюю циркуляцию.

Но никто на месте происшествия перемен не заметил. Только значительно позже, когда участники проекта «Звезды» покинули временное пристанище в Университете Сунь Ятсена и отправились на первую базу в горах, некоторые из них по каким-то странным каналам услышали о том, что произошло.

Если бы не прозвучало слово «заражение», дежурный снял бы защитный костюм и попытался потрогать образец голыми руками. В то время он еще думал, что у него что-то не в порядке с головой, но потом выяснил, что подобные мысли

возникли у многих.

— Может быть, эта штука требует прямого контакта с разумной жизнью?

Трудно было объяснить причину этой странной идеи, но, как оказалось, последующее развитие не имело ничего общего ни с инфекцией, ни с разумной жизнью.

Ученые стали свидетелями процесса развертывания первой темной мембраны.

В тот момент пластиковый пинцет все еще оставался там, где следовало быть эмбриону. Ответственный планировал выбросить его и вытащить руку. Но затем увидел слабый световой поток, проходящий через поверхность, где раньше был тектос. Тот выглядел как эффект преломления света. Слегка ошеломленный, ответственный сунул дрожащую руку с пинцетом внутрь.

Преломляющая поверхность стала еще более очевидной. Зубцы пинцета уже прошли сквозь нее. У испытателя в голове творился хаос, и он решил, что лучше побыстрее вытащить инструмент обратно, но было слишком поздно. Когда он доставал его, зубцы отделились и упали вниз, оставив вдоль поверхности идеальное изогнутое сечение.

Шокированные столь внезапным развитием событий, работники уставились на отвалившиеся пластиковые зубчики. И в этот момент на преломляющей поверхности вырос черный цвет. Именно вырос, это было самое подходящее слово. Сперва из ниоткуда проступили черные пятнышки, которые начали растягиваться. Меньше чем за секунду всеобщему взору предстал маленький черный объект, похожий на шарик, вытащенный в мир из пустоты.

Эта сцена напомнила Бай Хунъюй о протоссах из игры «Старкрафт», которые не создавали предметы на поле боя, а вытягивали то, что уже где-то существовало, из другого пространства.

Исчезнувшие эмбрионы появились снова, все до одного, в своем новом черном антураже. В чашках Петри снова появились девяносто семь черных шариков диаметром около сантиметра.

В процессе их второго пришествия наблюдатели видели сферы, но когда трансформация завершилась, начало казаться, что это круги, двухмерные черные диски, не имеющие объема. Однако это озадачило ученых ненадолго, потому что устройство электромагнитного обнаружения, зафиксировавшее существование эмбрионов, вскоре выявило, что отражательная способность

видимого света на поверхности объектов стремилась к нулю, и они так же, как черная дыра, утрачивали все визуальные детали. Очевидно, что объекты были трехмерными, но выглядели как двухмерные диски.

Ответственный ни о чем таком не думал, а просто протянул свой беззубый пинцет и коснулся шарика. Контакт оказался физическим, фактура бусинки была осязаема.

С этого момента тектос полностью утратил свою форму и биологические свойства, стал похож на неодушевленный предмет. Подобная перемена была не только неожиданной — исследователи долгое время не могли понять принципа всего процесса развития от зародыша до исчезновения и затем перехода к неорганической материи за эти несколько часов.

Только через два года после того, как исчезла первая база в горах и весь проект превратился в сверхсекретный фундамент под действующим механизмом нового мира, кому-то пришла в голову идея: тектос был не биологическим проектом, а наномикрозаводом.

Изначально вся жизнь представляет собой набор сложных микроскопических машин, где белки можно рассматривать как нанодетали, а

живые тела как комплекс очень сложного производственного и обрабатывающего оборудования. Просто масштаб продукции обычных заводов жизни становился все больше и больше, создавая из наноустройств структуры микронного, производя ткани миллиметрового и формируя системы органов сантиметрового размера. Но в тектосе нанометровое оборудование используется для точного управления пикометровыми деталями, которые, в свою очередь, перерабатываются в структуры фемтометрового уровня, и, наконец, все это в совокупности создает интеллектуальное устройство, превосходящее масштабы человеческого познания, — окончательную форму тектоса.

В рамках данной концепции тектос размером всего в один сантиметр, возможно, превзошел бы по сложности все оборудование, когда-либо созданное людьми, вместе взятое. Устройств обнаружения, которыми обладало человечество, было недостаточно, чтобы точно понять их структуру — и в любом случае выяснить, как она работает, было невозможно. Конечно, когда эта гипотеза была предложена впервые, люди задались вопросом, можно ли создать так называемую «машину» в таком микроскопическом

масштабе. Но двух лет эксплуатации и изучения тектосов было достаточно, чтобы доказать ее.

Два года спустя ученые начали понимать удивительную сложность этих девяноста семи, казалось бы, неотличимых друг от друга образцов. Они узнали, что их существует несколько типов, хотя при первом взгляде единственным впечатлением у всех было то, что тектосы абсолютно черные.

И только ответственный товарищ ошеломленно смотрел на беззубый пинцет в руке. Зубцы отсекло внезапно появившейся мембраной, которая затем свернулась в черную оболочку, и, естественно, они исчезли. Неужели остались внутри? Запечатаные в этом шаре? Неужели у этой штуки есть только внешняя стенка, а внутри пусто?

Это недоразумение напомнило всем, что чашки Петри оборудованы устройствами строгого контроля качества. Вскоре появились и объективные данные.

На протяжении всего процесса, от кратковременного «исчезновения» эмбриона до появления черной оболочки, качество тектоса никак не изменялось. Это делало происшествие еще более невероятным. Выглядело так, будто тектос

ненадолго превратился в бесплотный призрак, а затем обернулся в черную оболочку и на самом деле никогда никуда не исчезал. Причина возникновения внешней пленки, по-видимому, заключалась именно в том, чтобы позволить людям обнаружить тектос после того, как он станет «невидимым».

— Оно что… только что типа в суслика превратилось? — пробормотал под нос один из сотрудников. — Не увидеть, не пощупать, но тем не менее оно есть?

О тектосе, вернувшемся после появления оболочки, можно было узнать при ограниченном физическом контакте: его поверхность была невероятно гладкой; щуп определил пленку как предельно жесткую, давление в 100 Н и 10000 Па не оставило на ней даже следа деформации, но увеличивать его уже не осмелились.

Еще одним интересным фактом стало то, что тектос, с которым возился ответственный, оказался на 0,07 грамма тяжелее изначальной массы, что равнялось массе отломанных зубцов пинцета. После осторожных попыток испытатели несколько раз встряхнули тектос — и почувствовали слабую инерцию удара, но звука не услышали. Зубцы действительно оказались запе-

чатаны в «полости», но оболочка не вибрировала при ударе, и потому внутри ничего не гремело.

«Вакуумная масса» тектосов вызвала сильное беспокойство у ученых, которые хотели изучить их внутреннюю структуру. Но по ходу исследования старое беспокойство не исчезло, зато к нему добавился новый, пробирающий до костей страх.

Сначала исследователи использовали обычный оптический микроскоп, чтобы осмотреть оболочку, но при увеличении в пятьдесят раз по-прежнему видели лишь черноту.

Отрегулировав кратность на максимум и увеличив изображение в тысячу раз, они по-прежнему видели лишь черную смоль. Они решили, что структура канала, поглощающего свет, наноразмерная, и люди едва ли могут сделать такой материал из углеродных нанотрубок.

Тогда ученые переключились на электронный микроскоп с разрешением около одной десятой нанометра, достаточным для того, чтобы четко разглядеть структуру наноматериалов.

Кромешная тьма.

Все встревожились. Тьма всегда порождала страх в человеческих сердцах. При таком масштабе они все равно не могли получить ни капельки информации, весь попадающий на тектос свет

полностью поглощался, не отражаясь и не преломляясь, отчего казалось, что в руке лежит не предмет, а черная дыра.

Решили использовать сканирующий туннельный микроскоп.

Оператору потребовалось десять минут на проверку того, что с сигнальным кабелем все в порядке, просто экран оставался черным как смоль.

— Это невозможно, — заявил экспериментатор, — эта штука может видеть даже отдельные атомы.

Коэффициент отражения электромагнитных волн гладкой на ощупь оболочки во всех частотных диапазонах был равен чистому нулю.

Все излучение, испускаемое на поверхность, поглощалось на сто процентов, не было никакого рассеяния, отражения или дифракции. Даже высокоэнергетическое излучение различной частоты не могло заставить его произвести квантовый скачок. Любой попавший на поверхность луч действительно пропадал в ней, как в черной дыре.

Никто не знал, во что превращалось излучение после того, как его поглощал тектос. Утилизовал ли он его? Никакой обратной связи не поступало,

поэтому и выведать не получилось. У исследователей не было возможности судить о структуре тектоса: под любым зондовым микроскопом они видели лишь тьму.

Тектос стал настоящей загадкой, черной информационной дырой. По сути, не было никакой разницы между стопроцентной прозрачностью и стопроцентным поглощением.

Ответственный ненадолго оцепенел, затем вдруг снял защитные перчатки и схватил черный шарик. Наблюдатели хором вскрикнули, но не успели его остановить, и теперь бусинка лежала у него на ладони.

Наступила мертвая тишина, все смотрели на безумца круглыми глазами. Никто не знал, что могло произойти, и казалось, может случиться все что угодно — он мог растаять, исчезнуть, превратиться в Супермена, и никого бы это не удивило.

Ничего не произошло.

Спустя полуминуты мертвой тишины он положил черный шарик, чувствуя лишь морозец, пробежавший по спине.

— А почему оно не холодное? — пробормотал он. — Не холодное.

Кое-кто понял, что он имел в виду. Поскольку

эта штука поглощала все излучение, как черная дыра, температура ее поверхности должна быть близка к абсолютному нулю, но почему же она не была холодной?

Ответ мог быть только один: плотность материала невообразимо мала. И несмотря на то, что он был запредельно холодным, эффективность теплообмена оказалась очень низкой. Пространственная структура «черной оболочки» была на данном этапе непостижима для человеческой науки и техники.

Когда Ван Хайчэн вернулся, первая попытка исследования тектоса после почернения уже завершилась. Пока он просматривал информацию, Бай Хунъюй подробно описывала ему этот прозрачный, тонкий, существующий, но несуществующий призрак. Информация не могла заменить волнение и страх того, кто наблюдал происходившее своими глазами. Даже просто пересказывая ту сцену, Бай Хунъюй дрожала от волнения.

— Да что же это за штука такая? — повторяла она. — Чего она хочет?

Никому не был интересен судебный иск Вана Хайчэна, никто не знал результатов судебного разбирательства, а оно лежало у него в сумке, и

там все было расписано по пунктам.

— Вы не знаете? — спокойно спросил Ван Хайчэн. — Почему же? Моя ли вы ученица? Что тут за обстоятельства?

Бай Хунъюй была ошеломлена. Сперва она не поняла, что имел в виду наставник. Ван Хайчэн был ненамного старше ее самой, но сегодня выглядел очень странно, лицо его казалось непроницаемым, как водная толща. Она не могла разглядеть на нем ни радости, ни гнева, и не знала, смеется ли он или говорит всерьез.

Впервые за долгое время Ван Хайчэн наконец-то смог спокойно думать о работе, не отвлекаясь. Глядя на включившую дурочку Бай Хунъюй, он рассмеялся:

— А если еще подумать? Ни тронуть, ни увидеть, электромагнитного эффекта нет, но есть масса. Это не биологическая проблема, это астрофизическая проблема.

Бай Хунъюй на мгновение задумалась, а затем аж подскочила:

— Учитель, вы имеете в виду… но… это…

Ван Хайчэн кивнул ей, он волновался не меньше собственной ученицы.

— Темная материя[55]?! — воскликнула она.

Да, невидимая, неосязаемая, не имеющая электромагнитных эффектов, но имеющая массу; гипотеза темного облака, нависшая над астрономией…

Темная материя.

[55] Сноски: 55

Технически, более верным представляется термин «темное вещество», однако в русском языке больше в ходу вариант «темная материя»

Глава семнадцатая

Ван Хайчэн до сих пор помнил, что почувствовал, когда впервые прочитал о концепции темной материи.

— Что за бред? Не могут найти решение, чтобы объяснить мир, что ли? Ну и хрень!

В то время он учился в десятом классе и впервые прочитал научно-популярную статью о темной материи в «Научном китайце».

В отличие от рождения многих других физических концепций, темная материя была предложена исключительно для решения серьезного несоответствия между фундаментальной теорией астрофизики и наблюдаемой реальностью Вселенной.

Еще в 1930-х годах астрономы обнаружили, что галактики вращаются с неоправданно высокой скоростью: гравитационные параметры, рассчитанные по скорости вращения, намного превышают гравитационную силу, обеспечиваемую массой всех звезд в галактике. Общая теория относительности реконструирует значение гравитации, но ни в малейшей степени не решает

проблему. Этот пробел в данных слишком велик. Известно, что гравитационная сила, создаваемая веществом галактик, не составляет и одной десятой силы гравитации, которую она должна иметь. То есть она совершенно не объясняет структуру галактик во Вселенной.

Если в концепции гравитации нет роковой ошибки, то она должна решить ключевую проблему: чтобы Вселенная гарантированно существовала в том виде, в каком она есть сейчас, в ней должно быть в десять-двадцать раз больше вещества. Материя, которую мы наблюдаем, может обеспечить только 5—10 % гравитации, необходимой Вселенной. Так где же огромная масса, которая обеспечивает остальные 90–95 %?

Совершенствование теории Большого взрыва еще больше обострило проблему: если бы в космосе существовало только то, что мы можем видеть, Вселенная должна была бы расширяться намного быстрее, чем это происходит на самом деле! А значит, материя, которую могут наблюдать люди, намного меньше того количества вещества, которое действительно есть во Вселенной.

Поиск материи, которая непонятно где находится, был сопряжен с рядом неудач. Поначалу Ван Хайчэн считал, что астрофизики предло-

жили концепцию темной материи из чистого отчаяния.

Она больше походила на акт о капитуляции.

Чтобы решить гравитационную проблему, такая материя должна существовать в изобилии, иметь массу и притяжение.

Чтобы ответить на вопрос, почему мы не можем ее найти, она должна не взаимодействовать с электронами и не оказывать электромагнитного воздействия. Именно поэтому ее не фиксирует ни одно средство наблюдения, все вещества с электромагнитным воздействием проходят сквозь нее, для нас она невидима, неосязаема и бесследна.

По мнению Ван Хайчэна, концепция темной материи была слишком метафизической. Все ее свойства были определены не потому, что мы нашли доказательства существования подобного вещества, а потому что, если бы мы не создали такую конструкцию, Вселенная не соответствовала бы нашей физической теории.

Это подозрение было резонно. С момента рождения этой концепции все попытки доказать онтологическое существование темной материи оказались бесплодными. Только в нейтрино воплощается намек на ее свойства, но количе-

ство нейтрино, которое ученые обнаружили во Вселенной, слишком мало, чтобы объяснить загадку.

И теперь изменения в тектосе, по-видимому, предполагали другую возможность: тектос, в основе которого лежало обычное биологическое вещество, изменился в процессе собственного развития и перестал оказывать на мир вокруг электромагнитное воздействие, став своего рода материей-призраком, которую мы не можем видеть, не можем потрогать, можем только фиксировать массу — как и требует определение темной материи.

Неужели тектос эволюционировал от «материи» к «темной материи»? От чего-то, что можно увидеть и потрогать, до призрачной сущности?

В квантовой механике есть известная шутка: если человек ударится о стену достаточное количество раз, есть вероятность того, что все его микрочастицы проникнут через щели в стене, и он сможет пройти сквозь нее. И в тот день пинцет проник в тектос, как в призрак. Таким образом, материальный мир пересекается с призрачным, сосуществуя, но не зная друг о друге.

Как и другие физики, Ван Хайчэн и Бай Хунъюй считали, что темная материя должна состоять

из каких-то особых микрочастиц, отличных от тех, что составляют обычную материю, таких как нейтрино, например. Но трансформация тектоса давала другой ответ: может быть, темная материя — это взаимозаменяемое состояние обычной материи.

Такая возможность казалась революционной. Будь оно так, то, может статься, темная материя во Вселенной, обеспечивающая огромную гравитационную силу, — это не какие-то тонкие, но многочисленные микрочастицы, и не разреженное облако, рассеянное в бесконечном пространстве.

Возможно, 95 % темной материи, которую мы не видим, — это тоже звезды и планеты. И такие звезды разбросаны по всей Вселенной, но мы, мир в состоянии обычной материи, не можем ни увидеть, ни потрогать их, как и призраков.

Гипотеза о том, что тектос состоит из темной материи, очевидно, была предложена Ван Хайчэном. Однако впервые об этом ясно сказала сама Бай Хунъюй.

Догадка — это всего лишь догадка. Для подтверждения гипотезы было необходимо поместить тектос в большой ускоритель и бомбардировать его высокоскоростными частицами для экспери-

ментальной проверки, но проблема в том, что в Китае не было подходящего оборудования, к тому же, как только тектос отправится в ускоритель, он сразу же исчезнет без следа.

— Цена слишком высока, — заявил новый ответственный по фамилии Кун.

После затемнения тектоса в проектной команде один за другим заменили целую толпу людей, а во главе встала новая группа ответственных руководителей, включая Лао Куна. Сперва Ван Хайчэн и другие думали, что замена ответственного лица произошла из-за того, что предыдущий повел себя слишком безрассудно во время инцидента с тектосом, но позже поняли, что все не так просто. Новые ответственные товарищи оказались не профессиональными исследователями, а настоящими «руководящими кадрами».

Раньше группы ученых сотрудничали между собой полунеофициальным образом. Все обсуждали дела при случае, если сталкивались в коридорах на бегу, общались, перебивая друг друга, и в целом все исследование продвигали посредством стихийной самоорганизации и сотрудничества. Для первоклассных талантов подобный хаотичный и шумный способ мог оказаться лучшим способом эти самые талан-

ты развить. Но теперь ситуация изменилась. «Руководящие кадры» начали требовать, чтобы каждый представлял свои собственные планы исследований и регистрировал соответствующие обязанности, и каждый человек должен был подтвердить свои полномочия. Кроме того, каждому были назначены «помощники», чтобы помочь «ознакомиться с процессом» и «организовать сотрудничество». Чтобы начать работу, следовало подать заявку и предоставить подписи — много, много подписей.

Ван Хайчэну казалось, что его посадили в консервную банку. Когда во время еды в университетской столовой он повстречал директора Ли, то уселся рядом и хотел поболтать с ним и кое на что пожаловаться. Но стоило тому понять, что Ван Хайчэн сейчас что-то выложит, он поспешно замахал руками, не давая начать.

— Не выходите в Интернет, если имеете дело с секретами, и не имейте дела с секретами, если выходите в Интернет, — сказал ему директор Ли. — Я в группу не вхожу, а вы повнимательнее ознакомьтесь с правилами конфиденциальности.

Ван Хайчэн был потрясен. Он разделался со своим обедом так быстро, что даже не вспомнил

потом, что ел. Группа все еще пыталась приспособиться к переменам, а тектос вовсе не собирался приспосабливаться к человеческому ритму, и вот так, занимаясь собственными делами, они потихоньку раскрывали истинные лица.

В то время эти девяносто семь тектосов все еще рассматривали как девяносто семь одинаковых единиц.

Первой разницу между ними заметила инженер-ядерщик по имени Ма Цинь. Раньше ее работа перманентно пребывала в состоянии простоя. С тех пор как она присоединилась к рабочей группе, она не могла помочь с биологическим процессом, но тогда ей и не о чем было беспокоиться. Однако после прихода нового руководства, когда ей впервые пришлось отчитываться об исследовательском плане и ожидаемых успехах этого проекта, а также проанализировать необходимость своей работы, Ма Цинь немного запаниковала. Она совершенно не представляла, что можно придумать.

Оказавшись в безвыходной ситуации, Ма Цинь решила провести исследование по выявлению излучения тектосов. На самом деле, прежде, в их прозрачную фазу, в лаборатории установили высокочувствительное оборудование для

обнаружения радиоактивности, но оно так и не пригодилось, поэтому его быстро демонтировали.

Но после одиннадцати часов вечера в день сдачи плана произошла очень странная вещь: Ма Цинь подняла руку, чтобы взглянуть на часы, и ей показалось, что стрелки слабо светятся. Она носила кварцевые Swatch'и с люминесцентным покрытием на стрелках. Принцип его действия был предельно прост: после поглощения определенного количества высокоэнергетических лучей оно излучало фосфорический свет. Вообще говоря, любые флуоресцентные материалы заряжаются частичным ультрафиолетовым солнечным светом в течение дня. Но у Ма Цинь часы были очень дешевые, а покрытие — почти бесполезное, и после захода солнца оно могло светиться лишь около часа.

Но к этому времени уже давно стемнело. Будь на ее месте кто-нибудь другой, это обстоятельство, скорее всего, осталось бы незамеченным, но Ма Цинь все-таки занималась ядерной физикой и на радиационные явления у нее был наметан глаз. Она удивилась, прикрыла циферблат рукой, ее подозрения подтвердились — люминесцентная краска светилась, причем намного ярче, чем

обычно. Что-то изменилось.

Ма Цинь схватила портативный счетчик Гейгера и ворвалась в лабораторию в поисках источника излучения. Вскоре нашла цель — это был не тектос, а тигель, отлитый из чистой платины.

Никто не знал, когда эту штуку принесли в лабораторию, ее никогда раньше не использовали. Не знали также, почему и чем она оказалась загрязнена. Лабораторию немедленно изолировали и почистили, а платиновый тигель изъяли для исследования.

Но не прошло и пяти минут, как Ма Цинь поняла: что-то не так. В лаборатории тигель испускал бета-лучи, но после того, как его вынесли, они сменились гамма-излучением.

— Что за чертовщина! — Ма Цинь несколько раз все перепроверила и поняла, что дело действительно не в аппаратуре, и вот тогда осознала всю серьезность проблемы.

Платина-195, элемент номер 78. В каждом атоме платины семьдесят восемь протонов и сто семнадцать нейтронов — это самый химически стабильный элемент с нулевой радиоактивностью. Именно потому, что его физические и химические свойства стабильны, в лаборатории для высокотемпературных экспериментов ис-

пользуют платиновые тигли.

В радиационно-черной комнате Ма Цинь убедилась, что тигель продолжает испускать слабые гамма-лучи, и из лаборатории вынесли все другие предметы. Ма Цинь взяла его и, вооружившись прибором для измерения радиации, отправилась назад к тексосам. На входе тигель все еще испускал гамма-лучи, но чем ближе оказывался к своему прежнему месту, тем слабее они были, а после того, как его вернули на место, излучение медленно превратилось в бета.

— Да что происходит-то?

Ма Цинь и два других ядерщика переглянулись. Гамма-лучи нейтральны и незаряжены, а бета-лучи заряжены отрицательно, и это уже не говоря о том, почему платина-195 оказалась радиоактивной. Как может быть, что вещь испускает гамма-лучи в одном месте и бета-лучи в другом?

Результаты масс-спектрографического анализа ошеломили всех. В тигле присутствовал еще один элемент: золото-195. Гамма-лучи возникали в результате его естественного распада.

Период полураспада золота-195 в природе составляет всего сто восемьдесят шесть дней, и даже если бы этот нестабильный изотоп действительно был подмешан в тигель (всегда есть шанс

один на миллиард), он бы давно исчез.

Следующее открытие объяснило его происхождение. Рядом с тектосом в лаборатории платина-195 испускала электроны, также известные как бета-лучи, и становилась золотом-195. Это открытие не объяснило проблему, а вместо этого создало новые.

Причина радиоактивности элемента в том, что сильных и слабых сил взаимодействия внутри ядра недостаточно для стабилизации его нейтронной и протонной структуры, поэтому необходимо высвободить энергию вовне, чтобы стать другой, более устойчивой структурой. Это подобно скатывающемуся по склону холма камню — он будет непрерывно катиться вниз. Устойчивый элемент находится у подножия холма, неустойчивый — на вершине, и чем неустойчивее элемент, тем выше он находится.

Что случилось с этой Вселенной, что платина-195 у подножия холма начала катиться вверх и превращаться в золото-195? Нет, это золото-195 испускает гамма-лучи и превращается в платину-195, вот как катятся нормальные камни.

— Эта хренотень — настоящий Моисей! Может, и волны египетские разделять умеет? — обронила Ма Цинь, и вдруг ее осенило. Она отправилась

в набег на лаборатории в поисках другого платинового тигля, и, обойдя три, наконец обрела его. Тигель уже потемнел, так что невозможно было разглядеть его истинный цвет. После проверки на излучение оказалось, что с радиацией у него все в порядке, и Ма Цинь помчалась с ним к тектосам. Ее безрассудное поведение встревожило службу безопасности. Не признай они в последний момент Ма Цинь, то пристрелили бы подозрительного типа в защитном костюме, у которого руки не дошли ответить на досмотровые вопросы. Тигель поставили рядом с тектосами, и через три минуты из него пошли бета-лучи.

Ненормальным был не тигель, а законы мира вокруг тектоса.

— Моисей, — машинально пробормотала Ма Цинь. В нарушение закона всемирного тяготения пророк Моисей сумел разделить воды Египта, в честь него и назвали этот тектос.

Земные законы таковы, что ядро платины-195 содержит семьдесят восемь протонов, и положительного заряда, который оно несет, достаточно, чтобы связать сто семнадцать нейтронов, чтобы в результате ядро демонстрировало стабильное состояние «у подножия холма». Но рядом с «Моисеем» сильное взаимодействие ослабевало! А

это приводило к тому, что первоначально стабильное ядро становилось нестабильным, и для поддержания структуры ядра требовалось больше положительных зарядов, поэтому нейтроны высвобождали электроны и превращались в протоны. При «Моисее», ослабляющим ядерные силы, стабильным становилось золото-195, а платина-195 — нет.

Склон холма оказывался подножием, а подножие — склоном.

Но когда материалы выходили из зоны действия «Моисея», возвращались законы нормального мира. У золота-195 оказывалось слишком много протонов, поэтому оно, в свою очередь, выделяло позитроны, что стимулировало гамма-лучи.

Это касалось не только платины-195, но и вообще всех веществ вокруг «Моисея». Просто ядра других веществ были недостаточно велики, и эффект ослабления сильного взаимодействия был не так очевиден. Исследователи немедленно проверили элементы с большим атомным весом и обнаружили, что все элементы с номерами выше 190 демонстрировали очевидные радиационные отклонения.

Не все тектосы обладали этим свойством. Уче-

ные быстро идентифицировали двадцать два «Моисея». Так выяснилось, что тектосы отличаются друг от друга.

«Моисей» мог воздействовать на законы физики только на определенном расстоянии, но оно постоянно увеличивалось — сперва составляло всего несколько десятков сантиметров, но диапазон возрастал. Чем дальше от тектоса, тем меньше менялись законы физики.

Услышав это название, Ван Хайчэн странно рассмеялся:

— Хорошее имя, пророк Бога.

В последний раз пророк Божий изменил законы мира, чтобы вывести евреев из Египта, а на этот раз попал в руки ученых.

И только сейчас почти все поняли, насколько страшен «Моисей».

Вечный двигатель!

Платина-195 излучает энергию по законам вселенной «Моисея» и становится золотом-195; золото-195 излучает энергию по законам обычной вселенной и становится платиной-195. Материя постоянно колеблется в соответствии с двумя физическими законами, и, таким образом, может бесконечно выделять энергию для создания вечного двигателя.

Невозможно было объяснить, откуда бралась такая энергия, потому что никто не мог объяснить, как «Моисей» меняет законы Вселенной. Они определяют ее форму, а человечество было всего лишь ничтожной сущностью в космосе. Когда что-то может изменить основные законы Вселенной, ничтожной сущности, закованной в рабские цепи, бессмысленно даже думать о таком.

Законы формируют Вселенную, и та будет меняться вместе с ними. Все понимали, что в измененной Вселенной человеческий мир не сможет оставаться в нынешнем виде. Просто из-за небольшого радиуса действия «Моисея» процесс мог занять триллионы лет.

Спустя три дня после открытия «Моисея» двое исследователей попали в автомобильную аварию в Чжухае. По слухам, они были пьяны и попали под грузовик, когда переходили дорогу. Еще через день сменились и «руководящие товарищи», а в команде проекта прибавилось дежурных солдат. Еще более странно было то, что группа исследователей, которая работала здесь в первую очередь, бесследно исчезла, и среди них — доказавшая существование «Моисея» физик-ядерщик Ма Цинь.

Примерно через неделю после «Дела Моисея»

рабочая группа завершила реклассификацию тектосов.

Черная оболочка не оставляла возможности продолжать наблюдение за их метаморфозами, которые, очевидно, не прекращались. Ученые считали, что способность «Моисея» влиять на законы физики также была функцией, которую он приобрел в процессе постепенной эволюции.

Тектосы были поделены на четыре класса.

Первый — «Моисей». Изменение величины сильного взаимодействия напрямую влияло на стабильность окружавших его элементов.

Второй подтвержденный класс назвали «Цзаофу», потому что вокруг него был обнаружен странный оптический эффект, а позже выяснилось, что скорость света вокруг него также начинала возрастать. Влияние «Цзаофу» на осязаемый физический мир пока было не столь страшным, как влияние «Моисея», он не заставлял окружающие предметы фонить радиацией. Назвали его так, потому что мифический Цзаофу завладел колесницей и лихо гонял на ней, как по ветру. Свойство нового тектоса влиять на скорость света таила в себе пугающую возможность, что пространственно-временной континуум Вселенной может быть разорван, но в то время

сияние «Цзаофу» было значительно приглушено «Моисеевым».

Открытие третьего класса тектосов повлекло за собой маленькую катастрофу. Поскольку эффекты первых двух типов тектосов нашли путем различных экспериментов и случайностей, ученые разрабатывали различные, порой странные схемы, словно шли на мозговой штурм. В оставшейся партии не наблюдалось никаких аномалий, и окружающие экспериментальные образцы не показали изменений в законах физики. Если бы не чудеса «Моисея» и «Цзаофу», все бы даже заподозрили, что оставшиеся тектосы — это просто черные диски.

Истинное их лицо вскрылось в результате несчастного случая. Когда экспериментатор взял тектос третьего класса, его перчатка оказалась прорезана чем-то острым, и он коснулся поверхности образца голой рукой.

По его описанию, он ощутил прикосновение чего-то мягкого, а затем по черной поверхности тектоса внезапно разлилось вещество, похожее на тканевую жидкость. Экспериментатор немедленно разжал руку и швырнул шарик обратно в чашку Петри, подсознательно пытаясь прикрыть его, но не успел. Большое количество цитоплазмы

с пугающей скоростью хлынуло в разные стороны, как рисовая паста из лопнувшего пакета. Не прошло и десяти секунд, как что-то похожее на эмбрион выдавилось и раскололо стеклянную камеру.

В этот момент все присутствующие увидели человекоподобную фигуру, которая изо всех сил пыталась стремительно развиться из тканевой слизи. Чрезмерно быстрый рост сильно деформировал ее структуру, и объект приобрел ужасающую форму, в которой, однако, очевидно угадывались структурные свойства человеческого тела. Исследователи завопили. Кто-то пытался убежать из лаборатории, но обнаружил, что дверь в это время закрыли снаружи, некоторые упали в обморок от потрясения. А вот контактер был намного спокойнее, вероятно, потому, что он смутно разглядел в этом странном живом теле черты, похожие на лица членов своей семьи.

Быстрыми и аккуратными шагами в агонизирующую от всеобщей паники лабораторию ворвался сотрудник по фамилии Чжао в сопровождении четырех солдат.

— План Б! — кратко приказал он солдатам.

У этого сотрудника была круглая голова и круглое лицо. Раньше про него было известно лишь

то, что он отвечает за обучение технике безопасности. Будучи любителем поболтать и потравить анекдоты, он довольно быстро сблизился со всеми сотрудниками.

Когда солдат открыл заднюю крышку панели управления, кто-то из исследователей спросил:

— Братец Чжао, а в чем состоит план Б?

Братец Чжао даже не обернулся, пристально следя за каждым движением солдата, и спокойно ответил:

— Компрессионный гелиевый криоагент.

У человека, изолированного за стеклом, подкосились ноги, и он повалился на пол. Ужасная осмотическая сила гелиевого криоагента, находящегося под особым давлением, за предельно короткое время сведет температуру всего вокруг к абсолютному нулю. Будучи сверхтекучей жидкостью, он мог покрыть почти все вещества в лаборатории, включая резину и стекло, и прекратить жизнедеятельность всех известных организмов — в том числе и исследователей, находившихся внутри.

Люди широко распахнутыми глазами смотрели, как вниз хлынул белый туман, зная, что изолирующее стекло сейчас отделит жизнь от смерти. Когда люк снова откроется, коллеги пре-

вратятся в ледяные скульптуры.

— Стоп! — внезапно крикнул братец Чжао, вскидывая руку. Туман лился едва ли полсекунды.

Все заглянули внутрь и сквозь рассеивающиеся морозные клубы увидели, что страшное живое тело начало таять в вязкой тканевой жидкости. Это не имело никакого отношения к криоагенту, температура падала не настолько быстро. Страшное создание не прожило и двух минут, после чего утратило активность. После того, как оно исчезло, остались лишь твердые структуры, такие как кости и волосы. Тектос вытек из пропадающего тела на пол, но в конечном счете остался неизменным.

Изоляцию держали двадцать четыре часа, в течение которых больше не проявлялось никаких аномалий. Кратковременное использование криоагента обошлось без жертв — у находившихся в лаборатории случилась лишь легкая простуда, даже не обморожение. Секундой позже внутри никто бы не выжил.

Еще два дня спустя ученые пришли к выводу, что тектос третьего класса извлекает гены контактировавшего с ним живого создания, проводит какую-то странную и молниеносную

биохимическую реакцию, размножается, а получившиеся организмы погибают. Его назвали «Долли» в честь первой клонированной овцы.

Хотя все отделались легким испугом, некогда хорошие отношения братца Чжао с коллективом упали до точки замерзания. Никто не поаплодировал ему за моментальную реакцию и принятие надлежащих мер, и никто не помнил, что он с удивительной наблюдательностью решил прекратить экстренные меры и сохранил всем жизнь. Никто больше не болтал, не трепался и не пил с ним. Завидев издалека, Чжао старались обойти, а если не могли избежать встречи, делали вид, что не замечают его.

Вместе с усилением функциональности тектосов постепенно менялась и их форма. «Моисей» превратился в кольцо, «Цзаофу» подрос в гладкий шарик, а «Долли» вытянулась в призму. Исключение составлял только последний класс. Никто не знал, что это такое. Он был представлен всего одним тектосом, который постепенно отрастил «хвостик» и стал похож на древнюю нефритовую магатаму, но ни разу не дал возможности исследовать производимый им эффект.

В полдень того же дня Ван Хайчэн позвал Бай Хунъюй и приготовился к выходу в свет. Он не

мог внятно объяснить, зачем это сделал. Из-за работы в университете у него осталось не так много близких друзей, к тому же из-за сверхсекретности проекта все его участники находились в изоляции, так что малознакомые коллеги стали ему совсем чужими. Вот так незаметно и получилось, что у него осталась одна-единственная ученица, которая была рядом день и ночь, с которой они вместе переживали одни и те же мучения, спорили и пререкались по одному и тому же поводу, часто, рассердившись, не разговаривали друг с другом, а потом делали вид, что ничего не произошло.

Над всем этим зависло кое-что, о чем нельзя было говорить. Когда Ван Хайчэн думал об этой девушке раньше, то ему приходило в голову только ее имя. Оно олицетворяло ее странные идеи, ее расчетные коды, вечно написанные не по правилам, но предельно удобные. Неизвестно, когда это началось, но теперь при мысли о ней в уме астронома возникало улыбающееся лицо Бай Хунъюй, розовое, как водяная лилия, на лепестки которой легли лучи утреннего солнца, юбочка, колышущаяся у колен, а еще верхняя губка, прикушенная от злости белоснежными зубками.

Это очень плохо. Сейчас же не период Рес-

публики[56], когда историю любви Лу Синя и Сюй Гуанпин[57] обсуждали и пересказывали с одобрением. Сегодня же его поведение стало бы образцом для новостных сплетен. Ван Хайчэн мог даже представить заголовки СМИ и комментарии пользователей Сети по этому поводу. «Молодой астроном использовал ученую степень, чтобы шантажом заставить студентку лечь с ним постель, Негласные правила красавицы-доктора наук…» Черт, с чего он о постели вдруг подумал? Сердце Ван Хайчэна окатило жаркой волной, а в голове все окончательно смешалось.

Он не особо задумывался, когда отправлял сообщение Бай Хунъюй, все казалось таким естественным. Но когда девушка вышла, его все начало одолевать смущение, а желание сбежать становилось все сильнее и сильнее, и чем больше он думал об этом, тем больше чувствовал, что поступать так неразумно.

Молодой одинокий доцент пригласил студент-

---

[56] Сноски: 56

Китайская Республика существовала с 1912 по 1949 гг.

[57] Сноски: 57

Лу Синь (1881–1936) — известный китайский писатель, считается основоположником современной китайской литературы. *Сюй Гуанпинь* (1898–1968) — вторая супруга Лу Синя, его преданная сторонница, писательница и общественный деятель. Разница в возрасте между ними составляла восемнадцать лет.

ку в дом, который только что купил, о чем он вообще думал? Такое себе «ничего страшного».

В семь часов утра Ван Хайчэн спозаранку примчался в бюро недвижимости, а вместе с ним адвокат Ма, чтобы завершить процедуру принудительной передачи недвижимости при содействии судебного пристава. Он осторожно потрогал ту самую маленькую книжечку, чувствуя себя крестьянином, который после тяжелого года пахоты наконец-то срезал золотые колосья пшеницы. И хотя колосок был колючим, а сам жест провинциальным и даже позорным, он не мог не прикасаться к нему снова и снова, и даже если бы положил его в сумку, то все равно машинально тянулся бы к нему. Усевшись в машину, уже через две секунды он начал переживать, на месте ли сертификат, вдруг только что забыл в офисе и не взял? И снова прикасался к нему. А через минуту после этого забеспокоился, не выпал ли тот, когда он открывал сумку, поэтому снова тянулся в ее недра и снова гладил книжечку. Припадок обсессивно-компульсивного расстройства повторялся снова и снова, до тех пор, пока все не оказалось под замком, впрочем, и тогда Ван Хайчэна не до конца отпустило.

Впервые за столь долгое время он не думал

о тени таинственного Конструктора над своей головой. После полудня как-то совершенно обыденно решил, что нужно позвать Бай Хунъюй и сходить в дом, который наконец получил. И именно в это время в голове у него началась путаница, поскольку Ван Хайчэн не мог понять, действительно ли имел в виду что-то еще. Правда ли никогда ни о чем таком не думал, или подсознательно чувствовал, что с появлением дома у него появился какой-то статус, и теперь он мог высказать мысли, которые не мог озвучить раньше?

Мужику за тридцать, а стесняется, как пацан, у которого только начал расти кадык, и при этом уже нет мальчишеского бесстрашия. Ван Хайчэн ненавидел себя. Что бы он ни собирался сделать, ну можно же было хоть какое-нибудь решение уже принять? Какое угодно — любое сойдет!

Бай Хунъюй шла к нему через кампус, ее длинные волосы развевал морской бриз, черное платье со съемным воротником открывало точеные плечи и изящные ключицы золотисто-пшеничного цвета, а юбка была короче, чем обычно, чуть выше колена. Это платье совершенно отличалось от того, что она надевала в лаборатории, и сердце Ван Хайчэна учащенно забилось. Она подошла к

нему с радостным возгласом:

— Подарок! Поздравляю, босс! — и с этими словами обеими руками протянула ему коробку. — Это для квартиры, злых духов изгоняет.

Поймав его взгляд, Бай Хунъюй воодушевленно раскинула руки и повертелась, показывая ему платье.

— Как вам? Это я для вас постаралась, специально оделась покрасивее, чтобы из нового дома нечисть выгонять! В университет такое жалко надевать.

Ван Хайчэн смущенно глянул на нее, выдавил застенчивое: «Гм» и поспешно открыл подарок, чтобы отвлечь внимание. Это был цилиндр длиной чуть меньше метра, и, вскрыв его, Ван Хайчэн увидел внутри огромную, красиво напечатанную картину. Рук хватило, чтобы развернуть холст лишь до половины, и хотя он не мог увидеть ее целиком, все же с первого взгляда узнал, что там изображено.

Это была звездная карта той самой области на расстоянии тысячи четыреста световых лет от Земли, той галактики, где, предположительно, находилось облако Дайсона, источник открытия, положившего начало проекту «Звезды».

— Там, где началось наше чудо, — Бай Хунъюй

пританцовывала от радости. — Если однажды вы получите Нобелевскую премию и к вам придут гости, сможете указать на эту картину и рассказать им о былом!

Но Ван Хайчэна зацепила первая фраза. «Наше»? В смысле — «наше»? Не смея слишком много думать, он поспешно убрал картину и серьезно поблагодарил ее.

Когда они зашагали к выходу, Бай Хунъюй спросила:

— Босс, как вы думаете, для чего может пригодиться последний тектос?

— Не очень хорошо обсуждать это вне лаборатории, нет? — ответил Ван Хайчэн.

— Ой! — Бай Хунъюй огляделась. — Ну что может случиться в университете?

Ван Хайчэн улыбнулся.

— А ты думаешь, мы знаем, для чего могут пригодиться остальные три?

Пока они увидели лишь малую часть этих загадочных объектов, словно верхушку айсберга, торчащую из воды.

— Женская интуиция подсказывает мне, что этот последний тектос важнее, чем остальные.

— Это просто догадки, какая там женская интуиция… — покачал головой Ван Хайчэн.

— У меня такое чувство, что эти конструкции должны существовать для какой-то более сложной цели, и что эти функции нужно каким-то образом объединить, чтобы сыграть роль гораздо большую, чем мы можем себе представить.

— Ай, ну что ты несешь. У тебя глагол и дополнение не вяжутся, что значит «сотворить роль»?..

— Поняли и ладно! Вы тоже не учитель китайского! — сердито сказала Бай Хунъюй и, подумав, добавила: — Разве у нас в последнее время происходит что-нибудь интересное? Да и в изучение тектосов по проекту я тоже лезть не могу…

— Ага, — все так же с улыбкой сказал Ван Хайчэн.

— И поэтому я в последние дни думала, как мы тогда ездили на FAST. Эти две звездные структуры, мы их считаем облаками Дайсона, которые еще так внезапно появились, и наши тектосы… мы же раньше говорили, что тектосы, вероятно, просто обычная темная материя? И вы еще сказали, что, может быть, «темная материя» — это просто состояние обычной материи, и, может быть, это состояние можно изменить…

Это был особый талант Бай Хунъюй, вероятно, именно он так привлекал Ван Хайчэна. Она всегда могла посреди хаоса найти связующее звено

между, казалось бы, не связанными друг с другом вещами, а также поставить задачу, взглянув на вещи с неожиданных ракурсов.

— Это просто… я не знаю, как объяснить. Мы всегда забывали о тех двух облаках Дайсона, которые внезапно появились. Я не думаю, что это было просто совпадение или что-то в этом роде. Связь между ними определенно глубже, чем можно себе представить.

Да, Ван Хайчэн тоже размышлял об этом. У них больше не было никаких доказательств существования двух призрачных облаков Дайсона, и они не думали о них в контексте тектосов. Эти объекты казались слишком далекими друг от друга, но все определенно было не так просто.

— И какая связь?

— Я… Я не могу сказать! Это просто женская интуиция!

— А, хорошо, хорошо. — Они оба рассмеялись. — Ну давайте, давайте поговорим об этом, не бойтесь, какая интуиция у женщины, на которой держится полнеба?

— Вам не кажется, что появление этих сфер похоже на «исчезновение» наших тектосов, только наоборот?

Ван Хайчэн зашевел мозгами.

— Вы имеете в виду, может ли облако Дайсона осуществлять процесс, обратный исчезновению тектосов… ну, материализацию?

— Но это не имеет смысла, это все тот же старый вопрос. Даже если они действительно перешли из состояния темной материи в состояние обычной и теперь их можно увидеть, такой ответ все равно не может объяснить разницу в тысячи световых лет между ними. Как мы могли получить эту информацию одновременно? — Бай Хунъюй закусила губу. — Кажется, моя интуиция не работает. Ха-ха-ха…

Они шли вдвоем и, не успев опомниться, оказались в жилом комплексе, где находилась новая квартира Ван Хайчэна. Комплекс был довольно хороший, находился близко к университету, в нескольких минутах ходьбы. Миновав ворота, Ван Хайчэн почувствовал запах ветерка, шелестящего листьями, и внезапно настроение у него резко улучшилось. Бай Хунъюй легкой поступью шла впереди. Воздушные корни баньяна у обочины свисали, как занавеска, и девушка протянула руку, чтобы отвести их в сторону, засмеялась и стряхнула древесные пряди, запутавшиеся в ее волосах. В комплексе не было ни души, кругом пестрели свет и тени, и казалось, два человека

вошли в свой собственный сад и теперь вместе гуляют по небу.

Внезапно Ван Хайчэн ощутил в себе смелость. Казалось, воздух пах будущим, которого он так хотел. Все это больше не имело значения — никакие табу, правила, обычаи, к черту их! В одно мгновение он принял решение. Когда он откроет дверь своего собственного дома, сперва повесит огромную звездную карту на стену, а затем объяснится с девушкой, прямо перед картиной.

В момент, когда он принял решение, его шаг стал быстр и легок, как будто даже немалая сумма, потраченная на судебный процесс, того стоила, потому что именно в этот день и в этот миг он понял себя и решил сделать все возможное, чтобы бороться за то, чего хотел.

— Очень хорошо вокруг! — похвалила Бай Хунъюй, оглядевшись по сторонам.

— Тебе нравится? — спросил он, и эта фраза означала уже совершенно иное.

— Еще как!

Войдя в лифт, Ван Хайчэн все еще не мог оторвать глаз от Бай Хунъюй, и подъем на двадцатый этаж казался ему слишком быстрым и одновременно слишком долгим. Они прошли по коридору к двери, Ван Хайчэн вынул ключ, вздохнул и

торжественно вставил в замок.

Ключ не проворачивался?!

Он попробовал еще раз, с тем же результатом. Посмотрел на номер квартиры. Верно. Поглядел из окна коридора на номер дома. Верно.

Терзаемый подозрениями, Ван Хайчэн вновь вставил ключ в замок и хотел попробовать еще раз. Внезапно из-за двери раздался крик:

— Кто там? Ты что творишь?!

Прежде чем он успел среагировать, дверь внезапно открылась, и на пороге появился здоровенный мужик на полторы головы Ван Хайчэна; позади него стояла женщина средних лет, охранявшая гостиную со шваброй наперевес.

— Ты что творишь? — заревел мужчина. — Грабят среди бела дня! — Он обернулся к женщине. — Сейчас же звони в полицию! И охрану позови!

Ван Хайчэн на мгновение остолбенел, но тут же отреагировал:

— Это вы что делаете? Это моя квартира!

— Какая твоя квартира? Мы тут уже полгода живем! В твоей квартире, да? — усмехнулась женщина.

Пять минут спустя подошел охранник.

— В чем дело?

— Вот, вор с ключом явился, дверь нашу

вскрывает! Товарищ охранник, хватайте его, перекройте лестницу, не дайте этим двоим сбежать! — разоралась женщина хриплым голосом.

— Это моя квартира. У меня есть свидетельство о собственности, — сказал Ван Хайчэн, доставая из сумки ярко-красный сертификат.

— Вы носите с собой свидетельство о собственности? — опешил охранник.

Он сразу понял, что дело непростое, наклонился и внимательно сверил адрес, все было верно. Затем он глянул в начало документа.

— Это только сегодня выдали? Ой…

— Ой!.. — Женщина в комнате сделала преувеличенно потрясенный вид. — А ну дай глянуть…

Она протянула руку, чтобы выхватить свидетельство, но Ван Хайчэн поспешно отпрянул, убирая бумажку за пазуху. Не заполучив свидетельства, женщина продолжила свой драматический спектакль:

— О, я поняла, о черт, о, этот ублюдок! У кого ты купил свою квартиру?

Ван Хайчэн не ответил.

— У Ли Ду купил, верно? Я знаю, когда я снимала дом, владельцем был Ли Ду, так что ты, должно быть, купил у него.

Имя было правильным.

— Я сняла у него квартиру полгода назад, подписала долгосрочный договор аренды на пять лет, и сразу же заплатила. А он квартиру продал. Он передал тебе остаток за четыре с половиной года?

Но прежде чем Ван Хайчэн успел заговорить, женщина продолжила:

— По закону продажа квартиры на договор аренды не влияет.

Эта реплика была настолько жесткой, что от нее аж трещина осталась.

Затем Ван Хайчэн увидел, как мужчина достал из ящика бокового шкафа два листа бумаги:

— Вот договор, на нем подпись и отпечаток пальца, все четко. Полгода назад я подписал с хозяином долгосрочный договор аренды на пять лет, плату отдал сразу. Все законно! И не мое дело, продал он дом или нет. Договор должен быть выполнен! Смотрите, там все четенько — дата тоже есть.

Ван Хайчэн прекрасно понял, что происходит. Он машинально протянул руку и коснулся скрученной звездной карты, глядя на то, как эта парочка ладно распевается перед ним, но не слышал ни единого слова. Он безучастно смотрел на Бай Хунъюй и мысленно снова и снова задавал

один и тот же вопрос: «Куда же тогда картину повесить?»

Глава восемнадцатая

Самая глупая вещь на свете — это пытаться понять природу человека с помощью испытаний.

Испытания только искажают и меняют его, заставляя терять свою изначальную сущность. Человек — это жизнь, сформированная окружающей средой, она больше похожа на пластилин, а не на окаменелость, обернутую слоями грязи.

В тот день кучи охранников, полицейских и адвокатов один за другим являлись, чтобы испортить Ван Хайчэну жизнь. Когда они с неизменно сопровождавшей его Бай Хунъюй вышли из дверей юридической фирмы, на дворе стоял десятый час вечера.

— По законам нашей страны сделки купли-продажи недвижимости не влияют на договор аренды. Если договор легален и защищен законом, нужно найти способ договориться… — Адвокат Ма изо всех сил старалась придать голосу успокаивающий тон.

Ван Хайчэн покачал головой и усмехнулся:

— Хех, как вы думаете, похоже на то, что с ними можно договориться? Не нужно даже спраши-

вать, и так понятно, что они скажут: арендная плата за пять лет, двести или триста тысяч.

— Либо это нарушение контракта, хотя в нем говорится, что в случае нарушения договора арендодателем ему придется компенсировать…

— Минуточку! — рявкнул Ван Хайчэн на адвоката. — Минуточку, мне кажется, вы не совсем поняли, зачем я к вам обратился.

— Я слушаю вас.

— Я. Хочу. Чтобы они. Убрались. Из моего дома! — чеканя слова, процедил сквозь зубы Ван Хайчэн. — И ни гроша им не заплачу.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — вздохнула адвокат Ма. — Поверьте, я все понимаю. Но проблема в том, что если решать так, то есть только один способ — доказать, что договор аренды поддельный.

— Он и есть поддельный!

— Вы это знаете, я это знаю, и, думаю, полицейские, которые явились сегодня на порог, тоже знают. Но закону нужна цепочка улик. Как мы сможем это доказать?

— Эта женщина — двоюродная сестра бывшего владельца, разве не очевидно? — вмешалась Бай Хунъюй. Полиция выяснила это, когда проверяла удостоверения личности.

— Да, но что это доказывает? Разве нельзя сдавать квартиру родственникам?

— Этот договор вообще не был подписан полгода назад. За последние полгода я много раз бывал в этом доме, и никого там не было. Ясно, что они переехали, когда стало очевидно, что суд он проиграет. Поэтому они подписали поддельный договор!

— Я знаю, знаю, — отчаянно утешала его адвокат Ма. — Так наверняка и было, но…

— Разве я не заплатил за то, чтобы на квартиру наложили арест, когда подавал иск? Почему это оказалось бесполезно? Я…

— Вам стоит немного успокоиться. Вы заплатили за гарантию, что квартиру не заложат, не продадут и не подарят, а не за гарантию, что в ней никто не будет проживать.

— Я не…

— Босс, вы не волнуйтесь так, — тоже встревожилась Бай Хунъюй.

— Давайте не будем горячиться, просто обсудим, как решить проблему. Чтобы доказать, что договор аренды поддельный, нам нужно предоставить цепочку доказательств, которая включает в себя: во-первых, доказательство, что в доме последние шесть месяцев никто не

жил, — видеоданные, свидетельства соседей и охранников. Захотят ли они дать показания? Во-вторых, что время заключения договора подделано, но обеим сторонам совершенно невозможно давать показания против самих себя.

Ван Хайчэн глубоко вздохнул, подавляя гнев:

— То есть, по-вашему, только денег дать, верно?

Адвокат Ма промолчала.

— Другими словами, в рамках закона я никак не смогу их оттуда вышибить?

— …Вообще-то при нынешнем состоянии судебной практики в нашей стране, пока они живут в доме, даже если незаконно, очень трудно заставить их съехать. В любом случае, мы и доказать-то не можем…

Ван Хайчэн молчал.

Потом неожиданно встал и протянул адвокату Ма руку для пожатия.

— Спасибо, адвокат Ма. Извините, что побеспокоил. Простите, что вновь утруждал вас своими заботами, я искренне сожалею.

Адвокат Ма на мгновение оторопела, затем с некоторым смущением пожала его руку:

— Нет-нет, это…

Ван Хайчэн не ответил, повернулся и сказал

Бай Хунъюй:

— Прости, тебе я тоже ужасно докучал. Не очень из меня учитель, столько хлопот доставил. Вернемся в университет.

Бай Хунъюй тоже не знала, как себя вести, казалось, что ни скажи — все будет неуместно. На первый взгляд, к Ван Хайчэну вернулось нормальное расположение духа, словно вовсе ничего не произошло. Ей оставалось лишь молча последовать за учителем и на такси вернуться в университет. Только пережив хаос этого дня, она осознала, что пришлось испытать ее наставнику за все это время, и она не могла понять, как он умудрялся отвлечься, как мог одновременно справляться с двумя проблемами, каждая из которых высасывала из него все силы.

Бай Хунъюй немного испугалась, как будто Ван Хайчэн перегрузился и намертво завис, как будто все его нутро разорвало на куски, осталась лишь пустая оболочка. Ей всегда казалось, что этот доцент, будучи старше нее всего на несколько лет, на самом деле большой мальчишка. Ей безумно нравилось учиться у него: это было весело, они как будто всегда говорили на равных, а теперь, похоже, реальность выжала из него последние соки, и он вот-вот мог совсем исчезнуть.

В полном молчании они вернулись в кампус, но не успели попасть в зону безопасности проектной группы, как оказались в окружении. Четверо солдат обступили их, словно опасных врагов.

— Пожалуйста, предъявите удостоверение личности!

Обстановка и атмосфера — все было не так. В кампусе царила необычная тишина. В этом уголке и раньше не кипела жизнь, но сегодня не было видно ни души — ни студенческой, ни преподавательской, зато зону экспериментального проекта патрулировали небольшие группы солдат. Ван Хайчэн и Бай Хунъюй достали документы, которые солдаты проверили, подтвердили по телефону, подтвердили в сети: все уровни проверки заняли почти десять минут, в течение которых ученых держали в плотном кольце охраны. После того как процедура успешно завершилась, главный солдат сказал:

— Непредвиденные обстоятельства, вход воспрещен.

— Что случилось? — спросила Бай Хунъюй.

— Не знаем, мы просто выполняем приказ…

Не успел он договорить, как из лаборатории у них за спиной раздался грохот, и на них налетела ударная волна в сопровождении яркой вспышки.

Хотя от эпицентра их отделяло больше двухсот метров, все четверо солдат немедленно метнулись на защиту гражданских и повалили их на землю, закрыв собственными телами. Бай Хунъюй закричала от страха, а Ван Хайчэн уставился на взрыв широко распахнутыми глазами и упал на спину, как деревянный болванчик.

Взрыв был не слишком сильным, и за ним больше ничего не последовало. Солдаты немедленно отправили ученых в комнату безопасности. Оба пребывали в полнейшем шоке и не понимали, что произошло.

— Тектосы! Тектосы! — изо всех сил пытался отбиться от солдата, кричала Бай Хунъюй. — Что с тектосами? Да забудьте вы о нас! Быстрее спасайте артефакты!

Вместе с ними в комнату безопасности в безапелляционно защитном порыве затолкали еще нескольких ученых. Поначалу народ переглядывался, пытаясь хотя бы по выражению лиц понять, что же, в конце концов, произошло. И почти сразу кто-то рискнул предположить:

— А может это… Земля загорелась?

До этих слов в комнате стоял непрерывный гул: все галдели, обменивались сплетнями и свежими новостями. Но этот осторожный, тихий голос

прорвался сквозь шум и отозвался эхом в сердце каждого. В помещении мгновенно воцарилась мертвая тишина.

Они часто шутили на тему «земного пожара». Обнаружив, что «Моисей» ослабляет сильное взаимодействие в десятках сантиметров вокруг себя, кто-то однажды воскликнул: «О боже, если эта штука станет мощнее, она же Землю подожжет?» Никто уже не помнил, кто это сказал, но фраза накрепко засела у всех в памяти. Сильное взаимодействие в ядрах вблизи «Моисея» было слишком велико и недостаточно стабильно, и атомы начинали излучать, а излучение — по сути, высвобождение энергии при переходе атомов с высокоэнергетического уровня на низкоэнергетический. Горение же — это тоже возбуждение состояния плазмы и высвобождение потенциальной энергии. Шутка ученого была такой странной, что «поджигание Земли» превратилось в такой же баян, как «изнасилование Земли»[58]. После открытия «Цзаофу» ученые несколько раз вспоминали ее, чтобы схохмить, чем весьма забавляли окружающих.

---

[58] Сноски: 58

«Изнасилование Земли» («Изнасилование Матери-Земли») — тезис о варварской эксплуатации планеты человечеством, популярный в конце XIX — начале XX века.

Но когда лаборатория взорвалась, шутка изменилась, как призрак. Тектосы росли, и кто знает, во что они могли превратиться?

Это была не куча взрывчатки, не куча супервирусов, не куча машин для убийств. Машины для убийств и тому подобное следуют законам физики, их можно засунуть в клетку и держать подальше от белого света. А вот тектосы изменяли законы самой Вселенной.

Если сильное взаимодействие всей Земли достаточно ослабнет, то она действительно воспламенится. Все сущее будет бешено изливать энергию вовне, в том числе каждая клетка человеческого тела и каждая молекула воздуха, которой оно дышит.

Квантовая механика однажды предсказала такую возможность: сам вакуум не пуст, он находится в «относительно стабильном» высокоэнергетическом состоянии, которое на самом деле является «ложным вакуумом». Когда «ложный вакуум» перейдет в состояние «истинного вакуума», само пространство выделит энергию, превышающую преобразование массы в энергию в сотни миллиардов раз. Мощности взрыва ложного вакуума будет достаточно, чтобы уничтожить всю Вселенную. Для подобного явления

существует специальный термин: вакуумный распад. А еще это одна из гипотез Конца света в физике.

Когда был открыт эффект «Моисея», некоторые сразу подумали о вакуумном распаде. Тектос обеспечивал возможность работы вечного двигателя, поэтому требовалось ответить на вопрос: откуда берется энергия для него? По мере того как «Моисей» продолжал создавать энергию из вакуума, в сильном взаимодействии мира проявились микроизменения, и возникла следующая гипотеза: «Моисей» использовал предельно слабый распад вакуума, высвобождая из него энергию посредством искажения физических законов, так что «ложный вакуум» медленно распадался до «настоящего вакуума».

Если предположение было верным, оно означало, что «Моисей» поджигает пороховой погреб, в котором находится все в мире, высвобождает ужасающую силу, сопоставимую с Большим взрывом. Земля, Солнечная система и даже вся Вселенная могли быть отброшены назад к состоянию более элементарному, чем элементарные частицы.

Бай Хунъюй почему-то представила странную картинку конца света на Земле, и он выглядел

не как адское пламя, обращающее все в пепел. В ее воображении Земля превратилась в паровую пулю: кипящий океан, как порох, извергал высокотемпературный ионизированный пар, и его удар столкнул Землю с орбиты, и она закружилась, спасаясь от притяжения Солнца. Пуля-Земля попала в Юпитер, взорвав водородную планету-гиганта. Подобно ударному кольцу, которое возникает, когда сверхзвуковой истребитель преодолевает звуковой барьер, взрыв разорвал пояс астероидов, метеоритный дождь ливнем, пронесся по всей Солнечной системе, а одинокая пуля-Земля пронеслась мимо других планет в бесконечный, черный космос.

Бай Хунъюй не чувствовала страха, только красоту этой странной выдумки, странную и фальшивую красоту. Живи с размахом, умри роскошно.

В это время в комнату безопасности вошел незнакомый офицер:

— Мы подверглись нападению враждебных сил из-за границы, они проникли в министерство внутренних дел и нарушили его работу, к тому же произошла утечка развединформации. Сейчас те, кого я позову, выйдут со мной для проведения допроса.

Несколько лет спустя Ван Хайчэн добыл последний кусочек головоломки и с трудом сложил общую картину. О нем ему рассказал иностранный товарищ по «Светлячку».

«Звезды» были не первым в мире проектом по расшифровке кода излучения черного тела температурой 60 К. Двадцатичетырехчасовая трансляция охватила всю Землю, и даже сам Ван Хайчэн узнал новости от своих коллег из обсерватории VLA в Соединенных Штатах. США отреагировали быстрее всех, создав специальную проектную группу уже на следующий день. Япония, Великобритания, Австралия, Франция, Россия и Германия также осознали ценность полученной информации и также запустили проекты по расшифровке сигнала.

Быстрее всех связи с ДНК установили опять же в США. И хотя Китай, пусть и по чистой случайности, подтянулся довольно быстро, по времени он все же отставал от Германии и финишировал третьим. Однако в вопросе конструирования тектосов китайский проект «Звезды» всех обставил. Когда дело дошло до внезапного вложения огромных сумм, эффективность американского бюджетного механизма в мирное время оказалась подорвана. ДНК «Нолика» уже была собрана,

а Соединенные Штаты все еще проводили анализ бюджетных инвестиций в проект, а ученые ломали голову над тем, какое обоснование проекта, пусть самое бессмысленное, придумать, чтобы попросить денег.

Именно потому, что Ван Хайчэн и его команда были инициаторами создания первой партии формованных тектосов, им не довелось испытать «смерть пчелиного роя». В то же время, когда тектосы в лаборатории Чжухая стали прозрачными, клетки, созданные в США и Германии, начали излучать мощный синий свет и испаряться, перейдя в газообразное состояние. Образцы, созданные в ходе последующих экспериментов, никакой активности так и не проявили. Единственный тектос — тот, которому так и не дали имя в проекте «Звезды» и не выяснили, что за функции он выполняет, — отдал приказ об уничтожении, используя метод связи, который люди еще не могли зафиксировать. В результате на Земле смогла существовать только одна группа тектосов.

Последний тектос назвали «Пчеломаткой», и с ее созданием все остальные потенциальные «Пчеломатки» перестали развиваться. Внутренняя структура других тектосов, потерявших

«Пчеломатку», сама собой разрушилась, аннигилировала и исчезла. Во всем мире могла быть только одна пчелиная колония.

Соединенным Штатам потребовалось немало времени, чтобы добыть информацию о ходе экспериментов в Китае. В этой игре с нулевой суммой для них было естественным реагировать только так: двое исследователей были сперва похищены, а затем убиты — «погибли в автомобильной аварии». Никто так и не узнал, какую информацию Соединенные Штаты смогли от них получить. Сотрудники, ответственные за безопасность проекта «Звезды», нащупали зацепки, с размахом обновили механизмы безопасности и конфиденциальности и даже повторно проверили персонал на политическую благонадежность. Даже Ма Цинь, открывшая «Моисея», в то время подверглась тщательному допросу и в результате покинула проект по неизвестным причинам.

Возможно, именно это задержало проникновение врага, но не остановило его полностью. В день взрыва трое шпионов проникли в исследовательский центр с поддельными удостоверениями личности. Разведданные обеспечили им предельную точность и своевременность действий — они точно подгадали время между отдыхом

двух исследовательских групп, убили девять солдат, дежуривших на пути, расчистили путь и ворвались в одну лабораторий для культивации тектосов.

Изначальный замысел состоял в том, чтобы украсть их, но тщательный план нарушил небольшой форс-мажор: именно в этом инкубаторе держали «Пчеломатку», и именно в это время ближайший к ней тектос «Моисей» вступил во вторую стадию трансформации — его структура начала развертываться и разрастаться.

Никто не ожидал, что вторая фаза застанет шпиона за работой, когда он переносил контейнер с тектосом. Изначально «Моисей» держали в чашке Петри диаметром восемь сантиметров и высотой четыре. Шпион запаковал ее в пластиковую коробку немного большего размера, как раз подходящую для того, чтобы удобнее было своровать. И именно потому, что тектос оказался в недрах пластиковой коробки, шпион не заметил, как началась аномальная вторая фаза роста. Когда призрачное кольцо развернулось через чашку Петри и пластиковую коробку, было уже слишком поздно. Полувидимое полукольцо ворвалось своей черной броней в плоть его правой руки, а затем, спустя три десятых секунды,

полностью материализовалось.

В первый момент он не почувствовал боли или чего-то ненормального. Это было просто черное кольцо, наполовину вошедшее в плоть и на другую половину уходящее в пластиковую коробку, соединяя их вместе. Боль пришла с опозданием на несколько секунд, как раз когда кровь медленно засочилась из щели, сквозь которую проникло черное кольцо. Закаленный в боях шпион вдруг потрясенно осознал, что его пальцы не двигаются и полностью утратили чувствительность — «Моисей» вырвал ему нервы и мышцы. Пусть дух диверсанта был тверд, как железо, но от такой мутации его охватил страх. Диверсант совершенно бессознательно коснулся черного кольца левой рукой. Черное кольцо прошло через его руку без малейшего сопротивления и повернулось там на 30 с чем-то градусов, вытягивая кровь. Запаниковав, шпион заорал; единственное, чего ему хотелось, — это избавиться от непонятной аномалии. Разумеется, от крика сработал сигнал тревоги.

План кражи провалился, команда безопасности проекта «Звезды» немедленно заблокировала лабораторию. Окружив ее в несколько рядов, солдаты начали обыскивать внутренние помеще-

ния. В этот момент Ван Хайчэн и Бай Хунъюй как раз вернулись в университет. Зная, что теперь они не смогут выполнить задание и украсть тектосы, трое высококлассных спецагентов даже не собирались убегать, а вернулись в лабораторию, чтобы заложить взрывчатку в попытке уничтожить то, что не удалось похитить.

С точки зрения оперативной эффективности это был полный провал американской разведки. Кроме разрушения лаборатории в университете Сунь Ятсена и усилению секретности проектной группы, взрыв нисколько не коснулся самих «Звезд» — и даже вскрыл очень важный момент: стабильность и прочность тектосов невозможно было уничтожить доступными человеку средствами. Однако эта операция неожиданно сильно повлияла на исследователей проекта: они наконец-то столкнулись с настоящим страхом.

У наивных ученых не было опыта в скрытых войнах внутри человечества, поэтому они, естественно, предположили, что взрыв произошел из-за тектосов. Когда смутное беспокойство, ранее бывшее предметом шутки, обрело плоть, страх, что «загорелась Земля», закрался в душу каждого участника. Интеллект и сила воображения этих людей находились на пике человеческих

возможностей, а потому ползучий ужас стал совершенно неуправляем — как тень абсолютного апокалипсиса. Человечество походило на растения с атолла Бикини — когда начались ядерные взрывы, все средства, которые за миллиарды лет подготовили все живое к окружающей среде лет, оказались совершенно бесполезны.

После того как место происшествия окончательно зачистили, исследователи впервые столкнулись с «Моисеем» на второй стадии. Тектос оказался совершенно невредим, да еще и продолжал расти, но лишь немногие испытывали радость и восторг по этому поводу. Напротив, люди чувствовали, как у них по спинам ордами бегают мурашки от того, что над их головами зависло зловещее предзнаменование: чем больше в размерах тектос, изменяющий законы природы, тем ближе подходит час «горения Земли».

Действия американских шпионов раскрыли новые данные — «гибель пчелиного роя», и китайская разведка начала распутывать клубок, заодно предприняв контратаку. Вскоре после этого, основываясь на информации от всех сторон, была подтверждена ключевая ценность «Пчеломатки». Дальнейшие эксперименты доказали особую значимость этого тектоса в форме мага-

тамы. Хотя он никак не нарушал законы физики, продолжающийся рост образцов был неразрывно связан с его влиянием: тектосы, находившиеся далеко от «Пчеломатки», переставали расти, развитие продолжалось только в непосредственной близости к ней. Это могло быть эффектом выключателя — она контролировала включение и выключение роста остальных тектосов.

Лаборатория была разрушена, к тому же стала очевидна необходимость усилить меры безопасности. Исследователей проекта «Звезды» в рамках защиты вывезли из университета и отправили в более отдаленный военно-исследовательский институт — на военную базу в горах. Все находились под строгим военным управлением, невозможно было не то что выйти — даже во время еды и похода в туалет за дверями кто-то бдел, а затем, после множества проверок, снова исчезло несколько исследователей.

Все работы прекратили, пока не выяснится, откуда американские шпионы добыли данные, и не будет гарантирована безопасность проекта. В горном комплексе, который позже стал Первой базой проекта «Звезды», раньше проводили эксперименты с новым оружием, поэтому здесь было больше места и меньше людей. Жизнь исследо-

вателей на новой базе ничем не отличалась от жизни заключенных. Проверка-отдых, проверка-отдых, возможно, даже хуже, чем у заключенных. Чтобы не дать ученым общаться друг с другом, их лишили даже свободы встречаться и болтать. Но чтобы они не сошли с ума, на базе специально подготовили индивидуальную программу для каждого. Ван Хайчэн получил совершенно новую игровую консоль, и это говорило о том, что военные тщательно изучили интересы и увлечения каждого и дали им возможность развлекаться привычным образом.

Это были самые ужасные дни в жизни Ван Хайчэна. Страх перед Конструктором больше не маячил на горизонте, зато там оказался дом, свидетельство о владении которым было у него на руках. Он даже не мог найти адвоката, чтобы обратиться в суд, так как с базы его не выпускали. Что еще хуже, во время проверок с каждого исследователя слой за слоем снимали шкуру, задавали и задавали вопросы, на которые хотелось и не хотелось отвечать, под прицел попали даже личные отношения всех со всеми.

— В каких отношениях вы состоите с Бай Хунъюй?

— Если вы с ней просто учитель и ученица,

почему же вы так близки?

— О чем вы говорили с Ань Сэньцином?

— Куда вы с Бай Хунъюй ходили в день взрыва?

— Почему вы решили позвать ее? Я думаю, вы можете дать полное объяснение. Тут все умные люди, а момент довольно чувствительный, нам же не нужно объяснять?

— Итак, я могу понять это так: вы не планируете сотрудничать?

— Может ли Бай Хунъюй подтвердить ваши слова?

— Хе-хе, то есть, говоря простым языком, вы хотите сказать, что даже сами не понимали, что это любовь безответная, так? Хорошее оправдание.

— Можете ли вы сказать прямо: вы когда-нибудь спали со своей студенткой?

В тот день в комнате для допросов Ван Хайчэн не мог сдержать тошноты, и его вывернуло наизнанку обедом. Все было сломано и раздавлено, обнажено и вывешено на всеобщее обозрение, он почти видел недобрый настрой тех, кто его допрашивал. Но больше всего его беспокоило то, как эти люди будут допрашивать Бай Хунъюй, о чем они спросят. На самом деле, беспокоиться не было никакого смысла, потому что Ван Хайчэн

точно знал: когда его ключ не смог открыть дверь квартиры, многое на этом и закончилось. Теперь все безвозвратно пошло в худшую сторону.

Взрыв все ускорил гораздо сильнее, чем можно было себе представить, и, что более важно, он раскрыл ту сторону, с которой ученые-теоретики, такие как Ван Хайчэн, никогда раньше не сталкивались: на Земле есть страны, а наука — часть их национальных интересов.

— Как вы там, физики, говорите? «Сферический петух в вакууме»? Вот именно такое у меня о вас впечатление. Возможно, у вас и нет мыслей Родину предавать, но, похоже, в вашем сознании не хватает какой-то струны, и вы не осознаете очень простого факта: знание — это сила. Обладая силой, вы можете повалить на землю и растоптать кого угодно. Что, если этой силой завладеет враг? Вы слишком хорошо думаете о мире, как будто это просто рай на земле. Я думаю, мне нужно объяснить вам одну очень простую вещь. Ценность каждой технологии в проекте «Звезды» безгранична и может изменить мир. Вопрос в том, кто будет его менять, кто возьмет на себя инициативу, кто будет стоять на вершине мира. Как вы думаете, это совпадение, что у всех пяти постоянных членов Организации Объединенных

Наций есть ядерное оружие?

Когда дознаватель из лучших побуждений выдал ему горькую правду о политическом ландшафте и элементарные знания о мире, Ван Хайчэн, не удержавшись, расхохотался:

— То есть, пока мы тут пытаемся раскрыть тайну происхождения жизни на Земле, хотим понять правду о нашей Вселенной, вас волнует то, кто в мире будет доминировать? — Он смеялся, немного ненормально, а то и безумно. — Мы волнуемся о том, не сгорит ли планета, а вы — о том, кто ее подожжет. Это не кажется вам забавным? Вы вообще знаете, что такое тектосы?

— А вы вообще знаете, что такое люди? — холодно парировал дознаватель. — Поджечь Землю? Как вы думаете, если бы в руки террористов на Ближнем Востоке попал «Моисей», ах, нет, давайте более реалистично, водородная бомба, что бы они сделали? Не могли бы вы, пожалуйста, пожить на Земле, где есть воздух и гравитация? Профессор Сферический Петух в Вакууме. — Дознаватель внезапно странно улыбнулся: — Да и бог с ними, с другими. Я-то думал, что вы, профессор Ван, перестанете быть уверены в других людях после того, как получили столь важный урок! Если мир так прекрасен, как вы попали в

ситуацию с вашей квартирой?

Его слова, словно сильный удар в грудь, застали Ван Хайчэна врасплох.

— Вот это и есть правда мира, профессор Сферический Петух в Вакууме. Каждый может погубить вашу жизнь в погоне за богатством. По вам мы еще продолжим расследование. Посмотрим, все ли будет в порядке. Позволю вам напомнить кое о чем. Не воображайте Вселенную такой прекрасной, мы еще не построили мир на Земле. Всегда имейте в виду: если даете кому-то нож, то тем самым вы толкаете его на преступление. А тектос и есть… ну, вы понимаете.

После череды проверок контрразведки Ван Хайчэн постепенно научился смотреть на проект «Звезды» другими глазами. Они были правы. Тектосы — это нож. При правильном использовании им можно переполосовать всю структуру власти в современном мире, а затем реконструировать в соответствии с замыслом владельца ножа. Для этого достаточно, чтобы «Моисей» вошел во вторую фазу. Разрыв между константой сильного взаимодействия вокруг объекта и в обычном мире уже был очень велик. И если разработать простое колебательное устройство, можно было использовать разницу в законах физики для

получения невообразимой, неограниченной энергии. А она, бесплатная, чистая, способна вылепить совершенно новую экономическую и торговую структуру всей планеты.

Над вопросом, как люди смогут использовать тектосы, Ван Хайчэн раньше не задумывался. Ценность «Моисея» была очевидна, но что смогут сделать «Цзаофу» и «Долли»? Скорость света вблизи «Цзаофу» возрастала, и это само по себе находилось за пределами человеческого понимания, ведь подобное свойство могло перестроить пространственно-временную структуру всей Вселенной. Но для низкоскоростного мира, где живут люди, в этом, похоже, не было никакой практической пользы. Вот если бы человечество уже вступило в стадию сверхцивилизации с межзвездной иммиграцией, ценность тектоса могла бы возрасти многократно, но пока способа использовать его не было.

Насчет «Долли» даже идей не возникало. Что это за штука? Несовершенный биоксерокс?

И в этот момент в голову Ван Хайчэну пришла удивительная идея:

Важно не то, какую пользу тектосы несли людям, а какую пользу люди приносили их Конструктору.

Может, эффекты, которые люди смогли распознать и использовать, — это только побочное действие тектосов? А как насчет основного? Конструктор прислал людям чертежи этих ультрамикробных машин. Что он собирался сделать после того, как человечество построит их?

Исследователи проекта «Звезды» тратили все свое время и энергию на изучение эффектов, производимых тектосами. Они таили слишком много загадок. Какова структура черной оболочки? Как реализуется их функция? Если это ультрамикромашины, то какой механизм приводит их в действие? Каков размер микромасштабирования? Действительно ли невидимая и не осязаемая, за исключением оболочки, и не имеющая каких-либо электромагнитных эффектов начинка тектосов — это темная материя? Если да, то как обычная материя превратилась в темную?

Вопросы можно было задавать почти бесконечно, и, естественно, они отнимали у людей все силы. Когда нет ответов, кажется абсурдным пытаться понять назначение тектосов.

Но размышления над этими проблемами были единственным способом на время уйти от реальности и не думать обо всех бедах. Ван Хайчэн

даже боялся окончания проверок. После того как дознаватели все сперва изорвали, а затем выставили на обозрение, он не находил в себе мужества встретиться лицом к лицу с Бай Хунъюй, не говоря уже о том, что ей, скорее всего, рассказали обо всем — при одной мысли об этом сердце содрогнулось, а сам он вжался в угол комнаты, как будто его ударило током.

Невозможно вывести назначение тектосов из их механизма, потому что и здесь хватало загадок, и люди, возможно, еще даже не прикоснулись к его базовым теоретическим принципам. Как будто алхимику Римской империи послали ядерную бомбу. Даже если он повернется умом, ему и в голову не придет, что этот маленький железный шарик способен стереть с лица земли весь великий город Рим.

Ван Хайчэн пустил мысли в новое русло. Вместо того чтобы искать подсказки в функциях тектосов, он просто отказался от всякого познания их структуры и начал думать непосредственно о возможной цели, которую мог преследовать Конструктор. Какая могла быть цель у трансцендентной сущности под условным названием Конструктор — передать чертежи тектосов человечеству? Чего хочет достичь эта сущность,

которая, возможно, создала жизнь на Земле и обладает технологией, совершенно превосходящей человеческое понимание?

С тех пор, как люди обнаружили, что Земля не является центром Вселенной, они начали воображать существование инопланетной жизни. И в своих представлениях не уходили дальше двух типов: одни «приходили с миром», чтобы исследовать и помогать людям; другие были «грабителями», готовыми уничтожить людей и разграбить местные ресурсы.

Что это за Конструктор такой? Ван Хайчэн находился под следствием, а потому безвылазно сидел в своей комнатушке и ни с кем не виделся. Он мог ссориться только сам с собой и сам с собой играть в шахматы. Один человек превратился в двух, и они могли спорить бесконечно.

— Конечно, Конструктор пришел с миром. Это же он прислал нам чертежи тектосов, он подарил человечеству нечто, находящееся за пределами нашего понимания. Оно определенно поможет земной науке и технике сделать скачок вперед. Судя по всему, он точно какой-то бескорыстный друг, — сказал Ван Первый.

— Как можно быть таким наивным? Подумай хоть чуть-чуть. Инопланетная цивилизация,

которая просто и бескорыстно помогает другим: звучит красиво, но может ли она существовать? — возразил Ван Второй.

— Почему же не может?

— Это простая математическая задача, а мы изучали одну и ту же математику. Подумай еще раз. Подобно биологическим видам, любая цивилизация, прожившая долгое время, не сможет остаться полностью бескорыстной. Ее выгода должна быть больше затрат, иначе она неизбежно погибнет. «Бескорыстное» видовое поведение — это долгосрочная инвестиция, и в конце концов она определенно окупится, в противном случае, такое поведение будет устранено эволюцией, — усмехнулся Ван Второй.

Ван Первый долго размышлял, после чего спросил свое отражение:

— Если, как ты говоришь, Конструктор инвестирует, то какую выгоду он ожидает получить от Земли?

Этот вопрос ошеломил торжествующего Вана Второго. Зеркальный близнец долго молчал, а когда наконец заговорил, то неожиданно сменил парадигму:

— Выходит, Конструктор пришел не с миром, он — грабитель.

— Странно, что я вдруг поверил в идею грабителя, — засмеялся Ван Первый. — У меня и такая наивная сторона есть.

— Наивная? — сердито переспросил Ван Второй. — Это простая математическая задача, можно всего парой слов доказать, что любая цивилизация обязательно начнет грабить внешний мир.

— Прошу, — неторопливо предложил Ван Первый.

— Во-первых, спрос цивилизации на ресурсы имеет взрывной характер и растет по экспоненте. Во-вторых, спрос на ресурсы рано или поздно превзойдет сами ресурсы, включая звезды, независимо от их количества. Следовательно, цивилизация неизбежно сделает выбор в пользу грабежа внешнего мира. Простая математическая задача.

Ван Первый покачал головой:

— Твое доказательство только выглядит простым. И, к сожалению, оно было ошибочным с самого начала.

— В чем ошибка?

— В самой сути вопроса, — ответил Ван Первый. — То, что развитие цивилизации требует ресурсов, конечно, правильно, но я тебя спраши-

ваю — а что такое эти «ресурсы»?

— Есть много видов ресурсов — продукты питания, инженерные материалы, энерго– и биоресурсы, подходящее жизненное пространство… — перечислил Ван Второй. — Проще говоря, все материалы и энергия, необходимые цивилизации.

— Так, да не совсем. Скажи, пожалуйста, а железная руда — ресурс? А нефть?

— Конечно. Что за глупый вопрос? Мало за них сражались, что ли? Разве это не доказывает мою мысль?

— Тогда почему никто не шел воевать за железную руду во времена до нашей эры? Почему никто не интересовался Ближним Востоком, где и до XX века текло жидкое золото? Раз они тоже ресурсы, то почему никто не прихватил железную руду до появления технологии выплавки железа? Почему никто не захватывал нефтяные месторождения до изобретения двигателя внутреннего сгорания?

— Потому что в то время они были бесполезны! — воскликнул Ван Второй.

— То есть ты согласен с тем, что до появления технологии выплавки железа железная руда не была ресурсом, как и нефть до появления двига-

телей внутреннего сгорания? Другими словами, ресурсы — это не естественное явление, они определяются наукой и техникой. Ресурсами можно назвать только то, что может быть эффективно использовано в науке и технике. Так?

Ван Второй чувствовал, что шаг за шагом заходит в ловушку, но поскольку возразить ему было нечем, пришлось промолчать.

Ван Первый продолжил:

— Наука и техника развиваются, и спрос на ресурсы меняется вместе с ними. Можно сказать, что с развитием науки и техники цивилизация открывает новые ресурсы. Так?

— Так.

— Тогда ты должен признать: основа выведенной тобою математической модели, что цивилизация обречена на грабеж, неверна. Хотя спрос цивилизации растет по экспоненте, новые ресурсы, которые появляются вместе с прогрессом, удовлетворяют его. Увеличение объема новых ресурсов может быть выше увеличения спроса.

Ван Второй на некоторое время лишился дара речи, а Ван Первый добавил:

— Например, за последние сто лет потребление энергии увеличилось по меньшей мере в десятки

тысяч раз, верно? Если бы оно основывалось только на сжигании угля, боюсь, весь уголь в мире уже давно выгребли бы подчистую. Реальная ситуация такова, что восполнять потребности будут не добычей чужого угля, а переходом на нефть, солнечную энергию, сланцевый газ, гидроэлектростанции и ядерную энергию. Развитие науки и техники предоставило нам новые ресурсы.

— Это я признаю, — неохотно кивнул Ван Второй, но тут же возразил: — Но, с другой точки зрения, все потенциальные ресурсы — это не больше чем материя. Стоит награбить больше материи, и, считай, получил все, включая чужие потенциальные ресурсы.

Ван Первый рассмеялся:

— Звучит очень разумно, но жаль, что и близко не так. Видимо, оттого, что проверки затянулись, ты совсем забыл азы астрономии. Что такое материя? — Он задал вопрос и тут же сам себе ответил: — Даже она регулируется наукой и техникой. Тысячу лет назад люди верили, что, кроме нашего мира, у нас под ногами нет ничего. Во сколько раз открытие гелиоцентрической модели расширило потенциальные материальные резервы? Не говоря уже о том, что ты забыл о темной материи и темной энергии. Считается,

что они занимают от 90 % до 95 % всей материальной массы Вселенной. Одно это увеличивает потенциальные материальные запасы по меньшей мере в десять раз и экономит расходы на вторжение в десять галактик. Наука и техника не только превращают в ресурсы вещества, которые в прошлом были не нужны, но и непрерывно открывают потенциальную материю.

Ван Второй молчал.

— На самом деле это слабое место Денниса Медоуза, который написал «Пределы роста», и гениальность нашего предшественника Фримена Дайсона. Медоуз рассматривает ресурсы как статичные и постоянные, поэтому утверждает, что в конце концов наступит коллапс, и чтобы избежать его, предлагает обратиться к грабежу и захватывать все, что плохо лежит. Дайсон же предоставляет еще одну возможность, предлагает находить больше ресурсов с помощью технологических достижений.

— В том, что ты говоришь, не то чтобы нет резона, — сказал Ван Второй, — но это никак не мешает цивилизации открывать новые внутренние ресурсы с помощью науки и техники и одновременно разграблять внешние. Двусторонний подход всегда лучше.

— И это приводит к еще одной твоей ошибке, — радостно сообщил Ван Первый.

— Да что опять не так?

Ван Второй попался на собственный крючок.

— Я думаю, ты согласишься, что с развитием науки и техники ресурсы будут появляться практически из воздуха? — сказал Ван Первый. — Тогда позволь тебя спросить, развитие науки и техники требует инвестиций, верно?

— Конечно! — просто ответил Ван Второй.

— Но и в разграбление, и в организацию армии вторжения тоже нужны инвестиции, так?

— Разумеется.

— Материалы, которые может инвестировать любая цивилизация, ограничены, и ресурсы, вложенные в армию, неизбежно скажутся на развитии науки и техники. Инвестировать придется рабочую силу, ресурсы и время, при этом остается риск поражения и даже возможность в результате контратаки отправиться к праотцам, верно?

Ван Второй кивнул.

— Выходит, что это не двусторонний подход, о котором ты упоминал, а выбор. Как считаешь, если Конструкторы проделали весь этот путь, чтобы вторгнуться в Солнечную систему и разграбить ее, похожа их затея на прибыльный бизнес?

Ван Второй захлопнул рот.

— Мы склонны верить, что инопланетные цивилизации заинтересованы в уничтожении человечества, но на самом деле такое утверждение просто соответствует нашим эмоциональным фантазиям, — заключил Ван Первый. — В жилах людей течет кровь грабителей, их умы полны желаний грабителей, поэтому они принимают подобное предположение.

И тут два препирающихся «я» Ван Хайчэна, Ван Первый и Ван Второй, разом умолкли. Если инвестиции в земную цивилизацию не могут рассчитывать на какую-либо прибыль, а как объект разграбления она, похоже, не окупится, тогда в чем смысл передачи чертежей тектосов?

Ван Второй задумался о чем-то и спросил Вана Первого:

— Скажи, когда мы получили информацию о тектосах, разве не тогда же обнаружили и два облака Дайсона? Может, Конструктор — их владелец?

— Трудно сказать, — ответил Ван Первый. — Ближайшее к земле облако Дайсона находится на расстоянии 1400 световых лет. Если предположить, что инопланетяне отправятся оттуда на Землю, даже если они овладеют технологией

перемещения со скоростью света, путь займет тысячи лет. За что стоит платить таким количеством времени? Пусть даже будет радиосигнал, если его отправить на Землю с расстояния 1400 световых лет, одно входящее сообщение займет без малого половину истории человеческой цивилизации, а послание туда и обратно займет ее большую часть. Какой смысл общаться при таких временных затратах?

Огромное расстояние во времени и пространстве ограничено пределом скорости света, из-за чего двусторонняя связь теряет практическую ценность — вряд ли три тысячи лет спустя хоть кто-нибудь вспомнит, какую информацию в прошлый раз получили и какую отправили.

Ван Второй с горечью произнес:

— Не могу придумать. При таких больших временных затратах я не могу придумать, какую выгоду они могут от нас получить.

Таким образом, в силу пространственно-временного масштаба наша Вселенная создала серьезную проблему для всех разумных цивилизаций: даже при простом общении выгоду от контакта получить трудно.

Когда люди усовершенствовали радио– и ракетные технологии, они тоже пытались отправить

сообщение за пределы Земли. США запустили «Вояджер-1» и «Вояджер-2». У НАСА был проект SETI для передачи и получения внеземной информации. Но на тот момент эти планы были скорее чистой разведкой, без учета проблемы выгоды.

Если рассматривать вопрос прибыли, то как быть в случае односторонней передачи? Поскольку разбой и уничтожение других цивилизаций бессмысленны, то, если говорить о человечестве, что должен сделать получатель сигнала, чтобы принести нам пользу?

— Я тоже так думаю, — сказал Ван Первый. — Во Вселенной с масштабами в сотни световых лет трудно найти выгоду в контакте, даже если речь идет о связи с верхним пределом, равным скорости света, не говоря уже о вторжении или чем-то подобном.

После долгих споров с самим собой, так и не найдя окончательного ответа, Ван Хайчэн в обнимку с бесчисленными вопросами упал на кровать и крепко заснул.

Во сне он превратился во флот нескольких цивилизаций, держащий путь во всех направлениях. Он пересек туманность Ориона, пронесся над черной дырой Андромеды и наблюдал, как взорвалась сверхновая в туманности Магеллана.

Его путешествие лежало в бесконечные дали. Требуется двадцать тысяч земных лет, чтобы достичь 90 % скорости света. Из них первые десять тысяч уйдут на аккумуляцию темной энергии из пустоты. Когда объект, имеющий массу, приближается к скорости света, энергия, необходимая для его ускорения, увеличивается экспоненциально. Медленное ускорение и несравнимо огромное пространство создают невыносимо длинную временную шкалу. Все происходит слишком медленно, невероятно медленно.

Сначала нужно потратить бесконечность на то, чтобы приблизиться к скорости света, а затем под ее пределом лететь такое же бесконечное количество времени. Расстояние в тысячи световых лет истощит запасы детей и внуков в этом безмерном путешествии.

Скорость света — это барьер для всего, хранитель и палач всех судеб.

Но скорость света возрастала.

Когда эта мысль всплыла в его сознании, Ван Хайчэн сначала не понял, что это значит. Но когда она так же мягко выскользнула из головы, подскочил Ван Первый и заорал ему в ухо:

— Скорость света растет!

Ван Второй, которого разбудил этот вопль, тоже

проснулся и крикнул в другое:

— Боже, верно! Скорость света, скорость света растет!

И Ван Хайчэн внезапно осознал.

«Цзаофу» увеличивал скорость света, и барьер в огромной Вселенной исчезал прямо сейчас.

Он проснулся, обливаясь потом, и подскочил на кровати, словно пружина. Все его тело безудержно дрожало от холода, как кусок тающего льда.

Глава девятнадцатая

От облавы в храме Ухоу Ча Хуань успешно скрылся четыре часа назад.

Он купил в супермаркете бутылку минеральной воды и пачку бумажных полотенец. Когда расплачивался, у кассирши слипались глаза. Сперва он планировал купить пачку сигарет, но, обдумав как следует эту идею, воздержался — это произвело бы на нее ненужное впечатление.

Выйдя из супермаркета, Ча Хуань не глядя снял с внутренней подкладки рюкзака сплющенный круглый значок. Он старался по возможности не трогать его руками, а плотно обмотал приготовленными бумажными полотенцами. Смочив их минеральной водой, тщательно протер значок и очистил все места, где могли остаться отпечатки пальцев.

Ча Хуань слегка перебдел, когда нашел канализационный люк недалеко от перекрестка. На самом деле он знал, что стоит выбросить значок, даже если его обнаружат, на нем не останется никаких следов. Но не мог себя контролировать. Даже подумывал о том, чтобы расплавить его

сильной кислотой, но это было слишком хлопотно. Ча Хуань должен был покинуть Чэнду как можно скорее, его путь лежал в Цзючжайгоу, и это было совершенно логично — его целью был Цзючжайгоу[59], чтобы решительно уйти, не задерживаясь ни на минуту.

Стояла тихая полночь, Ча Хуань прошел по улице и остановился у крышки канализационного люка. Снова достал смартфон и включил фонарик, чтобы убедиться, что да, ил внутри и правда густой. Только после этого осторожно бросил значок вниз и подождал, пока тот не погрузится в жижу, не оставив никаких следов.

Даже из-за собственного имени Ча Хуань рисковал. Фамилия Ча[60] слишком бросалась в глаза — люди вряд ли забыли бы ее, увидев однажды, поэтому следовало постараться, чтобы посторонние не слышали и не видели ее.

Он не хотел думать о том, что произойдет, и в этот момент просто чувствовал, каким был наивным. Прошло целых два года с тех пор, как он присоединился к «Светлячку». В прошлом Ван Хайчэн много раз говорил о сегодняшнем

---

[59] Сноски: 59
Заповедник на юго-востоке провинции Сычуань.

[60] Сноски: 60
«Ча» по-китайски означает «чай».

положении дел:

Чтобы стереть тектосы из этого мира, возможно, придется заплатить жизнями не только парочки солдат; что делать, если цена составит десятки тысяч или даже миллионы невинных жизней?

Конечно, тогда вспыльчивым молодым болванам ответ показался очень простым. Ведь в тот момент на одной чаше весов было шесть-семь миллиардов человек, а на другой всего несколько тысяч. Числа считать легко. Но сегодня, когда среди десятков миллионов людей могло найтись с десяток тех, кого Ча Хуань мог назвать по имени, все вдруг стало совсем другим.

Ча Хуань думал о знакомых людях в этом городе, о дедушке-швейцаре, о тетушке, которая продавала соевое молоко, о молодой паре, которая жарила шашлычки возле двери его дома… У него свело желудок.

В голове билась единственная мысль — стереть все отношения со «Светлячком», притвориться, что он ничего не знает, и забиться в какую-нибудь щель, которая не имеет ничего общего с этим миром.

Судя по мобильнику, такси, которое он вызвал, находилось в трех минутах езды. Ча Хуань достал

пиво, припасенное в сумке, осушил в два глотка, швырнул бутылку в сторону, а затем уселся на поребрик. Предыстория готова. Он опоздал на свидание из-за отключения электричества, поссорился и расстался с девушкой, и теперь собирался отправиться в депрессивную поездку в гордом одиночестве. Учетная запись была только что зарегистрирована, да еще и на поддельное имя, как и виртуальный номер, привязанный к этой фальшивой личности.

Автомобиль затормозил аккурат возле Ча Хуаня. Он проверил номерной знак, открыл дверь и загрузился в машину. Водителем был мужчина средних лет, который довольно грубо поинтересовался:

— Молодой человек, вы в Мяньян? На кой ляд вам туда так поздно?

— С бабой расстался, — ответил Ча Хуань, дохнув пивными парами. — Не хочу больше здесь, в Чэнду. Здесь только боль осталась, ни минуты больше не хочу здесь быть.

Разумеется, водитель больше не задавал вопросов, завел машину и рванул на север по кольцевой. Посреди ночи дорога была пуста, водитель гнал, как безумный, так что быстро превысил городской скоростной режим. Ча Хуань

не боялся, напротив, даже почувствовал некоторое облегчение. Чем быстрее, тем лучше, нужно убраться как можно дальше отсюда.

Он утомился за день, поэтому стоило чуть-чуть расслабиться, как его сразу разморило. Глаза закрылись, и он откинулся на сиденье. Подголовник был идеален по высоте и подхватил его голову. Дремота сразу победила, и он провалился в сон.

Водитель дважды попросил Ча Хуаня перед сном пристегнуть ремень безопасности, но тот не отвечал. Он окликнул пассажира еще два раза, прежде чем убедился, что тот и в самом деле отключился под действием ингаляционного анестетика. И только тогда стянул с лица формирующую маску, открыв собственное лицо — Го Юаня.

Машина съехала на обочину и остановилась. Го Юань пересел на заднее сиденье и связал пленника хомутами по рукам и ногам, затем обыскал его, но ничего особенного не нашел. Для подстраховки все же снял с Ча Хуаня все, что мог, кроме одежды, даже пуговицы оторвал, сложил в пакет для улик и бросил в багажник.

Го Юань должен был доставить Ча Хуаня как можно быстрее, поскольку ситуация не терпела

отлагательств — последняя лазейка вот-вот грозила закрыться. Но, глядя на связанного, он все же ненадолго задержался.

Что же заставляло этих людей совершать столь неразумные поступки, обладая при этом такой невероятной силой?

Он наконец начал приближаться к истине и оттого ощущал подступающую панику, которой никогда раньше не знал. Казалось, неописуемые узы накрепко связывали его с этими странными объектами.

Возможно, их объединяло то, что Го Юань, как и те черные штуки, был на Земле исключением, которого не должно существовать.

Операция против членов «Светлячка» впервые прошла успешно, и этот успех был обусловлен предыдущим провалом опергруппы.

В храме Ухоу все затихло, и лишь спустя два часа после того, как команде отдали приказ отступить, бессильная ярость Дуаньму Хуэя постепенно унялась. Когда он бросился к главному входу в Зал предков, чтобы встретиться с Го Юанем и Юнь Шань, световое тело, покрывающее все пространство вокруг, полностью исчезло, а Ван Хайчэн опять как сквозь землю провалился. Военные блокировали все входы в храм. Дуаньму

Хуэй предъявил удостоверение и хотел попасть на место происшествия, но его бесцеремонно остановили. Затем начальника окружили четверо солдат и грубо обыскали, проверяя документы, оружие и прочее снаряжение и не потрудившись что-либо объяснить. Дуаньму Хуэй попытался протестовать и представиться, но его прижали к земле, как задержанного преступника.

Спустя двадцать минут к нему неторопливо приблизился мужчина с высоко поднятой головой, окинул всех собравшихся и сообщил:

— Товарищ Дуаньму Хуэй, после проведенного расследования было принято решение об отмене вашей операции. Учитывая, что ваше ненадлежащее командование нанесло огромный вред нашей общей работе, министерство проведет в отношении вас проверку. Все участники вашей операции немедленно прекращают работу и ожидают дальнейших распоряжений. До получения новых приказов не допускаются никакие самовольные действия.

Как и предполагал Го Юань, реальная работа разворачивалась совсем в другом месте. Дуаньму Хуэй все время считал, что его группа составляет ядро операции против «Светлячка», но теперь понял — это совсем не так.

В тот самый момент, когда он получил дело Ван Хайчэна, его опергруппа стала пешкой. По-настоящему «Светлячком» занимались совсем другие люди, а Дуаньму Хуэя, Го Юаня и Юнь Шань метнули в дело, как дымовые шашки. А лучшая дымовая шашка — та, которая не знает о своей роли.

Наверху уже сплели непроницаемые сети, разложили приманки, расставили ловушки, за Ван Хайчэном неотступно следили, ведя его шаг за шагом, заманивая в храм Ухоу, где хотели поймать. В рамках этого хитрого плана Дуаньму Хуэй должен был только передать Ван Хайчэну тектос и сыграть прелюдию к его дальнейшим действиям.

С самого начала, позволив Юнь Шань притвориться антикварным дельцом, он открыл для Ван Хайчэна брешь, заставив поверить, что тот раскусил план противника, заставив думать, что террорист на шаг впереди, просто чтобы эта игра в кошки-мышки могла продолжаться, чтобы мышь, упиваясь самодовольством, сама бросилась в ловушку.

— Наша задача, — тяжело вздохнул Дуаньму Хуэй, поскольку ему совершенно не хотелось это произносить, — выполнена.

— Как это? — едва ли не подпрыгнула на заднем сиденье Юнь Шань. — Босс, вы о чем? Ван Хайчэна еще не поймали, ничего еще не…

— Вы разве не слышали приказ? — перебил Го Юань. — Все, что будет дальше, больше не наша забота.

— Но… — попыталась возразить Юнь Шань.

— Тихо, — шикнул на нее Дуаньму Хуэй, рассеянно крутя в руках контроллер автокондиционера.

— То есть вы просто будете послушно выполнять приказ, а мы все умываем руки, так? — спросил Го Юань.

— Распоряжение пришло сверху, — ответил начальник, расслышав намек. — Что еще я могу сделать?

— Вот услышал бы кто со стороны, — усмехнулся Го Юань, — сразу бы решил, что вы не очень-то горите желанием его исполнять.

— Здесь все свои, — ответил Дуаньму Хуэй. — Сказали бы уже без обиняков.

Го Юань кивнул, посмотрел на Юнь Шань и прошептал:

— Теперь у нас нет заданий. Позвольте мне спросить исключительно ваше личное мнение, вас обоих, что вы думаете о Ван Хайчэне и его

«Светлячке»?

— Вы о чем вообще? — спросил Дуаньму Хуэй.

— Давайте внесем ясность, — улыбнулся Го Юань. — Вы думаете, они террористы?

— Это…

Пока Дуаньму Хуэй определялся, подоспела Юнь Шань:

— Нет.

— Я тоже так думаю, — кивнул Го Юань. — Если бы мы все тут с самого начала не облажались в своих рассуждениях, то могли бы понять, что истинной целью «Светлячка», возможно, была вовсе не атака и уничтожение Чэнду. Будь оно так, Ван Хайчэн мог бы провернуть свой план давным-давно.

Дуаньму Хуэй ничего не сказал. Ему и говорить-то было неудобно, но, с другой стороны, промолчать значило согласиться с точкой зрения Го Юаня.

— Может быть, здесь какая-то ошибка, — сказала Юнь Шань.

— А может, и нет. — Дуаньму Хуэй задумался. Может, им просто никогда не рассказывали о реальном положении дел? Об этом, впрочем, говорить тоже было неловко.

Го Юань посмотрел на него в зеркало заднего

вида и слегка улыбнулся, словно видел насквозь все мысли начальника:

— Как вы думаете, кроме нас, есть ли в других командах люди, которые сталкивались с Ван Хайчэном, то есть с его диковинами?

— Боюсь, что нет, — ответил Дуаньму Хуэй. А ведь и правда, с тех пор, как за Ван Хайчэном в Чэнду началась слежка, только Юнь Шань и Го Юань вступали с ним в открытый бой.

— Неважно, доверяем ли мы распоряжениям начальства, не будем сейчас об этом говорить, но, как вы считаете, когда они столкнутся с объектами Ван Хайчэна, есть ли вероятность, что все пойдет не так?

В этом месте до всех дошло, что агент имеет в виду.

— Но наверху приказали, чтобы мы прекратили любые действия, — неуверенно возразила Юнь Шань.

Го Юань посмотрел на Дуаньму Хуэя:

— Шеф, а вы что думаете? Неужели мы вот так просто будем ждать?

На некоторое время в машине воцарилась тишина — мертвая тишина, окутавшая все вокруг.

Вот так просто будем ждать? Просто ждать, не имея ни малейшего представления о происходя-

щем, не пытаясь разобраться с Ван Хайчэном, не пытаясь вмешаться в то, что произойдет с городом? Естественно, наверху предпримут какие-то свои действия, четко и понятно организованные действия.

Но… Го Юань дал Дуаньму Хуэю толчок к размышлениям: только Го Юань и Юнь Шань во всем отделе действительно имели дело с Ван Хайчэном и его таинственными «объектами».

И в рамках другой операции… не случится ли каких-нибудь ошибок?

Дуаньму Хуэй прекрасно знал, что Го Юань лишь искал предлог, знал, что это был спасительный толчок, только шаг, но его было достаточно.

Дуаньму Хуэй глубоко вздохнул и воскликнул:

— Го Юань! С этого момента всеми операциями нашей группы руководите вы. За все проблемы отвечаю я. За всю организацию — вы.

Агент громко рассмеялся:

— Хорошо! Вот именно этих слов я от вас и ждал.

— Не то чтобы я был недоволен организацией сверху, — вздохнул Дуаньму Хуэй, — но вы правы, мы единственные, кто действительно вступал в контакт со «Светлячком» и боролся с ним всю дорогу. Боюсь, что другие товарищи неопытны и,

возможно, упустили что-то, потому в нужный момент исправлять их упущения будет поздно. Если у других людей не будет проблем и Ван Хайчэна с его командой арестуют, вам не придется ничего делать. Но если вы обнаружите, что все идет не по плану, то сможете немедленно вмешаться и исправить ситуацию.

Го Юань слышал, что шеф ищет основания, чтобы никто не мог к нему подкопаться, и улыбнулся:

— Конечно, мы понимаем. Больше не нужно инструкций.

И только после этого Дуаньму Хуэй искренне попросил совета:

— Судя по всему, похоже, у вас давным-давно появилась идея, так?

— Скажу «да» — не то чтобы она была, а скажу «нет» — так не то чтобы не было.

Го Юань решил выяснить, нет ли среди людей, проводивших исследования в институтах и университетах, тех, кто срочно уехал из Чэнду после странного происшествия в храме Ухоу.

Этот план был основан на смелом предположении, что Ван Хайчэн совсем не хотел разрушать город. Для такой гипотезы были веские основания — когда участники «Светлячка» украли

черное кольцо в энергоцентре, они говорили, что, если эта штука выйдет из-под контроля, она уничтожит Чэнду. В Цзянкоу Ван Хайчэн с помощью Юнь Шань получил несколько черных бусин непонятного назначения из такого же материала. После трансформации в храме Ухоу шары могли рассекать все объекты, оказавшиеся на пути, а после того, как их соединили, вся материя в храме, оказавшаяся внутри получившейся сети, начала светиться, как запитанные вольфрамовые нити, излучая тепло, как будто собираясь сгореть дотла — даже вакуум был готов взорваться.

Если бы все затевалось ради разрушения, Ван Хайчэн разнес бы город в пыль еще два года назад.

Но если у него были все возможности давным-давно это сделать, то почему он медлил? Почему вместо этого откладывал операцию, даже потратил столько усилий на дистанционное управление грузовиками? Почему решил действовать в храме Ухоу? Чэнду — шумный город, но в этом месте ночью практически не было людей. По какой причине для теракта выбрали точку с наименьшей летальностью? Чтобы унизить Чжугэ Ляна и отомстить за Ван Лана?

Более того, если целью был храм Ухоу, зачем

понадобились самосвалы? Не было никакой необходимости прятать в них черные шары, достаточно было просто разложить те вокруг храма — чем меньше цель, тем труднее ее обнаружить.

Оставалось единственное объяснение: Ухоу — это вовсе не цель, а полигон. Эксперимент. Самосвалы готовили вовсе не для храма, они были штурмовым орудием для поражения реальной мишени.

Черные шарики были координатной меткой для зоны атаки «Светлячка», а мусоровозы — мобильными и неудержимыми носителями этих координат.

Но все же оставалось еще одно необъяснимое противоречие: если «Светлячок» уже заполучил таинственное устройство, которое могло уничтожить все на свете гораздо эффективнее ядерной бомбы, зачем тогда использовать пространственные координаты для ограничения дальности? Почему выбрали городской район, который пустует ночью, почему не отправились в дикий горный край?

После нескольких сражений с людьми из «Светлячка» в голове Го Юаня появилась смелая догадка.

Они не пытались разрушать, они пытались

определить зону разрушения для какой-то другой цели. Эксперимент в храме Ухоу состоял не в том, чтобы проверить силу оружия, а в том, чтобы попытаться контролировать масштабы разрушения и мощность черного кольца, которое «может уничтожить весь город, если выйдет из-под контроля», в диапазоне, где, насколько это возможно, не пострадают невинные люди.

Эти мистические артефакты демонстрировали силу, превосходящую всякое воображение, но в изысканной и притягательной форме. Она впечаталась в сердце Го Юаня, словно клеймо, затягивала, как черная дыра, опьяняла. По какой-то неясной причине от таинственных черных объектов в его душе пробегала необъяснимая дрожь. Ему даже начало казаться, что защита города и истребление «светлячков» уже не так важны — все, что он сейчас делал, было ради погони за самими предметами.

Их сверхъестественная, возвышающаяся над миром сила излучала умопомрачительную притягательность.

Именно она привлекла людей в «Светлячок». Его ядро составляли ученые, что шло вразрез с классической организацией террористической группы, и действовали они совсем по-другому.

Их цель — не убийство и уничтожение как таковые, их цель — посредством террора достичь политических целей более высокого порядка. Но хотя предыдущие действия «Светлячка» имели по-настоящему разрушительные последствия, на разрушении все и закончилось. Не было ни заявлений, ни огласки. В том и состояла причина, по которой Дуаньму Хуэй не смог разгадать план Ван Хайчэна.

Он считал «светлячков» террористами, а меж тем они действовали в соответствии с совершенно иной логикой.

Нынешняя стратегия Го Юаня была основана на предпосылке, что «Светлячок» — не террористы.

Если это так, то их действия в храме Ухоу изначально находились под наблюдением министерства, которое планировало поймать Ван Хайчэна прямо на месте. Просто никто не ожидал, что команда Дуаньму Хуэя найдет зацепку с мусоровозами и нарушит все планы, дезорганизовав операцию.

В результате Ван Хайчэн успел отреагировать. Поразительное световое тело в храме Ухоу внезапно исчезло, и за исключением привлекающего внимание сияния, казалось, оно не оказало никакого влияния на реальный мир. Никакого ущерба

не было, если не считать аварии с мусоровозом. А значит, эксперимент с таинственными черными объектами прекратили досрочно, что также, вероятно, стало причиной последующего провала министерской охоты.

Наверху определенно могли начать действовать и раньше, но они явно ждали, пока Ван Хайчэн проведет эксперимент. Ждали его результатов, вероятно, хотели что-то проверить либо подтвердить, что у Ван Хайчэна действительно есть то, что им нужно. Вот почему они все это время вели бывшего астронома, но так и не сделали ни единого шага.

Юнь Шань и Дуаньму Хуэй слушали, как Го Юань медленно излагает свои догадки. Он обобщил множество подсказок, которые они прежде держали в уме, и каждый из бессчисленных странных фрагментов наконец получил внятное объяснение. Хотя дело казалось предельно странным, они тем не менее не могли найти причин опровергнуть его теорию, а интуитивно даже не видели необходимости ее опровергать. Но вот сами чудесные черные артефакты вносили в любые схемы хаос.

— Если вы действительно правы — я говорю «если», — сказал Дуаньму Хуэй, — тогда что нам

делать дальше?

— Разве не очевидно? — улыбнулся Го Юань. — Дальше идет вопрос: если эксперимент Ван Хайчэна прервали на середине, что ему теперь придется сделать? Эксперимент прервало наше вторжение. Это не входило в его планы — ни в его, ни тех, наверху. По замыслу «Светлячка», он должен был успешно протестировать метод управления оружием, которое у него есть, и подготовиться к работе по цели. А по плану министерства, Ван Хайчэна в этот момент должны были схватить с поличным, и дело с концом.

Дуаньму Хуэй и Юнь Шань все поняли одновременно и побледнели, как будто оказались в ледяной пещере.

— Значит, Ван Хайчэну, возможно, придется отказаться от контроля над артефактами и нанести крупномасштабный удар, как в Гласхютте и Вэньчане, — пробормотал Дуаньму Хуэй.

— Судя по тому, что Ван Хайчэн сказал вам, Юнь Шань, когда вы были под прикрытием, он не из тех, кто шутит с жизнью. Он слишком слаб для опасного элемента, поэтому проговорился и посоветовал вам держаться как можно дальше от Чэнду. Даже он такой, а, насколько я могу судить о людях, остальные в «Светлячке» еще слабее.

В конце концов, для ученых, живущих в башне из слоновой кости, говорить про жертвенность — это одно, только вот о том, чтобы пожертвовать парой жизней, им еще легко сказать, но если речь идет о том, чтобы стать мясниками и умыться кровью миллионов, хм, — Го Юань усмехнулся, — не все в «Светлячке» действительно смогут так поступить.

Среди участников «Светлячка» они пока встретили докторов физических наук и инженера-электрика. Во всей логической цепочке это больше всего обескураживало Го Юаня. Какой ужас мог заставить лучшие умы человечества безжалостно жертвовать собой и другими, уничтожать, особенно с таким размахом, как в Гласхютте и Вэньчане?

Но после того как Го Юань увидел в храме Ухоу огромное световое тело, точку привязки координат, стоящую в пустоте, он кое-что понял. Вспомнил слова доктора по фамилии Ду, сказанные тогда, возле здания физической лаборатории Сычуаньского университета. Она подробно объяснила странное открытие, что скорость света в вакууме увеличилась на 0,000005 %. Для обычных людей такая проблема выеденного яйца не стоила. Только те, кто прошел настоящую

научную подготовку, могли понять, что за этим скрывается ужасная сила, способная уничтожить человечество и даже саму планету.

До 1945 года лишь несколько ведущих физиков могли понять, каким ужасным кошмаром может обернуться бомба, создаваемая в рамках Манхэттенского проекта.

Но даже у тех ученых, даже у его реальных участников, страх перед ядерным оружием был туманным ровно до момента, как они увидели последствия взрыва. Неважно, насколько решительными казались себе исследователи, безжалостности террористов им не хватало. Как и мощного драйва безумцев, навязчивых идей и дикого фанатизма.

Другими словами, члены организации «Светлячок» были мягкотелыми.

И пусть Ван Хайчэн отчаянно стремился похоронить себя вместе с Чэнду, не все его подчиненные захотели бы встать с ним бок о бок.

— Поэтому, когда он выберет самоубийственную атаку с уничтожением целого города, кто-то обязательно сбежит.

Таким образом и стали решать вопрос — проверили все транспортные логи, прошерстили и изучили всех, кто экстренно покинул Чэнду после

событий в храме. Всех, у кого было инженерное образование и кто при этом вел себя подозрительно, ни одного не пропустили.

Все ресурсы, находившиеся в руках Дуаньму Хуэя, работали с бешеной скоростью. Спустя полтора часа Тяньван зафиксировала поддельную учетную запись на онлайн-платформе для вызова автомобилей. Владельцем оказался ученый из Института экологии горных растений Чэнду по имени Ча Хуань.

Предметом его исследования была ползучая мицелиальная жизнь, обнаруженная четыре года назад недалеко от Чэнду. В мицелии нашли большое количество неэкспрессированной биологической ДНК, которая, по-видимому, не принадлежала ему самому. Кроме того, новый организм мог извлекать гены всех живых существ, которые с ним контактировали, образуя странный склад генов, подобный Ноеву ковчегу. Молчащие гены могли экспрессироваться под воздействием определенных раздражителей, но в беспорядочном, хаотичном и устрашающем виде.

Работа началась четыре года назад, тогда же и закончилась. Никакие исследования, связанные с Ча Хуанем, не получили продолжения, за четыре

года он не показал никаких результатов, но тем не менее из института его не выгнали.

— «…В беспорядочном, хаотичном и устрашающем виде», — зачитал Го Юань. Они с Юнь Шань переглянулись, вспомнив монстроподобную непонятную штуку из Цзянкоу. — Бинго.

Дальше все пошло по накатанной: Дуаньму Хуэй передал данные на 3D-принтер для подготовки маски, взломал онлайн-систему вызова автомобиля и снял водителя с маршрута. Затем Го Юань скопировал лицо таксиста, надел маску и поехал за Ча Хуанем. Даже имя у него было странное.

Тот во всем признался вскоре после того, как очнулся в комнате для допросов. Узнав, что они нашли даже значок, который он выбросил в канализацию, биолог решил, что все, связанное со «Светлячком», уже у следователей в руках. В присутствии Го Юаня он, не умея противостоять нажиму, быстро выложил все начистоту.

Тогда они впервые услышали о проекте «Звезды», стартовавшем пять лет назад. Из-за стресса Ча Хуань о многом рассказал впопыхах. Они уловили общую идею, но многие вещи требовалось переварить, да и предыстории не хватало. Разобраться в этом за короткое время было невозможно.

Проще говоря, таинственный сигнал, внезапно пришедший из космоса, содержал странную информацию: зашифрованный набор чертежей, по которым вырастили странные объекты, названные «тектосами». Эти нечеловеческие конструкты произвели научно-техническую революцию на Земле и спровоцировали борьбу не на жизнь, а на смерть между Ван Хайчэном и министерством.

Дуаньму Хуэй и Юнь Шань слушали, как в тумане, время от времени прерывая объяснения Ча Хуаня о технических деталях и возвращая допрос непосредственно к сути. Только Го Юань был ошеломлен и зачарован, словно увидел другой мир, совершенно отличный от человеческого, в котором он жил. Этот новый мир неторопливо раскрывался, медленно покрывая собою всю реальность.

Го Юань внезапно понял, почему эти тектосы манили его, как бездна.

Дело было не в могуществе, перекрывающем всех и вся, а в способности искажать и изменять законы физического мира.

Сколько Го Юань себя помнил, он чувствовал себя чужаком, неуместным среди людей. Совершенно другим видом, который был оторван

от основных законов человеческого общества, повсюду натыкавшимся на стены. Ему оставалось лишь перемалывать каждый миллиметр собственных костей и запихивать их в оболочку «обычного гражданина», как гнилое мясо, притворяться человеком, как инопланетяне, укрывшиеся на Земле в фильме «Люди в черном».

Ярлык чужака висел на нем всю жизнь. Го Юань потратил все силы, чтобы понять его смысл, даже исследовал и размышлял о рациональности понятия собственной «чуждости» и структуре «нормальных людей» в философии, биоэволюции и психологии. Но это оказалось бесполезно. Истинное «я» становилось все больше и больше, а оболочка — все менее и менее управляемой, и Го Юань перемалывался внутри нее в кровавое месиво, время от времени истекая пугающей злостью.

«Ты не можешь изменить мир, ты можешь только заставить себя адаптироваться к нему».

И вот сегодня Ча Хуань сказал ему, что можно изменить даже основные законы физики, не говоря уже о законах человеческого общества.

Впервые за десятилетия Го Юань почувствовал волнение, похожее на первую подростковую

любовь обычных людей.

Остальные испытывали совсем другие чувства. Они не пришли в экзальтацию от рассказа о тайных событиях прошлого, напротив, он принес «обычным гражданам» своего рода успокоение. Они имели дело не с монстром, не с магией, не со сверхъестественной силой, а просто с непостижимой высокой технологией.

Больше всего внимание Дуаньму Хуэя занимал прошлый опыт Ван Хайчэна — из него можно было вывести логику его последующих действий. Но об этом удалось выведать не слишком много — хотя Ча Хуань также занимал в «Светлячке» не последнюю должность, о Ван Хайчэне он знал очень мало, поскольку тот держал собственное прошлое в секрете.

Когда Ча Хуань узнал, что арестовали только его, то отреагировал очень бурно. У него больше не хватало смелости все разрушить. Поняв, что Ван Хайчэн претворяет в жизнь свой план, он немедленно выложил все, что знал. Эта информация подтвердила предыдущую догадку Го Юаня: на следующем этапе Ван Хайчэн собирался стереть Чэнду с лица Земли, и теперь следователи узнали, что именно будет уничтожено.

Ча Хуань объяснил, каким образом тектосы

могут все разрушить, что такое четыре основные силы, согласованность пространства-времени, темная трансформация обычного вещества и тому подобное. Хотя они и понимали с пятого на десятое, но в одном были уверены: тектосы способны превратить всю материю в нестабильную высокоэнергетическую взрывчатку. Этого оказалось достаточно.

— Где находится конкретная цель?

— Это Глобальный центр.

— Глобальный центр? Где именно в нем?

— Не совсем в нем, под ним. Почти в двухстах метрах под землей находится секретная исследовательская база. Мы называем ее Центральной базой.

Опять под землю.

Слушая признание Ча Хуаня, Го Юань взглянул на значок, который вертел в руках. Он уже второй раз видел этого маленького Ктулху, но от этого стало еще более неспокойно. Он вновь прочитал надпись на обратной стороне значка:

«Если есть немного тепла и лучик света, то можно, как светлячок, хоть на чуть-чуть рассеять тьму, не дожидаясь факела. А если факел так и не появится, единственным светом буду я сам».

И кто же, в концев, есть тьма, а кто есть свет?

Глава двадцатая

Автомобиль Юнь Шань преодолел весь путь на юг вдоль центральной городской оси. После Южного Третьего кольца стало заметно, что здания становятся все выше и выше. На «Международном юге» постепенно исчезали старые дома, возведенные до XXI века, и появлялось все больше новых высотных построек причудливой формы. Миновав развязку и приблизившись к Глобальному центру, Юнь Шань сперва не прочувствовала, насколько огромным было здание. Только когда машина въехала на стоянку и вся громада заслонила ей обзор, она по-настоящему осознала, насколько плохи дела.

Глобальный центр «Новый век» был около пятисот метров в длину, четырехсот в ширину и сотни в высоту. Он занимал площадь почти вдвое меньшую, чем площадь Запретного города Гугун, но Гугун — это реальный город: девяносто с лишним дворов на почти десять тысяч домов; три зала, три павильона и императорский сад. Глобальный центр же представлял собой единственное здание — самое большое в мире. Оно

было почти такого же размера, как телескоп FAST.

Если стоять перед ним, то гигантский колосс с архитектурным лейтмотивом в виде волны занимал все поле зрения. Ненормальный размер создавал широкоугольное искажение перспективы. Юнь Шань казалось, что углы крыши колеблются, как морские волны. От испуга она притихла еще в машине.

Цель, о которой говорил Ча Хуань, находилась здесь.

Глобальному центру как самому большому зданию в истории во время постройки было не на что ориентироваться. Это затрудняло оценку строительного проекта. Именно этот «непредсказуемый» объем инженерных работ помог многое скрыть: сколько каменно-земляного фундамента вырыто, насколько глубоко и сколько потребуется разведывательных испытаний. И все оказалось нормально, потому что «не на что было ссылаться».

Таким образом под Глобальным центром на глубине двухсот метров устроили «относительно небольшую» секретную базу проекта «Звезды» площадью в десятки тысяч квадратных метров. И без того ужасающее количество инженерных

работ скрыли еще более невообразимым количеством строительной техники, так что это не привлекло ничьего внимания. Это был так называемый великий отшельник, спрятанный в городе.

Если бы не признание Ча Хуаня, агенты никогда бы не узнали о существовании подобного места, потому что ни в каких материалах не смогли бы его найти. Уровень секретности этой базы был настолько высок, что выходил далеко за рамки полномочий Дуаньму Хуэя.

При входе в Центр возникало ощущение, что вы попали в межзвездную колонию: нереально огромное пространство покрыто рукотворной крышей, а размах купола длиной в сотни метров превосходил любой известный до сих пор стадион. Трудно было понять, находишься ли в помещении или на улице, и это не могло не ошеломлять.

И пары минут не прошло, как Юнь Шань заметила двух агентов в штатском, один из которых сидел у лестницы на третьем этаже и пил кофе, а другой в вестибюле играл в мобильном телефоне. Как и ожидал Го Юань, наверху давно знали истинную цель Ван Хайчэна, поэтому выставили плотное кольцо окружения, чтобы не допустить

ни малейшей оплошности.

Юнь Шань поправила солнцезащитные очки. Она изменила прическу, цвет лица и саму внешность с помощью формирующей маски. Теперь ее личико стало овальным, с бровями-полумесяцами, обрамленным длинными черными прямыми волосами. В руке она держала огромный бумажный стакан чая с молоком и была одета как модная чэндуская фифа. Ей даже налепили на горло пластырь с препаратом медленного действия, который впитывался в голосовые связки и понижал голос на два тона. Теперь никто не смог бы ее узнать. На этот раз маскировка соответствовала предпочтениям Юнь Шань — от прически до дизайна одежды каждый штрих был выполнен ею самой. Такие переодевания были ей хорошо знакомы. Проблема состояла в том, что теперь камуфляж предназначался для того, чтобы обмануть не врага, а ее собственных коллег по министерству.

«Весьма интересно».

В чае с молоком плескались специальные микроэлементы для бодрости нервной системы. Этот новый препарат придумали специально для новых людей, он быстро циркулировал и усваивался в организме. Юнь Шань делала гло-

ток каждые полминуты, чтобы запустить зрение и слух на полную мощность. Она следила за входом и прилегающей территорией, как универсальный радар. Судя по количеству агентов в штатском, попавших в ее поле зрения, во всем здании разместили больше сотни засад. В дополнение к агентам в штатском, где-то в укрытии должны были сидеть группы секретной службы, а в радиусе километра от Глобального центра еще и мобильные войска. Можно было без преувеличения сказать, что сквозь окружение этого места и мышь не проскочит. Юнь Шань прекрасно знала такую структуру и понимала ее боевую эффективность.

Но могло ли все это остановить Ван Хайчэна? Впервые в жизни Юнь Шань не была уверена в коллегах. Она встречалась с ним всего пару раз, но этого хватило, чтобы в душе родился необъяснимый страх перед лидером «Светлячка».

— Эта штука не из мира людей, — сказал Ча Хуань. — Силу тектосов люди не смогут ни понять, ни контролировать. — Просто упомянув о них, он невольно сглотнул от страха, и ему пришлось сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться. — Это и есть цель нашего «Светлячка» — стереть все тектосы с лица Земли.

— То есть вы планировали уничтожить базу под Глобальным центром, чтобы это сделать?

— С помощью силы тектосов. Вот так, тем способом, который можно контролировать, да. Не понимаете? А теперь Ван Хайчэн планирует использовать тот, что контролировать нельзя. Вы понимаете, что означает «то, что нельзя контролировать»? Это означает, что никто не знает, будет это один квадратный километр или сто.

— И что он будет делать?

— Если «Моисей»… то есть тектос в виде кольца примет третью форму под действием катализа «Пчеломатки», это изменит силу ядерного взаимодействия вокруг, — в этом месте Ча Хуань увидел, что они понятия не имеют, о чем речь, и выразился иначе. — Вы же видели, как светилось все вокруг храма Ухоу? Основной эффект этой штуки. Оно светилось потому, что все вещества в пространстве выделяли энергию вовне, для вас это выглядит как свечение. Если высвобождаемую энергию увеличить, все взорвется.

— И насколько мощно?

— По желанию. «Моисей» влияет на ядерное взаимодействие, а «Цзаофу» ограничивает радиус действия, потому что изменяет скорость света в пространстве. Они антагонисты. Сила взрыва

целиком зависит от баланса эффектов этих двух тектосов. Никто не может предсказать, насколько сильным будет взрыв, если его не ограничивать. — Ча Хуань снова сглотнул. — Ван Хайчэн как-то сказал — «поджечь Землю».

— То есть, я правильно понимаю, если Ван Хайчэн захочет, он может взорвать Землю?

— Вы все еще не понимаете! Вопрос не в том, хочет он этого или нет, он просто не контролирует процесс! Все контролируют тектосы! Тектосы! Люди не могут их понять. Мы хотели уничтожить все внеземные артефакты там, где это можно было контролировать, но вы нам не дали. Теперь Ван Хайчэн намерен избавиться от них любой ценой, и никто не знает, сколько человек придется после этого похоронить.

— Давай-ка ты успокоишься, — сказал Го Юань, — не загадывай так далеко. Ты уверен, что его цель под Глобальным центром? А если ее перенесли с секретной базы?

— Точно нет. Центральную базу построили по соглашению между несколькими странами. Это было многостороннее соглашение, базу нельзя просто так взять и перенести.

— Говоря про многостороннее соглашение, вы имеете в виду?..

— Как вы думаете, почему нанести удар решили именно сейчас? Вы думаете, мы не знаем, что из-за саммита G19 повысили уровень безопасности и действовать стало труднее? Как вы думаете, почему его вообще затеяли? Строительство центральной базы — это многонациональное соглашение. И реальной темой саммита будет дележка бонусов от нового раунда исследований тектосов. Вечное энергоснабжение, генетическая модификация, да, именно, ваше тело было изменено по исследованиям и разработкам центральной базы. До ее создания за тектосы шла ожесточенная борьба, пять лет назад едва очередная мировая не началась. В конце концов удалось подписать соглашение — только потому, что распределили прибыль от работы тектосов, а технологию сделали открытой. Центральная база — это как здание ООН. Она не принадлежит какой-либо отдельной стране. Ее нельзя переместить.

— А если ее уничтожат? Тоже нельзя перенести? — спросила Юнь Шань.

На этот вопрос ответил Го Юань, а не Ча Хуань:

— Если ее уничтожат, то тектосы никто не получит. Если кто дернется, то нет гарантии, что никто ничего не припрячет. Больше всего их

волнует баланс.

В этой игре в кошки-мышки все держали друг друга за горло. Юнь Шань невольно поглядывала на свои подошвы. Ван Хайчэн непременно явится. Но как он собирается попасть в подземную базу на глубине сотни метров? Лифт, ведущий туда, наверняка давно под жестким контролем. И даже мегаразрушительным оружием не так-то просто стереть что-то под землей, тем более на глубине более ста метров. При строительстве центральной базы явно учитывали этот нюанс, и нормативы постройки намного превосходили любое ядерное убежище времен холодной войны.

С любой точки зрения в обороне этого места не было ни единой лазейки, но чем больше Юнь Шань в этом убеждалась, тем страшнее ей становилось.

Ведь она придерживалась человеческой точки зрения и учитывала лишь нынешние человеческие возможности. Точно так же, как восемьдесят лет назад никто бы не поверил, что ядерная бомба может уничтожить целый город, сейчас, столкнувшись с непостижимой силой — по словам Ча Хуаня, не силой, а законами, — нужно было готовиться к одному: случиться может все что

угодно.

Время утекало минута за минутой, а бдеть в засаде было очень скучно, Юнь Шань такая работа никогда не нравилась. К счастью, сегодня на вход уставилось так много глаз, что она могла забыть о нем и просто наблюдать за реакцией наблюдавших агентов в штатском.

Пока не было ничего подозрительного.

С помощью специального устройства она взломала зашифрованный канал связи оперативной группы, но там пока царило молчание. Все линии коммуникации здесь определенно мониторили, и стоило запустить хоть один, их бы непременно раскрыли. Теперь она и Го Юань могли рассчитывать только на себя. При мысли об этом она немного беспокоилась о Го Юане: как он там? Его позиция была в десять тысяч раз опаснее, чем ее.

И в этот момент она заметила, что следователи в штатском на третьем этаже зашевелились. Не оглядываясь, достала косметичку и посмотрела на главный вход через зеркальце. Один за другим в центр вошли пять человек, и посередине — Ван Хайчэн. Даже не пытаясь скрыться, с весьма самодовольным видом. Последним из пяти оказался старый знакомый — Ча Хуань.

— Тогда нам нужна твоя помощь, — сказал Го

Юань Ча Хуаню. — Ван Хайчэн возьмет тебя с собой на это самоубийство?

— Нет. Не должен.

— А может, возьмет?

— Вы о чем?

— Я о том, что, согласно оперативному порядку в вашей шарашке, скольким нужно выбыть, чтобы настала твоя очередь?

— То есть как выбыть?

— Ну, перестать быть. Чтобы убежали, как ты, пропали внезапно, пропоносило бы их, умерли… все сойдет. Давай, составляй список.

Теперь Юнь Шань включила коммуникатор, и из наушников раздался обрывок переговоров:

— Сокол завершит блокаду периферии за 20 секунд, все сообщение полностью перекрыто.

— Первый в засаде, все чисто, могу действовать.

— Второй в засаде, все чисто.

Юнь Шань отвернулась. Ван Хайчэн с товарищами в это время проходили менее чем в ста метрах от нее. Выражение лица мужчины было спокойным. Он не поднимал глаз и не оглядывался, держа руки в карманах. Заходить внутрь он не собирался, открыл рот и что-то сказал.

Юнь Шань прочитала по губам.

«Начнем».

Внезапно вокруг Ван Хайчэна поднялся теплый черный туман, который волной разлился на сотню метров вокруг.

Юнь Шань уже видела подобное: этот тектос в Цзянкоу перевернул весь дом вверх дном. Ча Хуань сказал, что он называется «Долли». Именно потому, что Ча Хуань обнаружил мицелий «Долли» при обычном экологическом отборе проб, он стал членом группы по изучению тектосов. И именно по этой причине по мере продвижения исследований вошел в «Светлячок».

Такой опыт был для новичков нормой — открывать, задавать вопросы, недоумевать и вступать в контакт со «Светлячком». Это относилось к Ча Хуаню, как ранее и к Чжуан Циюю, как и к большинству участников. Чем ближе они знакомились с тектосами, тем сильнее рос их страх, каждый ученый в какой-то момент непременно начинал его ощущать. Без такой чувствительности ему вообще не хватило бы квалификации для понимания внеземных артефактов. Это стало одним из принципов работы «Светлячка»: каждый враг — это друг, который еще не очнулся.

Снова увидев «Долли», Юнь Шань не запаниковала, как в первый раз, а сразу же опустила

голову и уперлась руками в пол. Как и следовало ожидать, горы биомассы в черном тумане распространялись очень быстро, намного резвее, чем в прошлый раз. Что-то вроде опухшего корня дерева выросло из пустоты, легко вскрывая мраморный пол, темные лианы извивались вперемешку со щупальцами, за покрытыми чем-то вроде панциря ветвями тащилась червеобразная плоть… Хотя она видела это во второй раз, по коже Юнь Шань забегали мурашки. Но было не время для тошноты, она всеми конечностями вцепилась в растения, которые вспучивались у нее под ногами, и лишь так смогла удержаться.

Вокруг раздавались панические крики, а в ухе прозвучало сообщение:

— Второй в засаде полностью потерял обзор… Приближаюсь к цели… невозможно устоять на ногах, не приближайтесь вслепую! Не приближайтесь вслепую!

Извивающаяся биомасса росла все стремительнее, как будто выпуская корни и зарываясь в землю. «Самая мощная сила — сила жизни». Эта фраза никогда не была настолько уместной. Бессчисленные сверла и бессчетные буры живой материи просачивались в крошечные щели мрамора, железа и цемента, как нити, как вода,

а затем росли. Камни и арматура трещали и деформировались, как куски тофу, сворачиваясь и вспучиваясь.

«Долли» выросла в хаотично скручивающуюся арку радиусом сто метров и разверзла трещину, ведущую вниз, в ад. Юнь Шань широко распахнутыми глазами наблюдала, как щель под ногами превратилась в большую дыру, а та — в гигантскую бездонную пасть. Пол и камни обвалились, рухнули вниз, нагромоздившись друг на друга, а затем под ними вновь образовалась пустота, и они с грохотом свалились вниз.

Ван Хайчэн и его команда не стали захватывать лифт или другие пути, а непосредственно с помощью тектоса за несколько минут выкопали проход к центральной базе. Человеческим технологиям это было недоступно, в отличие от инопланетных.

Юнь Шань цеплялась за лиану, и поначалу эта штука быстро росла, подняв ее почти на два метра, и быстро увеличивалась в диаметре. Сперва ей удавалось держаться обеими руками, но вскоре стало понятно, что ее вот-вот разорвет, поэтому приходилось двигаться без остановки. Из набухающих отростков вытекала странная слизь, некоторые стали похожи на щупальца и внутрен-

ние органы. Юнь Шань превозмогала омерзение и не ослабляла хватку, чтобы удержаться, и одновременно высунула голову, выискивая следы Ван Хайчэна и его спутников в этом похожем на лабиринт месте, которое превратилось в тропический лес.

Юнь Шань была озадачена. Какой бы способной ни была группа, левитировать-то они точно не умели? Сейчас, когда пол рухнул, пусть даже они и докопались до базы, но как собирались спуститься вниз?

Она огляделась и увидела человека, висящего вниз головой на лиане. Его конечности были накрепко пригвождены к поверхности. Казалось, он приложил небольшое усилие, чтобы вытащить носок ботинка из растения, затем нагнулся и ударил ногой по нему. Его перчатки и ботинки ощетинились шипами, и он, как геккон, пополз вниз. В начале его перемещение было очень медленным, он с трудом всаживал шипы в черную плоть, вырывал их тоже с усилием, но после нескольких попыток освоился и стал спускаться аккуратно, словно не обращая внимания на гравитацию.

Юнь Шань ошеломленно уставилась на него. Конечно же, «светлячки» подготовились капи-

тально, пользуясь простыми средствами и без какой-либо специальной технологии, но было очевидно, что этот набор скалолаза неоднократно проверяли, и только после нескольких этапов усовершенствования тот смог идеально согласоваться со сверхъестественными растениями. Судя по всему, тренировались ученые не один день.

Придя в себя, Юнь Шань обнаружила, что вход в дыру расширился на шестьдесят с лишним метров и дна внизу уже не видно. Внутреннюю часть окутывал густой черный туман, как будто в том, что некогда было Глобальным центром, вырыли еще одно странномерное пространство, отрезанное от изначального мира.

Выбора не оставалось, «светлячка» нужно было догнать. Хотя тело Юнь Шань было генетически модифицировано, а сила и реакция намного превосходили обычных людей, это не делало ее бывалым мастером свободного скалолазания. В случае падения ее ждет участь размазанных по полу кусков мяса.

На ботинках Юнь Шань шипов не было. Она просто скинула обувь, сняла носки и уперлась босыми ногами в гладкое тело лианы. Так уже можно было приложить силу, и она стала спускаться вниз, как по стволу дерева.

Юнь Шань слышала бурление роста живой материи, словно внутри скрывались кровеносные сосуды, словно в этом грязном, неразумном, примитивном и могучем чудовище скрывалась кровь всей Земли. Оно походило на гигантского зверя, который показал свое истинное лицо. Поверхность была для него слишком мала, поэтому он мог искать прибежища только в недрах Земли. Сначала у него вырос рот, а затем пищевод и желудок, так глубоко, что до них уже не добирался свет. Эта постоянно расширяющаяся дыра — лишь малая часть, торс монстра уходил вниз, в породу, которая делала его невидимым.

Юнь Шань чувствовала себя Пиноккио, проглоченным китом. К счастью, счастливый конец сказки ее немного утешал.

Внизу вспыхнули два столбика света. Примерно в двадцати метрах под ней два человека зажгли фонарики. Тень под лучом приняла странную форму. Благодаря ему Юнь Шань увидела, что переплетающаяся внизу субстанция, похожая на лианы, раскинулась на всю дыру, как арматура. Сверху упал камень, пролетел мимо плеча и устремился вниз, прошел сквозь луч света от фонарика, ударился о ствол и отскочил. После нескольких подскоков и падений звук начал

удаляться. Луч фонарика машинально проследил за полетом камня, но вскоре глубина превысила дальность его освещения.

Дыра и в самом деле казалась бездонной. Внизу загорелось еще несколько световых столбиков. О положении людей можно было судить по концу луча. У всех членов «Светлячка» было альпинистское снаряжение, и они спускались гораздо быстрее Юнь Шань, отрываясь от нее все больше и больше.

Немного подумав, Юнь Шань оторвала длинные рукава, запомнила положение высвеченных фонариками лиан внизу, расслабила конечности и спрыгнула вниз.

Перепады высоты не превышали двух метров. Она отскочила, зацепилась, повисла, обхватила ствол, и все это на одном дыхании. Вначале продвижение шло немного медленно, но вскоре ее тело начало становиться все более гибким, как у гепарда, летящего через джунгли.

Но столкновение с лианами не могло пройти беззвучно, и после того, как она спустилась на десяток метров, люди внизу услышали странный шум.

— Что это за звук?

— Камень, наверное?

— Камни так не шумят.

Два луча взметнулись вверх, и Юнь Шань поспешно подтянулась и перелезла за лианы, спрятавшись в щель между ними. Лучи порыскали пару раз, но не обнаружили ничего необычного, и неприятель сдался.

Но когда Юнь Шань спустилась еще на двадцать метров, стоило ей разжать руку и спрыгнуть, луч вспыхнул снова. Судя по всему, «светлячок» уже давно что-то заподозрил и, возможно, долгое время прислушивался. Чем глубже под землю, тем тише становится. Неприятель, должно быть, вычленил в звуках закономерность. В это время Юнь Шань уже была в полете и сделать ничего не могла. Луч метнулся из стороны в сторону и не коснулся ее, но упал на стену, где и обрисовал контуры ее тела. Беда, подумала она, но было слишком поздно.

Фонарик нашел место, куда она приземлилась!

Зная, что прятаться бесполезно, Юнь Шань прикинула расстояние до человека, оттолкнулась ногой от внешней стены и бросилась на него. Их разделяло несколько метров и четверть секунды. Противник никак не ожидал от нее такой решимости — девушка была словно пуля. Теперь стало поздно уже для него. Он не мог спря-

таться, потому что не стоял на земле — в этой странной, похожей на тропический лес дыре, он мог закрепиться только благодаря шипам на перчатках и подошвах. Чтобы сменить положение, приходилось вонзать по-новому шипы на всех четырех конечностях, и входили в растение они далеко не быстро. «Светлячок» с трудом вытащил одну ногу и хотел увернуться, вильнув боком, но реакция Юнь Шань оказалась молниеносной. Разве можно было давать противнику такую возможность? Она схватила его за ногу одной рукой и, воспользовавшись энергией падения, с силой оторвала человека от лианы.

— Пошел! — тихо прошипела Юнь Шань.

Они сцепились в клубок. В ее арсенале была лишь скорость нервных реакций, но противник никакого сопротивления ей оказать не смог. Дважды ударившись головой о ствол, он потерял сознание.

Одного она уложила, и он не успел поднять тревогу.

— Пронесло, — тихонько пробормотала девушка.

Проиграй она сейчас, то оказалась бы в смертельной опасности, а о Го Юане уж и думать не приходилось. Связи не было, кто знает, что там

с ним сейчас происходило. Звуки должны были привлечь внимание остальных. Юнь Шань торопливо, крадучись отползла в сторону. Ее руки и ноги онемели от шока после полученных ударов, и движения замедлились.

Конечно, едва она успела уйти в сторону и найти уголок, чтобы спрятаться, как снизу засияли четыре луча. «Светлячки» обнаружили, что их товарищ споткнулся и потерял сознание, и немедленно принялись озираться вокруг.

Глубина приближалась к ста метрам, не будь фонариков, они бы не разглядели собственных пальцев. Юнь Шань затаила дыхание, поскоблила лианы, набрала пару горстей не то грязи, не то биослизи и размазала по телу, стараясь не попасть под прямые лучи света. Эта операция действительно полностью отодвинула в сторону вопросы личной жизни и смерти, судьба всех людей теперь зависила только от Го Юаня. Юнь Шань почему-то чувствовала какое-то удовлетворение, ведь она ставила на карту собственную жизнь, как настоящий воин.

Луч фонарика метался туда-сюда еще пару минут, прежде чем снизу раздался голос:

— Ладно, забудь, эти сверху рано или поздно спустятся вниз. Время поджимает.

— Где Цзян Ли?

— Неважно. Пойдем.

Люди продолжили шумный спуск, а Юнь Шань не смела пошевелиться. Минут через пять она вдруг почувствовала, как снизу поднялся сильный ветер, его порыв, влажный и смердящий, поднял окружающую пыль, чуть не задушив ее.

Проход в подземную центральную базу был открыт.

И впрямь, внизу она увидела чистый белый свет, источник которого находился всего в тридцати-сорока метрах, а еще заметила, как лучики фонарей падали в него, таяли и исчезали внутри. Благодаря свету Юнь Шань смогла внимательно оглядеться, чтобы понять, не охраняет ли кто-нибудь территорию внизу, и не нашла ничего необычного.

Она потрясла руками и ногами, разгоняя и активируя кровь, задрала голову и поглядела наверх. Там не было ни единого проблеска света, только кромешная тьма. От земли же, напротив, шло яркое сияние, создавая ощущение, что небо и земля поменялись местами.

Работающим здесь приходилось по-настоящему несладко. В Чэнду и так-то солнца не бывает, а от работы в таком месте собаки будут лаять

на него целыми днями.[61] Юнь Шань медленно сползала вниз, лихорадочно размышляя. Чем ближе к входу, тем осторожнее. Дыра меж тем продолжала опадать вниз, становясь все шире.

Это центральная база. То, что сказал мягкотелая креветка Ча Хуань, было правдой.

Раньше у нее еще оставались сомнения, но сейчас она сама спустилась почти на двести метров.

Ужасно, что подобное и вправду создали в таком глубоком подземелье.

Здесь конец всем секретам.

Юнь Шань машинально коснулась пистолета на поясе.

Оружие не давало чувства безопасности и спокойствия, как обычно, зато странная, беспричинная паника поднималась из самых глубин души.

Она вспомнила, что Ча Хуань сказал во время допроса: «По сравнению с этой штукой все наши человеческие технологии и оружие — детские игрушки».

---

[61] Сноски: 61

В Китае популярна шутка, что сычуаньские собаки с непривычки лают на солнце, поскольку обычно оно скрыто за постоянной дымкой.

Глава двадцать первая

Следователь с улыбкой на лице сообщил Ван Хайчэну, что проверка в его отношении полностью завершена.

— Она затянулась на долгое время, но так всегда бывает, когда дело касается безопасности и благополучного ведения сверхсекретных национальных проектов. Я полагаю, что вы, доцент Ван, можете в полной мере это понять. В конце концов, проект «Звезды» вам как ребенок. Ценность и значимость этого проекта не поддаются измерению, и здесь нет места ни малейшей ошибке, поэтому нужно держаться настороже. Некоторые меры в процессе расследования могли быть довольно строгими, но обеспечивать безопасность проекта должен каждый. Я надеюсь, что у вас не возникнет никаких недопониманий или тревог. Я знаю, что вам было неловко отвечать на некоторые вопросы, и теперь могу извиниться перед вами. Особенно что касается вопросов о вашей студентке, докторе Бай, это было чересчур. Но тут особые обстоятельства, ситуация особая, и нам волей-неволей пришлось прибегнуть к активно-

му психологическому давлению. Мы думали о национальной безопасности, я надеюсь, вы сможете понять. От себя лично приношу искренние извинения за прежние слова.

Ван Хайчэн спокойно выслушал и кивнул:

— Я могу понять, — а затем добавил, — и хочу встретиться с высшим начальством.

Услышав это, следователь, собиравший со стола документы, на мгновение опешил:

— А?

— Я хочу встретиться с высшим начальством, — спокойно повторил Ван Хайчэн.

Следователь в недоумении переглянулся с сопровождавшими его людьми.

— Что вы имеете в виду? Разве я не ясно выразился? Ваше расследование окончено, проблем нет, с сегодняшнего дня вы можете вернуться к работе…

— Мне нужно кое о чем доложить, это очень важно.

— Э-э… не могли бы вы сперва объяснить нам, о чем вам нужно доложить?

— Не мог бы, — лаконично ответил Ван Хайчэн.

— Почему?

— Вашим умом этого не понять.

Следователь аж поперхнулся от такого, и ему пришлось сделать глубокий вдох:

— Товарищ Ван Хайчэн, у нас нет полномочий, чтобы помочь вам подать заявление такого рода. Наша работа закончена, и теперь вы свободны. Что касается других требований, пожалуйста, обратитесь за советом к своему руководителю.

— Тогда, пожалуйста, отведите меня к моему руководителю. Я теперь не знаю, кто мой руководитель и где находится его кабинет.

— Хорошо, — вздохнул следователь.

Он долго водил Ван Хайчэна по военной базе, прежде чем остановиться у двери какого-то кабинета. Ван Хайчэн постучал, и изнутри донесся низкий женский голос с хрипотцой:

— Войдите.

Он так и поступил.

Кабинет был невелик, и в глаза бросалось отсутствие всякой мебели, кроме стола. То ли так отдавали дань военному стилю, то ли повлияла недавняя политика строгой экономии. За столом сидела женщина с волосами, подернутыми сединой, при виде Ван Хайчэна директор поднялась с места и протянула ему руку, перегнувшись через половину стола.

— А, профессор Ван, я давно слышала о вас и

очень ждала личной встречи. Пожалуйста, присаживайтесь. Моя фамилия У, У Сяо. Садитесь.

Ван Хайчэн ничего не мог понять ни о ее ранге, ни о должности. По сей день он не мог разобраться в отношениях между отделами, секторами и институтами, впрочем, и не планировал выяснять это. Ему хватало знания, что она заведует проектом «Звезды». В отличие от предыдущих, эта начальница была непривычно вежлива и даже казалась немного застенчивой.

— Я и сама должна была поговорить с вами, ваше расследование ведь только что закончилось?..

— Как вы думаете, что такое тектосы? — перебил ее Ван Хайчэн.

У Сяо на мгновение замерла.

— Я не знаю. Разве это не то, что мы пытаемся выяснить в рамках проекта?

— Да ну? Проект «Звезды» не хочет это выяснять. Проект хочет выяснить, как использовать эти вещи.

— Это…

— Возможно, я ошибаюсь. В начале половина проекта «Звезды» пыталась выяснить, что это за штуки, а другая половина пыталась понять, для чего они нужны. Но позже, по мере того, как

возможности тектосов все возрастали и начали выходить за пределы нашего понимания, ценность артефактов возрастала, и весь проект полностью свелся к выяснению того, как можно использовать инопланетные технологии. Я неправ? Все-таки это инопланетная технология, и она может изменить картину мира.

— Можно и так понять, — неловко улыбнулась У Сяо.

Ван Хайчэн вспомнил историю профессора Аня о том, как в африканской саванне поднимали на дерево веревки, тянули вверх без остановки. Тот вечер был относительно недавно, но сейчас, казалось, остался в какой-то другой жизни.

— Я не знаю, продвинулось ли исследование тектосов, пока я сидел взаперти из-за расследования. Просто, судя тому, что я узнал раньше, даже текущих знаний хватит, чтобы по всей планете случились великие перемены. Я считаю, что больше всего нас должен беспокоить тектос «Моисей», который может нарушать второй закон термодинамики и создавать энергию из воздуха. Это первый известный нам настоящий вечный двигатель. Мне не нужно пояснять, для чего пригодится эта штука, — думаю, наверху уже давно начали изучать, как ее использовать.

У Сяо ничего не ответила, просто тихо слушала и продолжала улыбаться.

— Но не совсем правильно говорить, что энергия создается полностью из ничего. Небольшие изменения все же есть, так? Сфера влияния «Моисея» становится все больше и больше.

— Разве не выходит, что чем больше диапазон его действия, тем выше мощность энергии, которую он может обеспечить? — спросила директор У.

— Вы правы, это так. С точки зрения применения это хорошо. Чем больше эффект, тем выше мощность вечного двигателя. Проблема только в том, что с выделением энергии эффект ядерного взаимодействия в нашем пространстве будет возрастать. По сути, энергия, которую обеспечивает «Моисей», происходит из разрыва между законами физики рядом с ним и теми, что были изначально. Это как если бы мы изначально были равниной на нулевой высоте, но рядом с «Моисеем» превращались в плато на восьмикилометровой высоте.

— Вы имеете в виду, что высота нашего старого мира растет?

— Да, по мере того как мы продолжаем набирать энергию, законы всей Вселенной меняются

в другую сторону. И дело не только в «Моисее», возле «Цзаофу» постоянно возрастает скорость света, и хотя эффект пока небольшой, наша нынешняя Вселенная уже отличается от прошлой, эффект ядерного взаимодействия стал сильнее, а скорость света выше.

У Сяо нахмурилась, она это давно знала.

— Вы имеете в виду…

— Это возвращает меня к первоначальному вопросу: как вы думаете, что такое тектосы?

— Говорите.

— Вы когда-нибудь задумывались о том, что они созданы для того, чтобы изменить законы физики? Изменение космологической постоянной нашей галактики — вот их настоящая цель.

У Сяо некоторое время молчала.

— Что вы называете «настоящей целью»?

— То, что цель инопланетной цивилизации — создать эту штуку и передать ее нам, людям.

Все эти приманки — вечный двигатель, энергия, секреты изменения мира, — все служило цели. У Ван Хайчэна заколотилось сердце, и ничего этого он вслух произносить не стал.

— В физике всегда был вопрос без ответа: что же все-таки такое законы Вселенной и ее фундаментальные постоянные? Законы — это то, с чем

мы постоянно сталкиваемся в наших исследованиях. Они кажутся самоочевидными, для них нет никакой причины, это просто такая аксиома. Скорость света в вакууме, четыре фундаментальных взаимодействия, постоянная Планка и так далее, их так много, и при этом ни у одной нет причины. Исследование природы законов в основном сводится к метафизике и теологии. Например, Ньютон твердо верил, что инициатором творения был Бог, а теория Большого взрыва говорит, что все законы были заложены в момент рождения Вселенной, и до появления Вселенной они не имели смысла, поэтому нет смысла и доискиваться, почему правила такие, какие есть. Среди гипотез о законах Вселенной самая интересная называется «антропный принцип». Вы знаете, о чем она?

У Сяо кивнула:

— Если законы Вселенной не будут такими, как сейчас, то ни одно человеческое существо не сможет родиться и не сможет думать о том, почему законы Вселенной такие.

— Да, — засмеялся Ван Хайчэн. — Да, эта гипотеза означает, что также могут существовать сотни миллиардов Вселенных с различными параметрами законов, но мы сможем существо-

вать, только если законы физики будут такими, как сейчас. И тогда возникает встречный вопрос: «Почему законы Вселенной именно такие, а не какие-то еще?» Будь законы Вселенной иными, не было бы людей, задающих этот вопрос. И выходит, что человечество и законы Вселенной это одно целое. Антропный принцип, Вселенная, пригодная для выживания человека.

У Сяо начала чувствовать подвох и смутно понимать, к чему клонит астроном.

— Но у Антропной Вселенной есть фундамент, то есть законы Вселенной постоянны и сложились после ее рождения. Но теперь тектосы доказывают, что законы изменчивы.

— Вы хотите сказать, что в этой Вселенной, которая пригодная для выживания человека, законы изначально были не такими?!

— Именно! Поскольку законы непостоянны, почему будет существовать условие, чтобы человечество обязательно существовало? Являются ли постоянные Вселенной именно такими или они сформированы какой-то силой?

Сердце У Сяо сжалось.

— Чем то, что вы говорите, отличается от теории креационизма?

— Бог хотел, чтобы Адам и Ева остались в Эдеме

навсегда, а наш Конструктор дал нам тектосы. Именно в этом ключевое отличие, и даже полная противоположность. Наш Бог дал нам рецепт разрушения Эдема, и к рецепту еще прилагается конфетка в форме вечного двигателя. — Ван Хайчэн увидел, что у директора расширяются зрачки. — Законы Вселенной, пригодные для выживания человека, исчезают.

— Вы имеете в виду, что изменение законов нас погубит? Эти тектосы — инопланетное оружие?!

— Вам не кажется, что эта идея нелогична? — улыбнулся Ван Хайчэн. — Они создали основу жизни на земле, создали законы, подходящие для нашего выживания, а затем хотят, чтобы мы создали оружие, чтобы уничтожить самих себя. Вам это не кажется омерзительным?

— Тогда в чем цель этих тектосов?

— Вы знаете, как мы их культивировали? Для первой нулевой клетки мы нашли большую чашку Петри, продезинфицировали ее, очистили и поместили в стерильную комнату. Сначала мы изолировали все виды биологического загрязнения в обычной окружающей среде, а затем создали питательную основу, подходящую для развития клеток. Держали в инкубаторе постоянную температуру и влажность и ждали, пока

она разовьется. В то время мы не знали, во что вырастет тектос, знали только, что если не провести стерилизацию и очистку, то его практически стопроцентно еще на начальной стадии убьют бактерии. Земной воздух полон бактерий, спор и гифов грибов. Земля развивалась сотни миллионов лет, и она может легко убить такого нового хрупкого чувачка, как нулевую клетку. Если не найти для нее среду с постоянной температурой и влажностью, оставить ее снаружи, то чуть-чуть ультрафиолетовых лучей, чуть-чуть прямого солнечного света и чуть-чуть влажности — и никто не поручится, что она сможет выжить.

Ван Хайчэн говорил о нулевой клетке и в то же время не о ней.

Законы Вселенной изменчивы и неоднородны. Чем дальше от «Моисея», тем выше сильное взаимодействие, а чем ближе к нему, тем слабее; чем дальше от «Цзаофу», тем медленнее была скорость света, а чем ближе к нему, тем быстрее.

— Нас закрыли в чашке Петри и поместили в ясли с постоянной температурой и влажностью, подходящими для роста, — пробормотала У Сяо.

— Да, я не знаю, насколько велики эти ясли, это может быть Солнечная система или галактика Млечный Путь. Но одно можно сказать наверня-

ка — законы Вселенной, которые мы знаем, — это вовсе не настоящие законы, и знакомая нам космологическая постоянная — тоже не универсальная константа. Законы физики неоднородны, и мы живем по тем, которые больше всего благоприятны для нашего существования. В этом пространстве, которое может быть и Солнечной системой, и Галактикой, человеческое существование защищают не фунгициды и стеклянные крышки, а уникальные, отличные от внешних, законы физики.

— Что это значит?

— Это последний момент, который я хочу понять. Если Солнечная система — это чашка Петри с постоянной температурой, влажностью и богатым питанием, почему другие разнообразные бактерии не попали в это идеальное жизненное пространство, почему только земная жизнь? Если вы из инопланетной цивилизации и обладатель облака Дайсона в 1400 световых годах от нас, почему бы вам не прилететь на Землю?

— Потому что это отнимет слишком много времени? Даже если они смогут достичь скорости света, при самом оптимистичном раскладе путь займет тысячи лет, десятки тысяч. Для цивилизации такое время слишком велико, и вложение

средств будет бессмысленно, а риск пересечения межзвездного пространства…

— Точно, — сказал Ван Хайчэн. — Согласно законам физики, которые мы понимаем, макроскопический физический летательный аппарат, возможно, не сможет достичь даже одной десятой скорости света. И в теории предельный срок для подобного путешествия составит десятки тысяч лет.

— Но что говорить о корабле, если даже с сообщениями проблема. При таком пинге отправка туда-сюда займет три тысячи лет… И кто будет следить за отправкой и приемом сообщений? Скорость передачи информации не может превышать скорость света, а потому любой контакт в масштабе расстояний Вселенной слишком труден, — подхватила У Сяо.

— Какую скорость света? — неожиданно спросил Ван Хайчэн.

Это был глупый вопрос, но как только у директора появилось желание это сказать, она внезапно замерла.

— Время, о котором вы говорили, потому будет таким долгим, что по нашим законам физики скорость света — это высший предел, вот потому инопланетянам и потребуется столько времени,

чтобы добраться до нас. Вы забыли, о чем мы только что говорили. За пределами Солнечной системы скорость света выше, а может быть, и намного выше. Возможно, потребуется всего десять лет, чтобы добраться до границы нашей чашки Петри. Но там они остановятся.

— …Почему?

— Потому что войти не смогут.

— Вы имеете в виду, что у нас есть защитная оболочка снаружи?

— И да, и нет. Здешние законы физики гарантируют, что они не смогут проникнуть в наш мир.

— Я не понимаю.

Ван Хайчэн нашел на столе две ручки и положил их на левый и правый край стола.

— Предположим, что две ручки — это два континента с океаном посередине. Как попасть с одного на другой?

— На корабле.

— Хорошо, — Ван Хайчэн нашел ластик и медленно провел им слева направо. — Вы отплываете со своего берега и идете к моему. Девяносто процентов пути все идет нормально, и вот корабль доходит до моего берега. Помните, что с этого момента законы и константы физики изменились. Лодка может двигаться, может плыть по воде. Что

для этого нужно? Посчитаем по самому простому — двигатель и корпус. Только это, хорошо?

У Сяо кивнула.

— Давайте отложим другие действительно сложные влияния законов Вселенной и рассмотрим только эти две простейшие вещи. Двигатель пусть будет двигателем внутреннего сгорания, который работает за счет химической энергии окислительно-восстановительной реакции. Если энергия химической связи уменьшится наполовину, то высвобождаемая энергия будет слишком мала, и двигатель выключится; если энергия химической связи удвоится, то высвобождаемая энергия будет слишком велика, двигатель превратится в бомбу и взорвется. Корабль может плавать по воде, полагаясь на давление. Суть давления в электромагнитной силе. Если электромагнитная сила удвоится, корабль всплывет, центр тяжести станет неустойчивым, судно опрокинется и утонет. Если сила уменьшится вдвое, корабль просядет, палуба окажется ниже поверхности воды, и он утонет. Даже если игнорировать другие, более сложные влияния законов физики, если брать только самое основное — горение и примитивная технология плавучести полностью выйдут из строя. Вся технология происходит

от науки, и все исходит из понимания законов Вселенной. Если они отличаются, большинство технологий станут непригодны, причем чем более они продвинутые, тем серьезнее будут сбои. Законы — это барьер. Скорость света — один из барьеров. Возможно, все физические законы Солнечной системы и есть барьеры — скорость света, постоянная Планка, коэффициент сильного взаимодействия, коэффициент слабого взаимодействия, гравитационная постоянная и заряд электрона. Возможно, все физические константы — это барьеры! Если их преодолеть, то, независимо от мощности, любая технология станет бесполезной. В известном нам физическом мире скорость света в вакууме составляет 299 800 километров в секунду, поэтому, если передать информацию на 1013 километров, то есть на расстояние около одного светового года, потребуется как минимум год. А что за пределами известного нам физического мира? То есть, судя по нынешней ситуации, за пределами Солнечной системы? А там она может быть в тысячу раз больше, чем здесь. В таком месте расстояние в тысячу световых лет, то есть 1016 километров, может занять всего год.

Скорость света в вакууме, постоянная Планка,

четыре фундаментальные постоянные и прочее — эти основные параметры составляют основные законы мироздания, определяют структуру материи, а также определяют пределы, которых могут достичь различные данные в этой Вселенной.

С появлением тектосов законы физики в Солнечной системе начали меняться. Нет! Лучше сказать — развиваться в сторону незащищенной нормальной Вселенной! Само собой разумеется, изменение физических законов Вселенной повлечет за собой разрушение и перестройку этого мира, так почему же уничтожение не произошло прямо сейчас? Ван Хайчэн не понимал. Возможно, благодаря какой-то тонкой манипуляции изменившиеся константы достигли нового баланса, избежав таким образом всеобщего разрушения. Если это так, то сила, находящаяся далеко за пределами человеческих знаний, пугала его еще больше.

— Если сильное взаимодействие будет в два раза выше, у нас не будет возможности взорвать ядерную бомбу, и мы не сможем ослабить связующие силы между нейтронами и протонами. Если силы Ван-дер-Ваальса будут в два раза мощнее, мы не сможем воспламенить порох, или, точнее, мы даже не сможем разжечь огонь. Это же

работает в обратную сторону. Вот почему никто не приходит в наши ясли. Ни одна высокотехнологичная цивилизация не сможет выжить по законам ясельной Вселенной, — продолжил Ван Хайчэн.

— Но мы изменили законы, — сказала У Сяо, глядя куда-то вдаль.

Хотя стена комнаты стояла прямо перед ней, казалось, ее не существует. В это время У Сяо походила не на руководителя, а на обычного испуганного человека.

— Это и есть настоящая цель тектосов, о которой вы говорили — снять барьеры вокруг наших яслей.

Директор, с которой Ван Хайчэн только сегодня встретился в первый раз, что-то бормотала себе под нос, застыв на несколько минут, а затем ей в голову пришла другая мысль:

— Нет, нет. Все, что мы тут наговорили, — это просто гипотеза, к тому же предполагает, что Вселенная, как и Земля, полна жизни, поэтому якобы и нужны барьеры, о которых вы говорили, чтобы защитить нас. Но это же не так! До сих пор мы обнаружили только две предполагаемые сферы Дайсона. А Вселенная бесплодна, в ней жизни нет. Так что мы вовсе не нуждаемся в защите

типа заповедной зоны.

— Серьезно? — Ван Хайчэн пожал плечами и замолчал.

— Что не так?

— Почему мы обнаружили два облака Дайсона одновременно с получением чертежей тектосов? Почему ни раньше, ни позже? Почему мы проверяли те секторы неба невесть сколько раз и никогда не находили и следа сигнала? Неужели эти облака Дайсона построили за день? И тот же самый вопрос — почему послание было зашифровано в сигналах излучения черного тела температурой 60 К? Мы не понимали, какой источник излучения будет покрывать каждый уголок звездного неба, пока…

Ван Хайчэн поднял руки, согнул ладони полусферой и медленно сложил их вместе, образовав шар.

— Наша чашка Петри, наш передатчик сигналов, наша оболочка. Барьер из законов физики, через который не проникнуть извне, который делает нас незаметными для других, но и не дает увидеть внешний мир.

— Вы имеете в виду, что внешняя оболочка Солнечной системы изменяла сигналы с той стороны так, что мы не могли зафиксировать

существование других цивилизаций? И во Вселенной на самом деле их полно, но мы видим это только сейчас?

— Очень близко, — глубоко вздохнул Ван Хайчэн, — только я считаю, на самом деле все намного проще. Дело не в том, что мы не можем видеть других, а в том, что другие не могут видеть нас.

— Невидимость?

— Вы знаете, что в процессе развития тектосы как-то раз «исчезли»?

— Я читала материалы. Я помню, вы предложили объяснение, что они не исчезли, а превратились в темную материю.

И в этот момент У Сяо замолчала.

— Невидимая, неосязаемая, не имеющая электромагнитного эффекта, но обладающая массой и силой притяжения, — сказал Ван Хайчэн. — Это и есть темная материя, точнее, темное вещество, как мы его определяем. Мы всегда верили, что темная материя отличается от других фундаментальных структур, которые мы понимаем, иначе мы не могли объяснить, почему ее трудно зафиксировать, но при этом она обладает гравитационным эффектом. Но тектосы нам говорят, что, возможно, темная материя — это просто состояние обычной материи, состояние, которое

существует, но не может быть обнаружено. Это как если бы наша материя и темная материя шли по двум параллельным путям, и темную мы наблюдать не можем. Но вопрос в том, может ли темная материя наблюдать нас? Вы когда-нибудь думали, что если бы существовали другие цивилизации, вроде облака Дайсона на расстоянии 1400 световых лет от Земли, как бы выглядела наша галактика в их глазах?

У Сяо поняла, и ее сердце стало биться все быстрее и быстрее.

— Вы имеете в виду, быть может, в их глазах это мы — темная материя? В глазах других цивилизаций Солнечная система невидима, неосязаема, не имеет электромагнитного эффекта и ее никак не обнаружить. И их законы физики отличаются от наших…

Ван Хайчэн достал из сумки воздушный шарик и принялся его надувать. Он долго готовился, и вот наконец шарик пригодился. Он дул изо всех сил, не говоря ни слова, и потребовалось несколько минут, прежде чем шарик надулся до максимума.

— Может быть, это и есть правда нашего мира. Вся наша Галактика заключена в чашку Петри из «темной материи», и в этой среде существуют

независимые космологические постоянные и физические законы. Мы считаем правила из этой чашки Петри истиной Вселенной и, заключенные в нее, не можем видеть реальный мир, как и он нас. Вселенная, которую мы видим, похожа на сказки, которые мы рассказываем дошколятам. Принц и принцесса живут счастливо вместе, и нет там разводов, нет измен, нет безработицы… нет домов, которые нельзя себе позволить.

При этих словах Ван Хайчэн внезапно сорвался, закрыл лицо ладонью и мрачно засмеялся. Ощущение безмерной усталости норовило вырваться у него из груди.

— Тектосы — это игла. Игла, предназначенная для того, чтобы проткнуть нашу защитную оболочку, — шар лопнул в его руке с громким хлопком, — вот так. И тогда мы увидим настоящие законы и истинный облик Вселенной. Младенчество людей подходит к концу.

Ни один из них не произнес ни слова, и в комнате воцарилось долгое молчание. Наконец, У Сяо сказала:

— А что будет дальше? Как будет выглядеть наша Вселенная?

— Может ли трехмесячный ребенок представить, какой будет его жизнь, когда он вырастет?

Да и имеет ли смысл этот вопрос?

— Тогда какой вопрос имеет смысл?

— Как вы думаете, мы, дети, готовы столкнуться с настоящим миром взрослых? Готовы ли мы к этому ужасному миру?

Выйдя из кабинета, Ван Хайчэн заметил, что эмоции улеглись. Не было расслабленности от завершения великого дела, с плеч не свалилось тяжкое бремя, он даже не вздохнул с облегчением.

Все эти дни перед его мысленным взором стояла картина — ясли в центре разведения гигантских панд в Чэнду. Их детеныши размером с ладошку походили на мышей, еще не могли открыть глазки и самостоятельно перевернуться, поэтому их помещали в прозрачную комнату с постоянной температурой. Туристы глазели на крошечных, едва обросших шерстью пищащих малышей сквозь стеклянные стены и пластиковые окна. Персонал неустанно шепотом предупреждал туристов, чтобы они вели себя тихо и выключали вспышку на камерах.

Когда маленькие панды подрастают, их перево-

дят в лунную и солнечную родильные палаты[62], где они притворяются паиньками, катаются по полу туда-сюда под восторженные визги туристов и щелчки фотокамер, любимые всеми без исключения.

Затем в один прекрасный день они проходят плановый осмотр, после чего их сажают в клетки и отправляют в дикую природу. И только тогда они понимают, что ничего не умеют, и все их миленькие приемы — обхватить человечью ногу, кататься и показывать пузико — здесь бесполезны. Они не могут найти еду, не могут найти кров, никто не проводит им медосмотры каждый день, они не могут найти пару, не знают, что делать во время течки. Так что некоторые худеют от голода, а некоторые от него умирают, превращаясь в хладный труп.

Ван Хайчэн никак не мог понять, почему эта странная картинка постоянно вертится в его сознании, но сегодня наконец понял.

Он думал, что панда олицетворяет людей и Землю, но на самом деле это был он сам. Он думал, что с самого детства оттачивал свое высокое, но неприменимое ремесло, что стал непобедимым,

---

[62] Сноски: 62

В лунную родильную палату кладут детенышей панд, родившихся в ночное время, в солнечную — в дневное.

но в тот день, когда мир одним махом поглотил его, понял, что даже кости у него жуются за милую душу. Только в этот день он узнал, как выглядит реальный мир. В сказках рассказывают лишь как влюбиться и быть вместе навек, но не научат, как заработать денег на покупку дома. До вчерашнего дня он был младенцем, живущим в сказке о башне из слоновой кости, считал, что если будет усердно учиться и работать каждый день, то сможет зажить так, как всегда мечтал — счастливо и беззаботно.

Ван Хайчэн поднял голову и уставился на заходящее солнце, которое медленно садилось за западный горизонт. Солнечную систему окутывал один большой наушник, по которому крутили сказки. Он работал сотни миллионов лет, и по какой-то причине именно сейчас вдруг закончил передачу и исчез. И в день, когда это случилось, закончилась колыбельная земной цивилизации, вместо нее прозвучала побудка, и человечеству дали пинка, ведущего во взрослую Вселенную.

Ван Хайчэн вспомнил историю Ань Сэньцина о том, как в африканской саванне затаскивали на дерево веревку.

До тех пор, пока законы Вселенной в яслях, то

есть на Земле, не изменятся, какой бы могущественной ни была инопланетная цивилизация, она не сможет сюда попасть. Скорость света здесь слишком мала, значения постоянной Планка и четырех фундаментальных постоянных отличаются от внешнего мира, а технологии, которые кажутся людям настоящей магией и могут уничтожить весь мир, вообще невозможно использовать в Солнечной системе.

В этих примитивных физических постулатах можно действовать только с помощью веревки и вытянуть ей законы настоящей Вселенной, существующие за пределами яслей.

Люди казались марионетками, которыми управляла эта невидимая веревка.

Ван Хайчэн весь вспотел, то ли из-за жары, то ли по какой-то другой причине. Он возвращался с коробкой личных вещей в руках. Хотя проверка закончилась, в целях безопасности и конфиденциальности весь персонал разместили в специальной спальной зоне базы. Во время действия проекта «Звезды» вся работа и быт ученых ограничились стенами военной базы, и чтобы попасть во внешний мир, нужно было подать отдельную заявку. Он больше не мог входить и выходить из Университета Сунь Ятсена, как

раньше. Естественно, Ван Хайчэн также хотел переехать из зоны «казематов» в общежитие. Он там еще не был и не знал, где оно находится. На базе ему вручили подробное руководство и карту с описанием каждого района. Конечно, там были связные, готовые оказать помощь, но стоявшие рядом солдаты его нервировали. Ван Хайчэн решил найти общежитие сам.

Когда он подошел к жилому району, небо внезапно изменилось.

Заходящее солнце быстро закрыли темные тучи, похожие на чудовище. Всего за несколько минут все небо налилось красным, как в кровавый Судный день. Еще через пару минут от солнца, наполовину скрывшегося в море, осталась только бледная тень. На первый взгляд его невозможно было отличить от луны, тучи пронзила вспышка грозы, и они поползли с оглушительным ревом, как разрушенный механизм, заслоняя небо.

Хлынул ливень.

Коробка в руках Ван Хайчэна была набита одеждой и электроникой, которые никак нельзя было залить водой. Но и бежать он тоже не мог, поэтому решил найти какой-нибудь карниз, под которым можно укрыться. Изначально база была

крупномасштабным полигоном для нового оборудования. Между административной зоной и жилой лежало огромное открытое пространство. Ветер хватал капли дождя размером с горох и с размаху швырял прямо в лицо. Убежища так сразу было не найти.

В это время позади него раздались шлепающие шаги, быстрые и легкие, явно в сторону общежитий. Мужской голос крикнул:

— Притормози, не боишься убиться на таких каблуках?

Ван Хайчэн обернулся, чтобы уточнить, знакомые ли это и можно ли их попросить помочь ему добраться до места. Сотрудников проекта «Звезды» снова подчистили, а масштаб его был значительно расширен, так что новичков он мог и не знать. Однако прежде чем он успел глянуть, послышался знакомый женский голос, радостно кричащий:

— Если не поторопиться, мы промокнем! Ты что, старикан? Чего так медленно бежишь?

— Как бы быстро ты ни бежала, область, обращенная к дождю, останется той же. Не выйдет меньше намокнуть, если быстро бежать. Посчитай интеграл.

— …да кто тебе поверит!

— Ты даже мне не веришь, а кому тогда поверишь? Уж подожди меня, немножко намокнуть — это не смертельно…

— А ты уже труп!

Бай Хунъюй побежала, смеясь и ругаясь на бегу через плечо, и не замечала босса, пока не оказалась совсем рядом. Она на мгновение опешила, затем резко остановилась и чуть не упала. Незнакомый Ван Хайчэну молодой человек бросился к ней и схватил за руку, предотвратив купание в грязи.

— Босс? Вас… — Бай Хунъюй хотела сказать «наконец-то освободили», но, к счастью, успела опомниться. — Как здорово! — воскликнула она. — Мы так долго ждали вас!

— Мы?

Мужчина первый шагнул вперед и протянул руку:

— Здравствуйте, учитель Ван! Я так много слышал о вас, очень ждал личной встречи. Я здесь новенький, занимаюсь энергетической инженерией, сейчас провожу оценку технической осуществимости «Моисея». Сяо Бай говорила, вы покушать горазды, мы все ждали, когда сможем вместе в ресторан сходить, а то вдвоем что ни заказывай — все равно не прикончишь.

— Слышишь, ты, Цзян! — топнула ногой Бай Хунъюй. — Что ты несешь? Помоги боссу вещи донести, у тебя мозги, что ли, промокли?

Ван Хайчэн запомнил только фамилию этого человека. У него отобрали ношу, и он последовал за ними обоими до самого общежития. Бай Хунъюй с молодым человеком помогли ему найти комнату и сложить вещи и рассказали про основные проблемы в общежитии. Затем они ушли и дали Ван Хайчэну принять душ.

Перед тем как закрыть дверь, парень хлопнул себя по лбу и с громким смехом сказал:

— Ой, учитель Ван, я же не сказал вам, как меня зовут! Запамятовал. Меня зовут Цзян Чэн, успешное такое имя.[63]

Бай Хунъюй высунула голову из-за его плеча и улыбнулась:

— Не, он не запамятовал, а всегда был таким дураком. Босс, давайте побыстрее, мы вас ждем, чтобы пойти ужинать!

---

[63] Сноски: 63
«Чэн» по-китайски означает «успех».

Глава двадцать вторая

Бай Хунъюй встретила Цзян Чэна в столовой базы. Она слышала его имя во время расследования, и поначалу оно никак в ней не отозвалось. Пока Цзян Чэн стоял позади нее в очереди за едой, она, пританцовывая, рассказывала об инженеризации «Моисея», при этом рассказывала громко, привлекая всеобщее внимание. Цзян Чэн неудачным движением заехал ей по пояснице, сам же испугался и отскочил на шаг, рассыпаясь в извинениях. Когда все покаянные фразы закончились, он поднял голову и увидел лицо девушки. Рослый и крупный мужик остолбенел и внезапно залился краской.

— Вы… Бай, Бай Хунъюй, да?

Бай Хунъюй испугалась. Он суетливо замахал руками, объясняя:

— Нет, нет, не поймите меня неправильно. Я не чужой человек. Я такой же, как вы… Нет-нет-нет. Я не это имел в виду. Я… — Он хлопнул себя по лбу. — Вы тоже подписались на проект колонизации «Марс-1», и вас кинули на деньги?

Теперь растерялась Бай Хунъюй. О «Марсе-1»

у нее спрашивали во время расследования. Сейчас он казался лишь глупым и милым событием дней минувших. Нидерландская компания, не имевшая опыта работы в аэрокосмической отрасли или научных исследованиях, объявила в прессе, что начинает отбор кандидатов для проекта колонизации Марса среди обычных людей по всему миру. Сначала должны были отобрать сто предварительных кандидатов, а затем из них двух мужчин и двух женщин. После обучения они должны были отправиться на Марс на пилотируемом космическом корабле. Следователь спросил Бай Хунъюй, почему она подала заявку и оплатила немалый регистрационный взнос. Самым непонятным в этом вопросе были два момента: во-первых, голландцы ясно дали понять, что этот план с большой вероятностью провалится. Даже если повезет совершить посадку на Марс, никто не мог гарантировать, что пассажиры благополучно выживут на этой планете, при этом со стопроцентной вероятностью на Землю вернуться они уже не смогут. Во-вторых, только за регистрацию пришлось заплатить, и эти деньги возвращать никто не собирался.

Следователь никак не мог понять, почему с их уровнем знаний они не увидели, что это чистой

воды мошенничество.

— Ну… вероятно, потому что… людей обмануть можно вне зависимости от того, насколько реальной выглядит афера или насколько человек тупой. Ключевой момент в том, насколько обманутый надеется, что это все правда, нет? — предположила Бай.

Цзян Чэн сломал всю голову над ответом, опасаясь, что завалит политическую экспертизу из-за глупой ошибки прошлого и пролетит мимо проекта «Звезды», как фанера. Увидев, как напряглось его лицо, следователь поспешил его успокоить:

— Все в порядке, не волнуйтесь так. В проекте есть астроном, которого тоже обманула эта конторка. Может быть, позже вы сможете обменяться опытом.

Во время первого ужина в столовой базы Бай Хунъюй и Цзян Чэн рассказали Ван Хайчэну об этом как о забавном анекдоте. Ван Хайчэн ничего не ответил. Ему казалось, что кашу удалось-таки испортить маслом, и теперь от жирности аж тошнило. Раньше он беспокоился, что Бай Хунъюй будут расспрашивать о нем во время расследования, и он не знал, как после такого смотреть ей в лицо, но теперь понял, что все это

неважно. Ван Хайчэн собирался поговорить с Бай Хунъюй, изложить ей свои соображения о тектосах, но беспокоился, что инспектор спрашивал ее о чем-то, что могло бы вызвать смущение, не знал, как заговорить с ней на эту тему. Но теперь стало ясно, что говорить или нет — уже не имеет никакого значения.

Бай Хунъюй и Цзян Чэн были людьми одного сорта, а он — другого.

Наскоро поев, Ван Хайчэн сказал, что слишком устал и хочет пораньше лечь отдохнуть. Он уже давно не ложился так рано. Вокруг царила глушь, он слышал за окном треск насекомых, без конца ворочался от невыносимой жары. Встал и включил кондиционер, температура сперва оказалась слишком низкой, поэтому пришлось ее немного прибавить.

Жужжание компрессора, стоп, старт, стоп, старт, словно бесчисленные мухи жужжали в ушах.

Жжж…

Жжж…

Ван Хайчэн вспомнил, что где-то есть пара берушей, снова вскочил с кровати и принялся их искать. Он не знал, куда положил их, когда собирал вещи. Сперва перевернул коробку вверх

дном, обшарил каждый уголок, но ничего не нашел. Может, они где-то в карманах? Он перерыл все — куртки, пальто, брюки, разворачивал свернутую одежду, вертел ее на кровати, скидывал в кучу, бросал на пол.

В туфлях, между страницами книг, в футляре для скрипки. Все было открыто и разбросано по всей комнате, и ничего, ничего, ничего. Беруш нигде не было, вообще ничего мелкого под руку не попадалось.

Жжж…

Жжж…

Никогда еще звук так не буравил уши и не высверливал мозг, отдаваясь бесконечным эхом, словно пытаясь все разорвать, растерзать, влезть внутрь, свести его с ума.

Ван Хайчэн хотел кричать, но не посмел и пикнуть. Комната Бай Хунъюй находилась прямо над ним.

Он сгреб сваленную на кровати одежду и изо всех сил швырнул ее в стену. Тряпки взлетели на миг, а затем упали на пол. Упали беззвучно и недалеко, прямо у изножья кровати. Ван Хайчэн выключил свет и рухнул на кровать, обливаясь вонючим потом.

Кровать была жесткой. Он вспомнил, как, по-

лучив ключи от квартиры, попробовал лечь на матрас за тридцать тысяч. Лежалось на нем как на облачке.

В общежитие он вернулся в 7:40 вечера. В последний раз, когда он смотрел на часы перед тем, как заснуть, было уже 6:47 утра.

В течение пары следующих дней Ван Хайчэн постоянно ходил к директору У, чтобы узнать, какого мнения о его докладе наверху и нужно ли ему писать более подробный отчет. Он мог обстоятельно начать с парадокса Ферми, продемонстрировать, как изменение физических констант и законов Вселенной повлияет на земные технологии, вычислить точку отказа ядерной бомбы, точку угасания Солнца, воздействия на спутниковую связь, — да все, что угодно.

Директор У заверила Ван Хайчэна, что в этом нет необходимости. Она согласилась с его идеями и обещала со своей стороны приложить все усилия, чтобы наверху осознали опасность тектосов. Правда, потом откровенно объяснила, что ключевой вопрос здесь не во влиянии на существующие технологии, а в возможных выгодах от освоения инопланетных артефактов. Внутренний состав проекта «Звезды» успел разделиться на фракции, представляющие разные мнения.

Кто-то был согласен со взглядами учителя Вана, кто-то выступал против. Даже с учетом того, что директор У была в числе согласных, ей нужно было попытаться заручиться всеобщей поддержкой, разобраться в политике различных групп и своим голосом задавить оппонентов. Это был ключевой момент.

— Не волнуйтесь, — сказала директор У, — я верю, что вы правы. Я также общалась с другими учеными, и многие вас поддерживают. Не беспокойтесь, я обязательно что-нибудь придумаю.

На четвертый день Ван Хайчэн снова пошел к директору, но не застал ее. Он расспросил других, но никто не знал, куда она делась.

В душе Ван Хайчэна всколыхнулась тревога. Что-то не так, сразу понял он и не мог не тревожиться о директоре У. Хотя он не разбирался в политике, но, будучи китайцем, понимал, что в ней есть подводные течения и малейшая неосторожность может привести к гибели. Проект «Звезды» затронул слишком много интересов и сил, наука больше не контролировала его направление, она даже перестала быть определяющим фактором. Неужели директор У из-за него «попала не в ту команду»?

Всякий раз, когда вышестоящий руководитель

проводил инспекцию, он пугался. Пугался, что тот решил подсчитать, сколько тяжких преступлений совершила директор, и объявить о назначении нового ответственного лица.

В такой тревоге прошло еще четыре дня, а вечером последнего он наконец увидел У Сяо.

Ее появление на этот раз до крайности удивило всех без исключения. Но для остальных было важно не то, что она исчезала на несколько дней, а то, что вернулась в сопровождении двух иностранцев, толстого и худого. Она повела их прямиком в группу Цзян Чэна.

— Согласно указанию Центрального правительства, с сегодняшнего дня мы начнем работать с этими двумя американскими экспертами, будем изучать энергетизацию «Моисея». Мы надеемся на тесное сотрудничество.

Вся база гудела от обсуждения этой внезапной смены врагов и друзей, все гадали о том, сколько американцы заплатили за сотрудничество. Некоторые считали, что политика — штука сложная, и обычным людям ее не понять; кое-кто из молодежи шутил, какой процент от сделки получили ученые, убитые шпионами, получилось ли у них выйти в ноль; некоторые предполагали, что новость об отказе Конгресса одобрить бюджет США

на содержание войск в Японии и Пятого флота ВМС имеет к этому отношение. Вся база забурлила от неуместных сплетен и необъяснимой жизненной силы.

Только Ван Хайчэн чувствовал, что не может дышать. Он привалился к стене и отчаянно хватал ртом воздух, но ощущал, что в кровь не поступает ни капли кислорода, и перед глазами начало чернеть.

Он просто считал себя до смешного глупым. Если подумать, Ван Хайчэн, ох, Ван Хайчэн, за какие такие достоинства другие стали бы использовать служебный пост, чтобы расплатиться по счетам за твою туманную «идею»? У директора У есть собственное будущее, собственные высокие идеалы и амбиции, ей приходится сталкиваться с бесчисленными и нескончаемыми реалиями — точно такими же, как твоя квартира, которая очевидно принадлежит тебе, но в которой нельзя жить. Реальность и идеалы разделены туманной и непроницаемой завесой.

Все эти дни Ван Хайчэн уповал на директора У как на последнюю опору, а теперь она рухнула, и он чувствовал лишь, что тело словно окаменело и отказывалось двигаться. Цзян Чэн и двое американских ученых свободно болтали на смеси

китайского и английского языков, а Ван Хайчэн почувствовал, как его мозг выплывает из макушки и, словно в дурмане, вылетает наружу, прямо как душа, покидающая тело в момент смерти, согласно старым преданиям.

Он поднял глаза, огляделся и молча двинулся к своему общежитию. По дороге настолько погрузился в собственные мысли, что налетел на двух людей подряд, но даже не обратил внимания, не извинился, не сказал ни слова, просто шел вперед, как деревянный болванчик.

В голове его было так чисто, словно он впервые до конца понял, что следует делать. Будет трудно, но не невозможно. Но перед этим нужно было кое с чем разобраться и решить небольшую проблему.

Он позвонил на базу, чтобы подать заявку на выход. Ту быстро одобрили. С одной стороны, потому что Ван Хайчэн ни разу не выходил с тех пор, как его насильно сюда доставили, а с другой стороны, потому что сегодня таких заявок практически не было: вся база напоминала рой и судачила о неожиданном сотрудничестве.

Этот план зародился в тот день, когда Ван Хайчэна впервые доставили на допрос. Поначалу он появился из-за обиды и гнева, которые некуда

было выплеснуть, а затем оттачивался, чтобы скоротать бесконечные сутки безделья. В те дни, когда дознаватель спрашивал его о Бай Хунъюй, боль и ярость достигали своего пика. Каждую ночь Ван Хайчэн засыпал, шлифуя свой замысел. Только так он мог успокоиться.

В ожидании транспорта он начал звонить по контактному телефону, который нашел в Интернете, оставив свое настоящее имя и идентификационные данные, что противоречило плану, но было даже лучше.

Рейсовый автобус под управлением армейского солдата проделал путь от холмов на севере до города Чжухай на юге и ехал довольно лихо. Ван Хайчэн был единственным пассажиром, на плече у него висела сумка, а между ног стоял скрипичный футляр. Он купил скрипку после того, как поступил в университет, на деньги, которые заработал частными уроками. Все эти годы он носил ее при себе, поигрывая время от времени.

Ван Хайчэн установил все контакты, завершил подготовку. Он подтвердил местонахождение каждого и снова просмотрел собранные сведения. Первоначально они должны были стать доказательствами обвинения, но адвокат Ма сказала, что с этим возникнут проблемы. По ее

словам, такая информация смогла бы стать доказательством вины продавца только на основе предположения, что тот действовал со злым умыслом.

«А подобная гипотеза тенденциозна, суд ее не примет. Сначала вы должны доказать наличие злого умысла».

Это сводило Ван Хайчэна с ума.

Прибыв в город, он снял в банкомате наличные, а затем на такси вернулся ко входу в жилой комплекс «Своя квартира» возле Университета Сунь Ятсена. На часах перевалило за восемь, стемнело, уличные фонари светили тускло. Более дюжины молодых и сильных мужчин без рубашек сидели у ворот на корточках, курили и играли в карты, привлекая внимание местных и не местных. Им было все равно, что на них пялятся. На шеях у них висели золотые цепочки, которые раскачивались, когда парни метали карты, и придавали хозяевам импозантный вид.

Ван Хайчэн некоторое время постоял в сторонке, набираясь смелости. Один из сидевших на корточках мужиков давно заметил его странное поведение и, прежде чем он успел открыть рот, встал и вышел ему навстречу. Этот человек был невысок ростом, на полголовы ниже Ван

Хайчэна.

— Учитель Ван, верно? — уточнил он. Глянув Ван Хайчэну в глаза, он понял, что угадал верно. — Я Чэнь Шэн, который связался с вами. Здравствуйте, здравствуйте.

Ван Хайчэн чувствовал себя не в своей тарелке. Он полагал, что набрался храбрости и принял решение, но сейчас инстинктивно захотел смыться. Увидев это, тертый калач Чэнь Шэн произнес:

— Не могли бы вы сперва показать сертификат на недвижимость? Мы тут законов не нарушаем.

Эти слова развеяли последние сомнения Ван Хайчэна. Он достал свидетельство о собственности и передал его вместе со стопкой банкнот из сумки.

— Вы же только наличные берете?

Собеседник взял сертификат, мельком взглянул и вернул обратно. Деньги были тщательно и мастерски пересчитаны, а затем без стеснения засунуты в карман.

— Все в порядке, чувак, остальное уже не твое дело, — сказал Чэнь Шэн. — А ну вставайте, вставайте, карты мне сдаем, сигареты гасим, за работу. Раньше кончим — раньше бухать пойдем, пошли, пошли, пошли. Следом за учителем Ваном. Бычки гасим, покультурнее!

Ван Хайчэн повел шестнадцать мужиков — усиленную бригаду — в здание. Жители комплекса наблюдали за парнями издали и, убоявшись их весьма сомнительного вида, один за другим прятались в сторонке.

Такому количеству людей пришлось разделиться на два лифта, чтобы всем влезть.

В восемь часов в квартире обычно кто-то был. Внизу Ван Хайчэн еще раз глянул на окна своей квартиры и убедился, что там горит свет. Жильцы возвращались довольно поздно, поэтому он специально подождал до восьми, чтобы они точно были дома.

Плотно сбитая группа осталась в проходе, а Чэнь Шэн подошел к двери и дважды с силой хлопнул по ней.

— Кто там?

— Доставка еды! Кто-то у вас заказывал еду в 2003.

— Ошиблись, что ли? — С этими словами дверь приоткрылась наружу.

Ботинок Чэнь Шэна со стальными носками скользнул в дверную щель. Дверь открыла та самая женщина средних лет. Прежде чем она успела что-либо сделать, Чэнь Шэн обеими руками рванул дверь на себя. Ни с кем не по-

здоровавшись, пятнадцать парней, охранявших проход, ворвались в квартиру, как приливная волна, оттеснив хозяйку в сторону. Та окаменела и сперва даже не отреагировала, но когда все ворвались в гостиную, закричала:

— Что вы делаете?!

Из задней комнаты выскочил замурзанный мужичок в стоптанных тапках, бледный от испуга:

— Вы… что вы собираетесь делать?

Ван Хайчэн услышал звуки заварушки и заколебался, не смея зайти внутрь.

— Ай да храбрецы сраные, устроили тут балаган! Не бойтесь, мы из компании по переездам. Ваш хозяин, учитель Ван, услышал, что вы все никак съехать не можете, вот и послал нас переехать за вас. Деньги уплочены, так что это не ваша забота!

Он обернулся к подчиненным и прикрикнул:

— Шевелитесь, шевелитесь! Порасторопнее! Доделаем — пойдем бухать. Все-все собирайте, ничего не пропускайте, а то люди потом скажут, что мы дилетанты, еще и отзыв плохой оставят, я вам встряску-то устрою! Побыстрей!

Полностью игнорируя двух живых людей, пятнадцать парней вихрем сновали по квартире. Женщина оторопела на пару секунд, затем мет-

нулась, чтобы закрыть дверь, и закричала:

— Грабители! Куда вы собрались наши вещи везти?! Законы вообще есть на свете?!

Услышав эти слова, Ван Хайчэн, наконец, вошел в квартиру, выпятив грудь, и громко крикнул:

— Есть! Подайте на меня в суд!

Произнося эти слова, он изо всех сил старался сохранять хладнокровие, но знал, что уголки его рта не могли не приподняться. Едва увидев его, женщина опешила, но тут же бросилась в его сторону. Чэнь Шэн ловко схватил ее за руку, но не придумал, куда приложить силу, поэтому толкнул тетку на диван. Та засучила руками и ногами, пытаясь встать, и в это время двое мужчин подняли диван каждый со своей стороны, сбросили ее на пол и вынесли диван за дверь.

— Куда ты собираешься нас перевезти?! — вопила женщина, лежа на полу, после чего обернулась к своему мужчине: — Вот же ты дрянь, тут в дом ворвались, а ты что?!

— Вы переезжаете обратно к себе домой, в Саньцзяо, — сообщил Ван Хайчэн, — и не волнуйтесь, я заплачу за все, что сломается или потеряется во время переезда.

— Ты… ты грабитель!

Она поспешно подобралась с пола и хотела

броситься на него, но Чэнь Шэн поднял руку, преграждая ей путь, и она испуганно отпрянула назад:

— Люди, сюда! Профессор из Университета Сунь Ятсена ворвался к нам и грабит!

— Нет, это не ограбление, — покачал головой Ван Хайчэн. — Это спор по контракту. Конфликт, возникший в связи с коммерческим делом. Если у вас есть какие-либо возражения против моего подхода, можете обратиться в суд с иском, засудить меня, потребовать компенсацию, попросить суд принудить меня к исполнению договора аренды. Давайте, давайте, я жду.

Помолчав, Ван Хайчэн вдруг зарычал сквозь стиснутые зубы:

— Иди, иди подай на меня в суд! — Уголки его рта неудержимо приподнялись.

— Я тебе задам! — завопила тетка, схватив что-то с кофейного столика — то ли вазу, то ли подставку для ручек, — и бросилась на него.

Не успела она сделать и пары шагов, как стоявший сзади мужчина схватил ее за волосы и дернул. Потеряв равновесие, женщина опрокинулась навзничь. Мужчина среагировал быстро и, не давая ей встать, сразу же снова уложил на спину, так что она бессильно распласталась по

полу, даже ни обо что не ударившись, как будто и не вставала.

Тетка больше не поднималась, просто лежала на полу и проклинала сначала Ван Хайчэна, потом бригаду, которая переносила вещи, и, наконец, собственного мужика. Этот боров сжался в сторонке, молча и не двигаясь, позволяя бригаде протискиваться мимо и выносить вещи из квартиры. Двенадцать человек вытаскивали мебель, трое отправляли ее вниз. Вещей в доме становилось все меньше и меньше, только тетка каталась по полу гостиной. Свирепо обруганный мужик внезапно подбежал к жене и с безумным видом отвесил ей солидную затрещину:

— Я, твою мать, говорил тебе, что так нельзя?! Я, твою мать, говорил, что на твоего кузена положиться нельзя?! А тебе, твою налево, до усрачки нужно было за дешевизной гоняться! Кто мне говорил, что по-любому ничего не потеряем?! Возмездие настигло, да? Доигралась? Отобрали квартирку-то? Ты подашь в суд! На какой-то договор аренды она в суд подавать собралась! А кузен твой сам не справится?

Парочка разодралась прямо на полу гостиной, совершенно игнорируя то, что их вещи выносят вон. Ван Хайчэн будто во сне наблюдал за ними,

стоя в сторонке. Он полагал, что они вызовут полицию и охрану, и все обернется кучей неприятностей, и совершенно не ожидал, что победа достанется так легко.

Лишь однажды приоткрылась соседская дверь, кто-то глянул одним глазком и тут же захлопнул дверь обратно. Через час квартира была пуста. Супруги тоже устали драться, они сидели на полу с разбитыми носами, опухшими и измазанными кровью физиономиями, наблюдая за выносом последней партии вещей.

— Вы двое, идете или нет? — поинтересовался Чэнь Шэн. — Мы вас домой отвезем. Сэкономите на машине, вечером купите сафлорового масла, на ночь протретесь. Коли не идете, мы всю мебель вам перед домом свалим. Потом если чего не доищетесь, мы ни в чем не признаемся.

Супруги, как марионетки, не говоря ни слова, последовали за ними вниз по лестнице. Чэнь Шэн подождал, пока они войдут в лифт, прежде чем обратиться к Ван Хайчэну:

— Учитель Ван, я же говорил вам, что все будет просто, берешь острый нож и разрубаешь узел. Смотрите — час времени, шесть тысяч юаней, и все. Чтобы решить вопрос, нужно просто жалости не знать, и нешто решить не выйдет? Пустяки,

что вы мне по телефону натрепали, можно было и опустить, нужно просто спросить — будешь делать? Буду, делаю, закончу. В нашем деле мирных решений больше, чем вы слышали, нет ничего, что нельзя было бы решить. Все зависит от того, хотите вы этого или нет. Смотришь, много ли заплатят и большая ли проблема, вот и все. Давайте-ка скидку вам сделаю, вот ваши шесть сотен, считайте, подарочек. Поздравляю с переездом, больших удач, всего наилучшего.

Закончив, Чэнь Шэн вышел за дверь и отправился вниз.

Лифт закрылся, все стихло, и вдруг жилищная проблема, которая так долго не давала Ван Хайчэну покоя и, казалось, никогда не закончится, взяла и разрешилась. Он подготовил так много запасных планов — что делать, когда явится полиция, как справиться с охраной, что сказать, когда придут соседи, чтобы помешать операции, и все это бесполезно. Вот и все.

На какое-то время он почувствовал себя не в своей тарелке, а то и в трансе.

Он осоловело закрыл дверь, выключил свет, и в комнате воцарилась кромешная тьма. Только тогда Ван Хайчэн обнаружил, что футляр от скрипки лежит у него под ногами, и медленно

сел, прислонившись к стене гостиной. Потом повернул голову и взглянул на нее.

Он вспомнил звездную карту, которую планировал повесить здесь. В тот день он держал ее в руках, а потом в университете прогремел взрыв, и его отвели в комнату безопасности, и там он уже не смог ее найти. Возможно, когда на Ван Хайчэна прыгнул солдат, пытаясь защитить, он уронил карту на землю и не заметил этого.

Если бы он устроил переезд раньше, звездная карта висела бы здесь давным-давно, а может, и мебель уже бы удалось купить?

Он постепенно успокоился, открыл футляр, достал скрипку и хотел что-то сыграть, но почувствовал, как силы покидают его.

За окном на двадцатом этаже раскинулось небо, черно-синее и безлунное, зато звезды висели в нем совсем низко.

Тысячи звезд, нет, сотни миллионов звезд теснились там, разрывая ночное небо, словно когтями. Это были сотни миллиардов пылающих солнц. Хотя, возможно, по законам внешней Вселенной, каждый пепельный след обладает энергией, способной испарить солнце. Свет проходит через Вселенную в сотни миллиардов световых лет, спокойно ожидая, как сотни мил-

лиардов призраков.

В свое время Ван Хайчэн провел бесчисленные ночи, глядя на звездное небо и дрожа, электрический свет вспыхивал у него в голове, и мозг взрывался, как сверхновая. Он вспомнил, что в детстве боялся темноты и прятавшихся в ней чудовищ. Позже узнал, что темнота — это просто отсутствие фотонов, и бояться перестал. Ночное небо и звезды — это близнецы. На бескрайних просторах пространства-времени сотни миллиардов солнц занимают лишь ничтожную часть, но они придают тьме жизненную силу.

Теперь звезды, развешанные по всему небу, мерцали и словно грозились упасть всем на головы.

Страх, одержимость, страх, как цикл.

Его терзало беспокойство, о котором он раньше никому не говорил, не говорил даже директору У, когда всеми силами пытался убедить ее. Первоначально эта догадка исходила от Бай Хунъюй, которая упомянула, что облако Дайсона, появившееся в мгновение ока, может быть «антитемной материей», и если темная материя — это просто состояние обычной, то материя во Вселенной может каким-то образом входить в это состояние и выходить из него.

Такая гипотеза могла объяснить внезапное появление облаков Дайсона без процесса их создания, но не давала ответа, почему, почему два облака Дайсона, находящиеся на расстоянии тысяч световых лет друг от друга, возникли одновременно.

До того как его упекли в изоляцию на время расследования, Ван Хайчэн обдумывал другую возможность: антитемной материей были не облака Дайсона, а Солнечная система. Сама Земля начала выходить из состояния «темной материи», изолированной от подлинной Вселенной, поэтому она мгновенно соприкоснулась с реальной информацией, поэтому с нее стали видны два облака Дайсона одновременно — возможно, это была самая близкая к Земле взрослая космическая цивилизация.

По мере того как тектосы постепенно выводили Солнечную систему из-под защиты «чашки Петри» в реальность, ее законы постепенно проникали сюда, и человечество вскоре должно было узреть более могущественные цивилизации за гранью воображения и понимания.

А те наконец-то увидят Землю.

Ван Хайчэн машинально встал и пошел к балкону. На перилах стояла маленькая фарфоровая

чашка, полная воды и окурков. Он не заметил ее, задел краем одежды и смахнул вниз.

Ван Хайчэн проследил за ее полетом с двадцатого этажа до крыши террасы на втором. К счастью, по дороге она ничего не задела. Чашка разбилась в пыль, оставив только брызги.

Если бы не двадцатый этаж, Ван Хайчэн непременно вышвырнул бы с балкона всю оставшуюся в доме мелочь. Разбить ее об обочину, разжечь костер! Раньше, когда он строил планы, то думал об этом бесконечное число раз, о борьбе между небом и человеком, и наконец больше не мог сдерживаться.

Сжечь!

Раздавить!

Разнести в пыль!

Не пытаться ничего сохранить!

Чашка, которая рассыпалась пылью и от которой даже кусочка не осталось, пробудила в его душе первобытного демона. Ван Хайчэн вцепился в перила балкона и задрожал, услышав скрип нержавеющей стали.

Демон управлял им. Он перегнулся через край и попытался выглянуть наружу, в ужасе вцепившись в перила обеими руками, но все-таки привстал на цыпочки. Как же высоко, как высоко,

он ведь наверняка разобьется вдребезги?

Он посмотрел на купол, усеянный знакомыми звездами.

Они составляли лишь небольшую часть реальности, с точки зрения количества вещества всего пять-десять процентов от общей массы.

Тогда остальные девяносто-девяносто пять — это взрослые сверхцивилизации? Триллионы звезд, которые никогда не замечали раньше, триллионы сверхцивилизаций, галдящих, как призраки, в этой, казалось бы, холодной и тихой Вселенной.

А что, если Земля — это инфузория, которая только что покинула чашку Петри и ворвалась в Звезду Смерти? Инфузории потребуется еще миллиард лет, чтобы вырастить структуру, считающуюся «мозгом», а взрослые цивилизации уже ожидают от нее баланса Силы.

Самое ужасное не в том, чтобы быть отсталым и слабым, а в том, что тебе некуда идти. Как «люди» отнесутся к «инфузориям»?

Когда Ван Хайчэн в таком состоянии духа смотрел на пять процентов известных звезд, он больше не видел мириады небесных тел, в которых происходила реакция ядерного синтеза, больше не видел эльфов, которые освещали

темную ночь.

Конструктор мог формировать законы пространства, создавать чашки Петри и ясли, скрывать девяносто пять процентов правды о Вселенной. Но что такое эти оставшиеся видимыми пустынные и безжизненные пять процентов звезд?

Действительно ли они такие с момента зарождения Вселенной, и у них никогда не было условий для появления цивилизации?

Мысль, еще более страшная и холодная, чем все предыдущие, всплыла в голове Ван Хайчэна.

Возможно, каждая из миллиардов звезд когда-то была чашкой Петри.

На них зародились свои цивилизации, но они умерли, а трупы убрали, как мусор, осталось лишь резкое и холодное сияние, безмолвно мерцающее на звездном небе.

Может, они погибли от рук девяноста пяти процентов сверхцивилизаций, а может, были уничтожены в тот момент, когда треснула чашка Петри.

Что случилось с этими пятью процентами, с миллиардом звезд?

Ван Хайчэн подумал о воспламенении Земли, о распаде вакуума.

Этот процесс, рассчитанный квантовой механикой, означает, что пространство, в котором мы живем, само по себе обладает недоступной пониманию энергией. Но расчет основан на законах ясельной физики Солнечной системы, а не на законах реальной Вселенной.

Неужели Конструктор использовал такое огромное количество энергии для создания и поддержания законов Солнечной системы?

Что произойдет с этой «потенциальной энергией вакуума», когда тектос проткнет воздушный шарик земной чашки Петри, как иголка?

Распад вакуума? Воспламенение, сожжение всего и вся, уничтожение всех планет, чтобы осталось лишь одинокое Солнце?

Возможно ли это? Ван Хайчэн не знал. Но эта мысль сводила его с ума. Ему хотелось с кем-нибудь поделиться ею, но он даже не осмеливался заговорить о ней, словно боялся выпустить дьявола на волю.

Разлетится ли Солнечная система в пыль, как пепельница, упавшая с двадцатого этажа, превратится ли в безмолвный мир, как другие звезды?

Он понятия не имел.

На самом деле люди ничего не знали о Вселенной. Ван Хайчэн никогда не заводил речь об этом

страхе.

За тектосами скрывалась огромная тайна, подразумевавшая, что все основные физические законы, известные сегодня человеческой цивилизации — скорость света, постоянная Планка, четыре основные силы и прочие, — это защитная оболочка яслей. С ростом тектосов открывались и ясли, что влекло за собой изменение законов физики.

Какая великая истина! Завеса, скрывавшая тайну происхождения этой Вселенной, будет приподниматься по мере созревания тектосов. Со времен первого философа все ученые мужи, чернокнижники и академики мечтали об этом, но Ван Хайчэн и мечтать не мог, что истина откроется прямо здесь и сейчас. Он надеялся отбросить затаенный ужас, как Бай Хунъюй, и стать первопроходцем в исследовании внеземных секретов.

Но не мог этого сделать. Не мог не думать о другом пласте чудовищной правды, раскрытой тектосами: законы физики лежат в основе мира и определяют все. Когда они трансформируются, изменится и весь мир.

Увеличение скорости света повлияет на эквивалентность массы и энергии, и энергия, выделяемая при термоядерном синтезе, будет

другой. Может, Земля раскалится на несколько сотен градусов, как Венера, и все живое будет сожжено.

Изменение гравитации повлияет на орбиты всех небесных тел, и в Солнечной системе в том числе. Возможно, Землю отбросит дальше от Солнца, и она станет такой же холодной, как Марс, превратившись в белую ледяную сферу.

Еще страшнее то, что большинство технологий, которыми владеют люди, перестанут действовать из-за изменения космологической постоянной. Влияние слабого взаимодействия на химическую энергию низведет до нуля всю накопленную технику — двигатели внутреннего сгорания, аккумуляторы, компьютеры… Все модифицируется, а многое придется начинать с нуля.

Если и этого мало, то за пределами Солнечной системы, в девяноста пяти процентах скрытой Вселенной, под оболочкой темной материи существует бесчисленное множество «взрослых инопланетных цивилизаций», обладающих технологической мощью как минимум на уровне сферы Дайсона. Какова вероятность, что они «придут с миром», как в голливудских фильмах? Одна на миллиард?

Когда ясли откроются, человеческие техноло-

гии будут уничтожены, и естественная среда распадется совершенно непредсказуемым образом. И пока люди голышом будут пытаться выжить в новой Вселенной, бесчисленные инопланетные цивилизации станут исследовать Солнечную систему и протягивать человечеству свои щупальца с непонятными целями.

Когда тектосы завершат свою миссию, мир приподнимет вуаль и покажет истинное лицо. Но сколько у людей шансов выжить в этой новой Вселенной?

Думая обо всем этом, Ван Хайчэн почувствовал себя измотанным. Ему очень хотелось знать: расскажи он обо всем Бай Хунъюй, что бы она сказала? Наверное, у нее появилось бы много оптимистичных и даже наивных мыслей, возможно, она смогла бы успокоить его страхи и даже убедить, что тектосы не уничтожат человечество.

Но Бай Хунъюй рядом не было.

Он действительно старался изо всех сил.

Этим миром движет не разум, не страх, а борьба. На Земле семь миллиардов человек, почти двести стран, бесчисленные силы ввязываются в бесконечные споры. Ты подобен рыбе, плывущей против течения по порогам. Может, возле них

тебя поджидает голодный бурый медведь, но рыба вокруг постоянно оказывается погребенной на дне пропасти, и ты можешь только рваться вверх, рваться вверх.

Неважно, что такое тектосы, пока они существуют, кто-то будет дергать за веревку, разница только в том, кто.

До тех пор, пока они существуют.

В темноте Ван Хайчэн кое-что вспомнил, обернулся, уставился на стену гостиной и застыл на долгое время.

Ты действительно старался изо всех сил?

В отчаянии он посмотрел на эту квартиру, на стену, куда собирался повесить звездную карту.

Еще час назад ему казалось, что никакую проблему в его жизни нельзя решить — ни с домом, ни с тектосами. Все находилось вне его контроля, все было ему врагом.

«Нет ничего, что нельзя было бы решить. Все зависит от того, хотите вы этого или нет. Смотришь, много ли заплатят и большая ли проблема, вот и все».

Чэнь Шэн был прав. Возможно, это и был действующий закон реальности, вопрос состоял лишь в том, готов ли он достаточно заплатить.

Но какая цена теперь покажется высокой, если

даже скорость света изменилась?

Ван Хайчэн не стал зажигать свет, обыскал опустевшую квартиру и наконец нашел на кухне овощечистку нужного размера. Вернувшись в гостиную, встал в центре и вновь посмотрел на стену.

Он знал, что пишет как курица лапой, и то, что буквы вырезают затупившимся концом овощечистки, не делало их краше. К тому же стена оказалась неожиданно твердой, и рука постоянно соскальзывала. Но это не имело значения.

Потребовалось почти десять минут, чтобы дописать послание, и все это в темноте — свет он не зажигал. Вырезав буковки, больше не смотрел на них. Надпись получилась кривой, но это было и не важно.

Ван Хайчэн спокойно покинул дом, который больше не занимали посторонние, теперь он принадлежал только ему. Ван Хайчэн никогда здесь не жил, а скрипку, специально привезенную по такому случаю, вновь положил в футляр и забрал. После себя оставил лишь несколько строк на стене гостиной.

Сквозь звездный свет, пробивавшийся сквозь ночную тьму, на ней можно было разглядеть корявые буквы:

Надеюсь, китайская молодежь сможет сбросить оковы холода и будет упорно стремиться вверх. Кто может что-либо сделать — пусть делает, кто может что-либо сказать — пусть скажет. Если есть немного тепла и лучик света, то можно, как светлячок, хоть на чуть-чуть рассеять тьму, не дожидаясь факела. А если факел так и не появится, единственным светом буду я сам.

Три месяца спустя часовой, заступавший ранним утром на пост на базе, обнаружил, что один солдат «заснул» в диспетчерской.

Вероятно, воспользовавшись хаосом перед сменой дежурных глубокой ночью, Ван Хайчэн бесшумно проник в помещение для хранения тектосов, а затем покинул усиленно охраняемую базу. То, что он — первооткрыватель проекта, оказалось как нельзя на руку, в конце концов, он был краеугольным камнем проекта «Звезды», и после того, как он был признан «надежным», пройдя несколько уровней строгих проверок, ему вновь предоставили чрезвычайно высокие полномочия в вопросах безопасности.

В последний раз камера поймала Ван Хайчэна у внешних ворот базы. На его спине висел футляр от скрипки. С тех пор никто больше астронома

не видел. В следующий раз Ван Хайчэн появился только четыре года спустя. Вместе с ним исчезло несколько тектосов, в том числе четыре «Моисея», три «Долли» и шесть «Цзаофу». Кража этих артефактов была хоть и серьезной, но не фатальной для всего проекта. Но Ван Хайчэн вдобавок унес единственную в мире «Пчеломатку», и вот это очень серьезно повлияло на исследования.

Без нее дальнейшее развитие всех остальных тектосов замерло и не могло перейти к следующему этапу.

К тому времени проект «Звезды» больше не принадлежал одному только Китаю. После некоторых трений разные страны решили работать сообща и сделать его по-настоящему международным. Дезертирство Ван Хайчэна намекало на ужасный факт: среди участников проекта, среди этих самых элитных мозгов оказалось очень много людей с паническими, тревожными расстройствами и с подозрениями по поводу тектосов. Словно сухая солома, которой было достаточно одной искры от светлячка Ван Хайчэна, чтобы вспыхнуть. Не будь так, он один никогда бы не смог обойти все меры безопасности так гладко.

В течение следующих лет в проекте «Звез-

ды» дважды проводили проверку внутреннего персонала, но сеть «Светлячок» оказалась неистребима, как сорняк.

Идеологические споры вечны и непримиримы, справедливость и истина не могут объединиться, так как вечны только споры и противостояния. Это верно в отношении политики и настолько же верно в отношении науки.

Глава двадцать третья

Точное расстояние от потолка центральной базы проекта «Звезды» до поверхности, то есть пола первого этажа Глобального центра, составляло сто семьдесят три метра. Наверху это было бы равно высоте небоскреба примерно в сорок этажей. В современных городах такая высота даже не кажется чем-то значительным.

Но если на то же расстояние углубиться под землю, то окажешься в черной бездне, не знающей света, за естественным рубежом, который скрывает все сущее. Большая часть промышленной системы Сычуани создавалась под нависшей угрозой ядерной войны. В тени ядерной зимы, упавшей на мир во второй половине двадцатого века, Китаю пришлось построить на Юго-Западе целую страну для подготовки к постапокалиптическому возрождению, но даже в той системе никогда не планировали базы на глубине в сто семьдесят три метра.

От базы к поверхности шло всего четыре вертикальных прохода, два внутрь и два наружу. До тех пор, пока они были заблокированы, даже

при условии оккупации города потребовалось бы не менее полумесяца, чтобы прорваться на базу. И даже если на город сбросили бы ядерную бомбу, которая камня на камне от него не оставила бы, проекту «Звезды» это бы ни капельки не повредило.

Но казалось бы идеальная защита, столкнувшись с тектосами, оказалась не толще полупрозрачного листа пергамента, всего за пару минут сорванного с игрушки. Все приготовления министерства были совершенно бесполезны. Тектос «Долли» прорыл к базе огромный туннель. Даром что проведенные над ним исследования подарили миру много знаний, в том числе генетическую модификацию и множество других медицинских технологий, но министерство не додумалось до подобного применения.

«Долли» была детектором, он записывал генетическую информацию всей биологической материи, с которой вступал в контакт, а затем воспроизводил ее структуру. Всех «Долли» соединяла какая-то непостижимая связь, точно так же, как «Пчеломатку» и другие тектосы. Информация, записанная на одну из них, могла воспроизводиться другой. Исследователи предположили, что целью «Долли» были обнаружение

и фиксация эволюции жизни на Земле. Вероятно, она не обладала способностью изменять законы Вселенной.

Но даже этого оказалось достаточно, чтобы стать уму не постижимым оружием, которое с легкостью может разорвать почти двести метров земной коры.

Юнь Шань осторожно спускалась по последнему участку пещеры, выкопанной «Долли». Боясь, что кто-то будет охранять вход на базу, она двигалась очень медленно и не делала резких движений. Вокруг скопилось много гравия, который мог вызвать подозрения, если его случайно столкнуть.

К этому времени Юнь Шань была с ног до головы покрыта грязью и слизью, которые смешались между собой в камуфляжный окрас, поэтому обнаружить ее было не так просто.

Становилось все светлее.

Она медленно приблизилась к дыре и осторожно высунула голову, приспосабливаясь к смене освещения. Когда ее глаза смогли наконец ясно видеть, она была поражена тем, что оказалось внизу.

Юнь Шань думала, что здесь будет так же, как и в подвале энергоузла, — несколько этажей

подземных помещений, но то, что она увидела, оказалось гигантским куполом в десяти метрах над полом, ее голова высунулась из потолка макушкой вниз на высоте нескольких этажей. Какой бы смелой она ни была, такое зрелище ее испугало, поэтому она быстро попятилась назад.

Это походило на Глобальный центр, только меньше размером. Следует иметь в виду, что на такой глубине после выветренной почвы и рыхлых слоев начинается гранит, никогда не знавший воздуха и оттого ставший удивительно твердым. Копать в таком месте в тысячи раз сложнее, чем наверху. Более того, необходимо найти способ вывезти землю из пещеры, которая тянется вертикально по прямой почти на двести метров. Создание этой базы было продумано до мелочей, и получилось дерзкое чудо инженерной мысли, на стоимость которого никто не оглядывался.

Но внизу никого не было видно. Одного из пяти Юнь Шань нокаутировала, а остальные четверо, включая Ван Хайчэна, пропали без следа. Юнь Шань внимательно осмотрелась. Пространство имело форму полусферы диаметром около двухсот метров, а стены покрывали белоснежные изогнутые панели, плотно прилегающие друг к

другу. Во всем пространстве было не так много вещей, только несколько кронштейнов, висящих в воздухе, и кабелей, свисающих в трех или четырех метрах от пола. Также стояло несколько столов с какими-то непонятными предметами.

Юнь Шань внезапно поняла. Это огромное пространство не было основной частью базы, здесь, скорее всего, располагалась лаборатория для исследования тектосов, о которой упоминал Ча Хуань.

Этот огромный купол — всего лишь часть базы!

А вся она могла оказаться больше, чем Глобальный центр над ней.

Только теперь ей стало понятно, почему Ван Хайчэн настаивал на том, чтобы проникнуть в подземелье и нанести удар там. Если попытаться разрушить такое место с поверхности, то, вероятно, придется испепелить половину провинции Сычуань.

Юнь Шань ухватилась за лианы и осторожно спустилась со стены. Хорошо, что у Ван Хайчэна было это удивительное тектосовое растение, иначе она даже не представляла, как спрыгнет с десятиметровой высоты. Спустившись на пол, она заметила грязные следы Ван Хайчэна и его

спутников. Там, где те исчезали, едва виднелась полуприкрытая дверь.

Вместо того, чтобы сразу толкнуть дверь и выйти, она подняла голову и взглянула на огромный проход, ведущий на поверхность. Она не могла отделаться от странной мысли — если эту штуку использовать для рытья метро, сколько денег это могло бы сэкономить! Но мысль снова испугала ее. Нет, вероятно, эта база и так вырыта не руками человека. Может, «Долли» спустили в центр Земли и дали ей выгрызть там такой огромный подземный дворец?

При мысли об этом она ощутила себя словно в желудке огромного чудовища, проход над ее головой казался каналом, по которому сперма стремилась к матке, а сама она — вирусом, скрывающимся внутри после того, как сперматозоид врезался в яйцеклетку.

Юнь Шань успокоила себя. Перед ней была дверь этой огромной полусферической лаборатории. Дверной замок расплавился, и, похоже, его сожгли термитной смесью. У Ван Хайчэна были совсем другие методы. Не пластиковая взрывчатка, а тектосы, которые он непонятно как собирался использовать.

Она прислушалась к удаляющимся шагам, за-

тем осторожно открыла дверь и последовала за «светлячками». Вероятно, из-за того, что жесткие методы «Долли» повредили линию электроснабжения, освещение немного мерцало. Ширина коридора составляла всего около двух метров, но он был очень длинным. Юнь Шань спряталась далеко за изгибом и следовала за преступниками на расстоянии сорока-пятидесяти метров, наблюдая за их размытыми силуэтами.

Все четверо перемазались с ног до головы, но шли весьма бодрым шагом. Они скинули прежние костюмы и остались в куртках с короткими рукавами и кучей карманов. Двое крепких мужчин шли впереди, Ван Хайчэн в центре, а замыкал шествие чуть тормозящий Ча Хуань.

И в этот момент заверещала сирена тревоги, сопровождаемая звуком опускающихся и поворачивающихся металлических шлюзов:

«Тревога, тревога. Зона В закрывается на экстренный карантин, всем сотрудникам срочно эвакуироваться по коридору Зоны С. Зона лаборатории сингулярности закрыта по протоколу красной тревоги, ближайшие сотрудники немедленно эвакуируются в Зону А».

Вокруг быстро опустились тяжелые защитные двери, отовсюду хлынули волны красного света.

Увидев это, Юнь Шань отметила, что Ча Хуань не солгал. Центральная база вообще не рассматривала возможность перемещения тектосов. В случае вторжения их просто немедленно запирали, как в сейфе, чтобы не дать вынести из здания.

В условиях стандартного проникновения, пусть даже кому-то и удалось бы прорваться в подземелье, с такой блокадой поделать ничего было нельзя. Судя по лязгу защитных дверей, их толщина составляла более тридцати сантиметров, даже без сплава особой прочности этого хватало, чтобы блокировать атаку обычных крылатых ракет.

Юнь Шань ожидала, что перегородки не остановят Ван Хайчэна и его команду, но не могла предугадать, что они собираются делать. Она спряталась за углом и, не удержавшись, осторожно высунула голову подсмотреть, что происходит.

Ван Хайчэн достал из кармана куртки черную бусину, дотронулся ею руки, и бусина загорелась. Уже в третий раз Юнь Шань видела этот тектос, и сейчас все проходило по-другому. Раньше она считала, что это какая-то волшебная штука, которая преодолевает естественные законы мира, и только вчера, когда арестовали Ча Хуаня, узнала

ее секрет. Хотя времени не хватило на выяснение деталей, теперь она, — по крайней мере, в общих чертах — понимала, что перед ней.

Этот тектос, по-видимому, и называли «Цзаофу», и именно его Юнь Шань принесла Ван Хайчэну. У «Цзаофу» была мощная способность влиять на время и пространство. На проекте обнаружили, что он увеличивает скорость света, но по мере роста он начал моделировать и пространство.

Представление в храме Ухоу, когда «Цзаофу» вырезал целый кусок местности, на самом деле было просто побочным эффектом переключения между состояниями обычной материи и темной. Когда он развернул черную защитную пленку, материя, ворвавшаяся в область его действия, как бы поглотилась в другое время и пространство и то ли перешла ли в состояние темной материи, то ли попала в какую-то пространственно-временную червоточину.

Но не это было истинным назначением «Цзаофу» в руках Ван Хайчэна. Если множество «Цзаофу» связать друг с другом как координатные точки, то они создавали изолированную камеру со своими законами, стенами которой ограничивалось действие других тектосов.

При правильном управлении «Моисей» мог в ней полностью высвободиться, а вся материя в этом пространстве — быстро перейти в более низкоэнергетическое состояние, высвобождая ужасащую энергию, пока полностью не сгорит.

По словам Ча Хуаня, это и был их первоначальный план. Они не хотели вламываться на подземную базу, достаточно было положить «Цзаофу» в самосвалы и сделать их координатой позиционирования, окружить Глобальный Центр и исследовательский институт под ним, и тогда они бы просто исчезли в никуда — точно так же, как Центр европейских исследований в немецком городке Гласхютте.

Юнь Шань не знала, как Ван Хайчэн контролировал эффект «Цзаофу». Она смогла увидеть лишь то, как черная бусина раскрылась и прилипла к двери. Пространство радиусом около метра стало прозрачным, словно дверь из нержавеющей стали втянуло в иной мир, туда, где ненадолго встретились реальность и потустороннее, накладываясь друг на друга, как призраки. Мгновение спустя другой мир вместе с частью двери, которую он проглотил, отчалили из реальности, оставив дыру в толстой металлической стене, достаточно большую, чтобы взрослый мужчина

мог пролезть в нее, пригнувшись.

Не успел «Цзаофу» принять первоначальную форму, как здоровенный мужчина в авангарде отряда протянул руку, чтобы забрать его, — и вдруг из дыры вылетела пуля. Судя по всему, после того, как на базе засекли вторжение, из центра перед блокадой отправили солдат на защиту хранилища тектосов. Четверка Ван Хайчэна мигом метнулась в сторону, потому как стоявшие по ту сторону солдаты явно имели богатый боевой опыт. Высадив целую серию пуль, они прекратили огонь.

Ван Хайчэн ожидал сопротивления, поэтому не стал паниковать, лишь слегка махнул рукой за спину. Стоявший за нею человек передал ему светошумовую бомбу, и Ван Хайчэн, аккуратно вытащив чеку, подержал ее в руке пару секунд, а затем забросил внутрь. Бомба влетела в защитный бокс и взорвалась в полете. Даже стоя в тридцати метрах от эпицентра, под защитой стены, Юнь Шань все же ощутила, как палаш ударной волны врезался ей в темя, одновременно сотрясая все помещение.

Раздалось несколько выстрелов. Юнь Шань высунулась из укрытия и увидела четырех человек, несущихся гуськом один за другим. Ей

показалось, что у двух из них заплетаются ноги и движения малость замедлены — у них и без того не было хоть какой-то боевой подготовки, а тут еще и светошумовая бомба жахнула.

— Оставить в живых! — крикнул Ван Хайчэн.

Несколько человек прыгнули в кабину, раздались два или три выстрела и приглушенные стоны, а затем звон пистолета, который ударился о металлическую стену.

Юнь Шань была озадачена, зачем сейчас говорить о том, чтобы кого-то оставить в живых. Какая разница, если Ван Хайчэн скоро превратит базу вместе со всеми людьми на ней в кучку пепла!

Или у него поменялись планы, он наконец все понял и отказался от самоубийственной затеи?

Если это так, подумала Юнь Шань, было бы здорово. Она совладала с чувствами и тихонько двинулась следом. Добравшись до стены, встала возле ловко проделанной дыры, внимательно слушая.

— Директор У, — голос Ван Хайчэна был ледяным и эхом отдавался в кабине. — Пять лет прошло, не ожидал встретить вас здесь.

Раздался еще один «ай» и лязг металла, в котором Юнь Шань опознала отброшенный пинком

пистолет. Вероятно, это было последнее средство самообороны директора У.

— Похоже, что и вы взлетели за последние пять лет. Вместе с центром жили, вместе с центром и умрете.

— Это моя ответственность, — голос принадлежал женщине средних лет и звучал предельно спокойно и неторопливо. — Ну что ж, и вы не уступаете. Не ожидала, что вы станете таким. И уж конечно не ожидала, что эти двое тоже на вашей стороне. — Директор помедлила. — Вы здесь уже больше трех лет, верно? Ветераны, пришли в проект в самом начале. Похоже, что проверки оставляли желать лучшего, не всех рыбешек выловили.

Хотя Юнь Шань и не знала, о ком говорила директор У, она примерно поняла, что происходит: среди четырех человек, за которыми она проследила, были кроты с центральной базы. Впрочем, разве это не очевидно? С самого начала у Ван Хайчэна никогда не было недостатка в осведомителях. На каждом шагу они могли ускользнуть от наблюдения разведывательной сети, игнорируя строгие меры безопасности, и все потому, что внутри цели сидели его союзники.

Несмотря на принадлежность к слабому по-

лу, директор У под дулом пистолета держалась спокойно и невозмутимо, с завидным хладнокровием не поддаваясь грубой силе.

— Профессор Ван, я же могу по-прежнему называть вас профессором? Это то, чего вы хотите? Вы же ученый, а не убийца, что вы, черт побери, творите?

Ван Хайчэн стоял с высоко поднятой головой. Он глубоко вздохнул, но ответил не сразу, а повернулся и сказал:

— Сяо Ма, Лао Ли, позаботьтесь.

Он сделал жест, и те двое послушно зашевелились. Эти Сяо Ма и Лао Ли, вероятно, и были кротами, о которых упоминала директор, подумала Юнь Шань. Сейчас она вообще не осмеливалась заглянуть внутрь и потому не знала, как они выглядели.

— Не паникуйте, охранникам снаружи потребуется не меньше двадцати минут, чтобы добраться сюда. Сначала они все заблокируют, не волнуйтесь.

Вплотную к стене кабины стояло два ряда ящиков для хранения, содержимое плотно запечатывал черный металл толщиной в несколько сантиметров. Они были выстроены по прямой в пять столбиков, каждый площадью около двадца-

ти квадратных сантиметров, всего около сотни. Два «светлячка» отошли в сторону и заработали явно привычным образом — раздались щелчки, и дверца ящика отлетела в сторону.

— Директор У, вы планируете заболтать нас, пока не прибудет подкрепление извне? — спросил Ван Хайчэн. — Лучше этого не делать, чем меньше людей придет сейчас, тем лучше, я просто хочу уничтожить эти штуки, я не хочу утаскивать за собой лишних невинных людей. Мне потребовалось пять лет, чтобы найти способ уничтожить тектосы. Я надеялся выполнить эту задачу малой кровью, но благодаря вам теперь уже слишком поздно.

Хотя ее видели насквозь, директор осталась невозмутимой:

— Уничтожить? Разве вы не собираетесь их захватить? Я слышала…

— Захватить? Вы забыли, пять лет назад я говорил вам, что тектосы могут уничтожить всю Солнечную систему поэтому мы должны стереть их с лица земли.

Конечно же, никакой ошибки не было: «светлячки» хотели уничтожить инопланетные артефакты. Ужасный опыт столкновений с тектосами пронесся в памяти Юнь Шань один за

другим, и, хотя он остался в прошлом, она все еще была так напугана, что ладонь, сжимающая пистолет, вспотела.

«Что плохого в том, чтобы исчезнуть?» — промелькнуло в голове Юнь Шань, и она тут же себя одернула. За короткое время подобные мысли появлялись у нее дважды, и это было уже слишком опасно. Неизвестно, как сейчас Го Юань, но, наверное, его ненормальный разум должен более спокойно справляться с такими вещами? Подумав об этом, она почувствовала небольшое облегчение.

Сяо Ма и Лао Ли доставали из ящиков коробочки, запечатанные тремя слоями изнутри и столькими же снаружи. В серебряном угадывался электромагнитный экранирующий слой, но для чего нужны черный и красный, было непонятно. Эту явно дорогую упаковку «светлячки» без сожаления рвали, доставали тектосы изнутри, а обрывки бросали посреди комнаты.

— Мне сказали, что вас завербовало ЦРУ, — сказала директор У.

— ЦРУ? — улыбнулся Ван Хайчэн и играючи взял со стола тектос цилиндрической формы. — ЦРУ действительно круты. Вы когда-нибудь думали, что одного подкупить, может, и легко,

но насколько трудно подкупить многих? Можно ли так легко склонить на свою сторону людей, которые изучают тектосы? У ЦРУ, видимо, много денег?

Директор У не ответила.

— Чем больше понимаешь эту штуку, тем больше осознаешь ее ужас. Я не верю, что вы этого не знаете, директор У.

Юнь Шань осторожно вытянула шею и огляделась. Помещение было небольшим, около десяти квадратных метров. На столе посреди комнаты россыпью лежали тектосы. Он был сделан из какой-то гибкой мягкой резины, и, попадая на поверхность, артефакты слегка погружались в нее и больше не двигались. Их было три разных вида — призматические столбики, маленькие шарики и кольца. Горка из них постепенно росла и уже заполнила почти весь стол. Юнь Шань про себя считала звуки. Некоторые ящики оказывались пустыми, но в большинстве тектосы все-таки находили.

— Вы обвиняете меня в том, что я не прекратила исследования пять лет назад? — спросила директор У.

Ван Хайчэн улыбнулся:

— Раньше обвинял. Потом я все понял. Это было

неизбежно, никто в системе не в состоянии остановить процесс. Это в тектосах и пугает больше всего. Они как наркотик, неважно, понимаешь ты или нет, что он разрушает тебя, все равно не можешь бросить.

— В таком случае, у нас тут у всех зависимость, а вы — сотрудник полиции по борьбе с наркотиками. Срам-то какой. Ах… — Директор У не смогла сдержать стона, судя по всему, ее ранили при захвате. Она прислонилась к стене и сползла на пол, схватившись за плечо.

— Вы правы, — Ван Хайчэн крутил в пальцах тектос-призму. — Эта штука — наркотик, разработанный специально для нас. Величайшее преимущество человечества стало для нее самой большой лазейкой.

— Интеллект?

— Нет, любопытство. Ящик Пандоры, последняя дверь в конце коридора, зеркало после полуночи. Независимо от цивилизации и эпохи, людям всегда до смерти нужно выяснить, что и почему. Это заложено в генах, ты не можешь убежать, ты просто должен узнать. Разве вы не смотрели «Космическую одиссею 2001 года»? Австралопитеки просто не могли не прикоснуться к черному монолиту. Ваши гены были такими сотни милли-

онов лет назад, что вы можете сделать? Улететь с Земли, подняв себя за волосы?

Ван Хайчэн вздохнул, директор У промолчала. Все ящики открыли, и в них оказалось в общей сложности семьдесят шесть тектосов. По словам Ван Хайчэна, здесь находились остатки, остальные он уже уничтожил.

Это была игра в кошки-мышки. Министерство хотело использовать центральную базу в качестве приманки, чтобы вернуть «Пчеломатку» из рук Ван Хайчэна, а тот, в свою очередь, хотел сделать приманкой «Пчеломатку», чтобы стереть всю базу с лица земли. Чтобы заставить его пойти ва-банк, воспользовавшись саммитом G19, на центральной базе собрали все тектосы, но Ван Хайчэн смог прорваться через окружение и прибрать все оставшиеся к рукам.

— Вы знаете, который из тектосов самый страшный? — с этими словами Ван Хайчэн вынул из-за пазухи «Пчеломатку». На Земле больше не было ничего подобного, при этом выглядела она совершенно обычно — плоская, в форме магатамы, длиной всего два сантиметра, немного похожая на гальку. Как и в случае с другими тектосами, из-за абсолютной черноты на ней невозможно было разглядеть никаких деталей. Но на ней

прощупывались выпуклости и выемки — и о них знали лишь те, кто к ней прикасался.

— Это вы так праздно о жизни рассуждаете? — Директор У поняла, что он собирается делать. Он неторопливо поглаживал и вертел «Пчеломатку», пытаясь успокоиться. — Профессор Ван, положите вещи на место. Я знаю, что вы тоже колеблетесь, иначе уже давно бы все сделали.

Ван Хайчэн не обратил внимания на ее слова и снова спросил:

— Как вы думаете, какой из тектосов самый страшный?

— Я помню, пять лет назад вы сказали, что, возможно, самая страшная вещь для других — «Моисей», который изменяет четыре основные силы, но для вас самый страшный — это «Цзаофу», потому что он изменяет скорость света и соотношение расстояний в пространстве-времени целой Вселенной, — честно ответила директор У.

— Нет, это не так, — он повертел «Долли» в левой руке. — Самый страшный — это «Долли».

— То есть как?

— Вам не кажется это странным? Я знаю, что больше всего вы изучали «Моисея», а «Долли» — меньше всего. Хотя она тоже волшебная, но если ее поставить рядом с тектосами других типов,

покажется слишком заурядной. По сравнению со способностью изменять константы и законы Вселенной, эта штука кажется обычной палочкой. Возможно, мы сможем использовать нашу собственную технологию и за пару десятков лет изобретем что-то с аналогичными функциями.

— Это…

— Но вас не удивляет, почему среди тектосов она попадается чаще остальных? Почему такая обычная вещь оказалась в комплекте с ужасными «Моисеем» и «Цзаофу»?

— Вы имеете в виду, что «Долли» — это настоящая цель комбинации тектосов?

— Нет, — Ван Хайчэн мягко покачал головой. — Просто все игнорировали само значение названия «Долли». Конструктор изменил физические законы Солнечной системы и создал в ней среду для развития жизни без внешнего вмешательства. Из всех тектосов только «Долли» собирает историю эволюции на этой планете, и только она — контрольный зонд Конструктора. Солнечная система — это чашка Петри. «Моисей» и «Цзаофу» — инструменты для того, чтобы поднять с нее крышку. Но только «Долли» может сообщить Конструктору, что находится в этой чашке, прежде чем крышка поднимется.

На базе стало тихо, как в могиле, блокаду уже запустили, но теперь издалека доносился почти неслышимый звук, мягким эхом отдающийся в узком коридоре. Юнь Шань навострила уши. Сперва она решила, что по огромному глубокому тоннелю, по которому она сюда явилась, наконец-то следом идет большая армия, но потом поняла, что это не так, звук шел с другой стороны, с противоположной, где находилась главная дверь в камеру хранения. Кто бы это мог быть? Собственные силы безопасности базы?

Ван Хайчэн продолжил, не дожидаясь ответа директора. Теперь он мог приступить к выполнению своей последней миссии, миссии, которую ждал пять лет, но ему хотелось подождать еще немного. Он сам не мог сказать, чего именно. Того, о чем понятия не имели даже стоявшие здесь «светлячки».

Однажды он и сам вот так же боялся — в одиночестве, тайно.

— Когда вы приехали на базу, здесь же еще проводились исследования клеточных культур? Наверняка проводились, так? Иногда после цикла культивирования, как только зонд обнаруживает, что питательная среда заражена бактериями, всю чашку Петри стерилизуют, а все, что было

внутри, сливают в бочку утилизации биоотходов. Иногда выясняется, что культивация неплохая, тогда ее достают, рвут мембрану, стирают в порошок, делают хроматографическую колонку…

— Значит, вы не хотите, чтобы чашка Петри открывалась? — спросила директор У.

С ее многолетним опытом она, естественно, поняла значение метафоры Ван Хайчэна. Может, Солнечная система — это чашка Петри, может, Конструктор исследует ее с помощью «Долли», чтобы увидеть, нужно ли выбросить мир в мусорное ведро или провести хроматографию.

Ван Хайчэн ничего не сказал. Он протянул руку, взял со стола «Моисея» и «Цзаофу» и аккуратно сложил их вместе. За пять лет эти артефакты незаметно изменили правила эксплуатации всей планеты — энергетические схемы, источники продовольствия и медицинские технологии. Электростанции с вечным двигателем «Моисей» под прикрытием управляемого ядерного синтеза за очень короткое время заняли 37 % мирового энергоснабжения. Распределение и использование «Моисеев» стало самым важным закулисным вопросом на международной политической арене. Когда все тектосы уничтожат, самый большой шрам останется не от исчезновения Чэнду.

Огромную рану нанесет не энергия, которая может испариться и исчезнуть, а энергетический вакуум, технологический коллапс и нехватка продовольствия, которое будет уничтожено и перераспределено. Скорее всего, неизбежно случится война.

Стоит ли оно того?

По сравнению с этим жизни стольких невинных людей, принесенных в жертву Ван Хайчэном в предыдущих операциях, на самом деле не стоили и упоминания. Он действительно мог стать величайшим палачом и террористом в истории человечества, каким его уже официально объявили.

Но пара гигантских рук раскрыла чашку Петри, и перед его глазами вновь предстала сцена, как все, что есть внутри нее, высыпается в измельчитель. Он вспомнил пустые звезды в пространстве 80 миллиардов световых лет во всей Вселенной, вспомнил парадокс Ферми: где они?

Сотни миллионов звездных систем в огромном Млечном Пути пустынны и безмолвны, как пустые чашки Петри после того, как их опорожнили.

Ван Хайчэн взял магатаму, подошел к тектосам, отсортированным на столе, и прикоснулся

к ним.

Эти сверхразумные структуры, существовавшие в течение пяти земных лет, давно созрели, но преждевременно потеряли свою «Пчеломатку».

Точно так же, как личинки, которые слишком долго оставались в младенчестве, они наконец дождались сигнала к трансформации и принялись выплескивать давно скопившуюся энергию.

Бушующий поток света хлынул из сложенных на столе тектосов. Их абсолютно черная поверхность мгновенно взорвалась цветами, внешний облик начал меняться, переплетаясь и разрастаясь в спирали, совсем не похожие на прежние разовые метаморфозы. Бесконечно изменчивые потоки света вспыхнули бледно-желтым, в который постепенно влились красный и зеленый. Свет падал на стену, как усики имеющего плоть насекомого, сворачивался обратно, пульсировал в комнате, словно воздушные потоки, его ослепительные лучи многократно отражались от стен маленькой кабины хранения, вырываясь из круглой дыры, проделанной Ван Хайчэном.

Световой поток бил прямо в лицо, и Юнь Шань запаниковала. Она несколько раз видела действие тектосов собственными глазами и знала, что, как только те начнут действовать, скорее

богомол лапками остановит телегу, чем человечество сможет противостоять их мощи. Согласно плану, ей следовало дождаться сигнала Го Юаня, но неизвестно почему от него пока не было никаких вестей.

Слишком поздно думать о том, что случилось с Го Юанем. Если не действовать сейчас, то можно не успеть. Она решила броситься вперед и усмирить этих людей во что бы то ни стало! Иначе через несколько минут все здесь превратится в пыль.

Но стоило ей сделать шаг, как изнутри раздался щелчок.

Это была главная дверь в складскую кабину, заблокированная в несколько слоев; четыре замка безопасности были отперты один за другим, и дверь открылась наружу.

Почему оттуда вдруг явились люди? Никто в кабине такого не ожидал. Тектосы стремительно развивались и росли, световой поток, словно обретя собственную жизнь и сознание, сворачивался клубком вокруг «Пчеломатки», кружась по кабине, прирастая мощью. Ван Хайчэн с товарищами настороженно уставились на открытую входную дверь, крепко сжимая оружие.

Дверь открылась, и в комнате словно упало дав-

ление — как осязаемый ветер, свет устремился в дверной проем и засиял, освещая все, что было за ним. Они увидели силуэт женщины, ожидавшей за дверью, босой, в оторванной ниже колен юбке, с бешено вздымающейся грудью. В мощном потоке сияния тектосов было невозможно разглядеть, кто она такая, но ее авторитет явно был запредельно высоким, если она, нарушив приказ об эвакуации, стремглав рванула сюда с дальнего конца базы. Без высшего уровня допуска ей никогда бы не удалось открыть дверь в складскую кабину снаружи.

Щупальца света прошли через ее грудь, обнажая скелет внутри, и резонанс звука как будто изменился.

Бай Хунъюй, тяжело дыша, уставилась на пистолет в руке Ван Хайчэна и «Пчеломатку», а потом произнесла только одно слово:

— Босс.

Глава двадцать четвертая

Если бы Ван Хайчэн сказал, что не ожидал увидеть здесь Бай Хунъюй, это было бы очевидной ложью. Когда он украл «Пчеломатку» пять лет назад, все, включая Бай Хунъюй, попали под удар. В то время она была студенткой докторантуры и еще не успела закончить учебу, но ей потребовалось совсем немного времени, чтобы доказать свою особую восприимчивость к тектосам, и она быстро брала на себя все больше и больше обязанностей.

Спустя пять лет она стала одним из трех заместителей директора центральной базы. Ван Хайчэн прекрасно это знал.

При виде Бай Хунъюй он ощутил приступ неконтролируемого гнева. Министерство безопасности давно знало о его планах и устроило засаду в Глобальном центре, но не уведомило об этом исследователей с центральной базы, не велело им укрыться на всякий случай. Ван Хайчэну понадобилось всего полсекунды, чтобы угадать связь между саммитом G19 и всеми этими играми в кошки-мышки. Вероятно, на голову того,

кто спланировал всю эту операцию, давил весь мир. Если до нынешней встречи, где собирались договориться о распределении дивидендов от тектосов, не вернуть «Пчеломатку», вероятно, высокопоставленные лица многих стран вызовут его на ковер. За последние пять лет Ван Хайчэн повидал слишком много зла в реальном мире, но не знал, осталась ли заместитель директора госпожа Бай Хунъюй, которую он повстречал сегодня, такой же, как прежде.

Нужно было только нарушить связь между «Пчеломаткой» и остальными тектосами на стадии эволюции, и тогда его миссия будет завершена. Стадийное эволюционное состояние тектосов — это единственный момент, когда они были нестабильны, когда старая структура уже разрушена, а новая еще не сформировалась. Так демонтируют механизм во время переделки — стоит только разрушить связь между тектосами и центром-«Пчеломаткой» до завершения реконструкции, как они развалятся, но силы, которых достаточно, чтобы изменить космологическую постоянную, также просочатся наружу, бесконтрольно сея хаос в земной вселенной.

Если они выйдут из-под контроля, их хватит, чтобы все разрушить, поглотить города, всю

Сычуаньскую котловину, и даже выбить в земле воронку, в которой можно будет похоронить Цинхай-Тибетское нагорье. Любой присутствующий, кто коснется края этой силы, будет разорван на элементарные частицы. Ван Хайчэн, естественно, все знал, но когда он думал об этом, перед ним не стояла Бай Хунъюй.

Тектосы, сбросившие вылинявшие черные оболочки, начали сливаться, их тела, преобразованные в темную материю, сейчас вновь стали невидимы, но сияние, продолжавшее переливаться внутри, все еще очерчивало их контур, и выбрасываемый турбулентный свет также начал меняться. Раньше оно напоминало воздушные потоки, которые рассеивались, наталкивались на материю, и вновь соединялись, все более размытые и прозрачные. Ни металлические конструкции в кабине, ни человеческое тело больше не могли блокировать этот свет. В очередной раз казалось, что сейчас две вселенные накладываются друг на друга. Как и темная материя, свет не взаимодействовал с обычной, но, в отличие от нее, был видимым. Он лился сквозь этот мир, извергался наружу, высвечивая прозрачные внутренности пронизанной им материи, структуру которой теперь можно было отчетливо

разглядеть.

— Не надо! — крикнула Бай Хунъюй, задыхаясь.

Ван Хайчэн на мгновение заколебался — когда вновь встречаешься при таких обстоятельствах, трудно придумать, что будет уместно сказать. В эволюционном этапе тектосов существовало очень короткое временное окно. Когда все начинает расплываться, это означает, что окно открылось, и до конца осталось совсем немного времени.

— Неужели за пять лет ты так и не поняла? — сказал Ван Хайчэн.

Волны света теперь пронизывали все помещение, покрывая окружающее пространство на десятки метров, окрашивая присутствующих в странные цвета. Они стояли в центре бурлящего шторма, который пока еще не оказывал никакого влияния на все, чего касался. Даже когда он проходил сквозь Юнь Шань, та не чувствовала ничего странного, как будто это была просто галлюцинация.

— Это вы тупица! — сдавленно и отчаянно прокричала Бай Хунъюй. — Это не я не хотела понимать, это вы. Вы!

Ее голос вырывался из тесной кабины и эхом

отражался от стен коридора.

— Я до сих пор не понимаю, босс, как вы докатились до того, что стали похожи на инквизитора?

— Что ты сказала? — Ван Хайчэн еще никогда не слышал такого обвинения. — Я тут пытаюсь предотвратить гибель человечества.

— А что, нет? Вы душите правду, как средневековый инквизитор, который сжигал Бруно на костре, вы так же боитесь реальной Вселенной, как они боялись разрушения теории геоцентризма.

Объединившийся тектос приобрел новую форму, растягиваясь во все стороны, его свечение становилось все ярче, но Бай Хунъюй, казалось, не замечала этого, не отрывая взгляда от Ван Хайчэна.

— Мы ученые. Мы верим не в справедливость и беспристрастность, мы верим в истину, нет? Не имеет значения, как выглядит Вселенная, что находится в ее центре — Земля или нет. Создано человечество Богом или не Богом, сложились ли законы Вселенной естественным путем или были сотворены, какая разница? Разве нас не истина волнует? В чем разница между вами сейчас и инквизиторами, которые боялись, что Земля не является центром Вселенной и что верующие

погрязнут в пучине морального разложения и деградации?

С Ван Хайчэном уже давно никто так не разговаривал. Конечно, его волновала истина, вот только она могла уничтожить человечество. Ревущий световой поток, сосредоточенный в его руке, или же «Пчеломатка», начал сочиться черным светом. Чернотой, состоящей из отсутствия света, чем-то, что высасывало сияние отовсюду.

— Почему вы хотите, чтобы мы жили как идиоты? Даже если вся Вселенная — это испытательный полигон, что с того?

— Ты когда-нибудь думала о том, что произойдет, как только будут сняты барьеры законов нашей Вселенной? Если… — на мгновение Ван Хайчэну показалось, что он вернулся к умозрительной дискуссии, которую вел много лет назад, а вовсе не держит в руке что-то, способное уничтожить все вокруг в любую секунду.

— Если что?! Если там есть инопланетяне? Если Конструктор начнет нас препарировать? — как из пулемета, строчила Бай Хунъюй. — Так и пусть! Пусть они придут! Босс, я правда не понимаю, вы хотите всю жизнь прожить как племенная свинья на ферме? Никогда не узнать правды, сидеть с закрытыми глазами? Просто чтобы быть

живым? Но ведь там истина, скрытая, а мы завязываем себе глаза и притворяемся, что не знаем. Мы же ученые, мы люди, которые ищут истину, разве нет?

Ван Хайчэн глядел на ученицу и понимал, что за пять лет она сильно изменилась, и вместе с тем многое в ней изменить было невозможно.

— Мы ученые, да, — ответил он. — Мы люди, которые ищут истину, да. Но до этого мы были просто людьми. И если цена поиска истины — гибель человечества, я бы предпочел завязать себе глаза.

Бай Хунъюй все смотрела на него.

— Но если мы вот так завяжем себе глаза, то человеческий мир навсегда останется изолированным. Мы как будто живем в детском саду, в безопасности, без рисков, но при этом у нас никогда не будет шанса повзрослеть. Все наши будущие возможности ограничены постулатами этого детсада!

Свет на «Пчеломатке» начал сжиматься, и на столе, где сперва невозможно было разглядеть материи, тем не менее укрытой непрерывно льющимся светом, стали появляться черные пятна. Появились и другие лучи, но не из тектоса, а из всего вокруг. Тела всех присутствующих

начали источать прозрачный розовый свет. Сила «Моисея» теперь проявлялась непосредственно, окончательная эволюция тектосов близилась к завершению.

Запускать их коллапс нужно было прямо сейчас. Разрушение или перемены — все определялось именно в эту, последнюю секунду открытого окна.

Ван Хайчэн не шевельнулся. Наше будущее может быть ограничено постулатами детского сада. Он понял, о чем говорила Бай Хунъюй: если не разрушить барьер космических законов, охраняющий Солнечную систему, человечество навсегда останется в ничтожно малом уголке Вселенной.

Начал проявляться черный покров тектосов. Более не отдельные единицы, они были связаны друг с другом. Как и предполагал Ван Хайчэн, даже будучи независимыми, они представляли собой единое целое, трансфинитный механизм, выходящий за рамки законов этого мира. Эта штука начала появляться из пустоты и вскоре должна была вытащить Солнечную систему из привычных барьеров, которые изолировали от остальной Вселенной, и представить звездам.

Стоит ли? Стоит, если это единственный способ

сохранить жизнь всему человечеству.

Но…

Он смотрел в глаза Бай Хунъюй. Конечно, она понимала роль барьера из законов и понимала, сколько бедствий произойдет в нашем мире, когда правила снаружи хлынут в него, подобно приливной волне. Но она наивно верила, что люди смогут выжить.

Да, Бай Хунъюй верила, что люди смогут выжить, а затем пройти свою трансформацию и вылететь из кокона прекрасной бабочкой.

Этому не было никаких доказательств, это была просто… наивная вера.

Слишком наивная… до смешного наивная, ослепительно наивная…

И пока Ван Хайчэн колебался, внезапно один за другим прогремели три оглушительных выстрела. Пуля прошла сквозь его ладонь справа и влетела прямо в центр «Пчеломатки». Искры от попадания вспыхнули на мгновение, но тут же были поглощены черным светом магатамы. Кровь оказалась завернутой в черные одеяния тектоса, и в одно мгновение весь свет в комнате исчез.

Стрелял Лао Ли. Как только он увидел Бай Хунъюй, он понял, что ситуация изменилась. Не

сказал ни слова, но тайком вынул свой пистолет. Все внимание было приковано к Ван Хайчэну и Бай Хунъюй, никто не заметил, как он спрятался в углу. Ван Хайчэн ждал до последнего момента, но Лао Ли решительно вскинул пистолет, нацелился на «Пчеломатку» и выпустил целую очередь. Одна из трех пуль прошла мимо, две из них попали в правую руку Ван Хайчэна, при этом одна угодила в тектос. Видимых повреждений не нанесла, просто выбила его из окровавленной руки Ван Хайчэна и пролетела дальше.

Все застыли от неожиданности, только стоявший в сторонке Ча Хуань среагировал моментально, развернулся, вскинул руку и дважды выстрелил в Лао Ли. Тот даже не понял, что случилось, и рухнул на пол. Ча Хуань оттолкнул Ван Хайчэна и бросился искать, куда упала «Пчеломатка».

Только тогда кто-то заметил, что с лицом Ча Хуаня что-то не так. Под влиянием «Моисея» вся материя излучала свет, и тела людей светились прозрачно-красным, как желе. Сквозь тонкую кожу лица виднелись даже кровеносные сосуды, но только не у Ча Хуаня. Его лицо покрывал тонкий слой коллоида, яркая камуфляжная маска. Го Юань все это время выжидал под ее покровом.

Юнь Шань ворвалась в кабину сквозь дыру, но теперь уже не для того, чтобы взять под контроль Ван Хайчэна и его группу. Она сразу увидела катящуюся по земле «Пчеломатку». Хоть черный камешек и был мал, от него к светящимся тектосам на столе тянулась мерцающая световая полоса. Она начала разрываться, по группе тектосов пошла светло-серая трещина, из которой вырвалась серая ударная волна, устремившись сперва туда, где упал Лао Ли, а затем прямиком в небо.

Лао Ли был все еще жив после выстрелов, но когда его захлестнул прилив, тело в одно мгновение словно размыло, а затем оно распалось на частицы, как бесчисленные пиксели, которые быстро смело сильным воздушным потоком. Вышедший из-под контроля эффект обнажил свою зверскую морду, и световой поток изменился, утратив прежнюю безобидность и теперь демонстрируя разрушительную силу. Ударная волна вырвалась на десятки метров вверх, а затем втянулась обратно в конструкцию. В крыше из металла и камня мгновенно образовался огромный круглый коридор. Из него не упало даже пепла — материал, через который прошел поток, просто растворился в нем. Внезапно возникшая огромная пустота с

шумом втянула в себя воздух, всасывая вместе с ним, как ураган, и вещи в кабине для хранения.

Хотя остальных не смело, вихрь не дал им удержаться на ногах. Ван Хайчэн, Юнь Шань, Го Юань и Сяо Ма инстинктивно метнулись к лежащей на земле «Пчеломатке». Юнь Шань со скоростью Супермена оттолкнула Сяо Ма пинком и схватила тектос одной рукой.

Серые трещины в группе тектосов начали расширяться, их становилось все больше и больше. Когда пошла вторая ударная волна, Ван Хайчэн крикнул: «Осторожно!» Кольцевидная, она прокатилась на высоте около метра. Юнь Шань бросилась вниз, крепко держа «Пчеломатку» одной рукой, а другой быстро схватила Бай Хунъюй за ногу и рванула, уронив девушку на пол. Ударная волна прокатилась по ее растрепавшимся длинным волосам, отрезав половину. Сяо Ма успел только вскинуть руки в бессмысленной попытке остановить поток, а затем исчез вместе с директором У. Го Юань схватил Ван Хайчэна за голову и прижал ее к земле. Кровь с руки последнего стянуло ударной волной и рассеяло. Буквально через несколько секунд в кабине осталось всего четыре человека.

— Будь паинькой, двинешься — пристрелю! —

сквозь бушующий вихрь крикнул Го Юань, навалившись на Ван Хайчэна. Видя, что ударные волны пошли все более хаотично, он выругался про себя и сильно надавил на висок «светлячка»:

— Должен быть какой-то способ, говори!

— Способ?

Ван Хайчэн не запаниковал, когда ситуация внезапно изменилась. Глядя на ослепительный свет вдалеке, он произнес:

— Это и есть способ. Способ избежать уничтожения человечества.

Трещина засветилась, и сияющая ударная волна изверглась во все стороны, как из вулкана. Все лежали на полу, не шевелясь, даже дышалось с трудом. Сильное отрицательное давление сдувало окружающие предметы и засасывало в поток, где они исчезали, образуя еще большее отрицательное давление. Диапазон реверберации первых ударов составил пару десятков метров, но теперь неудержимо возрастал. Го Юань увидел, как в его сторону несется бешеный, растущий водопад — распад пробил дно озера Цзиньчэн, и вода хлынула внутрь. Но прежде чем она успела упасть, ее посекло серией ударных волн, которые поглотили ее без остатка.

— Вам не следовало лезть в эту мутную воду,

простите, — искренним тоном сказал Ван Хайчэн.

Меньше чем за полминуты ударная волна, подобно распускающемуся цветку, проделала вверх огромную дыру. Огни базы полностью погасли, но светилась вся материя вокруг. Прилив уже достиг поверхности, и весь фундамент Глобального центра начал обваливаться вниз. Самое большое здание в мире рухнуло им на головы с грохотом, от которого содрогнулось все пространство. Но обломки даже не задели их, как и десятки миллионов тонн воды. Огромный стальной гигант словно провалился в сказочный мир, напластанный вакуумным лезвием и затянутый в пустоту.

Они вчетвером съежились на маленьком пятачке. Все вокруг рушилось, проваливаясь в пустоту и рассыпаясь на частицы, и никто не смел пошевелиться. Ван Хайчэн что-то прошептал Бай Хунъюй, но она не могла расслышать из-за завываний ветра. Лишь подняла глаза и непонимающе посмотрела на бывшего учителя. И тогда он громко крикнул:

— Прости, я никогда не думал, что все так обернется, что я втяну в это тебя.

Бай Хунъюй задрала голову, глядя наверх, и ответила:

— Есть ли какая-то разница? Босс, вы когда-нибудь думали о том, что вот в такой Солнечной системе, если человечество слишком бедно, чтобы выйти за ее пределы, родилось здесь и обречено здесь умереть, то какая разница, втянули вы меня или нет?

Она вновь обернулась, чтобы посмотреть на Ван Хайчэна, как будто объясняла учителю очередной бред, который когда-то сочиняла:

— Босс, вы никогда не понимали нас. Мы не хотим жить во Вселенной, где даже не можем выйти из собственной колыбели. Мы хотим полететь к звездам, даже если мы лишь мотыльки, летящие на свет, мы все равно хотим выйти.

Бай Хунъюй протянула руку, протянула с земли к небу. В этот момент Глобальный центр, занимавший площадь в сотни тысяч квадратных метров, был окончательно опустошен, оторван от земли, в мгновение ока обратился в порошок и исчез, как в черной дыре. Между ними и небом больше не осталось преград, ночное небо внезапно раскинулось над их головами, и ударные волны, извергающиеся вверх из тектосов, походили одновременно и на крылья, и на гигантские руки, устремившиеся в звездный космос. Все четверо находились в центре фонтанирующего

вверх светового столпа, в окружении свечения, которое было намного ярче звезд. Рассыпанные по всему небу, те затерялись в этом сиянии, но все же были там и спокойно ждали. Бай Хунъюй протянула руку. Расстояние между ней и звездами составляло сто миллиардов световых лет. Теперь, с вытянутой рукой, оно сократилось почти на полметра.

Ван Хайчэн посмотрел на нее и приподнялся, опираясь пол. Поток воздуха ослаб, и вещи на земле продолжали кружиться, но отрицательное давление значительно уменьшилось. Он подполз и хотел схватить Го Юаня окровавленной правой рукой, но его запястье было раздроблено, и силы ему не повиновались.

— Есть ли что-нибудь важнее жизни? — нерешительно спросил он Го Юаня.

— Иногда то, как жить, важнее самой жизни, — ответил тот, глядя на растущую ударную волну.

Свернуться калачиком в уголке Вселенной, родиться в яслях, умереть в яслях, оставить попытки встать, ходить, бегать и летать, просто чтобы не пострадать, не рисковать, просто чтобы подольше прожить. Всегда существовать в защищенном коконе, чтобы не быть сожранным, не нуждаться в трансформации, никогда не отрастить крылья.

Стоит ли оно того? Не слишком ли наивно полагать, что если сможешь вырасти, то вырвешься из кокона и станешь бабочкой?

Ван Хайчэн глянул на Юнь Шань и тут же отвел взгляд. Это мгновенное движение было трудно заметить, но оно не ускользнуло от внимания Го Юаня.

— Юнь Шань! — позвал он,

Та обернулась на его голос. Она по-прежнему держала в руке черную каменную запятую, схваченную ранее. Го Юаня посетила смутная догадка. Он схватил Ван Хайчэна за голову и прижал ее к стене:

— Что это за черная вырвиглаз штука? Еще есть спасение! Так?

Ван Хайчэн не произнес ни слова, просто смотрел в центр ядра, изрыгавшего свет. Го Юань с силой надавил ему на виски, но Ван Хайчэн лишь холодно фыркнул и стиснул зубы.

В это время лежавшая рядом Бай Хунъюй поняла:

— «Пчеломатка»! Точно, «Пчеломатка»!

— Что за «Пчеломатка»? — немедленно уточнил Го Юань.

Бай Хунъюй указала на черную запятую в руке Юнь Шань.

— Вот эта, — сказала она. — «Пчеломатка». В теории, если ее удастся снова соединить с тектосами, то их разрушение можно будет остановить.

— В теории? — нахмурился Го Юань.

— Ну да. Сейчас у нас нет ничего, кроме теории, — ответила Бай Хунъюй.

— Ладно, — Го Юань взглянул на Ван Хайчэна, а затем поднял голову и перевел взгляд на плавающую над полом группу тектосов. — Что надо делать?

— Связь между «Пчеломаткой» и тектосами — это эффект ближнего поля, самый безопасный способ соединения — это контакт. Если вы найдете способ поместить ее в центр этих тектосов… — затараторила Бай Хунъюй. — Но теперь…

— Слишком поздно, — сказал Ван Хайчэн, — барьер из законов физики уже в безопасности.

— Рот закрыл! — Го Юань снова применил свой секретный прием, и противник чуть не потерял сознание от боли.

Агент посмотрел на ударные волны, хлещущие из тектосов: любая материя, соприкасавшаяся с ней, превращалась в ничто, то ли распылялась на микроскопические частицы, то ли переходила в состояние темной материи. Хотя сила ударных волн была яростной и неистовой, вытягиваясь

вверх, они становились тонкими, как шелковые нити. Из этих «нитей» была соткана дверь перед ним.

Реальная Вселенная хлынет в Солнечную систему через эту тонкую маленькую дверь, открывая всему миру истину, спрятанную в течение сотен миллионов лет под оболочкой. Она сбросит маскировочный покров, искаженный для того, чтобы приспособиться к внешнему миру, уронит его на глазах всего человечества, и то либо испугается, либо встревожится, но ему придется приложить все усилия, чтобы скрыть и похоронить свое истинное лицо.

Эта дверь, уже сломанная и прорванная, вот-вот должна была рухнуть, вот-вот должна была уничтожить город.

При этом приблизиться, потрогать и отремонтировать ее было невозможно. Любую оказавшуюся рядом материю в одно мгновение поглотит тончайший поток света, полностью стирая ее из этого мира.

— Под контактом ты имеешь в виду, что нужно забросить туда эту черную фиговину? — спросил Го Юань, указывая на тектосы.

Они разрослись в странную геометрическую фигуру, занимавшую два-три кубических метра.

При ближайшем рассмотрении казалось, что странные пересечения и наложения будто вырастали из ночного кошмара, из ниоткуда в никуда, без начала и конца. Если аномальный рост этой структуры обусловлен утратой центрального ядра, то как можно вернуть его обратно, как все исправить?

Поток начал сливаться вниз. Возможно, это было как-то связано со структурой пространства, возможно, он не имел намерений отправиться к центру Земли и потому всегда бил вверх, но теперь оранжевый свет начал медленно извергаться вниз.

— Я не знаю, — покачала головой Бай Хунъюй, — я тоже не пробовала, и никто не видел эту штуку своими глазами.

— Это невозможно сделать, — сказал Ван Хайчэн в сторону, — даже если вы сможете найти место, вам не уклониться от ударной волны.

— Ну да, ты прав! — Го Юань оттолкнул Ван Хайчэна ногой, и ударная волна прошла ровно через то место, где тот только что лежал. Земля треснула, оставив глубокую расщелину.

Времени не оставалось, они оказались на дне огромной ямы, из которой некуда было бежать. Если тектос расчертит еще парочку прорех, даже

если город не канет в небытие, то сами они окажутся погребены под землей.

Го Юань вздохнул и прокричал:

— Девочка, на тебя вся надежда!

Юнь Шань посмотрела на нечто, похожее на живое существо с бесчисленными щупальцами, успев увернуться от ударной волны:

— Что сделать?

К этому времени конструкция из тектосов стала похожа на попкорн — на черной скорлупе вздувались и лопались бесчисленные трещины, сквозь которые проглядывало, а затем вырывалось наружу ослепительное, и если бы вся материя не разрушалась при встрече с ним, то красочный поток был бы сказочно прекрасен — как слияние черных дыр, взрыв сверхновой, мерцание звезд. Эта красота не принадлежала человеческому миру и исходила из огромной, жестокой Вселенной.

— Отдай, — Го Юань протянул руку, и Юнь Шань с недоверием передала ему «Пчеломатку».

Он думал, что сможет найти определенный центр в этой конструкции тектосов, место, где собирается фонтанирующий поток, но никак не мог его разглядеть. Взвесил «Пчеломатку» на ладони, прикидывая, как бы забросить ее внутрь конструкции. Но есть ли сейчас у этих штук в

разодранных черных оболочках с гуляющим сказочным светом внутри физическое тело? Или это тело небытия, через которое «Пчеломатка» просто пролетит, не встретив препятствий?

В мгновение ока тектосы вспыхнули еще ярче, а нисходящий поток стал еще интенсивнее.

— Дай мне опору, — сказал Го Юань.

Не было времени объяснять. Он стремительно бросился к Юнь Шань. Та оглянулась и поняла, что он имел в виду. Не было времени возражать, и не было времени сказать что-либо еще, она скрестила руки, подставила правую ногу под прыгнувшего Го Юаня и отбросила его назад. За ними когда-то находилась легированная стена складской кабины. Когда случился выброс второй волны, стену разрезало на уровне груди, оставив глубокий шрам, и сейчас на нее можно было опереться. Го Юань наступил на нее, а затем развернулся и всем телом врезался в бок конструкции, которая зависла уже почти в трех метрах над землей.

Словно почуяв приближение «Пчеломатки», извергающиеся волны одна за другой устремились к Го Юаню, мгновенно поглотив его.

Го Юань не слышал криков внизу и даже не чувствовал света ударной волны, только стал лег-

че, и теперь ему было не так трудно дышать. Цвет черного камешка в его руке изменился, прежняя оболочка внезапно исчезла, обнажив начинку. Внутри оказалась не пустота, а неописуемо сложная мягкая штука с закрученными спиралью канальцами, слегка пульсирующая в ладони, дышащая в унисон со всей конструкцией.

Он обнаружил, что вся Земля исчезла, и все, что было под подошвами его ног, — Ван Хайчэн, Бай Хунъюй, Юнь Шань — исчезло вместе с ней. Только он сам и конструкция висели посреди черного звездного неба. Исчезло даже Солнце.

Исчезла и разветвленная оболочка слившихся тектосов. Осталась только длинная башня со звездами и огоньками. Корпус башни светился крошечными разноцветными точками, которые тут же трансформировались в простые геометрические фигуры, разрастаясь, подобно фракталам, бесконечно пересекаясь и расширяясь, как интегральные схемы под микроскопом.

Нет, не так. Он поднял голову и проследил взглядом за башней по всей ее протяженности. Звездное небо вовсе не было черным. Солнце исчезло, но небосвод усыпали незнакомые светила, и небо, звезд в котором стало больше, чем он когда-либо видел, в несколько или даже в де-

сятки раз, заслоняло горизонт. Когда-то Го Юань наблюдал Млечный Путь, невероятно яркий в разреженном воздухе Западно-Сычуаньского плато, но по сравнению с этим о нем вообще и упоминать не стоило. Удивительно яркие звезды перед ним казались искусственными, рукотворными, как лампочки, прикрепленные к детской колыбели, закрывающие небо и Солнце, бесконечные.

Го Юань понял, что все его тело перешло в темное состояние материи и провалилось внутрь сооружения из тектосов. Он ощущал только легкость, как будто все, что подавляло десятилетиями, наконец-то оставило его вместе с материальной Землей, и он наконец больше не имеет к нему никакого отношения.

Он уже понял свое предназначение: вся Земля, вся Солнечная система и даже вся материя, на которую они опирались, стали далеки, невидимы и неприкасаемы, отрезали от него все физическое воздействие. Обладая скудными познаниями в области физики, он понимал только то, что находится в пустоте, что потерял воздух, потерял поддержку электромагнитной силы и его тело вскоре рассеется, затерявшись в этом пространстве, оставив после себя лишь маленький и

слабый гравитационный эффект.

Но Го Юань не чувствовал ни капли паники или беспокойства. Он никогда даже не думал, что, когда действительно встретится со смертью, его сердце будет исполнено покоем, которого он никогда не знал раньше, — абсолютным удовлетворением.

То, как жить, важнее самой жизни. Он умрет как герой, прежде чем его поглотит бездна собственной души, прежде чем он станет демоном, умрет именно так, как изначально мечтал. Но это лишь малая часть причины, по которой Го Юань был доволен. Самая главное состояло в том, что он обрел свободу, свободу, которой раньше у него никогда не было.

Оковы, все оковы — человеческие, социальные, духовные, физические, электромагнитные, слабое взаимодействие, — все исчезло. Он был первым и единственным человеком в этом мире, который увидел истину о Вселенной. Вселенная выложила Го Юаню в лицо всю правду, что скрывалась в течение сотен миллионов лет. В свои последние мгновения Го Юань больше не нуждался в маскировке.

Хотя такая свобода и длилась всего мгновение, ему было достаточно. В этот момент, преодолевая

барьер законов физики, он обладал величайшей свободой, которой человечество никогда не имело.

В этот миг он увидел истинный облик тектосов, увидел, где в их окончательной структуре должна находиться «Пчеломатка». Тончайшие потоки света оставляли отверстие чуть ниже центра структуры, они огибали его, прерывались, рассеивались, а затем извергались.

Очертания тела Го Юаня начали расплываться. Он полностью расслабился и наконец-то осознал свое место в жизни. Это больше не ответственность, а его свобода, его выбор, его судьба. Воспользовавшись инерцией последнего прыжка с материальной Земли, Го Юань подплыл ближе, с трудом удерживая пульсирующую, словно сердце, «Пчеломатку», и отправил ее внутрь…

Гигантская черная башня простиралась на сто семьдесят три метра под землю и более чем четыреста метров над ней. Она походила и на башню, и на столб, и на антенну одновременно.

Дуаньму Хуэй забрался в вертолет и медленно спустился на дно огромной глубокой ямы, служившей теперь фундаментом черному гиганту. К этому времени Юнь Шань уже встала, поддерживая Бай Хунъюй. До того она успела надеть

наручники на Ван Хайчэна. Тот не сопротивлялся. Он застыл в искреннем оцепенении, задрав голову, и смотрел то ли на черную конструкцию, то ли в небо. Дуаньму Хуэй спросил о местонахождении Го Юаня, но никто не смог ему ответить.

Пропал без вести в ходе операции. Это была последняя запись в его досье.

Казалось, ничего не произошло, ничего больше не светилось, материя больше не падала в низкоэнергетическое состояние, не выделялась энергия, не излучался свет, все аномалии бесследно исчезли вместе с Го Юанем. Но они знали, что теперь на эту маленькую Солнечную систему незаметно несется цунами из бесконечной Вселенной. Наша галактика подобна мелководному рифу, где могут плавать только сампаны и каноэ, а за ее пределами, ограниченная великой силой, ожидала волна высотой в тысячу метров. Сегодня барьер окончательно исчез, и прилив хлынул внутрь. Люди поймут, насколько бессильны и хрупки сампаны и каноэ под мощью цунами, многих поглотят бушующие волны, не оставив даже костей, и на этих волнах в эту некогда неприступную отмель приплывут огромные военные корабли, стальные линкоры и авианосцы.

Скорость света, постоянная Планка, четыре

основные силы, вся лежащая в основе этого мира логика менялась. Человеческая цивилизация, покидающая ясли, скоро столкнется лицом к лицу с этой реальной Вселенной и вызовами из самых низов физики.

Как и опасался «Светлячок» Ван Хайчэна, цунами фундаментальных законов обязательно повлечет множество катастроф цивилизационного уровня. Нынешняя наука, техника и инженерия, все, что мы накопили за тысячи лет, рухнет, и степень разрушения может быть такой огромной, какой Ван Хайчэн и Бай Хунъюй и представить себе не могли.

Человечество неизбежно израсходует все свои силы.

Самое главное, что мы встретимся с гостями из звездных туманностей на расстоянии тысячи световых лет и владельцами облака Дайсона на расстоянии девяти тысяч световых лет, а еще сможем приветствовать неизбежное пришествие Конструктора. Смогут ли люди к тому времени иметь возможность заявить о себе перед этой трансцендентной сущностью?

Но всегда найдутся те, кто алчно и самоуверенно будет неизменно выбирать надежду. Надежду, что мы сможем выжить, преодолев яростные

волны цунами законов физики, а затем научимся строить гигантские корабли и, наконец, сможем отправиться к звездам. Вместо того чтобы родиться в детской и в ней же умереть.

Расстояние в тысячу четыреста световых лет все еще составляло тысячу четыреста световых лет, но вместе с тем уже нет. Волна законов хлынула, затопив огромное пространство, скорость света возросла, четыре основные силы и космологическая постоянная изменились, пространство все еще существовало, но законы времени и пространства были уже не те, и расстояние, на преодоление которого требовалось сотни миллиардов лет, оказалось в пределах досягаемости. На Ван Хайчэна надели наручники, но он пребывал в оцепенении, как будто его не волновала собственная судьба. Он смотрел на башню, уходящую вверх, вплоть до ночного небосвода. На другой стороне гигантской ямы стояла Бай Хунъюй, точно так же подняв голову и глядя в глубины того же самого неба.

— Ну что ж, пойдем навстречу звездам, — тихонько сказала она себе под нос.

Глава нулевая

Со дня запуска «Вояджера-1» до 2025 года прошло сорок восемь лет.

Если бы кто-то был на этом зонде, ему было бы уже трудно невооруженным глазом отличить Солнце от других звезд.

В 1977 году нашей эры, когда он стартовал, люди были далеки от того, чтобы самостоятельно разогнать космический корабль до третьей космической скорости.

Иными словами, на том уровне развития науки и техники было невозможно отправить летательный аппарат за пределы Солнечной системы.

В 1977 году прошло менее ста лет с момента изобретения самолета и менее двадцати с момента успешного запуска первого искусственного спутника Земли, и нам оставалось меньше десяти лет до того, как мы сможем запустить летательный аппарат с околоземной орбиты.

Но это было удивительное время. Мы выбирали полет на Луну не потому, что это было легко, а потому что сложно. Одной Земли было мало, одного Солнца было мало, мы хотели большего, хотели

шагнуть в звездное небо. Мы фантазировали, как бомбы упадут на Луну, как ракеты полетят к Венере, мечтали стоять на Марсе плечом к щупальцу с пришельцами, похожими на осьминогов.

Человечеству никогда не будет достаточно одного мира. Мы здесь из-за мечтаний и из-за жадности.

В 1977 году Джордж Лукас снял «Звездные войны». В то время люди мечтали о возможности свободно перемещаться в бесконечном космосе и колонизировать тысячи планет. К 1977 году человечество уже отправило на Луну более десятка астронавтов. Но большинство людей на самом деле не понимали, насколько ничтожна сила человека перед лицом безграничной Вселенной — если самая мощная ракета «Геркулес-3» отправится к Нептуну, на это уйдет тридцать лет. Покинуть Солнечную систему — недостижимая мечта.

Возможно, до конца цивилизации люди так и не смогут из нее вырваться.

В то время недовольные любили говорить: «Люди уже на Луне высадились, а до сих пор...» Казалось, высадка на Луну должна была стать последним шагом человеческой цивилизации для решения всех проблем. До этого момента

уже давно должны были построить коммунизм, установить мир во всем мире, должны были исчезнуть болезни, а ученые — открыть секрет вечной жизни…

Почти никто на Земле не имел представления о необъятности Вселенной, думая, что человечество находится всего в одном шаге от Галактической империи из «Звездных войн».

Но астрономы и специалисты по ракетостроению понимали, что не могут отправить достаточно большое искусственное тело даже за пределы Солнечной системы — а само Солнце просто слишком мало, чтобы упоминать его в ряду космических небесных тел.

Однако 1960-е и 1970-е годы, казалось, были благословлены богами. В 1965 году, когда эксперт по орбитальному анализу Гэри Флэндроу провел фундаментальное исследование осуществимости миссии к Юпитеру, он обнаружил, что двенадцать лет спустя несколько крупных планет в Солнечной системе войдут в редкое расположение.

Но речь шла вовсе не о параде из девяти планет в преддверии Апокалипсиса. Это редкое расположение для обычных людей не несло никакого смысла, зато имело огромное значение для межпланетных летательных аппаратов — это была

гравитационная суперрогатка, которая вновь появится в Солнечной системе только через сто семьдесят шесть лет.

В обычное время людям потребуются сотни лет, чтобы покинуть зону притяжения Солнца на своих самых мощных летательных аппаратах. Но с помощью гравитационной рогатки, которая образуется раз в двести лет, зонду потребуется всего девять, чтобы пролететь мимо всех больших планет Солнечной системы! Каждый раз, минуя планету, летательный аппарат сможет увеличить скорость и быстрее долететь до следующей.

Единственный шанс за сто семьдесят шесть лет! И это всего через двадцать после того, как человечество запустило первый спутник!

Двенадцатилетний период — с 1965 по 1977 год — не то чтобы долгий, но и не короткий. Его хватило для того, чтобы ученые тщательно подготовились и успели поставить научную цель. Возможность была слишком хороша, чтобы от нее отказаться.

Трудно сказать, с какой радостью и волнением они встретили этот шанс. Все равно что найти последнюю спичку, выживая в дикой природе.

И потому они сделали две резервные копии.

В это время план высадки на Луну, который

стартовал в 1961 году, находился на самом напряженном этапе.

Решив отправиться туда, ученые одновременно готовились отправить два летательных аппарата за пределы Солнечной системы. Да, люди именно такие жадные. Никто не мог гарантировать, что любой из этих двух великих проектов увенчается успехом, но никто и не решился отказаться от одного в пользу другого.

20 августа и 5 сентября 1977 года один за другим были запущены два зонда, названные в честь «Вояджера», одного из флагманов «Стартрека».

«Вояджер-1» и «Вояджер-2».

Когда они отправились в путь, ученые полагали, что, возможно, в течение ста лет человечество больше не сможет вызволить ни одного большого космического корабля из гравитационного рабства Солнца.

И потому получилось долгое и грустное прощание.

В оба зонда поместили специальную позолоченную пластинку «Голоса Земли». На ней записали аудиовизуальную информацию о человечестве: приветствие «космическим существам» на шестидесяти языках, тридцать пять звуков природы, двадцать семь известных классических

произведений, сто пятнадцать фотокадров.

Вероятность того, что эта пластинка окажется полезной, была ничтожной, а учитывая малые размеры зондов и необъятность межзвездного пространства, шанс на то, что ее воспроизведут другие цивилизации, бесконечно приближался к нулю.

Так что эта запись больше походила на романтический взмах платочком, когда аппарат прощался с людьми. По мере того как он будет улетать все дальше и дальше от Солнца, люди будут думать об этой записи и махать ему на прощание.

Сорок восемь лет спустя «Вояджер-1» наконец разорвал оболочку из пустоты, окутывавшую Солнечную систему. Различные космические законы за пределами Солнечной системы разрушили его ядерную энергетическую батарею. Плутониевая, она проработала сорок восемь лет и расплавилась из-за перемен в сильном взаимодействии. Перегрузка тока мгновенно сожгла последние оставшиеся приборы, и оборудование связи мгновенно замолчало, оставив только тело, по инерции летящее вперед. Его скорость будет постепенно замедляться под действием слабой гравитации Солнечной системы, пока однажды

путешествие не подойдет к концу.

Разорванная пустотная оболочка начала выполнять свою последнюю миссию: специальный сигнал эхом разнесся по Солнечной системе. Он был записан в диапазоне излучения черного тела температурой 60 К, и это гарантировало, что никакой другой электромагнитный сигнал в другом диапазоне не создаст ему помех. Неизвестно, как долго он готовился. Возможно, был впечатан в самый момент рождения Солнца.

Это последнее эхо от полета «Вояджера-1» в звездное пространство.

В то время Ван Хайчэн и Бай Хунъюй как раз вышли из машины в округе Пинтан провинции Гуйчжоу, глядя на огромную зеркальную поверхность площадью двести пятьдесят тысяч квадратных метров в горной долине, готовые начать свое собственное паломничество.

Послесловие

Замысел этого романа созрел в середине 2016 года. В тот момент я только вернулся в Сычуань, в разлуке с которой прожил более десяти лет, и остепенился. С моей последней книги прошло восемь лет, и шестнадцать — с тех пор, как я впервые начал писать вообще.

В некотором смысле его можно рассматривать как «дебют».

Я уже пережил возраст, когда Конфуций встал на ноги, и тем друзьям, с которыми познакомился в университете, когда впервые решил стать писателем, неважно, авторам или читателям, уже за тридцать, как и мне. Хотя я сам пошел в более перспективную Интернет-индустрию сразу после окончания аспирантуры, наверное, потому что мой вуз был неплохим, многие мои одногруппники и друзья все же стали научными работниками — то есть учеными, главными героями моих научно-фантастических книг.

Они стали прототипами многих персонажей. Например, прообраз Ван Хайчэна — Ван Ян, преподаватель Института астрофизики Универ-

ситета Сунь Ятсена. Однако история с покупкой квартиры случилась не с ним, это рассказ другого моего сокурсника. Не знаю, помните ли вы, что в романе был доктор Чэнь Хуа, который отказался от собеседования в Университете Цинхуа из-за высоких цен на жилье рядом с кампусом. Это настоящее выступление господина Чэня. Теперь он занимает должность старшим преподавателем на кафедре теоретической физики в Университете штата Колорадо. Желаю ему скорейшего получения tenure[64].

Окруженный таким табуном молодых ученых, с которыми можно болтать дни напролет, я обнаружил, что ученые из романов, которые я писал раньше, и ученые из научно-фантастических романов, написанных другими нашими авторами, совершенно не похожи на своих живых прототипов.

В романе упоминается термин: сферический петух в вакууме. Ужасно люблю эту шутку. Если вы о ней не слышали, тогда я с радостью расскажу ее снова. Дело вот в чем.

На ферме заболел петух. Хозяин фермы забеспокоился и пригласил биолога, химика и физика

---

[64] Сноски: 64

Постоянная работа преподавателем или профессором в университете, с которой не могут уволить.

посмотреть, что можно сделать.

Первым пошел самый профильный — биолог. Он осмотрел петуха, покачал головой и сказал: «Извините, я вообще не знаю, что делать».

Затем пришел химик. Он провел несколько тестов и замеров, но в конце концов так и не выяснил причину недомогания.

Физик просто постоял там, глядя на петуха какое-то время, и даже не трогал его, затем достал блокнот и начал писать. Наконец, проведя несколько сложных вычислений, сказал: «Вопрос решен! Есть только одна маленькая, прямо-таки мизерная проблема».

Фермер удивленно спросил: «Какая?»

«Решение применимо только к сферическому петуху в вакууме».

Сферический петух в вакууме — это, вероятно, самый частый образ ученого в научной фантастике. Им не нужно заниматься ничем, кроме науки, им ничего не нужно делать, у них нет никаких забот и никаких желаний и потребностей, кроме науки. Не только романы, но и различные биографии ученых, которые я читал с детства, укрепили этот образ.

Мой друг в шутку назвал «Звезды» «историей о том, как учителя Вана бросила девушка,

в которую он был влюблен, потому что он не мог позволить себе квартиру, и тогда он решил стать подающим надежды террористом». Судя по названию, весьма многообещающий легкий роман. В этой шутке кроется моя изначальная мотивация написать роман: это история о покупке квартиры.

Такая причина на самом деле не научно-фантастическая, и она не имеет ничего общего с жизнью ученого, которую я представлял себе раньше. Но, узнав поближе молодых исследователей, я внезапно осознал: да, ученые тоже должны жить своей жизнью.

Вдохновленный запутанными историями, рассказанными этими людьми науки и моими друзьями, я начал писать такой роман. Историю гения, который открыл самый удивительный секрет в истории человечества, но разрушил собственную жизнь, историю сферического петуха в вакууме, который спустился с небес на землю.

Это было довольно сложно, особенно когда дело дошло до того, как разрушить себе жизнь. К счастью, многолетний опыт работы обеспечил меня примерами такого рода.

Все-таки скажу еще о научной фантастике.

Научно-фантастическая конфигурация «Звезд»

очень сложна, но у меня есть упрощенная версия: думайте об этом как об истории маленького цыпленка, который проклюнул скорлупу и увидел мир за пределами яйца. Другими словами, это история о мечтах и мужестве.

Я не знаю почему, но кажется, в последние несколько лет научно-фантастические романы, как наши, так и зарубежные, становятся все более и более замкнутыми, полными идей вроде «внешний мир очень опасен, всем нужны мои яйца» или «да что там есть вовне, давайте возьмем микроскопчик с увеличением в миллион раз и хорошенько покопаемся в проблемах внутреннего мира».

Нельзя сказать, что я против таких идей, но когда дело доходит до научной фантастики, первое, что приходит мне на ум, это всегда храбрость и мечты, которые приносили старые романы.

Первый такой роман — «Моя цель — звезды», от которого и произошло название моей собственной книги. Когда Гулливер Фойл с израненной душой нашел свое спасение и положил жизнь на то, чтобы научить мир космическому джонтированию, он сказал: «Мое имя — Гулливер Фойл, моя родина — Земля, мое жилище — глубокий космос, моя цель — звезды».

Затем идет «Дверь в лето». Есть так много дверей, некоторые ведут в зиму, некоторые — к лужам, трясинам и холодным ветрам, но всегда есть дверь, ведущая в теплую, сверкающую золотом середину лета. «Он никогда не переставал искать дверь в лето». «Я попробовал войти в каждую дверь, всегда думая, что следующей определенно будет Дверь в лето».

Есть еще «Конец детства», где человечество подходит к концу как раса, и при этом как у цивилизации у нее по-прежнему остается планета.

The list can go on and on.[65] Я так еще долго могу…

К сожалению, мне трудно найти подобные штрихи в моих последних книгах. Такие отчаянные, как «Вояджер» и «Лунный проект», в которых полно человеческих заблуждений, жадности и амбиций, книги про сияющие и завораживающие мечты почти перестали выходить, они больше не выстреливают, как и ракеты для высадки на Луну.

Поэтому я решил написать роман о том, что «мы все живем в канаве, но некоторые люди все еще смотрят на звезды».

---

[65] Сноски: 65
Список может длиться и длиться…

Так в противоположность незадачливому учителю Ван Хайчэну появился человек, которого я безгранично любил и ниспосылал ему всяческое счастье: Бай Хунъюй.

Она воплощает в себе слишком много моих личных интересов, в том числе мои фантазии второклассника, страсть везде и всегда выдумывать всякую ерунду, но при этом в критический момент неизменно находить реальность.

Ши Тешэн как-то написал статью «Проект удачи», в которой несколько бессвязно поведал о том, какой будет «идеальная» жизнь, если ее спроектировать. Так что Бай Хунъюй — это мой проект удачи.

В романе слишком много произведений и людей, которых нужно поблагодарить или воздать должное.

Во-первых, необходимо упомянуть о «Моисее». Это отличная фантастическая идея: материя колеблется взад-вперед под влиянием разных космологических постоянных и законов, высвобождая энергию, как вечный двигатель, в то же время сближая два разных космических закона. Эта идея взята из книги Азимова «Сами боги», которая тоже относится к старой научной фантастике, полной мечтаний о золотом веке.

А еще «Хрустальное небо». Идея о том, что цивилизация должна разработать свой собственный космический корабль, чтобы пробить яичную скорлупу Солнечной системы изнутри, взята как раз из этого изящного рассказа Дэвида Брина.

Когда моя жена, госпожа Янси, читала первый черновик, она все спрашивала: «О чем, говоришь, этот твой роман?» Она продолжала ворчать, пока я не перекроил второй вариант до неузнаваемости — изменил почти все, кроме конфигурации тектосов, и только тогда она сказала «Вот теперь очень хорошо».

Учитель Ван Ян и учитель Чэнь Хуа, два чертовых физика, заставили меня несколько раз менять содержание, связанное с теорией. В конце концов, поскольку я действительно не мог понять, о чем они говорили, то решил просто сделать так, как они хотят. Я наугад процитирую абзац из их писем для читателей: «Нейтральный водород в основном становится ионизированным водородом (область HII, соответствующая области HI нейтрального водорода), когда он облучается в области, близкой к звезде. Ионизированный водород будет иметь тормозное излучение, представляющее собой непрерывный радиоспектр, который эквивалентен фону. Слож-

ный радиоспектр можно наблюдать в области перехода с нейтральным водородом за счет рекомбинации…»

Вот я и решил — да будет так…

Спасибо адвокату Су Уван, пожелавшей остаться неназванной, за профессиональную юридическую консультацию, которая, к счастью, не позволила переписать сюжет.

Роман был дописан в 2017 году. Через год после завершения рукописи, в 2018 году, я увидел новостную статью «„Небесному глазу Китая“ трудно найти исследователя на годовую зарплату в сто тысяч юаней». Научно-исследовательский персонал FAST с годовой зарплатой в сто тысяч юаней и ежемесячной зарплатой в восемь. Я пребывал в смешанных чувствах и не знал, что сказать.

То, о чем я хотел бы поболтать с миром, вошло в текст этого романа. Так же, как и запуск «Вояджера-1», завершена и моя книга. Осталось только поблагодарить вас за чтение.

Наконец, спасибо вам за то, что вы ее прочитали. Если вы смогли получить от текста хоть немного научно-фантастической радости, я буду чрезвычайно польщен.